

КРИМ • КЪЫРЫМ

КРЫМ

3-4

[47-48] 2017

Литературно-художественный журнал

Союз писателей Республики Крым
Академия наук и искусств Исаила Гаспринского
Центр современного художественного перевода "Таврида"
Издательство "Доля"

Главный редактор
Валерий Басыров
vbasyrov@mail.ru

Редактор
Ольга Прилуцкая
primula2008@mail.ru

Ответственность за соблюдение
авторского права несут авторы публикаций.

Литературно-художественный журнал «КРЫМ»
3-4 [47-48] 2017

ISBN 978-5-9908730-8-7

18+

© Валерий Басыров, 2017 г.

КРЫМ 3-4.2017

СЕРГЕЙ БОГАЧЁВ

(г. Москва)

Сергей Богачёв — доктор экономических наук, политик, историк, прозаик. Автор 207 научных работ, 9 монографий, в том числе 2 личных, 5 учебников, серии книг исторических и политических детективов: «Богдан Хмельницкий: искушение», «Графские наследники», «Газовый контракт», «Ударная волна», «Мизер с тузами», «Переход», «Переплёт», «Проклятие Митридата», «Донецкие повести».

СУДЬБА

(Из книги «Донецкие повести»)

От автора (вместо предисловия):

В истории Донецкого края и Донецка довольно глубокий след оставили сербы.

Алексей Рутыч, выходец из сербских дворян, по указанию канцлера князя Безбородко стал именоваться как Рутченко. За служебные заслуги уездный Бахмутский судья Алексей Рутченко к 1817 году получил обширные земли в г. Донецке на правом берегу Кальмиуса. Но после Октябрьской революции 1917 года династия Рутченко почти полностью эмигрировала за границу. А после 2000 года следы последних потомков этой семьи затерялись.

* * *

Поднятый воротник шинели не спасал от холода. Это был первый удар осени по Крыму — пронизывающий, порывистый ветер, уносящий опавшую листву. В предгорье он не такой, как в Ялте. Он может быть колючим и резким.

Тимка задерживался, и это тревожило поручика Рутченко. Он послал его за продуктами в лавку, снабдил деньгами, просил купить хлеба и, если получится, колбасы.

— Конечно, Ваше благородие, обернусь как конёк-горбунок! — Тимка умчался, накинув гражданское пальто, которое они с трудом добыли.

— Господин вольноопределяющийся! Отставить этикет! Так тебя сразу рассекретят, и — пиши пропало...

— Есть, Николай Алексеевич, в смысле да, — ответил Тимка.

Юнкер Тимофей Белый, восемнадцати лет отроду, в своём Одесском военном училище в строю стоял всегда последним в силу малого роста и никак внешним видом не соответствовал возрасту — безусый юнец с девичьей кожей. Возможно, именно это и спасло его, когда в восемнадцатом они с однокурсниками по приказу полковника Кислова уходили из здания училища на Итальянском бульваре, просачиваясь по одному сквозь посты и охранение красных. Тимка, переодевшись в гражданское, на вопрос: «Стой, пароль?!», недолго думая, ответил: «Та шо ви шумите, дядя? Папироцка не найдётся с барского плеча?», за что чуть не получил от красноармейца прикладом в спину: «Я те дам, с барского плеча! Иди отсюда, шантропа!».

Вышли тогда не все, но те, которым подфартило, добрались до Ростова, где через некоторое время вступили в Первую отдельную бригаду Русских добровольцев генерал-майора Михаила Дроздовского. У Тимки был только один шанс продолжить военную карьеру — статус вольноопределяющегося. Училище он не успел закончить, но оружием и телеграфным аппаратом владел уже уверенно. Там Тимофей Белый, служивший телеграфистом при штабе, и сдружился с поручиком Николаем Алексеевичем Рутченко, даже несмотря на то, что тот был много старше. А потом поручик вытащил его, контуженного, из Перекопского рва. Вместе отступали, и теперь вместе оказались в Симферополе.

В шинели с отпоротыми красными погонами и трёхцветным шевроном Дроздовского полка Николай Рутченко всё равно обращал на себя внимание выправкой, причёской и аккуратно подстриженными усами. Явный типаж военного, и что сразу бросалось в глаза — белогвардейского. Тимка рыскал по барахолкам в поисках гражданской одежды для своего старшего товарища, но пока всё было безуспешно: народ в Симферополе попрятался по комнатам и квартирам, двери старались не открывать и лишний раз свет не включали, чтобы не попасть на глаза ошалевшим от вседозволенности красноармейцам.

Третий день в городе царил анархия. Торговцы предпочли закрыть ставни, чтобы избежать ненужных неприятностей, случайными прохожими были исключительно уверенные в себе и своих силах мужчины, а дети и женщины, от греха подальше, сидели по домам.

Армия генерала Врангеля оставила Симферополь после прорыва Красной армии на Перекопе, который они обороняли больше полугода, и теперь главной заботой офицерского состава было попасть на те немногочисленные суда, которые стояли на рейдах Севастополя и Ялты, готовые для эвакуации. Поручик Рутченко принял для себя другое решение: судя по последнему письму, которое он получил от своей жены Наташи в Новочеркасске, они с сыном, с его сыном Николашей, уехали из Одессы и обосновались где-то здесь, в Симферополе.

Он безумно истосковался по семье. Мечтал подержать ручонки сына в своих ладонях, хотя, какие уж там «ручонки» — шесть годков парню стукнуло. Не видел давно их, не целовал и не обнимал.

Сколько той жизни прошло — тридцать семь лет всего. И в Петербурге, и в Харькове, везде Николай Рутченко был любимцем барышень. В своей родной Юзовке слыл богатым женихом, и родители уже присматривали ему партию. Его правильные черты лица, нос с классической римской горбинкой, густые брови и зелёные глаза заставляли вздыхать не только простых девок, но и состоятельных невест. Красотка София, младшая дочь Петра Карпова, владельца винокурни и имения Трудовское, места себе не находила, когда был шанс попасть в Юзовку на какой-нибудь светский раут, где мог оказаться Рутченко. Мучила папинуку, чтобы экипаж дал с извозчиком, наряды примеряла, ажурный зонтик с собой непременно брала — но всё тщетно. Николай Рутченко только учтиво улыбался и знаков внимания не проявлял.

Судьбу свою Николай Рутченко нашёл в поезде. Как и десятки раненых после боев под Ивангородом, он попал в санитарный поезд. Сестричка в чепце с красным крестом как-то особенно долго меняла ему повязки и обрабатывала раны. Не засмотреться на неё невозможно — отбоя не было от шутников и ловеласов, давно не видевших женской ласки на войне, но Наташа не давала повода. А через два года Николаша родился...

Стук в дверь отвлек Николая от мыслей о семье. Он подошёл к окошку, которое лишь верхней своей половиной возвышалось над тротуаром, и посмотрел в окна противоположного дома. Вокруг двери крутился Тимка.

Поручик поднялся по лестнице и открыл дверь, в которую быстро проскользнул юнкер.

— Разжился я, Ваше благородие...

— Да что ж такое!.. — Рутченко задвинул засов.

Тимка достал из-за отворота шинели свёрток, в котором была поляница, круг кровяной колбасы и две сушёные воблы.

— Пируем, живём до завтра! — Белый был явно в приподнятом состоянии духа.

— Ай, молодец! — Рутченко взял газету и застелил ею стол.

— Так это ж не всё, Николай Алексеевич... — Тимофей достал из-за спины браунинг и положил его на газету. — А что? Пригодится. Выбросить успеем.

— Где раздобыл? — в голосе Николая Алексеевича чувствовалась тревога.

— Отбил нападение Красной Армии. В количестве одного человека. Одежда моя ему приглянулась. А там же денюжки, да и свежо на улице...

— Видели, куда ты пошёл?

— Да нет. Тому уже смотреть не придётся.

Поручик взял пистолет и проверил обойму. Все патроны, кроме одного, были на месте. Это был Browning M 1903 калибра 9 миллиметров. Знакомая тяжесть в руке, длинный ствол...

— Из него и приговорил? — спросил Рутченко.

— Ага... — Белый ответил так обыденно, как будто телеграфисту на войне приходилось каждый день убивать людей.

Если выстрелить точно, то противник нейтрализован, а если всадить все семь патронов, то гарантировано убит. С этим бельгийским пистолетом Николай Рутченко был очень хорошо знаком, как и с тем фактом, что после семи попаданий в упор жертва не выживает.

Такой же пистолет фигурировал как вещественное доказательство на суде по делу об убийстве героя Русско-Японской войны штабс-капитана Павла Македонского. Бравый капитан, вернувшийся с войны весь в орденах и лучах славы, очень быстро понял, что у него нет средств к существованию, залез в долги — брал займы, чтобы отдать, и всё это закончилось прескверным образом. В очередной раз прибыв к своему родственнику-кредитору, помещику Смекалову, он не сдержался и на обвинения в непорядочности ответил решительными действиями в духе воина, дважды выходившего из осаждённой крепости — штабс-капитан сжёг его дом.

Уличённый в преступлении, Македонский стал метаться в поисках выхода и подался к тётце, которая ему в кредите тоже отказала. В этот раз загнанный поручик применил оружие. Два трупа и предстоящий суд не оставляли ему шансов на дальнейшую жизнь вне каторги. Павел Македонский даже в некоторой степени стал со временем свыкаться с этой мыслью.

Размеренность его существования в Бахмутской тюрьме нарушила сообщение, что его вызывают на свидание. Последнее, что штабс-капитан Павел Македонский увидел в своей жизни — Николай Рутченко, стоящий в дверном проёме с пистолетом в правой руке. Все семь патронов разрядил тогда Николай в кровного врага — одной из жертв Македонского была его мать.

Мститель поменялся с убийцей местами. Теперь Рутченко сидел в камере в ожидании приговора. На суде все обстоятельства рассматривались детально и с пристрастием. Николай давал чёткие и отрывистые ответы, без лишних эмоций и надрыва. Факта совершённого он не отрицал, как и мотив, по которому действовал. Два дела объединили в одно, и присяжные выносили вердикт, исходя из всех известных обстоятельств. Решающими оказались показания пристава, который выхватил у него разряжённый в жертву пистолет. «На мой вопрос, зачем он так поступил, Рутченко ответил, что отомстил за мать», — пояснил полицейский.

После оглашения приговора местная пресса взорвалась восхищёнными статьями о том, что справедливость восторжествовала, и есть Бог на свете. Рутченко отпустили...

— Может, и пригодится, — поручик положил пистолет на дальний край стола, и стал молча резать кровяную колбасу, которую принёс Тимофей.

И без того скверное настроение окончательно испортилось из-за воспоминаний о покойной маме и подонке Македонском. Тимка приступил к ужину, запивая еду водой из алюминиевой кружки.

— Там ещё вот, такое нашёл... — Белый достал листовку, аккуратно сложенную четверо, и прочёл вслух: «Командование Красной Армии предлагает всем офицерам, солдатам и вольнонаёмным Врангелевской армии, пожелавшим остаться в Советском Крыму, стать на путь исправления и сотрудничества и явиться на пункты регистрации для учёта и дальнейшего трудоустройства».

Поручик задумался на некоторое время, а потом, отпив воды, тихо сказал:
— Вот прямо представляю себе, как мы приходим туда, садимся за стол регистрироваться, а напротив сидит красноармеец, который разглядывал меня на Перекопе через окошко «максима». Только он теперь не с пулемётом, а с пером и чернилами.

Тимофей ухмыльнулся, тоже представив себе эту мизансцену в лицах:

— И нажать некуда... Вместо гашетки — перо... М-да-а...

— Никуда мы не пойдём, Тимофей. Согласен? У меня другие планы...

— Ну, а как же... Там брататься не с кем, да и не нравится мне здесь, я к морю привык, — ответил юноша.

— Скажи, а почему ты не пошёл на пароход?

— А я с французским не дружу с училища! Нечего мне там делать. В Одессу хочу, домой.

— Так если достанут нас, можешь и не добраться до дома, — справедливо заметил Рутченко.

— Бог не выдаст, свинья не съест, Николай Алексеевич... Так что вы там говорили, где вашу супругу искать?

— Да поздно уже... Завтра.

* * *

В распоряжении поручика был неказистый тулуп, кепка и старые брюки взамен форменных. В этой одежде Рутченко стал похож уже не на офицера, а на поизносившегося щёголя. Их целью был дом на Пушкинской, в числе последних. Так значилось на обратном адресе последнего письма от Наташи.

Проходя мимо здания под номером двадцать два, Рутченко натянул кепку пониже, чтобы скрыть лицо — два красноармейца, подставив стул, прибывали возле входа табличку: «Уездногородской ревком».

— Смотри, Тимка, жизнь налаживается, власть пришла... — Николай получил в ответ на свою реплику одобрительный взгляд человека с молотком и винтовкой, но истинный сарказм сказанного тому был неведом.

Маленький дворик, виноград, обвивший балконы двухэтажного здания, и клумбы с астрами создавали иллюзию благополучия. Здесь не было видно людей — жильцов, которые должны были озабоченно что-то делать или приглядывать за детьми, или торопиться домой, а возле голубятни никто не свистел и не поднимал в воздух ленивых белогрудых птиц шестом с флажком на конце.

Тимка осмотрелся и заметил на балконе среднего подъезда пожилую женщину, которая неспешно ретировалась, поймав на себе его взгляд.

— Квартира двенадцать, — поручик направился в подъезд, и там перепрыгивал через ступеньки в поисках нужной двери.

Звонок Николай крутил долго, стучал по коричневой поверхности двери в надежде, что откроют, но за ней была тишина. Рутченко, опершись кулаками о стенку, прислонился к ней и начал издавать звуки, напоминающие рычание и всхлипывание. Он плакал. Тимка видал всякое на войне и такое тоже. Плачут мужчины. Это случается. И ничего зазорного в этом нет.

— Николай Алексеевич, не нужно. Мы ж и не искали толком... Всё получится, увидите!

— Чего лупите? — из-за спины они услышали женский голос.

Через щель приоткрывшейся на длину цепочки двери было не видно, кто говорил, но голос этот был явно заинтересован в происходящем.

— Мы девушку с сыном ищем, её Натальей зовут, сына — Николай, и меня тоже Николаем зовут, — Рутченко взял себя в руки.

— А чего это я тебе должна рассказывать? Ту кто только не ходит...

Стало понятно, что голос принадлежал старухе. Скорее всего, именно той, что с балкона их видела.

— Бабушка, мы же не военные, видите, да и имя её знаю... Если знакомы, скажите — где они?

— Милок, а ты расскажи про неё: какая из себя, что носит, как дитёнок одет? — женщина осторожничала и вела разговор через дверную цепочку, стоя за углом так, чтобы её не было видно.

Николай в отчаянии мямл в руках кепку, не находясь, что ответить. Как описать несколькими словами самую красивую и любимую женщину на Земле?

— Я не знаю, во что они могут быть одеты. Скорее всего, скромно. Но обязательно опрятно. Наташа медсестрой была, это для неё обязательно. А мальчика я не видел уже несколько лет, и он же подросток... Но обязательно — на маму похож. Такой же красивый. Шесть лет ему уже.

— Ну, допустим, молодой человек. А может, и фамилию её скажешь? — старуха всё ещё не верила в его добрые намерения.

— Рутченко, Наталья Петровна Рутченко. А сын — Николай Николаевич.

— Неправильно, сынок. Иди, милый, откуда пришёл, нет здесь таких!

Дверь почти закрылась, но Николай успел подставить ногу и одновременно почти прокричал, чтобы старая разобрала его слова:

— Тогда Лашкарёва. Это девичья фамилия!

Возня за дверью указывала на то, что соседка снимает цепочку. Дверь открылась, и женщина, замотанная в пуховый платок, сквозь очки оценивающе посмотрела на Николая.

— Похож, да... Так она тебя и описывала. Теперь я Наташу понимаю, в такого можно влюбиться до беспамятства. А где вы познакомились? — женщина решила уже наверняка удостовериться в своей правоте.

— В санитарном поезде. Говорю же, она медсестрой служила! — ответил Рутченко.

— Да, похоже, это ты... — женщина стояла на пороге, заслоня собой вход в коридор.

— Так вы Наталью знаете? Она здесь живёт? — Николай уже терял терпение.

— Здесь, здесь... Только нету их. Уехали. В Бахчисарай за продуктами. Там у неё подруга живёт, обещала у татар мясо найти подешевле. Не жируют они, каждую копейку экономят. А Николашу она везде за собой водит, они не расстаются, так что, вместе и поехали. Он мужичок у же, помощник...

— А когда обещали вернуться?

— Завтра к вечеру можно ждать, а там — как получится, ты же видишь,

милок, что творится. Ключей у меня нет, так что не помогу, а были бы — не дала, пока Наталья не сказала бы. Так что не обессудь, завтра приходи. На словах что передать?

— Что люблю крепче прежнего! — поручик расцвел от счастья, и не было сомнения, что семья воссоединится.

— Передам, милок, передам... Иди с Богом и береги себя.

* * *

Уже и осенний день не казался мрачным, и все мысли о долгой разлуке и войне отошли на второй план, и будущее не представлялось таким беспросветным и серым. Главное — увидиться, обнять и поцеловать, а вместе они справятся с любыми бедами и проблемами, ведь теперь в семье опять будет отец — опора и надежда, теперь есть ради кого жить.

— Вы, Николай Алексеевич, прямо светитесь!

Тимофей искренне радовался за друга. Таким жизнерадостным он его никогда не видел — на войне не до острот и радости. Кровь и смерть делают людей чёрствыми и озлобленными, а если воин терпит поражение вместе со своей армией, то ко всему этому добавляются ещё разочарование, апатия и полное безысходности чувство вины.

— Похоже, мытарства мои к концу подходят, ты прав, Тимка. Ещё не знаю, как и где, но мы теперь заживём.

— Какие планы, не раздумывали над этим? — Белый прекрасно осознавал всю временность их ситуативного пребывания вместе — разные всё-таки они люди, и пути их должны были всё-таки разойтись.

— Думал, конечно. Домой податься? В Юзовку? Даже не знаю, что там от нашего имения осталось, живы ли мои? Помещики всё-таки. Красные вряд ли оставят их в покое, а тут я ещё со своим белогвардейским прошлым. Не знаю, Тимофей, не знаю... Придумаем что-нибудь, начнём новую жизнь. В эмиграцию не хочу, однозначно. Подохнуть среди чужих тебе людей проще всего, да и не смог бы я там. Богатств не нажил, спасти нечего, сын и жена — всё моё богатство... Здесь, скорее всего, обоснуемся.

— А я домой поеду. Вот сейчас ваши дела закончим, и буду на перекладных добираться. Может, морем махну. Из Севастополя. Знаете, какая красота, когда к Одессе с моря подходишь? Особенно ночью. Порт светится, лязгает своими железяками, корабли стоят, биндюжники матерятся. Скучаю за всем этим. Дома я как бы пропал просто. Сбежал из училища. Легенду придумаю, я сочинителем был первым на факультете. А дома не пропаду — там каждый двор родной...

Мечтая о добром будущем, рассуждая о планах, они дошли до рынка, где многочисленные торговцы с надеждой рассматривали малочисленных покупателей.

— А не отпраздновать ли нам такой удачный день? — Тимофей, получив в ответ утвердительную улыбку, полез в карман для пересчёта имеющейся наличности.

За прилавком торговли, завидев этот характерный жест, стали наперебой подзывать к себе, нахваливая, кто квашеную капусточку, кто свои яблоки.

— Нам бы наливочки, — заговорщицким тоном проговорил Тимофей, с улыбкой подмигнув молодой девушке, торговавшей сушёным абрикосом и яблоками.

— Так то не у меня, то там вон, видишь, в начале ряда? Вальку спроси, у неё есть, — указала в сторону торговка.

А там, куда она показала рукой, происходило какое-то не характерное рыночному полусну движение. Из проулка появились кавалеристы в сопровождении красноармейцев. Кони гарцевали, реагируя на женские крики. Кто-то громко свистнул, и толпа зашевелилась.

— Опять облава, — девушка спешно стала укладывать свой нехитрый товар. — Идите отсюда, бегом! Мужиков отлавливают!

Развернувшись в обратную сторону, друзья стали уходить так, чтобы не бежать, не привлекать к себе внимания, но с противоположной стороны поверх голов тоже заблестели штыки, примкнутые к ружьям. Отступить было некуда.

Рутченко нагнулся, будто поднимая что-то с земли, и вытащил пистолет, который зачем-то перед выходом засунул сзади под ремень. Браунинг он уронил в плетёное лукошко с яблоками, которое стояло рядом. Тут же с истошным криком появилась хозяйка яблок:

— Ах ты, окаянный! Ах ты, бусурманин! Держи его! Ты гляди, чего удумал! — орала бабка, тыкая пальцем в Николая.

Спустя пару мгновений на месте были несколько солдат и комиссар в кожанке.

— Смотрите, смотрите, чего он мне кинул! — торговка продолжала кричать, показывая на пистолет.

— Ваше? — спросил человек в кожаной куртке.

— Никак нет, — ответил Рутченко.

— Военный?

— Да нет, какой же я военный, я горный мастер из Юзовки...

— А в Симферополе что, угольные залежи открыли? — усмехнулся комиссар. — Забрать его. И второго тоже.

Но второго уже не было на месте. Воспользовавшись общей суматохой, Тимофей прихватил мешок картошки и стал его грузить на ближайшую телегу, будто делал это каждый день, и каждый угол базара ему надоел своей грязью. Он видел, как Рутченко пытался рвануть в сторону, как его огрели прикладом и из рассечённого лба пошла кровь, как связали ему руки за спиной и повели прочь. Нырнув под телегу, Тимофей Белый оказался за спинами красноармейцев и громко крикнул, показав на какого-то убегающего подростка: «Держи его! Вот он!».

* * *

Наталья Петровна поднималась по лестнице, таща волоком по ступенькам мешок с овощами — её природная хрупкость не позволяла взвалить его на плечи. Николаша пыхтел от напряжения и нёс корзину с зелёными яблоками, которые он так любил.

— Ну, наконец-то! — бабушка Надя, услышав шум на лестнице, открыла дверь и вышла на площадку. — Надо же было тебе именно сейчас...

— Что случилось, баб Надь? — Наташа дотащила мешок наверх и теперь единственное, чего ей хотелось — отдышаться и отдохнуть после такой изнурительной поездки.

— Натуля, ты не переживай, ты только не волнуйся...

— Вот когда вы так предупреждаете, баб Надь, я уже волнуюсь. Говорите же.

— Твой Николай объявился. Приходил вчера, а тебя и нету...

Наталья изменилась в лице и спиной прислонилась к стенке, по которой так и сползла.

— Мамочка, мама, что случилось, мама? Не плачь, мамулечка, ну пожалуйста, не плачь! — Николаша обнял мать, которая не могла остановиться в своих рыданиях. Она так надеялась, что он их найдёт, а теперь из-за нелепой случайности они разминулись.

— Ну будет тебе, Наталья! Нарыдалась уже и хватит! Придёт он сегодня! Велел передать, что любит пуще прежнего! Поняла, дурёха? Иди, стол накрывай, да постель готовь! Хочешь, Николашу к себе на ночь заберу?

— Ой, баб Надь... — продолжала всхлипывать Наталья. — Неужто Господь услышал мои молитвы?

— Николаша, иди порядок наводи, да пистолет свой деревянный в порядок приводи, отец вечером придёт. — Бабушка Надя помогла ему занести кузовок и перекрестила перед уходом.

* * *

Второй день его били нещадно.

— Где ты его нашёл? Где? — орал дознаватель, указывая на пистолет.

— Не помню... Где-то на Троицкой... — отвечал Рутченко, сплёвывая кровь.

— На какой Троицкой? Комиссар Пономаренко на Потёмкинской пропал! На Потёмкинской!

Браунинг принадлежал именно этому Пономаренко. Но даже если бы хотел, Николай не мог указать место. Он плохо знал город, и вопросы о том, что находится рядом с тем местом, где он якобы подобрал пистолет, просто не находили ответа. А его продолжали бить, заставляя сказать правду.

— Тебя уже давно бы в расход пустили, тварь врангелевская! Ни дома, ни знакомых, ни документов, ничего нет! Значит, ты с ними отходил! — кричал какой-то офицер. — Из Юзовки, говоришь? Как у Врангеля оказался?

— Товарищ комиссар! Тут местный один пришёл, говорит, на Потёмкинской улице живёт. В подвале перебивается временно. Одессит, явно. Поговору слышно.

— Что хочет? — дознаватель был зол.

— Говорит, видел, как двое волокли военного в кожанке.

— Сюда его давай!

— Есть!

В кабинет в сопровождении конвоира вошёл Тимофей.

— Этого знаешь? — кивнул в сторону окровавленного Рутченко, который сидел на табурете.

— Не-а... Первый раз вижу, — ответил Тимофей.

— Как выглядели те, что комиссара тащили?

— Да здоровые такие, бугаи прямо! Этот-то что?! Он же по сравнению с теми — чахлик... Да и те без усов были, точно без усов... Та не, товарищ комиссар, не... Точно вам говорю.

— Так, сейчас покажешь место, где ты видел. Под конвой его!

— А меня за шо под конвой? Я же сам пришёл! Это же несправедливость какая! Товарищ комиссар! Я ж пролетарского рода, я ж с детства в порту, угнетаемый буржуями и мешками с сахаром! Это ж какая классовая несправедливость творится!

Последние слова Тимофея Рутченко слышал из-за двери — того вытолкали из кабинета и повезли на место происшествия.

Главной ошибкой Тимофея Белого было то, что решив спасти Рутченко, придумав как отвести от него подозрения, связанные с пистолетом, он не подумал, что его повезут показать место происшествия. Там, когда он подвёл дознавателя к подвалу, где приваленное битым кирпичом лежало тело комиссара, к ним вышел старый дед, живущий по соседству:

— Ох и быстрые вы, соколики! Ужо поймали?

— Кого, дед?

— Так этого же демона... Ну он же сюда мёртвого комиссара затащил...

* * *

— И что, так и не появился?

Следователь пристально смотрел в глаза Наталье Петровне, пытаясь уловить тот момент, когда она начнёт лгать, но лицо её выражало только лишь безразличие.

— Нет. Так я его и не увидела. И о судьбе его не знаю ровным счётом ничего. И сын отца так и не увидел. Ждала и тем вечером, и каждый день ждала...

...С того дня прошло пять лет. И ни одной весточки от мужа Наталья Рутченко не получила. Слезы закончились, надежда умерла, и нужно было как-то налаживать свою жизнь, воспитывать сына, да и просто жить.

— Ответьте на вопрос: когда Председатель ЦИК Крыма Ибрагимов брал вас на службу секретарём, он знал, что вы жена белогвардейского офицера?

— Нет, не знал. Я сама не знала, где Николай, чем занимается. Соседка говорила, что он приходил в гражданском.

— Вы были посвящены во вредительские планы Ибрагимова?

— О таких планах ничего не знаю, я перепиской занималась, да с телефоном работала, меня ни в какие планы не посвящали. Есть дисциплина, и по этому вопросу ко мне вопросов не было...

— А вы уверены, что ваш муж не входил в агентурную сеть Ибрагимова?

— Вы утверждаете странные вещи! Говорю же, я Николая тогда не встретила, и позже он не появлялся.

— А напарник его? Он мог? Во вредительской организации Ибрагимова сплошь врангелевские офицеры состояли. Не находите странным?

— Не знаю никакого напарника.

Следователь открыл папку, достал оттуда документ.

— Ну, пожалуй, здесь я могу вам поверить... Вы не врѐте. Поручик Рутченко и вольноопределяющийся Белый были расстреляны в числе прочих врангелевских белогвардейцев в ноябре 1920 года. Здесь, в Симферополе. Место захоронения не известно...

От редакции (вместо послесловия):

Рутыч Николай Николаевич (Н. Н. Рутченко) — 11. 04. 1916, г. Одесса — 04. 05. 2013, г. Аньер-сюр-Сьен, Франция) — видный историк русской эмиграции.

В 1939 году окончил исторический факультет Ленинградского университета, был мобилизован в Красную армию, в 1941 году попал в плен. За связь с Народно-трудовым союзом (НТС) был арестован гестапо, с января 1944 г. до окончания войны находился в берлинской тюрьме и в концлагерях Заксенхаузен, Флоссенбург, Дахау. В 1945 г. после побега перебрался в Италию, затем во Францию. Входил в руководство НТС.

В 1960-е гг. работал политическим обозревателем на радиостанции «Свобода». В начале 1980-х гг. редактировал журнал «Грани».

Н. Н. Рутыч был одним из членов-учредителей парижского Общества ревнителей русской истории. В 1960 г. в издательстве «Посев» вышла его книга «КПСС у власти». С 1981 по 1983 г. представил в журнале «Грани» ряд уникальных исторических материалов, в том числе, документы генерала М. В. Алексеева и письма генерала А. И. Деникина. В 1993–1994 гг. опубликовал в петербургском издательстве «Логос» ранее подготовленные им к печати «Воспоминания» Н. В. Савича, сборник статей «Думская монархия», а также воспоминания генерала П. С. Махрова «В Белой армии генерала Деникина». Автор «Биографического справочника высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых сил Юга России», выпущенного в 2007 г. издательством «Regnum-Российский архив», а также книги «Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии», вышедшей в том же издательстве в 2002 году.

Умер 4 мая 2013 года. Похоронен на кладбище в Аньер-сюр-Сьен.

Материал взят на сайте «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына» http://www.domrz.ru/?fond_id=7&mod=arhiv

СЕРГЕЙ ПРОХОРОВ

(п. Нижний Ингаш
Красноярского края)

Сергей Прохоров — автор 17 книг стихов и прозы, член Союза писателей России, член Международной Федерации русскоязычных писателей, член-корреспондент Крымской литературной академии, кавалер ордена «Культурное наследие». Основатель и редактор литературно-художественного и публицистического журнала «Истоки», выходящего с 2006 года, и электронного литературно-художественного журнала «Литкультпривет!» (с 2012 года). Печатается в российских и зарубежных изданиях.

ПРЕРВАНЫЙ ПОЛЁТ

— Пшё-о-л вон, алкаш проклятый!
Грубый и сильный удар в спину опрокинул Степана через порог в тёмную пасть февральской стужи. Не удержавшись на скользком крыльце, он кубарем скатился по обледенелым ступенькам местного кафе-бара «Мечта», уткнувшись по уши в свежий, наметённый пургой сугробик. На миг обожгло лицо, словно в него впились сотни колючих иголок, отрезвляя Степана. Он не без усилий оторвал от снежного кома лицо, которое тут же обдало жгучим ледяным ветром. Напрягшись из последних сил, Степан попытался подняться. Вялые мышцы рук и ног плохо слушались его.

Едва приподнявшись, он снова, как мешок с картошкой, рухнул в снег. И вырубился.

Пурга то утихала на мгновение, то с новой силой обрушивала на дома, деревья, редких прохожих свой ледяной, бездушный нрав, засыпая снегами тротуары, тропинки, дороги, проезды, словно пыталась упрятать, скрыть их от глаз человека. И наметала всё новые и новые сугробы у калиток, дверей, заборов. И Степана Берёзкина присыпала уже так, что вряд ли кто признал бы в этой выросшей у крыльца бара горке снега человеческое тело. Скорее всего, она напоминала припорошённую кучку угля. И снился кучке сон:

© Сергей Прохоров

* * *

— Стёпа-а-н! Стё-о-пушка-а! — парит над песчаной отмелью реки, над серебрянными переливами волн высокий грудной голос матери Степана, Марии, выбивающей на мостке кучу настиранного белья. — Не заходи глубоко в воду — уто-о-нешь!

А вода в реке такая прохладно-ласковая, так нежно облегает всё тело, что не хочется выходить на берег, на горячий песок под пекло июльских лучей.

Семилетний мальчик Стёпа, закинув вверх голову и жмурясь от солнца, из-под ладоней смотрит в небо, в котором плавно парят два ястреба, словно греясь, купаются в лучах солнца, а над ними ещё выше тянется длинный белый след от едва различаемого в небе крестика-самолёта.

«Вот бы мне так высоко», — размышлялся Стёпа и представил, как взмывает над берегом, речкой, над мостком, где мамка выжимает бельё. Аж дух захватило. «Вырасту, выучусь, буду лётчиком», — решил юный мечтатель и снова услышал призывной бархатный голос матери:

— Иди сюда! Помоги мне!

Мария уже уложила в двухколёсную тележку тазы с бельём и впряглась в неё. Степан, упершись руками в задний борт тележки, толкнул её, помогая матери.

* * *

— Э-ге-ге-е-е! — радостно кричит в небо с высокого обрыва реки Степан, следя за плавным полётом над берегом реки своего фанерного двукрылого детища. А детище, сделав широкий круг, приземляется, уткнувшись в речной песок.

Первый макет самолёта Степан сконструировал в седьмом классе.

Директор школы, где учился Степан Берёзкин, в прошлом лётчик, спланный на землю по здоровью, вёл кружок юных конструкторов самолётостроения. Но попасть в кружок можно было лишь с дневником круглого отличника.

— Профессия самолётостроителя очень серьёзная и ответственная, — постоянно внушал своим юным конструкторам Семён Тихонович. — Она не терпит невежд. Потому нужно хорошо знать и математику с геометрией, и физику с химией, и историю, и литературу. Да, да, и литературу! А как же! Не зная «Фауста» Гёте, не поймёте Антуана Экзюпери.

И Стёпка так налёг на предметы, так усердно слушал каждый урок, что в шестой класс перешёл с одними пятёрками. А в седьмом уже считался лучшим конструктором в кружке.

— Молодец, Степан! Из тебя выйдет если не Туполев, то уж конструктор Берёзкин, всяко-разно, — одобрительно похлопывал по плечу юного самолётостроителя Семён Тихонович после очередной победы в соревнованиях берёзкиного летательного аппарата.

* * *

— Аттестат с золотой медалью вручается Степану Берёзкину, — негромкий голос директора школы Семёна Тихоновича, как током, прошёлся по телу Степана. Он знал, что все предметы сдал на «Золотой аттестат», но, всё же, волновался сомнением до самой последней минуты.

— Спасибо! — смущённо улыбнулся Степан, неловко прижимая к груди аттестат и коробочку с медалью.

— Ну, что, не передумал? — тихо спросил Семён Тихонович.

— Нет!

За воротами школы Берёзкина нагнали трое одноклассников: долго-вязый Пашка Бусыгин, вечно шутившийся на всё и всех, крепыш Гриша Соломкин, школьный боксёр-задира, и карапуз-провокаатор Филька Будников, по прозвищу Филин. Скажет, бывало, гадость кому-то, и смотрит широко и невинно, почти не моргая, как филин.

— Ну, что, Стёпша, обмоем наши аттестаты: твой золотой и наши серебряные, а заодно и конец школьной каторги, — обняв за плечи Берёзкина, весело произнёс Соломкин.

Вся эта дружная тройка училась посредственно, спустя рукава, и славилась в округе своими скандальными выходками. Степан не имел ни с одним из них тёплых, дружеских отношений. Так, здоровались, перебрасывались парой слов. Одноклассники же.

— А я не пью, ребята, — хотел было отвязаться Степан от дружной тройки. — Да и домой тороплюсь, мамку обрадовать.

— Ты чё, Стёпша, маменькин сынок? — тут же не преминул вклиниться Филин.

— Да, действительно, — поддержал Филина Пашка Бусыгин. — Мы ж с сегодняшнего дня уже не школяры, а мужики.

— А ты можешь и не пить, — старался удержать контакт с Берёзкинским Соломкин. — Так, посиди с нами за компанию на прощание, а то потом когда уж встретимся. Ты же скоро уедешь поступать в свой самолётостроительный?

— Как получится.

— А чё тут получаться, у тебя же золотой аттестат. А вот если не обмоешь его — плохая примета, — могут и не принять.

— Ну ладно, хорошо. Только не долго.

У Степана было прекрасное настроение, и он решил не портить напоследок отношения с одноклассниками.

Решили зайти в кафе-бар «Мечта». Там было уютно и комфортно, и сравнительно недорого. Сбросившись, по дороге купили пол-литра водки. В кафе в дневное время было почти пусто. За стойкой бара, уткнувшись в раскрытый гламурный журнал, полудремала барменша. Выбрали столик, заказали по бутылке пива и четыре порции котлет с картошкой. Выпили по стакану пива. От пива Степан не отказался. Было душно и сильно хотелось пить. Гриша достал из-за пазухи пол-литру и разлил по сто граммов в опорожнённые стаканы.

— Я же сказал: не буду! — и Степан демонстративно отодвинул стакан с водкой.

— Да брось ты, Степан! Что плохого будет от стопки! — и Гриша решительно пододвинул Степану стакан. — Какая же это обмывка — пивом? Только водочкой. Чтобы аттестат был чистеньким. Иначе — плохая примета.

— Чёрт с вами! Но только одну.

Встали, молча чокнулись стаканами. Приглушённый стеклянный звон эхом раскатился по пустому залу бара. Степан поднёс стакан к губам. Острый запах спиртного ударил в нос. Затаив дыхание и зажмурив глаза, Степан попытался залпом выпить противную жидкость. Не получилось. Что-то отталкивало спиртное изнутри.

— До дна, до дна! Только до дна! — противно звучали голоса троицы.

Парни выпили махом и теперь дружно помогали Степану преодолеть непреступную стену трезвости.

Пересилив тошнотворное состояние, Степан допил остаток. В голову ударило и разошлось по всему телу хмельное тепло. «Надо закусывать, а то захмелею. Что тогда скажу маме? — подумал про себя Степан, разламывая вилкой котлету. — Ругать мамка будет. Ещё как!»

— Ты, Стёпша, пивом, пивом запивай, — подбадривал Гриша, разливая остатки пол-литры.

— Я — пас! — уже слегка заплетающимся языком выдавил Степан.

Но выпитый вначале стакан пива, смешавшись с водкой, делал своё реакционное дело. Берёзкин, махнув рукой и почувствовав себя мужчиной, уже без прежнего усилия опорожнил стакан. Запили дружно пивом.

Степан плохо соображал. Откуда-то на столе появилась вторая пол-литра водки. А потом они шумно вывалились из кафе-бара и пошли куролесить по посёлку. Уже смеркалось. Кое-где вспыхнули уличные фонари.

— Надо бы ещё добавить, — не унимался в своей пивной способности здоровяк Гриша Соломкин.

Все враз полезли в свои карманы, выворачивая их наружу. Мелочи не набралось и на половину бутылки.

— А давайте у кого-нибудь займём? — предложил Филин. — А заработаем — отдадим.

— А давай, — живо, со смехом одобрили Фильку-provокатора остальные.

Навстречу весёлой компании шёл грустный, озабоченный человек, возвращаясь с вечернего поезда.

— Дядя, будь добрый — займи. Не хватает на пузырь. А у нас такой день сегодня — аттестаты получили! — заступил дорогу человеку Григорий Соломкин.

— Шли бы вы, сосунки, домой, к мамочке. Чему вас только в школе

учили? — и прохожий попытался отодвинуть Григория.

— Гриш, ты слышал? Дядя тебя, лучшего боксёра школы, назвал сосунком, — тут же подвернулся provокатор Филин. — Врежь ему по первое число!

— Шли бы вы, ребята, домой! — уже более дружелюбно посоветовал прохожий.

Но боксёрский азарт Соломкина был спущен, как крючок с предохранителя. Резким ударом «под дых» он согнул человека, и вторым ударом «подсечкой» снизу отправил его «в нокаут». Падая, прохожий ударился виском об угол придорожной бетонной плиты и замер. В темноте не было видно, как тоненькая струйка крови сбежала из височной ранки на землю.

— Эй, дядя, ты что разлёгся? — пнул ногой бездыханное уже тело Григорий. И на мгновение отрезвел. — Кажись мы его того, убили! Бежим отсюда.

* * *

Прохожим, неудачно встретившимся на пути пьяной компании, оказался народный судья местной прокуратуры. И вскоре вся четвёрка попала на скамью подсудимых.

Приговор был суровым, но справедливым: Григорий Соломкин, как главный убийца, был осуждён на 13 лет строгого режима. Остальные, как соучастники драки, получили по 8 лет. За убийство работника правоохранительных органов статья особая.

Мать Степана Мария Берёзкина не вынесла случившегося. Слегла. А через год скончалась. Перед смертью попросила не сообщать сыну. Ему, мол, и так там тяжело.

А Степан поначалу ещё ночами, лежа на нарах и пытаясь забыться,

всё представлял себя студентом, чертил макеты необычных космических самолётов... Но постепенно всё это отходило, отдалялось, как поезд, исчезающий вдаль за поворотом. Тюремная жизнь сломала бывшего целеустремлённого Степана Берёзкина, и он стал на всё и вся смотреть вяло и равнодушно, с тоской осознавая, что уже ничего не вернуть, не поправить. И в тюрьме пристрастился к спиртному, чтобы на время забыться. Мастерил самолётики для детей тюремных надзирателей, а те рассчитывались с ним водкой, чаем. По пьяной лавочке схлопотал ещё два срока. В 33 вышел уже седовласым старичком.

* * *

Выйдя на волю и вернувшись в родной посёлок, перво-наперво сходил на местное кладбище. С трудом отыскал могилку матери. Крест почернел и покосился, и бугорок, заросший бурьяном, уже почти не виден. Некому сюда ходить, нет родных и близких у Марии Берёзкиной, кроме её Степана. Вырвал сорняк, подправил, как мог, могилку, крест, положил, принесённый с собой немудрёный букетик полевых цветов. На дорогой денег не было. Всё, что получил при выходе на свободу, пропил с попутчиками в дороге.

Устроился в кочегарке. Там дневал и ночевал. И пил. Без спиртного уже не мог, как без воздуха. Скоро лишился места и в кочегарке. Ходил по дворам, колол дрова, копал огороды. И всё, что получал, пускал на питьё, порой недоедая. А в кафе-бар «Мечта» заглядывал, когда очень хотелось есть. Там на столах много оставалось недоеденного.

ЭПИЛОГ

К утру пурга улеглась, словно обессилив от ночного буйства, и только едва заметная позёмка змейкой тянулась вдоль дорог и занесённых тротуаров. Но и та скоро исчезла, будто растворилась.

— Что за чертовщина! — удивился, а потом испугался дворник, прочищая рано утром проход к крыльцу кафе-бара «Мечта». Его лопата сначала уткнулась во что-то твёрдое, а когда он сгрёб снег с горки сугроба, разглядел в тёмной кучке тело человека. Свёрнутый калачиком тот, казалось, дремал. Дворник, сняв варежку, прикоснулся к лицу человека — оно было холодно-ледяным.

— Стёпа-а-н! Стё-о-пушка-а! — парит над песчаной отмелью реки, над серебрянными переливами волн высокий грудной голос матери Степана, Марии, выбивающей на мостке кучу настиранного белья. — Не заходи глубоко в воду — уто-о-нешь!..

— Э-ге-ге-е-е! — радостно кричит в небо с высокого обрыва реки Степан, следя за плавным полётом над берегом реки своего фанерного двухкрылого детища...

— Молодец, Степан! Из тебя выйдет если не Туполев, то уж конструктор Берёзкин — всяко-разно...

— Да, брось ты, Степан! Что плохого будет от стопки!..

Степан стоит на высоком обрыве. Внизу течёт-струится синяя речка детства, в которой полощет бельё детства, и маленькая темноволосая женщина, и маленький мальчик, стоя по колено в воде, смотрит в чистое синее небо, где плавно парят два ястреба, над которыми высоко-высоко пишет траекторию мечты самолёт. Его, Степана Берёзкина, самолёт.

ИРИНА ЩЕРБИНА

(г. Москва — г. Щёлкино, Крым)

Ирина Щербина — москвичка, живущая в Крыму, член Союза писателей Республики Крым. Преподаватель литературы, автор методических книг. В декабре 2015 года в издательстве «Доля» (г. Симферополь) вышла первая книга стихотворений «Возраст Федры» (под псевдонимом Ирина Егерева). С 2015 года участвовала во многих крымских литературных фестивалях и конкурсах, занимала призовые места, была награждена грамотой «За художественное мастерство» 2-го международного литературного конкурса им. А. Куприна. Поэма «Топловская обитель» отмечена благодарственным отзывом настоятельницы Топловского монастыря матушки Параскевы. Прозу представляет читателю впервые.

БОЛЬШИЕ И СЛАДКИЕ

— Мама, расскажи про первую любовь...

Такой вопрос — и врасплох! Дочери тринадцать — что ж ты, Люба, не подготовилась?! Да в том-то и дело, что готовилась, думала — но не было её, первой любви. Такой, как у Ромео и Джульетты.

О чём же рассказать? О красивом мальчике Игорьке, в которого была влюблена в старшей группе детского сада? Про то, как в пионерлагере с ума сходила по Виталику, увидев однажды в столовой, как красиво он ест курицу? Или про Костю, долговязого «новенького» одноклассника, с которым вместе прогревали носы в городской физиолечебнице, и с той поры почувствовали необыкновенную близость? Был ещё Николай, разбитной деревенский пацан — с ним она когда-то в первый раз поцеловалась... Но про любовь!.. Да ещё про первую!..

— Ну, слушай.

На краю стоял дом бабки Варечки — одинокой старухи, злой, сварливой, с клюкой. Летом, когда начинали созревать ранние яблоки — а в её саду они были самыми сладкими в деревне, — по ночам ребята и девчата делали налёты. В эти дни бабка Варечка иногда ночевала в саду: у неё там под яблоней кровать стояла. Закутается в тулуп, свернётся калачиком, и ждёт. Мы — только через забор, а она — прыг, и давай палкой своей охаживать...

— Мам, я знаю Варечкин сад. Там теперь ни дома, ни забора. Я когда у бабы Кати была, мы в том саду яблоки рвали — мелкие, кислые...

— А в моём детстве они были большие и сладкие...

...Но в то лето яблоки мне приносил бабки Варечкин то ли троюродный внук, то ли ещё какая-то седьмая вода на киселе. Своих внуков у старухи не было, или не хотели ехать к ней. И откуда ни возьмишь этот Толик — рослый, крепкий парнишка, кажется, из Саратова... Точно, из Саратова! Я, помню, глядя на него, с усмешечкой, издевательски напевала «Огней так много золотых на улицах Саратова...»

— А почему ты издевалась?

— Да ухаживал он за мной! По-мальчишечьи, неловко, яблок полные карманы таскал, Следил, когда по воду пойду с коромыслом.

— Ну и что плохого?

— Знаешь, я так любила эту деревенскую жизнь! Тогда уже понятно было: уходит она навсегда, и мы — последнее поколение, носившее воду на коромысле. Внизу, как у нас говорили, под горой, был колодец с родниковой водой, такой мелкий, что видна была сидящая на дне лягушка, вся в пузырьках от бьющих со дна ключей. Для меня, городской, это был целый ритуал: пройти с ведрами на коромысле деревенской улицей, спуститься под гору, перекинувшись через невысокий сруб, зачерпнуть воду прямо ведром, без веревки и, водрузив на плечо коромысло, чинно следовать, качая бёдрами и мелко перебирая ногами, той же улицей обратно...

— Мам, а давай дальше про Толика!

— Про Толика? Да, про Толика... В общем, не нравился мне Толик. Во-первых, он был ровесник, а я поглядывала на парней постарше. Во-вторых, городской, как и я. А мне были интересней деревенские — экзотика. А в-третьих, ну ходит за мной — и что! Это же неинтересно! Хотелось какой-то интриги, чего-то необычного. Страстей каких-то, переживаний...

Но шли недели, и я привыкала к тому, что Толик всё время рядом, на подхвате. С ним было просто, удобно, как теперь говорят, комфортно. Мы дружили: ходили за грибами-ягодами, делали нехитрую работу по дому, на огороде, и я окончательно перестала относиться к нему как девочка к парню. Просто друзья. Однажды даже довольно ехидно высмеяла его, когда он, доставая из кармана яблоки, случайно вынул оттуда фантик от конфеты, которую я съела накануне...

По субботам в деревенском клубе показывали кино. До кино — танцы. Мы, девчонки, брали с собой туфли и танцевали под магнитофон. Парни же в танцах, как правило, не участвовали, разве что дурачились, и парадную обувь с собой под мышкой не носили.

А клуб был в другой деревне, за два километра от нашей. Ходили, конечно, пешком.

Той августовской ночью мы почему-то возвращались из клуба с Толиком вдвоём. Было сыро, прохладно, но тихо и очень красиво. Решили немного посидеть возле старого погребца, стоявшего на отшибе. Оказалось, что у меня замёрзли ноги: в тот день я почему-то пошла в клуб сразу в туфлях, и теперь они намокли от ночной росы. Толик встал на колени, взял мою ногу, стал на неё дышать и тихонько растирать ладонями. Потом вторую. Кажется, он случайно прикоснулся губами. Никакой неловкости: я не была влюблена в Толика, у меня просто замёрзли ноги. А когда он разулся и поместил мои уже чуть-чуть согревшиеся ступни в свои огромные тёплые мужские сапоги, я блаженно замерла, прислонившись к его плечу. Он тихо меня обнял, и я почувствовала, как бьётся его сердце.

Мы сидели молча или о чём-то вполголоса говорили. Не помню... Но над нами безумствовало своей полночной красотой августовское небо! И он сказал: «Я сегодня, Люба, впервые увидел, что на небе есть звёзды!..» Так и сказал: впервые...

— А сколько лет вам было?

— Да сколько и тебе: тринадцать.

— А ты его так и не полюбила?

— Нет. Но именно с ним-то я и узнала, что это такое — первая любовь.

СЕРГЕЙ ХОРШЕВ-ОЛЬХОВСКИЙ

(г. Лондон, Великобритания)

Сергей Хоршев-Ольховский (г. Лондон, Великобритания) — писатель, редактор, вице-президент и председатель правления Международного союза литераторов и журналистов «АРИА». Соавтор и ведущий литературных рубрик «АРИА НА ДОНУ». Автор многих произведений прозы: роман, повести, рассказы, очерки, юмористический цикл «Хуторские байки». Публиковался в различных газетах, журналах, альманахах и сборниках России, США, Австралии, Англии, Германии, Канады, Латвии, Литвы, Кипра и Украины, начиная с 1994 г. На основании этих публикаций в свет вышли четыре книги: «Четыре бездны», «Клетчатый пиджак», «Любовь и грех», «Запах родины». За роман «Четыре бездны — казачья сага» и сборник донских рассказов награждён атаманом Всевеликого Войска Донского и атаманом Верхне-Донского округа именной казачьей шашкой, грамотой, нагрудным знаком и медалью за возрождение казачества (2009–2010); лауреат диплома и золотой медали им. Франца Кафки в номинации проза (2011), присваиваемой Европейской унией искусств; литературных медалей им. О. А. Афанасьева (2015), им. М. А. Шолохова (2016) и многих других наград. Казачий полковник. Чрезвычайный и полномочный представитель союза казаков России и Зарубежья в Великобритании и странах Европейского союза.

ПРО КАШНЕ И РАСТВОРИМЫЙ КОФЕ

(Из цикла «Британские рассказы»)

Я с юных лет любил путешествовать. Вероятно, поэтому судьба занесла меня в другое государство. Сначала в Литву. А затем через Амстердам, Брюссель и Париж — в Англию.

Теперь я живу в многомиллионном Лондоне и с радостью осматриваю его неисчислимы достопримечательности. Передвигаюсь я по столице Великобритании в основном на метро.

© Сергей Хоршев-Ольховский

Лондонское метро вряд ли может сравниться красотой и частотой движения электропоездов с московским.

Андеграунд будто специально создан для проверки нервной системы человека. Электрички здесь ходят по расписанию, как поезда дальнего следования. Они опаздывают, подолгу стоят на остановках, застревают в тоннелях между станциями и частенько могут вообще остановиться на весьма продолжительное время — особенно зимой.

Чтобы не истрепать себе нервы, вы всегда должны выходить из дома с некоторым запасом времени, и в дороге себя чем-то развлекать.

Когда я в пути один — я читаю. А когда с кем-нибудь из членов семьи — отгадываем кроссворды.

Однажды мы с дочерью ехали в Гайд-парк, и в очередной раз надолго застряли между станциями метро, но отчаиваться не стали. Мы внутренне были к этому готовы. Я тут же развернул газету с кроссвордом и рассмеялся. В начале кроссворда были два весьма курьёзных для меня вопроса. Первый: лёгкий шарфик? Ответ — кашне. Второй: растворимый напиток? Ответ — кофе. Что в них смешного? Расскажу!

Четверть века назад я приехал учиться в город Ростов-на-Дону, на курсы рулевых-мотористов. В мореходном училище общежития не было, и в отделе кадров со словами: «Поезжай, выбери себе квартиру...» — мне сунули в руку несколько старых календарных листков с адресами.

По первому адресу меня встретила пожилая уже, но миловидная и ещё достаточно быстрая в движениях чернявая женщина.

Едва узнав, в чём суть дела, она приветливо сказала:

— Раздевайтесь, будем пить кофе.

Я с готовностью повесил пальто на вешалку из оленьих рогов, а шапку, перчатки и зонтик бросил на стоявший рядом громоздкий старинный стул чёрного цвета с необычайно высокой прямоугольной спинкой и чинно уселся на такой же тёмный антикварный диванчик.

Бабушка усмехнулась и, не сводя с меня глаз, добавила:

— Кашне тоже можете повесить на вешалку.

Вот тут-то и началось смешное: я в нерешительности поёрзал на диванчике, приближая его кожу к ещё большей антикварности, затем, в такой же нерешительности, взял со стула зонтик и осторожно повесил его на самый маленький рожок — я тогда ещё не знал, что такое кашне.

А бабушка опять:

— Кашне тоже повесьте.

Я снова поёрзал на диванчике, подумал, и водрузил на рога шапку. Но бабушка не унималась, и мне не оставалось ничего другого, как схватить со стула перчатки и засунуть их в карманы пальто.

Бабушка снисходительно улыбнулась и не то утвердительно, не то вопросительно, сказала:

— Ваше кашне, вероятно, весьма дорогое.

— Почему вы так решили? — не удержался я от встречного вопроса, горя желанием узнать, что же это за хитрая такая вещь — кашне?

— Ну, раз вы так упорно не желаете снять его с плеч!.. — хмыкнула бабуся.

Я сконфузился и не знал, что ответить. Вероятно, в ту минуту я выглядел смешно. Но на моё счастье в другой комнате зазвонил телефон. Бабушка обрадовалась звонку. Она резво вскочила с места и бегом кинулась к допотопной и увесистой, как и всё в этом доме, телефонной трубке и долго-долго с кем-то болтала о погоде, о ценах на базаре и о несносной соседке. Затем на минутку прервалась и сказала мне: «Растворимый кофе, сахар и молоко на столе — угощайся!..», — и, опять припав к трубке, стала обсуждать неубедительную игру актёров во вчерашнем спектакле. А я, тем временем, заполнил большую часть стакана коричневатым сухим порошком, напоминавшем мне порох, добавил сахара и залил всё холодным молоком. Напиток, скажу я вам, получился обалденный!..

Что подделаешь, родился я и вырос в деревне. А в деревне в ту пору пили не кофе, а напиток из сушёных фруктов, называемый в народе взвар, а у нас на Дону просто звар, да чай из мяты или шиповника. Теперь времена, конечно, другие: в российской деревне пьют коку, кофе и ещё невесть что, лишь бы было написано «Made in не наше».

Как ни странно, бабушке я, в конечном итоге, понравился, и она согласилась принять меня на квартиру. Но я, к тепершнему моему сожалению, под благовидным предлогом покинул слишком умную, с тогдашней моей точки зрения, женщину и пустился в новые поиски, а по пути старался припомнить что-нибудь компромитирующее горожан. И припомнил-таки...

Мой дедушка рассказывал, как в далёкие тридцатые годы один большой начальник, из большого города, завидев в поле просо, стал угрожать бригадирю тюрьмой, за то, что он в трудное для государства время посеял вместо хлеба веники. И на возражение бригадира, что это вовсе не веники, а очень нужная стране сельхозкультура, после обмолота которой получают пшено, варят кашу и досыта кормят армию, большой начальник ответил вызывающе: «Ты что думаешь?.. Я никогда не покупал в магазине пшено и не знаю, как оно выглядит?!»

Этим я и удовлетворился, что, однако, не облегчило мне поиска квартиры.

Весь день понапрасну промотался я по осеннему дождливому городу и под вечер, в сумерках, уставший, голодный и продрогший, оказался на окраине среди частных домишек, ошелёванных досками. Дверь в одном из них была настезь открыта, и я, используя шанс, шагнул на порог.

В передней, достаточно просторной комнате, жарко дышала раскалённая каменным углем печь. По периметру комнаты вперемежку сидели на самодельных деревянных лавках и табуретках трое парней, три девушки и низкорослая, округлая, словно колобок, пожилая женщина, и все они звонко хлопали в ладоши и кричали:

— Сашка!.. Сашка!..

А посреди комнаты танцевал лезгинку высокий, стройный парень и одновременно пел, подражая Вахтангу Кикабидзе:

«Па-а аэродрому... Па-а аэродрому... Лайнэр пролэтэл как по судбэ...»

Все были так увлечены, что даже не заметили незваного гостя. Сашка обнаружил меня первым и тут же, не прекращая танца, сказал, имитируя кавказский акцент:

— Загады, дарагой!.. Рассказывай, какие проблемы?.. Ми их враз решим!..

И я зашёл, и рассказал. Сашка восторженно рассмеялся, но тут же спохватился и мягко, с душевной ноткой в голосе, произнёс:

— Не унывай. В жизни всё поправимо. Деревенские чего-то не знают о городской жизни, а городские, наоборот, о деревенской. К примеру, один мой знакомый, чисто городской и очень культурный парнишка, искренне считал, что молоко изготавливают на заводе точно так же, как, скажем, квас или пиво. И когда я отвёз его в деревню к моей бабушке, и он увидел своими глазами, откуда берётся молоко, он был просто ошеломлён.

Теперь рассмеялся я. А Сашка, дружески хлопнув меня по плечу, сказал:

— Свой парень! Берём на квартиру!

— Куда мы его положим? У нас даже у девчонок в комнате нет ни одного свободного места! — испуганно замахала руками хозяйка.

— Я же занимаюсь йогой! — ударил себя кулаком в грудь Сашка. — Запросто могу спать на полу!

Хозяйка ласково улыбнулась — видимо, она любила Сашку, как родного, и согласилась принять меня, с условием, что я привезу настоящий деревенский гостинец: яичек, сальца, маслеца, сметанки, индюшатинок...

Дочка моя хохотала чуть ли ни до слёз, и никак не хотела верить, что её папа только в двадцать лет впервые увидел растворимый кофе.

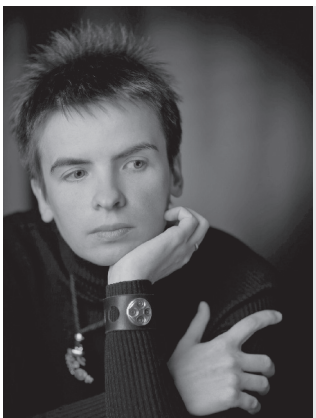
Я не был огорчён. Я был рад её чистому, откровенному смеху и горд за своё поколение, выросшее на натуральных отечественных продуктах.

МАЛЕНЬКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Этот рассказ неоднократно публиковался в газетах и журналах разных стран и многих насмешил, а некоторых даже напугал: «Да разве такое может быть, чтобы человек не знал, откуда берётся молоко!» — восклицали они.

Я написал чистую, литературно-обработанную правду, но всё равно несколько лет чувствовал себя перед читателями как-то неловко. Вроде как опорочил нашего человека. И только когда во многих Британских газетах появилась информация о том, что компания Dairy Farmers опросила одну тысячу юнцов до пятнадцати лет с целью выяснить, знают ли они, откуда берутся яйца, сыр, йогурт, котлеты и так далее, я отчасти снял с себя вину.

Результаты, полученные компанией Dairy Farmers, ужаснули взрослых. Приведу только один пример: некоторые городские подростки считают, что яйца несут коровы!..

НАТАЛЬЯ МЕЛЁХИНА

(г. Вологда)

Наталья Мелёхина — критик, прозаик, журналист. Окончила Вологодский государственный педагогический университет, факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства. Лауреат ряда всероссийских и международных конкурсов, в том числе Международного Волошинского конкурса (2013 и 2014). Публиковалась во многих российских журналах. Автор пяти книг прозы. Участник I Форума молодых китайских и российских писателей в Шанхае (2015). Произведения Натальи Мелёхиной переведены на китайский и арабский языки.

ПО ЗАЯВКАМ СЕЛЬЧАН

Вечером на исходе зимы в Евсеевку вошёл незванный гость — невысокий и крепкий дед лет семидесяти. Вадим как раз чистил снег в заулке, когда истошно залаяли лайки Тобол с Ямалом. Чужак без разбору тыкался в каждую избу, будто не замечая, что к ним не ведут натоптаные тропки, а стёкла заклеены кружевными салфетками инея. Продравшись через сугробы к крыльцу давно умерших Мыльниковых, незнакомец отчаянно забарабанил в дверь:

— Анна Степановна! Анна Степановна! Не надо ли дров поколоть?!

В пустой промёрзшей избе, проданной горожанам и оживавшей только в дачный период, на этот стук отозвалось, заворчало сердитое эхо, недовольное, что его разбудили, не дождавшись лета. Дверь, потревоженная ударами, жалобно задрожала.

© Наталья Мелёхина

— Анны Степановны нет! — крикнул Вадим бодрому старичку. — Пять лет как умерла!

В абсолютной тишине, в первых голубоватых сумерках его голос подхватило неуместно весёлое эхо. В отместку за прерванный сон оно непристойно задрало юбку девственной тишины и крикнуло прямо под подол разнузданное: «Ла! Ла! Ла!». И на этот звук новым приступом лая захлебнулись собаки. Среди белого безмолвия их напугали громкие голоса, запах незнакомца. Обычно псов тревожили лишь зайцы и лоси, да изредка в погоне за длинноухим в деревню забегала лиса. В Евсеевку редко заходили люди.

Вадим называл себя в шутку последним из могикан. Он был совсем ещё молод по деревенским меркам — и сорока не стукнуло, — крепок, высок и статен, но жил бобылём, зимогорил один в малюсенькой деревеньке. На такой подвиг затворничества решались обычно дышащие на ладан старики, которых переезд в город страшил сильнее смерти. И все в округе удивлялись: как только не скучно молодому мужику куковать в Богом забытой Евсеевке? На это у Вадима были свои причины. «В городе я буду кто? Шиш да никто! А здесь я комендант Евсеевки», — улыбался он на вопросы любопытствующих. Дедок, неловко барахтаясь, выбрался из сугроба, подошёл к коменданту.

— Здорово, хозяин! Не нужен ли работник дрова колоть? А хочешь, снег тебе в раз откидаю! Я хоть и стар, но работник крепкий. Пусти, Вадимко, переночевать, я тебе песен спою, — улыбаясь беззубым ртом, попросил странник, и тут Вадим узнал его.

Это был Женя Иванов — деревенский дурачок из деревни Васильевское, на месте которой теперь осталось только небольшое поле в окружении еловых лесов. Когда-то Женя жил вдвоём с матерью, Манефой Николаевной. Летом пас скотину, а зимой подрабатывал тем, что нанимался к соседям колоть дрова.

Был у Жени и ещё один вид заработка: на всю округу славился дурачок как искусный певец. Хочешь — русские народные исполнит, а хочешь — эстраду. Да что там эстраду — даже оперные партии! Один-единственный из всех местных жителей Женя радовался, когда по телеку или радио передавали оперы. Он каким-то чудесным образом умел их слушать и понимать: пусть ума и не дал ему Бог, но зато дал чуткий слух и богатый голос.

Дурачка приглашали как певца на свадьбы и юбилеи и немного платили за выступления. Женя раскланивался перед народом и важно объявлял: «Начинаем концерт по заявкам сельчан. Первая песня — для молодых!». Затем следовала вторая песня — для родителей жениха, третья — для родителей невесты, четвертая — для свидетелей и так далее для каждого гостя. Но теперь где те молодожёны? Где те юбиляры? Лежат под крестами и памятниками. Когда Манефа Николаевна, последняя жительница Васильевского, умерла, Женю увезли в дом инвалидов в райцентре, откуда он примерно раз в год сбегал.

У дурачка никак не укладывалось в голове, что его деревни больше не существует. Он думал, что однажды вернётся туда, а все избы стоят целёхонькие на месте, и снова можно будет летом пасти коров, зимой колоть дрова и развлекать сельчан своим песнями.

— Женья, твою ж мать! Ты что, опять из дурдома сбежал? — вместо приветствия нахмурился Вадим, воткнув лопату в снежную кучу у калитки. Он сразу представил, как придётся завтра звонить в райцентр в «дурку», рассказывать, что беглец найден. Приедут Женю забирать, а он же добром никогда не сдаётся: санитары руки заламывают, а Женья в голос ревямя ревьёт, как раненая корова, не хочет из родных мест уезжать. Раз на такое полюбуешься — долго потом вспоминается.

— В Васильевское-то вон дорога есть от Евсеевки, — вместо ответа на вопрос про дурдом Женья показал в поле за околицу. Там действительно вилась лентой тракторная дорога по снегу. — Избу свою проведу.

— Дурында! Лес там валят. Гусеничниками таскают. Нет никакого Васильевского — сугробы одни. И нет твоей избы, Женья. Сколько уж раз тебе объясняли! Давно нет, — Вадим достал пачку «Балканки» и закурил.

— Это всё Жара, Вадимко, — с уверенностью заявил старичок-дурачок, снял голицу и деловито высморкался.

— Какая ещё жара? — рассмеялся Вадим, но в памяти после Жениных слов тут же зашевелились любимые когда-то в детстве бабкины байки, что жил-де в деревне Бакшейка ведьмак по имени Иван Жара. Мол, мог он так людей заколдовать, что не узнавали они своих деревень и не могли без чужой помощи найти родную избу. — Сказки всё это, Женья. Легенды. Понимаешь? Неправда это.

— А мать сказывала, что правда. А бабушка, та и видывала его. Заколдовал меня Жара! Вот и не могу избу свою найти. Помоги мне, Вадимко. Пойдём вместе в Васильевское, ты-то не заколдован, в избу меня приведёшь.

— Да этот Жара умер, хрен знает, в каком году, за сто лет до твоего рождения! — махнул рукой Вадим, но про сказки уже не заикался.

— А что это, Вадимко, за будка красная? — Женья указал на красную телефонную будку посреди деревни.

Когда-то о телефонной связи сельчане могли только мечтать: заветные аппараты, в лучшем случае, работали в колхозной конторе или на почте. Потом появились сотовые, и все деревенские обзавелись ими. И вот тут оказалось, что наконец-то и до медвежьих углов дошла очередь телефонизироваться. Уличные телефонные будки установили в каждой деревне. Правда, чтобы звонить, требовались какие-то особые пластиковые карточки. Что за карточки? Где их покупать? Никто не знал. Все по-прежнему пользовались сотовыми. А будки краснели, как диковинные язвы: летом — среди зелени, зимой — среди снега.

— Это, Женья, власть о нас, крестьянах, вспомнила. Телефоны поставили, — объяснил Вадим.

— Да ну?! — обрадовался Женья. — Как в конторе у председателя? А куда звонить можно?

— Напрямую к Богу, — усмехнулся Вадим, сплюнул под ноги и прижёт белесое тело сугроба своим чинариком.

— А номер какой набирать? — ничуть не усомнился в его словах дурачок.

— Да любой жми. Не ошибёшься, — рассмеялся Вадим. — А ты чё, цифры знаешь?

— Нет, — честно сознался Женя.

— Тогда тем более. Жми подряд все кнопки! Ну что с тобой делать? Пойдём в избу, накормлю, да и спать будем, — о том, что завтра придётся звонить в «дурку», Вадим благоразумно не стал сообщать своему гостю, а то Женя из Евсеевки сбежит, ещё, не дай Бог, замёрзнет где-нибудь в лесах у бывшего Васильевского.

В избе оказалось, что валенки у Жени обуты на голые ноги, и ступни чёрные от валяной шерсти, рубашка рваная, а шея коричневая от вьёвшейся в неё грязи.

— Ёкарный бабай, Женя! Да вас что там, не моют? А носки-то где? — всплеснул руками Вадим.

— Носков... нет, — выдержав паузу, застенчиво признался дурачок и шмыгнул носом.

— Твоё счастье: я вчера баню топил. Воды там осталось. Сейчас полешек в печь кину, подтоплю заново, и помыться сходишь.

Вадим быстро истопил баню, ещё не вполне успевшую остыть со вчерашнего дня, и отправил гостя на помывку, выдав ему смену одежды со своего плеча. А потом, глядя, как жадно Женя уписывает за обе щёки рис, сваренный с лосятиной, осторожно поинтересовался:

— Женя, а как вас там кормят? Хорошо, плохо?

— Когда капусту дают — так худо, Вадимко. А когда селёдку с перловкой — так хорошо.

— Понятно, — кивнул Вадим, думая, как же надо изголодаться, чтобы перловка с селёдкой попадала в категорию «хорошо». — Долго до Евсеевки добирался?

— Утром ушёл. На дороге голосовал, доехал до Первача, а оттуда — пешком.

— Санитары-то вас не обижают?

— Нет. Только танцевать водят.

— Как это?

— На женское отделение с бабами танцевать ночью. Стыдно, — поёжился Женя, и Вадим прекратил расспросы.

Вместо этого налил большую кружку чёрного, как деготь, и сладкого до густоты чая, выдал гостю пряников из райпо. Наевшись, Женя встал из-за стола, чинно перекрестился у иконы в красном углу:

— Слава Богу! Спасибо, хозяин! Чего тебе спеть?

— Спеть?! — расхохотался Вадим. — Да ничего не нужно. Песни эти мне по барабану!

— Так положено: отплатить за ужин, — строго объяснил Женя и уже мягче подсказал, — мужики-то, Вадимко, обычно частушки просят, ну, или про войну.

— Вот только не про войну, — сразу остановил Вадим, — и не частушки. Надоел юмор: по телеку только его и кажут. Давай про охоту, что ли. Про охоту знаешь чё?

— Знаю колыбельную, — строго кивнул Вадим и запел чистым тенором. Голос его неожиданно утратил старческую скрипучесть, стал чистым и нежным, будто у совсем молоденького юноши:

На чистой пушистой постели,
Примятой следами зайчат,
Уснули красавицы-ели,
И сосны могучие спят.
Бай-бай, засыпай!..

Вадим пристрастился к охоте ещё в раннем детстве. Он родился в Евсеевке, и рос обычным деревенским мальчишкой: как и все, любил с техникой возиться, как и многие, после школы выучился на тракториста в райцентре. До армии по примеру большинства успел в колхозе чуть-чуть поработать, а потом призыв, отвальная, военкомат...

Попал Вадим в самое пекло — в первую чеченскую кампанию. А когда после контузии и госпиталя вернулся домой, оказалось, что восемнадцатилетний период до армии сжался и усох до размеров табачной крошки в солдатском кармане, а сама война — всего-то несколько месяцев и успел прослужить до контузии! — наоборот, расползлась, будто гангрена, и вытеснила все остальные воспоминания. Евсеевка и деревни в округе остались теми же, и люди не сильно изменились, но вот сам Вадим не принадлежал больше этому миру, словно злой колдун выгрыз у него частичку души и разума.

Хуже всего, что Вадим, как ни силился, не мог облечь в слова произошедшие в нём перемены, да и вообще не мог про Чечню рассказывать, не знал, с чего начинать и чем заканчивать. Жалел, что на расспросы деревенских нельзя ответить, как киношному брату, мол, «в штабе писарем отсиделся». Спросят мужики: как, Вадимко, там было-то? А он помычит, замямлит что-то непонятное, так и спрашивать перестали, только удивлялись: почему балагур Вадимко вдруг и двух слов связать не может?

И только в одиночестве в лесу Вадим не чувствовал груза воспоминаний, на охоте лишь тяжесть ружья и рюкзака за спиной оставалась с ним. Слушая колыбельную, Вадим представил, как сейчас за Евсеевкой дремлет еловый лес, и зайцы с лисами в их вечной погоне опять изрешетили следами весь снег под раскидистыми лапами. Мелодия колыбельной показалась ему смутно знакомой. Вадим закурил у шестка русской печки.

И только голодные волки
Добычу выходят искать,
Но спят все ребята в посёлке.
Пора и тебе засыпать.
Бай-бай, засыпай!..

Сквозь клубы табачного дыма Вадим увидел прочно утонувший в безднах памяти зимний вечер: бабушка брякает коклюшками, мама и папа ещё на ферме, коров доят, а они со старшим братом и младшей сестрой сидят на печке. Греются после долгого катания на санках. Посреди кухни стоит Женя. Он весь день колот дрова: отец его нанял. Теперь дурачок поужинал

и забавляет ребятишек. И тут голос Жени из воспоминания слился в унисон с песней Жени из сегодняшнего дня:

А вырастешь сильным и смелым,
И тайны лесные поймёшь.
Охотником станешь умелым.
За зверем по следу пойдёшь.
Бай-бай, засыпай!..

Когда певец закончил, Вадим решительно произнёс, не глядя ему в глаза: — Хорошо, Женя. Потешил — спасибо. Телек давай смотреть. Да и спать будем.

Посмотрели какой-то сериал. Вадим хотел устроить дурачку постель на диване, но Женя попросился спать на русскую печку, заставленную пялками с растянутыми на них шкурами белок и куниц. Хозяин пялки отодвинул к стене, бросил на лежанку старое одеяло и подушку, и дурачок блаженно растянулся на горячих кирпичках.

В полудрёме Вадиму всё чудилась колыбельная, и под её мелодию, звучащую в голове, вспомнились дочери-пташки. Когда-то Вадим был женат. Поначалу после армии он честно пытался стать нормальным парнем, чтоб всё как у людей, чтоб не хуже других. Так и обещал себе, даже проговаривал вслух, троекратно, нараспев, когда не слышал никто: «Буду нор-маль-ным! Буду нор-маль-ным! Буду нор-маль-ным!» Но эта мантра не дала результата. Пробовал залить так и неназванное горе водкой, но, напившись, впадал в бешенство.

Тогда ещё жили в Евсеевке вместе с Вадимом его родители. Раз залёг за пленницей, а чудилось, что лежит в укрытии, и метал дровами в родных отца да мать, а казалось, что гранаты кидает... Слава Богу, дело было на выходных, в отчем доме гостил старший брат, приехал на выходные из города. Братан с отцом и скрутили Вадима, связали, отнесли в баню да окатили ледяной водой, чтоб очухался... Пришёл в себя вояка, а что с ним происходило сегодня и вчера, не помнит. Вадим сообразил, что это, должно быть, последствия контузии. К врачам обращался, так те чуть в психушку его не закатали, еле отбрехался потом, что, мол, от пьянки в мозгах случилось короткое замыкание.

Решил женитьбой спастись. Расписались с одноклассницей Светкой Иволгиной, она Вадиму ещё в школе нравилась. Худенькая, невысокая, на птичку похожая, Иволгой её и дразнили. Попробовали жить своей семьёй в посёлке Первач, за десять километров от Евсеевки. Квартира у Светки двухкомнатная, от бабки в наследство осталась, двойню родили — дочек Таньку и Наташку. Вадим слесарил на ферме, жена продавцом в магазине работала. Что ещё надо? Казалось бы, живи — не тужи! Но водка и приступы беспмятного бешенства разбили семью. Улетела Иволга жить в Вологду, квартиру продала и дочек-птенчиков с собой увезла.

Вадим вернулся в Евсеевку, устроился сторожем в тракторные мастерские в соседней большой деревне. Иногда уходил в запой, но выучил свою норму, тот предел, за которым — Вадим знал — его ждёт окончательное безумие.

Дочек в городе он навещал редко, но исправно платил крохотные алименты. В трактористы его из-за контузии больше не брали, из слесарей за пьянку уволили, а у сторожа велик ли доход? Но Вадим всегда был удачливым охотником. Зимой он добывал пушнину, весной продавал её скупщикам из Москвы и, накопив энную сумму, каждой дочке вёз «денежек с калыма». Так и говорил девчонкам: «Танька, Наташка, денежки с калыма! На куклы и платье!» А Иволге передавал мешок с «лесным» мясом — лосятиной или кабанятиной.

А потом последние соседи по Евсеевке — старики Мыльниковы — умерли, родители состарились, и старший брат на зиму стал забирать их к себе в город. В октябре увозил отца с матерью с внуками водиться, а в апреле привозил обратно: родители тосковали по своей избе и на лето возвращались в деревню. «Перелётные у меня предки, будто гуси», — шутил Вадим. Так и повелось, что полгода он жил в Евсеевке с семьёй, а полгода — в полном одиночестве. Компанию ему составляли две лайки — Тобол и Ямал, да ещё кот Рыжко. «Скоро весна, пора шкурки продать, съездить и проведать. Кукол купить. Сладостей. «Денежки с калыма» поделить между Наташкой и Танькой поровну, — размышлял Вадим. — Давно не навещал. Хорошо, что Светка замуж пока не вышла. Когда в доме появится другой мужик, неизвестно, как оно будет».

При одной мысли о чужаке у Вадима вдруг сжались кулаки. Но он оговорил сам себя: виноват, виноват! Сам пил и бузил. Вот и упорхнула Иволга! «Да и что об этом думать, пока — пока-то она одна! И девки-птахи ждут», — и Вадим провалился в чуткий, некрепкий сон.

Очнулся среди ночи и резко вскочил, будто кто пнул под рёбра. В похолодевшей избе сиял неземной свет: в окно заглядывала полная луна с россыпью свечек-звёзд. Вадим глянул на печь, где спал гость, и сразу же вскочил на ноги. Жени на месте не было! И гадать нечего — сбежал в Васильевское. Вадим по-солдатски скоро оделся, на всякий случай взял одностволку с патронташем из сейфа: по ночам в округе, как в той колыбельной, бывает, что и «голодные волки добычу выходят искать». Прихватил фонарик, хотя нужды в нём в такую светлую ночь не было.

Быстро, будто новобранец кросс бежал, Вадим преследовал беглеца по лесной тракторной дороге и, как и предполагал, нашёл его на месте нежилого Васильевского. Дурачок свернул с тракторного следа и прямо по сугробам поплёлся к тому месту, где когда-то стояли избы, а теперь сохранился лишь остаток чьего-то сада с десятком яблонь, да торчала из снега нелепым мухомором красная телефонная будка. Она появилась здесь из-за бюрократической ошибки: в нежилой деревне всё ещё числился прописанным давно умерший Женин отец — дядя Матвей. В каждой деревне, где по бумагам оставался хоть один житель, положено было установить такой аппарат — вот и поставили, а что звонить давно некому, кто ж об этом задумался?

Дурачок почти не проваливался в снег. Наст сверкал под луной, как морская гладь, и Женя шёл по снежным бликам, будто по воде босиком ступал. Вадим спрятался за придорожным сугробом. Интересно стало: что дурачок дальше делать будет? Да и неловко как-то сразу-то окликнуть. Человек даже

из «дурки» сбежал, если не с родными людьми, так хоть с родными местами повидаться.

Женя добрался до телефонной будки, снял трубку и беспорядочно понажимал на кнопки. Затем внятно и громко произнёс:

— Алё, Боже? Это я, Господи, — Женя из Васильевского. Помогите мне, Отец Небесный, домой вернуться, избу свою отыскать.

Вадим разом покрылся холодным, противным потом, сполз по снежному боку, как подстреленный, и зажал руками рот: то ли чтоб не заплакать, то ли чтоб не рассмеяться.

— Господи, я знаю, что ты людям не отвечаешь. Мать рассказывала, что глас Твой не можно нам вынести. Ты её там береги у себя, Господи, рабу Божью Манефу и всю деревню нашу...

И тут Женя начал перечислять имена умерших односельчан, всех до единого, и никого не забыл. Вадим почувствовал, что по щекам течёт что-то липкое, горячее, он схватил зубами кулак, чтоб не завывать, а Женя продолжал:

— Передаю, Господи, им концерт. Прими, Боже, по заявкам сельчан. Первая песня — для мамы моей, Манефы Николаевны.

Вадим ждал, что Женя запоёт что-то церковное, но он тихо и торжественно завел песню о первом, что увидел вокруг:

В лунном сиянье снег серебрится,
Вдоль по дороженьке троечка мчится.
Динь-динь-динь, динь-динь-динь!
Колокольчик звенит.
Этот звон, этот звон о любви говорит.

Благовестом зазвучало «динь-динь-динь» под куполом небесного свода. У Вадима словно сжалась внутри живота горькая спираль, а потом разом выпрямилась, больно ударив под дых. Скрючившись, он упал на дорогу, захлёбываясь в безголосых судорогах, как в спасительной рвоте, и чувствуя, как слезами выходит наружу застарелый яд, не имеющий названия, яд от гадюки-войны. Беззвучно корчась на дорожной ленте, Вадим уже понимал, что не сможет сдать Женю в «дурку» ни завтра, ни послезавтра, ни через месяц и будет отстаивать и дурачка, и Васильевское, и Евсеевку, и дочек-пташек до последнего дыхания, как и положено всякому воину. «Я-то тоже заколдованный! В родной избе живу, а с войны не вернулся!» — понял Вадим, крепко зажимая себе рот ладонью, чтобы нечаянным всхлипом не помешать певцу.

Над вековыми лесами дерзко полетели к звёздам частушки. Это Женя объявил и начал исполнять вторую заявку — для отца своего, контуженого фронтовика дяди Матвея, Женя пел любимые батины частушки:

Раскачу я нынче избу
До последнего венца.
Не пой, сынок, военных песен,
Не расстраивай отца...

АЛЕКСАНДР ПОНОМАРЁВ

(г. Липецк)

Александр Пономарёв — прозаик, драматург, член Союза писателей России, Межрегионального Союза писателей Украины, Конгресса литераторов Украины, член-корреспондент Крымской литературной Академии. Автор пяти изданных книг прозы и драматургии. Лауреат национальных и международных литературных конкурсов «Золотое перо Руси-2009», «Славянские традиции» (2011 г. и 2014 г.), «Большой финал-2011», «Русский стиль-2012», литературного конкурса на приз Президента Международной гильдии писателей «Её Величество-книга», литературного конкурса МВД России «Доброе слово» (2011 г. и 2012 г.), «Славянская лира-2014». Дипломант международного литературного конкурса «Славянские традиции-2010», «За далью — даль» (2015 г.). Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017» в номинации «Малая проза» (сатира и юмор).

ПЕТЕР И КЛАУС

— Петрович, тебя к директору, срочно, — на Петра Петровича искоса смотрел его заместитель Травкин, — поторопись, он ждать не любит.

Пётр Петрович вздохнул и, скинув промасленную спецовку, глянув на себя в зеркало, вышел из цеха.

Начальником участка на заводе, где работал уже не один десяток лет, он был назначен всего пару месяцев назад. А вот в кабинете директора, или, как говорили, на ковре у самого, ему бывать ещё не доводилось. Но всё

в жизни когда-то случается впервые.

— Чем я его прогневал? — подумал Пётр Петрович и снова вздохнул.

Медленно поднявшись по широкой лестнице заводоуправления, он прошёл по длинному коридору и, внутренне успокоившись, открыл тяжёлую дубовую дверь.

Секретарша Любочка, бросив печатать на машинке, уставилась на него.

— Любовь Юрьевна, как у самого настроение?

© Александр Пономарёв

— Да вроде ничего, иди смело, Петрович, — и она вновь принялась стучать на аппарате.

Пётр Петрович откашлялся, достал из кармана чистый носовой платок и вытер лицо. Постучав, он открыл ещё одну дубовую двустворчатую дверь и несмело вошёл.

Директор завода сидел в кресле в глубине кабинета, на другом конце длинного массивного стола с множеством стульев. Директор разговаривал по телефону и, увидев начальника участка, сделал рукой приглашающий жест.

— Ну, всё, Ложкарёв, мне некогда. Закончишь отгрузку — и колесом ко мне. Понял? Вот и молодец. Давай, — и директор положил трубку.

— Вызывали, Николай Антонович? — Пётр Петрович робко присел на краешек стула.

— Вызывал, вызывал, Сиднев. Как работа? Справляешься? — и, не дав ответить, продолжал: — Тут, понимаешь, дело, какое, Петрович, едут к нам гости заморские. Представители наших соинвесторов. Менеджеры среднего звена, но надо встретить и приветить на высшем уровне. Вот хоти тебе поручить это мероприятие. Как смотришь?

Всего чего угодно ожидал услышать от директора Сиднев, но только не этого.

— Да, задали вы мне задачу, Николай Антонович, — и он снова вытер пот со лба, достав носовой платок.

— Испугался? — директор засмеялся. — Вот они где у меня, эти бюргеры, — и он показал рукой, где они у него. — Выручай, брат Сиднев. Организуешь программу, и следуй нужным курсом. Самое главное — не дрейфь, а в остальном — поможем.

— Да если честно, товарищ директор, никогда с иностранцами не об-

щался, даже не знаю, как и говорить с ними. Переводчик нужен.

— Не нужен, — махнул рукой директор, — они на нашем великом и могучем говорят довольно бегло. Бизнес у них в России, а у одного, по-моему, даже бабка русская. Хотят познакомиться с нравами российской глубинки. У тебя, говорят, родовое поместье имеется. Вот туда и свозишь, покажешь, так сказать, русский быт.

— Да какое поместье, Николай Антонович? Так. Домик в деревне.

— Домик? Это хорошо! А баньку топишь?

— Как же без баньки? Без баньки в такой глуши невозможно.

— Вот и чудно. А то, понимаешь, шеф их из Мюнхена мне звонил. Говорит, где только они не были. Ничем их, понимаешь, не удивить. Так вот, товарищ Сиднев, тебе партийное задание — удивить. Справишься — молодец! У меня скоро начальник копрового цеха на пенсию собирается. Чуешь, куда клоню? Послужи родному заводу, послужи. А мы тебя не забудем. Узелок на память завяжем. Согласен?

— Что ж делать? Постараюсь, товарищ директор.

— Вот и славно! Встретишь их завтра в аэропорту на моей машине. Познакомишься. Сначала денёк на организационные вопросы: встречи у них назначены с юристами, экономистами и прочая. А уж потом забирай их на два дня в полное своё распоряжение и удивляй. Кстати, зовут их Петер фон Бок и Клаус Зиберт. Короче, абсолютная немчура, а по-нашему, выходит — Петя и Николай, совсем как ты и я, — и директор вновь засмеялся.

На следующий день Пётр Петрович встречал гостей из Германии на заснеженном аэродроме. Дирек-

торский водитель держал в руках табличку с именами представителей заморских соинвесторов.

Рейс из Берлина прибыл вовремя, и через пятнадцать минут Сиднев заприметил двух довольно молодых людей, которые озирались по сторонам и, увидев табличку, подошли поближе.

Держались они уверенно, одеты были с заграничным лоском, оба в дорогих чёрных кашемировых пальто, в белых рубашках с галстуком и без шапок. У одного из них на переносице блестели очки в дорогой золотой оправе.

— Здравствуйте! Пётр Петрович, — представился Сиднев.

— Петер фон Бок, — слегка поклонился первый.

— Клаус Зиберт, — кивнул второй.

— Прощу в машину, господа, вас ждут на заводе.

По дороге немцы были сосредоточены, по сторонам не глазели и, казалось, думали о чём-то своём.

В заводоуправление, где их уже ждала многочисленная свита, Пётр Петрович их препроводил с некоторым даже облегчением. Такими они ему показались важными и неприступными.

На следующий день Сиднев снова встретил гостей и посадил в свой старенький УАЗик с тентованной крышей.

Петер и Клаус уже немного адаптировались в чужой стране, поэтому охотно улыбались, оглядывали местные достопримечательности и сразу же признались в любви к России, в которой, по их словам, им бывать уже приходилось.

— Называйте нас Петер и Клаус, — сказали они.

— Ну, а я Пётр или просто Петя.

— Петья? Карашо! — улыбнулся Клаус.

УАЗик, проехав по центральным улицам города, выскочил на трассу. За окнами хлопьями сыпал пушистый январский снег. Пётр Петрович потянул за верёвочку, к ней были привязаны дворники за стеклом и одной рукой управляя машиной, другой рукой начал дёргать за верёвочку, приводя в движение чистящий механизм.

Немцы встревоженно переглянулись.

— Петья, а этот верёвка, почему? — спросил Клаус.

— Чтоб дворники не вязли — ишь, снег какой валит, — объяснил Сиднев.

А когда через полчаса езды у машины порвался ремень и Пётр Петрович быстренько соорудил запасной из старых женских колготок, а они внимательно и недоумённо наблюдали за этим, выйдя из машины в снежную пургу, и после этого машина поехала, Петер с грустью посмотрел на своего немецкого коллегу: «Вот почему мы проиграли войну русским» — говорил его взгляд.

Автомобиль съехал с трассы и, увязая в глубоком снегу, двигался по занесённой просёлочной дороге.

Пётр Петрович заехал во двор и развернул машину. Немцы выбрались с заднего сиденья и оглядывались по сторонам. Несколько небольших деревянных домиков, казалось, прилипли друг к другу.

— Семёновна, принимай гостей, — громко крикнул Сиднев.

Маленькая старушка, выскочив из хаты, засуетилась вокруг приехавших. Толпой ввалились гости в горницу. Сиднев взял из угла веник и отряхнул обувь, Петер и Клаус последовали его примеру. После того, как гости огляделись и отдышались, Пётр Петрович взял инициативу в свои руки.

— Ну, а теперь в баньку, господа, — Пётр Петрович сделал приглашающий жест. — Митрич!

— Ась? Чаво, Петьк? Аль привёз гостей? — из воздуха возник старичок в подшитых кожей валенках и рваном треухе.

— Привёз, Митрич! Отделаешь их веничком? Только поделикатнее — немцы!

— Чего ж не отделать? Организирую в лучшем виде. Отомщу им за Сталинград. Хе-хе... А это, Петьк, поляков у тебе там не заваялось? Чегой-то они мене в последнее время тожить не ндравятся, — захихикал Митрич. И тут же успокоил: — Шутю, шутю. Я ж не изверг какой. Давай хучь немцев...

Лёжа на деревянных полках и вдыхая горячий пар, Петер и Клаус долго не могли понять, что они сделали плохого этому русскому человеку, который зачем-то хочет их лупить непременно пышными зелёными прутьями. Но потом им это даже понравилось. А когда после парилки они вместе выскочили на улицу, трясая мошонками, вначале не решаясь нырнуть в холодный снег, а потом, глядя на Петровича и Митрича, решились, то пришли в неописуемый восторг и попросили хозяев повторить процедуру несколько раз.

— Видите три снежных кучи, — смеясь, говорил им Пётр Петрович. — В правой дрова, в левой навоз, а посередине чистый снег. Смотрите, не перепутайте. А то дружок мой, Иван, так и норовит или дерьмом рожу измазать, или в дрова спяну загреметь — вечно путает.

Петер и Клаус не перепутали ни разу. Они были законопослушными и внимательными. Сиднев даже слегка подивился.

После баньки на столе из неструганных досок их уже ждали самовар

и нехитрая закуска. Семёновна расставила на столе плоски с блинами, сметаной, осетриной, салом, рассыпчатой варёной картошечкой, обсыпанной свежим укропом, мёдом, огурцами и помидорами бочкового посола и крынки с парным молоком и квасом. Когда Сиднев достал запотевающую бутылочку чистой, как слеза, водочки, соинвесторы попробовали протестовать, заявив, что не пьют крепких напитков.

— Год не пей, два не пей, а после бани выпей, — наставительно сказал Пётр Петрович.

И немцы сдались. А когда Семёновна достала ухватом из русской печи глиняный горшок щей, Петер и Клаус попросили сделать это ещё раз на бис, сами в это время щёлкали непонятно откуда взявшимися цифровыми фотоаппаратами.

— Петья, — говорил один из них, — я вырос на ферме, у нас тоже солили огурцы и помидоры, но у твоих совсем другой вкус!

Под вечер за столом собралась весёлая компания из местных жителей. А соседская Клавдия, незамужняя переспелка, обменивалась с Петером, который был тоже не женат, длинными многозначительными взглядами. Клаус улыбался пьяной улыбкой и вёл с Митричем разговор о политике.

— Чё-то мне последнее время ваш Гельмут Коль не ндравится — под мериканцев лечь так и норовит, так и норовит, — трясая бородой, как козёл, кричал Митрич в самое ухо Клаусу.

— О-о, Хельмут Коль давно на пенсии, Митричч, — отвечал тот.

— Да ты што? А кто ж у вас там нонче в канцлерах?

— Ангела Меркель, Митричч!

— Кто? Ангела? Баба, што ль? Это

вы, Колька, здря! Здря бабу-то вы-брали! Наворотит она там у вас!

— Клява, — спрашивал Петер у Клавдии, — а ти биваль на море?

— Не-а, — отвечала та, — я только на прополке свёклы биваль!

От русского быта немцы получили глубокое удовлетворение и долго, обнявшись, пели вместе со всей честной компанией «Катюшу» и другие русские песни под гармонь, меха которой развернул Пётр Петрович. После этого Сиднев сыграл польку «Пивная бочка», которую учил ещё в музыкальной школе, и все громко зааплодировали.

Спали гости на русской печи, полжив под себя овчинные полушубки.

Наутро Петер и Клаус узнали, что помидоры и огурцы можно не только есть, но ещё и пить. И называется эта красота — рассол. А потом пили, как объяснил им Митрич, водку «ручной работы».

— Абсипентный синдром, или как попросту говорится, похмелье, хе-хе, о как, — посмеиваясь, и снова трясая седой бородой, говорил он.

Затем все вместе катались с горки на салазках, стреляли в лесу по бутылкам из охотничьего ружья, жарили в огороде шашлык на настоящем мангале и настоящих шампурах, пекли в костре картошку, лепили снежную бабу и играли в снежки. Гости веселились, как дети. Короче, выходные промелькнули, как один час.

На прощанье Клавдия повесила на шею Петера связку баранок и незаметно сунула ему в карман семейную ладанку, приносящую счастье и берегущую от нечисти. И долго потом вытирала слёзы, бормоча что-то о судьбе-злодейке и о том, что вот, мол, встретился один раз в жизни нормальный мужик, а и тот уезжает на свою неметчину.

Через два дня Пётр Петрович, получив приглашение от Петера и Клауса посетить их скромные жилища в Германии на будущий год и пообещав непременно приехать, провожал своих друзей на том же заснеженном аэродроме.

— Петья, — сказал Клаус, вытирая платком слёзы, — спасибо большое. Это, как сказать по-русски, есть чудо. Я был во много странах, я видел очень-очень много. Но такого...

Петер в это время обнял Петра Петровича, как хорошего друга.

— Мой дед воевать здесь, он любить Россию. Теперь я его понимать. Я тоже любить Россию, — сказал он.

Два розовощёких немецких соинвестора в кашемировых пальто, валенках и солдатских шапках с опущенными ушами гордо вышагивали по направлению к терминалу. В руках каждый из них нёс по две трёхлитровых банки с огурцами и помидорами бочкового посола, в то время как их большие дорогие чемоданы на колёсиках катили следом.

Перед тем как взойти на трап, они ещё раз вдохнули морозный воздух и оглядели эту странную заснеженную страну, в которой люди от души лупят друг друга берёзовыми вениками, а затем ныряют в снег, пьют самодельную водку и привязывают к дворникам старые верёвки.

— В следующий раз, герр фон Бок, надо привезти сюда свою жену и детей. Пусть и они посмотрят, как живут эти русские.

— Согласен с вами, герр Зиберт, — ответил Петер. — Теперь я уже немного понимаю и люблю такую Россию, — и, поправив связку баранок на шее, он крепче обнял банки с овощами, залитыми рассолом из бочки.

ЛЕНОРА СЕИТ-ОСМАНОВА

(г. Симферополь, Республика Крым)

Ленора Сеит-Османова — поэт, прозаик, автор-исполнитель песен, режиссёр, педагог, член Союза писателей Республики Крым, председатель клуба писателей «Литературные встречи», автор изданной книги «Словом по холсту», публикаций в литературных журналах и альманахах России, Украины, Белоруссии, Израиля, Болгарии, США, лауреат литературных и музыкальных конкурсов, фестивалей (в том числе международных), награждена медалью Блаженнейшего Владимира Митрополита Киевского и Всея Украины, лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017» в номинации «Малая проза» (рассказы для детей).

ОДУВАНЧИК

Шестиклассник-отличник Женя Рыжков плёлся по улице, низко опустив голову — боялся увидеть себя в витринах магазинов. Модельная стрижка потеряла форму. Под глазом фингал. Стильные очки в погнутой металлической оправе, постоянно сползающие на кончик носа, его не скрывали. Мальчик иногда поднимал их, как можно незаметнее стирая испарину над верхней губой, и тихо вздыхал. Было от чего. Жека медленно приближался к месту страшной экзекуции — к своему дому.

Студёный ветер бесцеремонно забирался под грязную куртку. Они так долго выбирали её вчера с мамой в его любимом магазине. Что она теперь скажет? А что скажет папа? Тяжёлая капля начинающегося дождя издевательски стукнула по макушке. Вот и они так же начнут долбить по макушке нотациями. Стало зябко. Но мальчик даже не думал застегиваться и накидывать капюшон. Тем более что капюшон был наполовину оторван, а пуговиц осталось всего две. Да и какая теперь разница, промокнет он или нет. Всё равно не жить.

А ведь ещё какой-то час назад на небе, безоблачном, как его жизнь, светило солнце! Женя был переполнен гордостью, и вприпрыжку мчался на занятия по скрипке...

«Если бы их было хотя бы двое, — думал он, — я бы... А теперь всё!»

Мальчик снова и снова представлял себе тихие слёзы матери и холодную ярость отца: «Сыночка, как же так! Как это могло случиться с тобой? Ты же такой приличный мальчик!» — «А я говорил! Я говорил! Нечего доверять ребёнку такие суммы и такие поручения! Так и знал, что ничего путного из этого не выйдет!»

Женя остановился и поднял голову кверху. Не хватало ещё разреветься!

Небо было серым, жизнь беспросветной.

Ветер, пожалев мальчишку, загнал солёную влагу обратно в глаза и тут... Слёзы ударили Женьке в голову и превратились в гениальный план! Он вообще не пойдёт домой! Сбежит! Прямо сейчас!

Мальчишка медленно опустил голову и упёрся взглядом в яркое «солнышко». Пробившись из-под асфальта, оно отважно возвышалось на гибком тонком стебле. Тянулось к небу жёлтой головой и длинными стрелами-листочками. Первый одуванчик этой весны. Женя наклонился к нему и легонько погладил пушистую голову.

— Скажи, круто?

Мальчик оглянулся. У блестящего байка стоял мощный бородатый дядька в чёрной кожаной жилетке. Жека тоже себе такую вчера присмотрел, но мама не разрешила.

— В смысле?

— Смотри, какой он дерзкий! — мужчина указал на одуванчик. — Прямо как ты!

— Я? — удивился Женя. — Я не дерзкий.

— Ещё какой! Дерзкий — значит, смелый. А ну, иди сюда, боец.

Добрые глаза байкера светились искренним участием к его судьбе. Мальчик несмело подошёл к мотоциклу. Мощная машина! Женя много бы отдал, чтоб хотя бы минутку на ней посидеть.

— Что, брат, асфальтовую болезнь подхватил? А ну, прыгай в седло и рассказывай.

Женька был в таком отчаянии, что даже не вспомнил о том, что с незнакомыми людьми говорить опасно. Он уселся на мотоцикл и выложил всё, как на духу. И про то, что мама в первый раз поручила оплатить уроки по музыке в частной школе, и про хулиганов, и про одноклассницу Маринку, и про то, что скажет папа, и про побег.

Мужчина слушал, не перебивая.

— Сбегу и буду играть на скрипке, — закончил свой невесёлый рассказ Женя. — Заработаю, заплачу за музыку и тогда вернусь домой.

— Да, жёсткий трабл! — покрутил головой байкер. — Один против четырёх, это да!.. Уважаю. А играешь как?

— Нормально. Экзамен сдал на «пять».

— Ну, тогда да! Хорошо придумал. А жить где будешь?

— На вокзале можно жить.

— Можно и на вокзале, конечно... — мужчина немного помолчал и кивнул в сторону одуванчика. — Только вот он тебя не поймёт.

Женя наморщил лоб.

— В смысле?

— Смотри, брат, сколько ног вокруг. Его ж в любой момент могут приложить. Затаптать. А он тянет голову к солнцу и ничего не боится. Для одувана тянуться к солнцу, это как для меня через пробку катить. Места мало, машин много, а надо вперёд. И он вырос, потому что солнце искал. Из маленького зёрнышка сам стал маленьким солнышком. У каждого человека тоже есть солнце, брат. Не то, которое одно на всех, а которое или есть, или нет. Это — честность. Вот тут, — и бородач приложил ладонь к своей груди. — Когда мы ищем к ней путь, тогда и растём, понял? И никаких расколбасов бояться не надо. Не бойся быть честным! Если не знаешь, куда рулить, мчи навстречу солнцу!

Женя не всё понял из того, что говорил байкер — он всё-таки был очень домашним мальчиком. Но главное уяснил.

Домой он всё же вернулся. Не сразу, конечно...

Уже у подъезда мальчик вспомнил про разрядившийся телефон, поэтому начал с него:

— Мам, пап, телефон сел, а я живой, — и, глядя на родителей, ошарашенных его твёрдой убеждённостью в собственной правоте, спокойно и честно продолжил: — Взрослые мальчишки забрали у Марины деньги. Я хотел ей помочь и подрался. Они сбежали, и я ей все деньги отдал. Маринина мама заболела, а папа их бросил. Ей нужно было срочно купить лекарство. Я работаю и всё отдам. С директором музыкалки договорился. Она согласна.

Отец посмотрел на заплаканное лицо мамы и сказал:

— Я-то думал, мы мальчика-одуванчика воспитали, а ты... молодец! Так и знал, что тебе можно доверять! Давай краба!

После ужина мальчик открыл в телефоне сообщения и прочёл: «Спасибо, Женя! Ты очень смелый! Даже не ожидала от тебя. Бабушка сказала, что таких Мужчин мало. Завтра всё отдам. Маме стало лучше. ☺»

АЛЕКСАНДР СЕЛИВЁРСТОВ

(г. Красноярск)

Александр Селивёрстов — прозаик социально-активного реализма. Публиковался в различных российских и зарубежных журналах.

БРАКОВАННЫЕ ЛЮДИ

Он уходил засветло и возвращался ночью — пьяный, смурной, злой, — чтобы увидеть то, как она страдает, как причиняет себе увечья и пьёт горстями снотворное.

Он зовёт себя Эл. «Имя для богатей», — говорил он.

Её звали Соня.

Оба молоды настолько, чтобы сорваться с места и начать всё заново. Оба стары настолько, чтобы бояться что-то менять.

— Мы — бракованные люди, — Эл вытер грязные после портовой работы руки и схватился за бутылку.

Он посмотрел из-под густых жёстких бровей так, что Соня съёжилась. Она устала. Она весь день впахивала официанткой за гроши. Лакействовала перед королями жизни.

«Когда тебя будут раздевать глазами, выпей двадцать капель фенобар-

битала. Когда мерзкий старикашка хлопнет тебя по ягодицам и скажет «дорогуша», выпей таблетку афобазола. Когда будешь идти за заказом на кухню и тебя прижмёт к стенке местная пьянь, чтобы облапать, словно куклу, выпей таблетку фенозепама».

—Эл, — она стеснялась называть его так. Она помнила время, когда он нёс своё имя гордо, как боевой стяг. — Давай уедем отсюда?

Эл наклонился и обдал её крепким, до слёз, перегаром.

—Ты можешь ехать куда угодно, но никогда не уедешь от себя. — Он постучал пальцем по виску: — Всё здесь, Сонечка.

Соня разревелась и упала на кровать так, что потолок и стены начали давить. Она забывалась в своём плаче, вся уходила в надрывный вой. Соня пряталась там от всего: от бесконеч-

---

© Александр Селивёрстов

ных разговоров о новой жизни, от маминых звонков, от работы, от соседей этажом выше, что третий день кряду выясняли отношения посредством битья посуды и матросской ругани. Под потолком мерцала лампочка. Из коридора на двадцать квартир доносился чей-то истерический смех. Эл смотрел Соне в глаза, пытаясь найти то, чего давно уже нет. Откуда-то тянуло жареной мойвой. Эл накинул на плечи кожаную куртку и вышел в ночь, захлопнув за собой и плач, и слёзы — одним словом — истерику, оттого, что всё именно так и никак иначе.

Осенняя ночь прохладным ветром обняла лицо Эла и поцеловала. Эл закурил и позволил ногам вести себя. Он шёл, почти не глядя. Циррозно-жёлтые глаза многоэтажек устало глядели на Эла. Огни уличных фонарей искажались, как на «Звёздной ночи» Ван Гога. Эла подташнивало и тянуло в пивную.

Нос прошиб едкий запах мочи, хмеля и потных тел. Стоял гвалт. Эл рухнул за стойку бара, будто раненый солдат, и жестом попросил бармена подлечить его душу. Эл давно не привередничал в напитках, и теперь гранёная стопка с горькой тонула на дне пивной кружки, чтобы, как говорится, «вдарить по шарам». Эл хотел забыться. По телу растеклось тупое, животное тепло. Члены сковало. Голова повисла, как у старого пугала. За спиной оживлённо заговорили. Эл плевать хотел на всё, даже на самого себя, поэтому очередная стопка потерпела кораблекрушение. Эл различил женский голос, низкий, с хрипотцой, но томный. В голове появилось слово «круглый». Мужчина не без труда развернулся вполоборота и, подперев голову рукой, увидел всю

мизансцену: она, молодая, но потрепанная уличная кошка упивается вниманием десятка пьяных свиней. Эл напоролся на её чёрные острые глаза и почувствовал, как изнутри полилась похоть. Эл видел в ней что-то, напоминавшее дуло пистолета, направленное в лицо. Эл увидел в ней свою гибель. Он бросил мятые рубли на стол, схватил незнакомку и скрылся за дверь.

— Я готова отдаться любому, кто предложит тысячу рублей.

Её полные губы раскрывались, как лепестки роз, и выпускали горячий пар. Эл смотрел на её острый нос и властный подбородок, и понимал, что она такая же, как и он, как и все те, кто должен был кем-то стать, но стал никем. Эл не спрашивал её ни о чём, он сцепил в замок её длинные, какие бывают у благородных, пальцы и стал пробираться сквозь тьму и пьяный рассудок.

Эл бросил её на кровать, словно игрушку, и увидел вызов в глазах. Она оскалила зубы, как волчица перед нападением, и отдалась. Кровать грозила рассыпаться в труху, одинокая лампа болталась под потолком, за стенкой шумели соседи...

— Варвара, — сказала девушка, натягивая бретельку бюстгалтера.

Эл обернулся, посмотрел в её глаза и увидел в них пугающую пустоту.

«Как и все мы... Она — как и все мы», — повторял он, держа в трясущихся от волнения руках сигарету, когда дверь съёмной квартиры, где он тужил который год, вдруг выросла перед ним и осудительно посмотрела сверху вниз. Эл сжался в комок нервов и ворвался в ту знакомую жизнь, где Соня проводила бессонные ночи, и ехидно подглядывала в окно луна, смеясь над ними, простаками.

Соня ничего не спросила. Она неподвижно лежала, глядя на облезшие обои на стене, и пыталась не шевелиться, притвориться, что её нет. Раньше от Эла несло только перегаром. В этот раз Соню щёлкнул по носу запах дешёвых духов, какими пользуются только бедные. Какими стала пользоваться и она.

Соня невольно повернулась лицом к Элу и дрожащими глазами-блюдами молча спросила его обо всём, но он не ответил. На улице завывала сирена скорой помощи. Соня подумала, что это за ней. Пожарная, скорая, полиция, кто угодно, приезжайте, спасите, помогите!

Соня потянулась за транквилизаторами и выпила целую пригоршню. Тело набухло и превратилось в вату, язык вывалился, а в ушах зазвучала самая приятная музыка — тишина.

Эл принялся с упорством Сизифа каждый вечер ходить к Варваре, чтобы надышаться её грязью, её страданиями, а Соня всё больше терялась в догадках: для чего она живёт, и когда это всё прекратится. Эл больше не касался Сони. Когда-то, когда он гордо называл себя по имени — когда верил в завтра и не боялся сегодня, Эл помогался её, стонал по её ласкам, но спектакль кончился после первой сцены — Соня оказалась фригидна. Она умоляла его не думать об этом, ведь ей было приятно, что он рядом с ней, что он хочет её, а что она ничего не чувствует — это неважно, мелочь. Но мысль, что он вонзается в мёртвое тело, нанизывает его на свой орган с той же бесчувственностью, с какой нанизывают мясо на шампуры, сводила его с ума. Всякий раз он смотрел ей в глаза, пытался увидеть хоть проблеск наслаждения, хотя бы радости, но ничего, кроме самопожертвования, там не было.

С появлением Варвары Эл навсегда забыл Соню. Он мог поклясться, что с трудом узнал бы её, если бы они столкнулись лицом к лицу на улице. А ведь они жили вместе, делили быт. Соня растворилась в быту и превратилась в часть интерьера. Она стала хуже кошки, она вообще не требовала никакого внимания.

Эл слишком много пьёт — решили в порту и попросили его вон. Варвара не давалась без денег.

Эл чувствовал скорую развязку, поэтому придавался самому страшному пьянству — чёрному, когда человек пьёт так, будто спешит на встречу с Богом.

Она нашла его по воле злой судьбы: в подворотне за ней кто-то увязался и насвистывал, подстёгивая её с шага перейти на бег. Небосвод был укутан в плотное одеяло ночи. Перемигивались между собой фонари. Кто-то отвешивал сальные шуточки, и эхо разносило их по пустым улицам. Она боялась не успеть домой.

Эл появился тогда, когда некто был на расстоянии шага, а связка её ключей зацепилась за студенческий билет. Эл ударил её пьяным угаром, а преследователя — кулаком.

Она испугалась, но вдруг просияла от радости, поняв, что опасность миновала. Она обернулась к заступнику и вновь посерела — Эл выглядел хуже некуда. Она назвалась Женей и спросила, есть ли ему где переночевать. Спустя мгновение Эл хлебал куриный суп и рассматривал нелепые плакаты, висящие на стенах.

Эл рассказал ей всё. Женя решила, что сможет его отмыть, причесать и одеть в костюм. Женя любила помогать: её большое сердце вмещало в себя и помощь сиротам, и волонтерство в приюте домашних животных,

и многое, чего не делают люди с дублёными суровой жизнью лицами.

Спустя пару дней Эл вернулся к Соне и забрал вещи. Соня лежала, по-библейски раскинув руки. Глаза не моргали. Эл посмотрел на неё и почувствовал, как в нём нарождается жалость.

«Она жива?» — мелькнула мысль. Но в ту же секунду Эл понял, что не хочет ничего знать об этом. Он хлопнул дверью одного комнатного мира, чтобы променять его на другой.

— Мы бракованные, понимаешь? — говорил он с жаром васильковым жениным глазам, а она раскрывала свой влажный рот и всё убеждала, убеждала, что это не так, и всё бес-толку.

Эл устроился на работу. Женя говорила, что он справится с любой работой — «ты же умный, Лёша», — но Эл, надев галстук, почувствовал, как хочет на нём повеситься.

Эл вернулся в порт. «Так честнее. Собаке — собачья жизнь».

Женя не заметила, как потеряла веру в кошек, собак, брошенных детей и умирающих инвалидов. Точнее, как вся эта любовь к миру, всё сострадание ловко уместилось в одной таблетке транквилизатора.

Эл не заметил, как ноги вновь стали нелепо плестись до пьяной кутерьмы, и как подруга-ночь снова принялась целовать его всякий раз, стоило ему выйти из жаркого, переполненного отчаянием, жениного дома.

Бракованный человек.

МАРИНА ШАМСУТДИНОВА

(г. Щёлкино, Крым)

Марина Шамсутдинова — выпускница Литературного института им. А. М. Горького (2003 г., мастерская Станислава Куняева). Член Союза писателей России, МГО СП, Союза писателей Республики Крым, Академии поэзии. Автор шести книг стихов: «Солнце веры» (2003), «Нарисованный голос» (2007), «Дань за 12 лет» (2010), «Стихи» (2011), «Русская сказка» (2015), «Правда» (2016). Печаталась во многих журналах. Лауреат поэтической премии им. Юрия Кузнецова за 2010 год (журнал «Наш современник»). Награждена общественной медалью «Защитник Отечества» и грамотой правления Союза писателей России «За высокие достижения в литературном творчестве», победитель фестиваля «Славянские традиции» (2011, 2013, 2014), фестиваля «Интеллигентный сезон-2015».

СКАЗКА ПРО ЁЖИКОВ

Жило-было семейство ёжиков. Фамилия у них была родовая — Ёжиковы. В одном лесу жили — плодились и размножались. Переселяясь на новые полянки, собирали жуков, ловили мышей. Охраняли лес от змей и других гадов ползучих. Лес ведь их Родина и дом родной.

Но однажды провели в лесу перепись, решили выдать всем ежам документы. Писарь попался странный и, видно, малограмотный, по злому умыслу али по глупости, но записал он всех ежей по-разному. Одних ёжиков записали Ёжиковыми, других Ижиковыми, а третьих и вовсе Йожиковыми. И пошла у ежей с тех пор свара и ругань. Чей лес, да кто тут раньше жил, а кого сюда ветром занесло.

Йожиковы заявили, что они древнее всех и происходят от американских дикобразов, и все ежи мира от них произошли.

Ижиковы доказывали, что все ежи мира — пришлые, а лес принадлежит только им, и происходят они от лесных еловых шишек, да и, вообще, лес этот они посадили и вырастили.

Ёжиковы, наоборот, говорили, что все — Йожиковы и Ижиковы, и Ёжиковы — одного роду племени, и имя у всех общее, и лес общий, по праву и по совести.

Вот так, пока они спорили, друг перед другом пыжились и гордились, весь лес начал просто кишеть гадами и змеями.

© Марина Шамсутдинова

Вместо того чтобы защищать свой дом, стали Ёжиковы со змеями дружбу водить и речи их скользкие слушать.

Ёжиковы остались один на один в этой битве, потому что решили Ижиковы под лопухами отсидеться и поглядеть, как оно там дальше выйдет.

Пируют змеи в лесу и уже всю скрещиваются с ежами и новую породу выводят — ЁЖЗМЕЙ. И покрикивают на Ёжиковых — ешь землю, ёж, ешь, коли она твоя, а что не съешь, то нам достанется.

А чтобы ежи меньше понимали друг друга, учат змеи их новому языку — зашипели ежи, зацокали, мы, говорят, со змеями родня — тоже в клубок сворачиваться умеем. А чтобы с голоду не помереть, будем теперь Ёжиковых есть. Они нам ни по крови, ни по роду не родственники, а обычная пища, нам змеи это быстро объяснили.

Война идёт в лесу, ежи убивают и едят ежей. Нет больше здесь тёплого и спокойного места и под лопухом не отсидеться... Ну что вы выёживаетесь, Ёжиковы, с кем договариваетесь! Шипит лес, под каждым кустом слышно шипение, но не в привычках у ежа отступать... Поэтому подходит он, как обычно, к змее, хватает за хвост и начинает её методично жевать... Бьётся змея, пытается укубить ежа, да не на того напала — колючие у ежа иголки, не прокусишь... много змей, но и ежей немало...

Поэтому методично и спокойно — встал ёж поутру, почистил зубы и схватил очередную змею за хвост. Лес-то кому-то чистить надо.

КАРАСЬ НА КРЮЧКЕ

Жил-был старик, и любил он ловить рыбу, но больше всего любил он выпить. Пил да ловил, пока от него все родственники не разбежались.

Вот однажды купил он себе в сельпо бутылку водки и пошёл рыбачить на самое дальнее и глухое озеро. Насадил червя, закинул удочку и налил себе стакан водки. Выпил, крякнул от удовольствия, и умер...

А на крючок в это время попался маленький карасик, но некому было карасика из воды достать. И стал карась жить на крючке прямо с леской и поплавком. Неудобно сначала было, но он привык.

Со временем Карась вырос, женился и даже стал участвовать в выборах. В предвыборной речи он особенно подчёркивал свою исключительность и превосходство над простыми карасями. У них-то не было на губе такого славного украшения в виде крючка.

Многие его зауважали. Стал он губернатором озера, появилась у него команда сторонников. Разжирел Карась, и всё речи толкал.

Однажды забрёл на это озеро заблудившийся маленький мальчик. Смотрит, а у воды лежит бесхозная удочка. Дай, думает, посмотрю, есть ли на ней крючок. Дёрнул и вытащил из воды огромного карася. Так неожиданно это всё произошло. Карась как раз толкал очередную официальную речь, он уже давно забыл, что сидит на крючке. Правда, его последователи такое молниеносное исчезновение своего губернатора восприняли как божественный знак. Стали говорить, что Карасю озеро стало мало, и что он вознёсся в высшие эшелоны власти — возможно, руководит целой рекой или даже морем.

А мальчик уплетал жареного карася и нахваливал.

Татьяна ОКОМЕНИЮК

(г. Франкфурт-на-Майне, Германия)

Татьяна Окоменюк — прозаик, публицист, член Союзов журналистов Украины и Германии, член Союза немецких литераторов «Unser Leben», спецкор русской редакции берлинского радио RBB Rundfunk Berlin-Brandenburg, автор 16 книг художественной прозы, лауреат множества литературных премий.

БЕРЛИН – ОРЛОВКА – БЕРЛИН

(Окончание)

ОТВЕТ ИЗ ОРЛОВКИ В БЕРЛИН КОТУ МАРТЫНУ

Мартышка, братуха, здорово!

Уж и не чаял о тебе услышать. Думал, забыл ты о нас давно в своих Европах. Ан нет! Прислал-таки весточку. Рад до слёз, что хоть кому-то из наших по-настоящему повезло. Одно печалит: никому из твоих бывших корешей привет из Германии передать не могу — нет уже среди живых ни Кысы с Баксом, ни Пикселя с Нафиком, ни Зёмы с Лузером. Из «старой гвардии» один я остался. Хоть и без левого глаза, но ещё живой, что при нынешней жизни даже удивительно.

Спросишь, что с нашими кошками приключилось? Да всякое-разное. Кыся, по рассеянности, из консервной банки вылакал отраву, рассчитанную на колорадского жука. Лузер погиб в неравном бою с ширяевскими котами. Нафик в выгребной яме утоп.

Говорят, за ним Рекс погнался, у которого тот прямо из-под носа сахарную косточку уволок. По Баксу Кузьмич из дробовика пальнул, приняв его, по пьяни, за чёрта. Боцмана загрыз бультерьер дачников, купивших дом у Малагиных. Те в саду пикник устроили, провоняв своими шашлыками всю улицу. Вот Боцман и не выдержал — попёр на запах. И видел же: ворота кованые, запоры, как на военной базе, весь забор битым стеклом утыкан, острыми концами наружу. Да и Булька ихний без намордника по участку носится... Видел — и попёр. На лапы свои быстрые понадеялся да на деревья высокие. Вот тебе и экстрим... Чего-чего, а этого у нас — хоть ведром черпай.

Зёма под грузовик попал, прямо у зелёной чугунной колонки. У нас

© Татьяна Окоменюк

ведь лампочек на улицах нет. По-прежнему, освещена только Советская. Да и с дорогами напряг — сто вёрст до ближайшего асфальта. Тут жизнь, Маргыша, вообще бьёт ключом... гаечным... и всё по башке.

Битву с колорадским жуком орловцы проиграли. Теперь даже картоха в дефиците. Свёкла тоже вся зачахла. С кормами очень плохо. За скотом ухаживать некому.

Помнишь, как раньше коровушек на фермах лелеяли? Раствором соды так им бока надраивали, аж ногти с пальцев сходили. И веточки хвойные в коровнике для запаха развешивали. А сейчас бурёнок за навозом уже не видать. Пастух пьёт, на пастбище выгоняет поздно. Отсюда и надои. Слезы, а не надои.

Тут не только крупный скот, а и гусей с утками мало кто держит. Ты не поверишь, но у нас даже лягушки исчезли. Раньше их в лужах было видимо-невидимо, а теперь после дождя ни одной не встретишь. Не дуры, видно, квакухи в смытых с полей удобрениях барахтаться.

В общем, село вымирает. Если видишь ухоженный дом, а рядом вспаханный огород — это дачники. Орловцам же всё — до синей трубы. Пьют горькую.

А цены у нас! Мама моя Мурка! При тебе ещё терпимо было — пряники в «Сельпо» коробками покупали, рыбу мороженую — целыми пластинами, про консервы я уже молчу. А сейчас... Даром, что на вывеске вместо «Сельпо», «Шоп» написано. Если денег нет, кому в радость, что «Шоп» этот копчёными колбасами да замороженными йогуртами набит?

Летом, когда дачники из города приезжают, наши слегка зарабатывают. Долги раздают, закупают, что нужно, а к зиме — опять на бобах.

Молодежь, та давно в город перебралась. Тут же — ни работы, ни дискотек. Одно слово: «село без газа». Наши пробовали депутата по этому вопросу потрясти — ответ один: «В захолустье трубы тянуть нерентабельно!»

Так что, Мартын, ничего в наших погребях уже давно нет. Весь харч деревенский в холодильниках уместается, а оттуда ничего не умыкнёшь. Там каждый кусок под жёстким контролем. Если что — убьют на месте, как в песне про попа и собаку.

Живу я впроголодь. И, если б консервами с витаминными добавками кормили меня, я б не только на Базиля, я б на Хрюнделя откликнулся. Питаюсь, в основном, мышами. Страдаю от этой гадости сильной изжогой. В прошлом году пожары грызунов с полей в Орловку пригнали. Так они в бабманином погребе всю недоеденную жуком картошку дожрали и не подавились. Потом залезли в гараж Димона и объели изоляцию электропроводки его мотоцикла. «Иж» этот древний и слова доброго не стоил, однако ж на ходу был. Димон на нём по ночам на ток ездил. Возвращался под утро с коляской, набитой зерном...

Впал он, короче, в ярость и с криком «Дармод проклятый!» запустил в меня гаечным ключом. Как будто не знал, что за «спасибо» мышку ловят не дальше печки. Так я, Маргыша, левого глаза и лишился.

А тебя, значит, ошейники с лампочками злят и чванливость абрикосового пуделя? Мне б, дружище, твои проблемы, сидел бы я в Берлине этом и не рыпался.

Вон и Петрович твой так считает, кричит: «Обор-р-рзел в корягу, р-р-репатриант хр-р-ренов!» Он таки прав. Ты сыт, иногда пьян, и нос у тебя в табаке. Захворает — к Айболиту

повезут. Помрёшь — не на огороде у сортира зароят, а похоронят на кладбище как белого, благородного кота.

Да, чуть не забыл, Полкан тебе кланяется. Он уже совсем одряхлел: голос пропал, брешет шёпотом, но при слове «Мартын» так заколотил хвостом, аж пыль до небес поднялась. Он, бедняга, сильно хромает. Сын Ваньки Порошкина с дружкой своим недоразвитым, забавы ради, бульжником в него запустили. Вот он теперь и таскает заднюю лапу.

Баба Маня тоже прихрамывает. Она все выходные на базаре стоит. Зорька для неё — основной источник дохода и главный собеседник. За дядей Мишей и за Андрюхой бабка сильно скучает. Недавно крутился я у скамеек, рядом с большой поленицей, где орловские старухи сплетничают — интернет, по-вашему. Так слышал, что твои-то бывшие в августе к нам пожалуют. Вдвоём, без тётки Людки и Варьки. Последние такими немками заделались, что их арийские глазёнки нашу Орловку уже в упор не видят.

Так я вот что думаю: когда берлинцы-то будут назад отъезжать, попробую им на хвост упасть — запрыгну в багажник и затаюсь до границы. Мне бы только в Еврозону пробраться, а там я любому сдамся, хоть в приют, хоть в частные руки. Спасибо тебе, Мартыша, за вовремя поданную идею. Не зря ты считался самым сообразительным котом Орловки. Глядишь, и свидимся ещё с тобой «на вражеской территории».

На нашей тебе делать нечего. Пейзажа того, что так радовал твой глаз, больше нету. Осталась лишь пыльная черешня под окном да куры, роющиеся на компостной куче. Петю хромого давно зарезали, а гусей таджики-гастарбайтеры спёрли.

Они в Ширяево какому-то богатеему дачу строили, вот и решили малость подхарчиться. Подплыли на лодке к берегу, где гуси обычно паслись, набросили на них сетку, бошки им поскручивали, в плавсредство своё зашвырнули и уплыли. Хозяева в полицию заявление понесли, так их оттуда вмиг вытурили: «Нужны им ваши лапчатые, как банщику латынь! Ясен пень, глупая птица камней на берегу нажралась и в речке потом утонула». Вот так и живём.

А ты говоришь, что в бока твои плешивые оливковое масло втирают вместо валерьянки... Послушал я, Мартыша, как ты там «страдаешь», и такая жаба меня задавила, аж слёзы на глазах выступили.

А Петрович сидит сейчас на навозной куче и ворчит себе что-то под клюв. Ага, разобрал. Говорит, что ты в голову раненый, и что у тебя в мозгах пуля застряла.

Принять его, как следует, мне не удалось — откель у бабки трудодни? Сам давно на вольном выпасе: кручусь у колхозной столовки, жду, когда вёдра с объедками на помойку понесут.

После того, как я хозяйское добро от мышей-то не уберёг, меня с довольствия сняли совсем. Димон так прямо и сказал: «Гуляй, Вася, ешь опилки. Я — хозяин лесопилки!»

Нет на этого стервеца ваших «зелёных». У нас тут только «синие», и Димон — один из них. Полгода от «белочки» лечился — не помогло. С утра не выпил — день пропал. Как самогонки отхлебнёт, так сразу диким и становится: глаза красные, фиксы вперёд и монтировкой перед собой машет: «Всех порешу, животные!»

Совсем до ручки дошёл: вещи из дому пропил, в том числе и мешок с просом. Теперь даже несущек

кормить нечем, не то что твоего немецкого туриста, без конца орущего: «Беспр-р-редел!»

Пытался я его в курятник на обед пристроить, так куры, в страхе за свой харч, чуть башку ему не проломали. Корова Петровичу по мордасам хвостом съездила, а козёл рогом поддел, чтоб тот не выпендривался. И поделом! Он, хоть и представитель Евросоюза, но ведёт себя совсем не дипломатично: Мефодия обозвал козлиной мутнорылой, Зорьку — убогим парнокопытным, кур — безмозглыми пернатыми, быка Буяна — колхозным геморроем, хряка Борю — навозной кучей. Куда с ним ни пойдёшь — везде блажит: «Голь перекатная! Рвань подзаборная!» Весь нервяк, Мартыша, я с ним пожёт. Попугаю-то что? Проинспектировал нас и восвосяи убрался, а мне здесь оставаться.

С каким трудом провёл я его на колхозный ток! «Гуляй, Петрович, — говорю, — ни в чём себе не отказывай!». Так вместо «спасибо» услышал: «Дер-р-рьмо! Отстой конк-р-ретный!». Не я, конечно, — зерно наше. Совсем с катушек слетел в своих заграничах. Всё время требует пророщенных семян, измельчённых орехов и какого-то попа-корна. А где я ему их добуду?

Взял я его с собой на свадьбу к Верещагиным. Те как раз Зинку свою выпихивали за одного городского урода в золотом ошейнике. Знатный ошейник — в два хвоста шириной! И днём, и ночью светится — куда там тому немецкому, который с лампочками. И машина у него ненашенская с номерами VOVA. Крутяк, одним словом. Верещагины вокруг Вовы этого мало не хоровады водят.

Столы они, к моей радости, в саду накрыли. Сам знаешь, сколько у

подвыпивших гостей мимо рта пролетает. Так вот, я Петровича под стол посадил поближе к молодым, а сам вперёд двинул — подъедать харчи, упавшие на землю. Минут десять меня не было, не больше. Вдруг слышу: попка орёт на весь двор: «Хлеб — голодным! Икр-р-ру — сытым!». Я бегом обратно, а бухой в хлам Петрович уже на жениха наезжает: «Не плюй под стол — там тоже гости!» Потом вообще на личности перешёл, стал невесту оскорблять, намёки гнусные делать на её продажность. То «где деньги, Зин?» заверещит, то «бабосы не пахнут!», а то, вообще, запел голосом Верки Сердючки: «Значит, я из солнечной плацкар-р-рты перейду, как минимум, в купе!»

Разразился скандал! Зинкина мать, тётка Катька, туриста нашего чуть не затоптала своими бегемотьими ногами и меня за компанию пустой бутылкой по башке огрела. Мы оттуда еле лапы унесли.

Петрович клянётся, что только пробку от шампанского понюхал, которая к нему под стол закатилась. Думаю, не врёт — кто б там ему наливал? Разучились вы со спиртным общаться в своих Европах. Одно слово — немцы!

А я бы выпил сейчас с горя, чтоб хоть на время забыться. Потому как не жизнь у меня, Мартыша, а сплошное издевательство над божьей тварью. Лучше б меня сразу в сортире утопили.

Ну ладно, буду закругляться, а то Петрович уже клювом щёлкает. Никак дожидаться не может окончания письма, чтоб тут же лететь обратно. Крутит недовольно башкой и верещит не по-нашему: «Шайсе! Ни видер!»¹

Бывай, короча. С надеждой на скорую встречу, навеки твой Базиль.

¹ *Дерьмо! Никогда в жизни!*

ВАЛЕНТИНА ЯРОВАЯ

(г. Щёлкино, Крым)

Валентина Яровая — член Союза писателей Республики Крым, член клуба фантастов Крыма, Международной общественной организации «Союз писателей и мастеров искусств», член творческого объединения «Skiv» (сотрудничество поэтов и писателей Украины, России, Швеции). Руководитель литературно-поэтического объединения «Свирель» г. Щёлкино», щёлкинского отделения Союза писателей Республики Крым. Пишет прозу, стихи, активно сотрудничает с крымской прессой. Публикации в крымских, украинских, российских, русскоязычных шведских и казахских изданиях. Автор книг «Аккорды поэзии», «Озарение», «Монологи». Лауреат и член жюри нескольких литературно-поэтических и музыкальных фестивалей.

НЕОЖИДАННОЕ ЗНАКОМСТВО

(Отрывок из романа «Зов»)

...Они были знакомы всего две недели. Увидел он её впервые в этом парке. Она сидела на скамейке. Рядом, пыхтя и урча, катал по асфальту машинку мальчик лет пяти. Вечерело. Тени от деревьев под косыми лучами солнца стали длинными. Откуда-то из зарослей веяло прохладой.

В тот день Костя со своими друзьями вышел из дверей университета, к которому примыкал парк. Ребята любили после занятий заходить в здешнее кафе, поболтать с милой улыбчивой «хозяйюшкой», как они называли девушку, работающую в нём.

Всё было как всегда. Побалагуривав, выпив по чашечке кофе, разошлись кто на метро, а кто побежал догонять свой троллейбус. Костя остался со своим другом-однокурсником по имени Соломон, маленьким, худеньким, в очках. Все его звали просто Сеня.

Они присели на свободную скамейку под дубом. Когда-то на этом дубе висела охранная табличка, где было указано, сколько лет великану и что в таком-то году — очень давно — здесь, под ним, отдыхала и любовалась им какая-то проезжая знаменитость. Таблички нет, её сорвали да забыли пове-

---

© Валентина Яровая

силь — время такое, а дуб стоит вот уже сотни лет, спасая от зноя и дождя не одно поколение проезжающих, отдыхающих, беспокойных, суетливых людей.

Много видел он на своём веку. Вот и сейчас, укрывшись от палящих солнечных лучей, сражались на расположенных под ним скамейках местные чемпионы по шашкам и шахматам, вокруг которых собрались болельщики и сочувствующие.

Сражение на одной из них, недалеко от Кости и Сени, было уж очень драматичным. Там разложили на доске шашки старичок с аккуратно подстриженной седой бородкой и молодой парень, нескладный, высокий, узкоплечий, с длинными руками, которые, казалось, мешали ему, и он не знал, куда их девать. Старичок хитро поблёскивал стеклами очков, а парень волновался, краснел, поминутно почесывал торчащий хохолок на макушке. Обступившие их, видя состояние парня, подзадоривали его, но ставили на старичка. Выигрыш — бутылка пива. Благо, бежать было недалеко, кафе рядом.

Ребята сидели разомлевшие от вечернего воздуха, наслаждаясь яркой зеленью вокруг.

Близились экзамены, и если в течение семестра можно было и прогулять лекции, и увильнуть от каких-то занятий, то теперь с раннего утра и до вечера приходилось высиживать четыре, а то и пять пар.

С детства Костя мечтал стать журналистом, писал стихи, статьи для школьной стенгазеты. Даже печатался несколько раз в городской «Вечёрке». За неимением в местном университете факультета журналистики он выбрал филфак. Можно было бы попробовать поступить в столичный, но какая гарантия, что его там ждут.

Сеня вдруг вскочил, поднял руку и стал с пафосом, громко, так, что на него обернулись все вокруг, декламировать:

*Пью горечь тубероз, небес осенних горечь
И в них твоих измен горящую струю.
Пью горечь вечеров, ночей и людных сборищ,
Рыдающей строфы сырую горечь пью...*

Костя покачал головой, поморщился:

— Оставь в покое Пастернака! Башка трещит, целый день лекции, лекции. Ух, и жара сегодня в аудитории. Когда это было — май и такая жара, будто самая макушка лета.

— Константин, давай без проблем, относись ко всему философски. Что такое жара по сравнению с этими строчками! Без балды — это вечно:

*...Наследственность и смерть —
Застольцы наших трапез.
И тихую зарёй верхи дерев горят.
В сахарнице, как мышь, копается анапест,
И Золушка, спеша, меняет свой наряд...¹*

¹ Борис Пастернак «Пирры» (1913)

Оба не заметили, как к ним подошёл мальчик с машинкой и, не отрываясь, смотрел на них. Когда Сеня закончил, он ударил его ладошкой по коленке и пробасил:

— Ещё про Золушку!

Ребята рассмеялись.

— А ты говоришь... — Сеня взъерошил волосы на голове мальчика.

— Ты кто?

— Я Алёша. Про Золушку расскажи!

— Э, брат, какой ты. Подавай ему про Золушку! Пусть мама тебе расскажет.

Кстати, а где твоя мама?

Мальш посмотрел на молодую женщину, сидевшую на соседней скамейке, кивнул в её сторону. Та встала, подошла и взяла мальчика за руку.

— Алёша, зачем ты к дяде пристаешь?

— Это не дядя!

— А кто же он? — рассмеялись уже все.

Мальчишка засопел. Лукавые смешинки появились из-под пушистых ресниц в его глазах, хотя он старался быть серьёзным.

— Не дядя, вот — дядя, — он показал на мужчину средних лет, проходившего мимо.

— Извините... Алёша, нам пора!

— Мадам, не уводите от нас этого вундеркинда, разрешите ещё побеседовать с ним. Мы просим и вас задержаться, почтить своим вниманием наше общество.

Сеня опять вскочил и, состроив почтительную мину на лице, дурашливо поклонился. Рядом на лавочке захихикали.

Женщина, покраснев, смотрела на парня своими большими чёрными миндалевидными глазами, а мальчишка насупил, и исподлобья уставился на него:

— Сам ты уденкид! А мама — не мадам, она Оксана.

— Правильно, Алексей, так его, сам уденкид, а обзывается, — весело проговорил Костя, — придётся тебе, Соломон, реабилитироваться. Правда? — обратился он к мальчику.

— Правда, реали... ребиро... — запутался ребёнок в трудном слове. — А как это?

— Мороженое хочешь?

У мальчугана загорелись глаза, но, посмотрев на мать, он отвёл их в сторону и отрицательно замотал головой.

— Хочешь, я вижу, — Костя порылся в кармане. — Сеня, вперёд!

Тот взял под козырёк:

— Есть реабилитироваться! Пошли, пацан, какое ты любишь?

Мать хотела удержать сына, пытаясь возразить, но тот уже вышагивал рядом с Сеней по направлению к лотку с мороженым.

— Зачем, не надо! Я сейчас отдам деньги, — женщина стала открывать кошелёк.

— Чепуха. Хороший у вас мальчуган. Что-то раньше я вас не видел здесь.

— Мы недавно переехали. Живём вон в том доме, — она показала на старый двухэтажный дом по ту сторону проспекта.

Костя смотрел на Оксану и улыбался. Ему нравилось в ней всё: и волнистые тёмные волосы, красиво перевязанные чуть ниже шеи сзади и рассыпанные кольцами по спине, и высокий чистый лоб, обрамлённый непослушными волнистыми прядями. Он увидел где-то в глубине глаз затаившуюся печаль, хотя, казалось, сквозь пушистые ресницы в любой момент из них готовы брызнуть лучики-смешинки, так похожие на Алёшины. Ему захотелось коснуться её волос, руки с коротко стриженными ногтями без маникюра. Ему вдруг стало хорошо, уютно рядом с этой высокой, стройной молодой женщиной.

Она что-то заметила в его взгляде, смутилась и отвернулась. В это время Алёша подбежал к матери, держа в ручке эскимо на палочке.

— Эх, ты, шалун ты мой, шалун, не стыдно, попросился на мороженое. Что надо сказать?

Мальш засопел, лукаво глянул на Костю, на Сеню и пробасил:

— Спасибо.

— Ну, всё, извините, нам пора. Идём, сынок, — заторопилась Оксана.

Мальчуган стал упираться, не желая уходить от вновь обретенных друзей. Ребята тоже не хотели расставаться вот так неожиданно с красивой молодой незнакомкой и заявили, что не допустят такого, чтобы Алёша с мамой сами пошли домой, что они обязательно должны их проводить. Мальчишка схватил с одной стороны руку матери, с другой Кости, а Сене приказал идти рядом. Так они быстро очутились у дома, где жили Алёша с Оксаной. Сеня попытался, дурачась, попроситься на чай, но Костя вдруг нахмурился, взял его за плечи, и, развернув со словами «всего доброго», почти не простившись, потащил друга к остановке. Сеня, ничего не понимая, уже на ходу крикнул, помахав рукой:

— Гуд бай, май френдз!

Потом к Косте:

— Чего ты, сдурел что ли?

— Ты пошляк — вот чего! — насупился тот.

Тряхнув головой, отчего его очки слезли на кончик носа, Сеня внимательно посмотрел на друга поверх них и заметил:

— Понятно. Влюбился.

— Кто влюбился? Что тебе понятно? Дурак! — замахнулся Костя.

Сеня отскочил, покрутил у виска пальцем:

— Лечиться надо!

Оба замолчали. Потом он заговорил опять:

— Да-а! Что — так сразу? Хотя, не мудрено, красивая... «Я встретил вас, и всё былое в отжившем сердце ожило...», — пропел он вдруг тенорком, но сразу осёкся под грозным взглядом друга.

Они подошли к остановке. Людей было много — конец рабочего дня. Подкатил троллейбус, Сеня успел втиснуться в него.

— Кость, давай, давай, — приговаривал он.

Но тот вдруг отошёл, пропуская толпу вперёд, махнул рукой, мол, езжай, повернулся и зашагал к метро.

Придя домой в общежитие, где он жил, не отвечая на вопросы друзей, улётится на кровать и отвернулся к стене...

ТАТЬЯНА АНДРЕЕВА

(г. Вологда)

Татьяна Андреева — сложившийся прозаик, автор книг «Прощай, XX век» (2010 год), «Вологодская бивальщина» (2014), «Уходящее лето», стихи (2010), «Волшебная повесть о городских птицах» (2015), «Сказки из Вологды для взрослых и детей» (2016), «Стихи для детей» (2017). С 2007 года публикуется в периодической печати России.

ЛЮСИНО СЧАСТЬЕ

Сегодня первое апреля — обман-ный день. Вроде бы весна, а её нет: на улице идёт снег, плотной белой завесой стоит перед глазами и норовит не пропустить шестидесятисемилетнюю Люсю домой. Снег падает сверху и путается в ногах, скрадывая звуки, приглушая свет и мешая идти. Во дворах и по своему переулку она с трудом бредёт, увязая по колено в снегу, и в плотной усыпляющей тишине. Тащит сумку с продуктами и пытит, отдуваясь, как забытый в тупике старичок-паровоз. Её никто не ждёт — муж в деревне, поехал посмотреть всё ли в порядке, закрыт

ли дом, скоро ли можно будет начинать весенние работы в саду. Дочка уехала в дальнюю командировку. Настроение от всего этого мутное и тревожное. Навстречу выплывают неясные силуэты ближних пятиэтажек и старых деревянных домов.

От одной из «деревяшек» навстречу ей вперевалку плетётся знакомая дворняга, такая же старая и толстая, как она сама. У собаки на морде написано, что ей тоже муторно. Люся не знает, как её зовут, но не проходит и дня, чтобы дворняга не встречала её в переулке, меланхолично подкатываясь к ногам и утыкаясь мордой в

© Татьяна Андреева

колени — чует родственную душу. Сегодня она даже лаять не в силах, лишь горестно, снизу вверх, засматривает Люсе в глаза, будто пытается сказать: «До чего мне худо, ты бы знала!» Люся роняет сумку в снег, обнимает собаку и гладит её старую голову:

— Как я тебя понимаю, девочка моя! Ты посмотри, что делается! Видано ли, чтобы первый день второго месяца весны завалило снегом по самые твои уши! Чистое светопреставление!

Собака благодарно лижет её в щёку, и они расстаются, расползаясь в разные стороны. Дворняга — в конуру рядом с деревянным домом, а Люся — в свою пятиэтажку...

Ночью Люся лежит без сна. «Опять в атмосфере какие-нибудь перемены, — вздыхает она. — Хоть бы растаяло всё, наконец. Как я устала от постоянных скачков погоды, не успеваю мой поношенный организм догонять все эти циклоны и антициклоны». На противоположной окну стене качается причудливая тень соседних тополей. Свет от идущих по дороге автомобилей то отводит эту тень в сторону, то возвращает обратно. Вместо того чтобы отключиться под это непрерывное, гипнотическое мелькание, Люся окончательно прощается со сном, в голову лезут какие-то обрывки разговоров, мелькают чьи-то лица и события ушедшего дня. «Сегодня, как-то особенно тошно, — думает она, — Поплакать что ли, может, легче станет?» — Но слёзы не приходят. — «Вот несчастье-то, даже всплакнуть не могу. Несчастье... А что же тогда счастье, и было ли оно у меня когда-нибудь? Или вся жизнь — сон и наваждение? Нет, ну конечно, было. Жаль только, что оно, как молодость, — «быстро рвущийся товар».

Кажется, вот пришло, озарило тебя радостью, и уже нет её — беги вослед, ищи снова, может быть, повезёт!» Память прокручивает перед Люсиными глазами обрывки воспоминаний и вдруг останавливается...

Вот она стоит на железнодорожном мосту, недалеко от вокзала, и смотрит вниз на проезжающий поезд. Майский нежный ветер слегка приподнимает над острыми девичьими коленками лёгкую юбку цветастого крепдешинового платья. Люсе недавно исполнилось пятнадцать, и мама в подарок перешила ей это платье из своего любимого, старого, которое сама в молодости носила. Ветер играет с платьем, развязывает небрежно вплетённую в косу лиловую ленточку и уносит её вслед за проходящим поездом. Вологда, с утра умытая дворниками, уютная и свежая, лежит по обе стороны моста, а вокруг никого и ничего — ни людей, ни машин. Купол неба выведен голубыми и золотыми красками. Люсе кажется, что от тёплого солнца, от этого невероятного неба, от горьковатого духа черёмух, плывущего сюда из палисадников старых деревянных домов, от гула поезда, летящего вдаль, от сознания своей молодости и от беспричинного веселья, которое пузырьками поднимается по всему телу вверх и кружит голову, она и сама вот-вот оторвётся от земли и тоже полетит...

«Удивительно, — думает она, — но я совсем не помню, куда шла в тот день и зачем, помню только себя в невесомом платье и это удивительно счастливое чувство полёта, предвкушения летнего тепла и новой жизни. Хорошо, что оно осталось со мной навсегда. Интересно, почему счастье всегда приходит летом, ну или почти всегда?»

Среди ночи кто-то позвонил в дверь к соседям. «Ну и строить стали, каждый чих слышно, разве тут заснёшь?» — Люся повернулась на другой бок и попробовала устроиться поудобнее. Диван, на котором она лежала, недовольно застонал под её весом и из вредности выставил в бок старую пружину. «Как не стыдно? — сказала дивану Люся. — А ведь мы с тобой дружим ещё со времён моей первой квартиры на Воровского...»

...Ту старую однокомнатную хрущёвку Люся получила от института, в котором тогда работала. Ах, какое это было счастье, иметь свой дом, быть независимой и с удовольствием возвращаться туда после дневных трудов, готовить себе что-нибудь простое и не требующее много времени, а потом читать, принимать подруг, болтать и распивать с ними чай!

Однажды, в начале августа, на Воровского зазвонил телефон:

— Люся, это я, Виктор. Хочешь на рыбалку? Ты когда-то говорила, что любишь рыбалку...

Люся замерла у телефона. Прошло ровно семь лет после их первой встречи у друзей, когда Виктор неправдоподобно быстро — на второй день знакомства — сделал ей предложение.

«Странно, что этот высокий симпатичный парень с добрыми глазами, ещё вчера пришедший в гости к нашим общим знакомым с другой женщиной, теперь просит меня стать его женой. Да мы же совершенно не подходим друг другу: он — «технар», я — чистый гуманитарий. Он живёт с родителями в деревне, а я — в городе. В конце концов, мне тридцать один год, а ему всего двадцать восемь!», — подумала она тогда и решительно отказалась выходить за него замуж.

И вот он вдруг позвонил. Через целых семь лет. Люся неожиданно для себя ответила:

— Хочу.

— Тогда приезжай на автобусе ко мне в Пески, я тебя встречу.

— Хорошо, я позвоню перед отъездом.

В Песках он подошёл к автобусу и протянул ей руку. Её ладошка легла в его большую горячую ладонь и исчезла в ней. Он посмотрел на Люсин финский спортивный костюм, на немецкие сабо и смущённо усмехнулся:

— Пойдём скорей, а то на тебя вся деревня уставилась.

— А что? Что-нибудь не так?

— Всё так, только наши проще на рыбалку одеваются.

Он повёл её через деревню, к лодке, чтобы переплыть на другой берег. Там на маленьком песчаном пляже ждали его деревенские друзья, Алексей и Наташа.

Август для Люси всегда был связан с грибными дождями, лесом и первым знаком близкой осени — жёлтыми георгинами, раскачивающимися на длинных стеблях под окном маминой дачи. Но в тот день стояла почти июльская жара. Люся скинула синюю спортивную курточку и осталась в белой футболке. Виктор сидел на вёслах и не сводил с Люси глаз, лодка быстро шла по спокойной воде. Её тёмные волосы до плеч отливали на солнце медью, серые глаза вбирали голубизну неба и блеск воды.

— Как давно мы не виделись, — произнёс он.

— Давно, а как будто расстались вчера. Ты совсем не изменился, — заметила она.

— А ты изменилась, стала ещё лучше.

Люся засмеялась:

— Скажешь тоже! Старше не может быть лучше, а мне уже тридцать семь.

Люся никогда не скрывала свой возраст, она даже немного бравировала, называя свои настоящие годы, зная, что выглядит лет на десять моложе.

— По мне, так тебе всегда восемнадцать! — он смутился и замолчал. — Прости, что завёл глупый разговор. Вот сейчас доплывём до берега и будем загорать, купаться, вечером порыбачим, у нас с Лёхой недалеко сеточка поставлена, а там и уху сварим.

Ах, какой это был счастливый день! Люся шутила, смеялась и тащила по-деревенски загоревшего Витю в воду. Его бронзовое лицо и руки жили отдельно на фоне крепкого, молочно-белого торса и таких же белых сильных ног, но это лишь вызывало у неё уважение, загар был явно заработан на огороде и в саду. Выросший у этого озера, Виктор был неотделим от его тёмной, прозрачной воды, от солнца, от своих весёлых друзей. Песчаный пяточок среди кустов ивняка, на котором они загорали, выбелило солнцем так, что на него было больно смотреть. Тем ярче выделялись на светлом фоне осколки ракушек, старые водоросли, прибитые к берегу, и чёрные, отполированные волнами кусочки веток и древесной коры. Люся лежала на мелком горячем песке, водила по нему рукой и горсть за горстью пропускала его сквозь пальцы. Она погрузилась в покой и тишину, словно в глубокие воды, откуда едва доносились редкие вскрики чаек, шорох волн и обрывки разговоров. Ей нравились Витины друзья — милая, чуть излишне полная Наташа и неожиданно красивый,

с пронзительно синими глазами и тонкими чертами лица, чёрный, цыгановатый и подвижный Алексей. Время от времени он с одобрением посматривал на Люсю — мол, правильный выбор Витька сделал.

Весь день она исподволь наблюдала за Виктором, за тем, как ловко он играл в мяч с Наташей, как нырнув, бесшумно и быстро входил в воду, видела его ласковые глаза и вспоминала, что ещё тогда, семь лет назад, взглянув на него впервые, подумала: «Вот за такого мужчину я вышла бы замуж». Но тут же отвлеклась на общие разговоры, музыку, танцы, и эта мысль ушла и не возвращалась к ней до сих пор. Несмотря на возраст, она о замужестве тогда не помышляла. О чём же она думала? О науке, о работе, о книгах, о путешествиях и друзьях. А все её сверстницы думали только о замужестве и давно были замужем, некоторые не по одному разу. Пойди, разберись, кто тут прав. Она усмехалась, вспоминая отцовскую Рослятинскую частушечку на эту тему: «Не ходите девки замуж, выйдете, покаетесь, со хорошим наживётесь, с худеньким намаетесь!»

Вечером все четверо отправились за рыбой. В стороне от их маленького пляжа на глубине стояла сеть. Витя и Лёха в четыре руки быстро втащили её в лодку. В сетке билось несколько окуней, четыре больших леща и щучка. Рыбу достали, и Лёша с женой отправились домой, в деревню, варить уху, а Витю с Люсей оставили вдвоём на ближнем берегу. У самой кромки воды стояли копёшки скошенной осоки. Оставшись одни, усталые, но ещё полные дневных радостных впечатлений от шутиливой болтовни, купания и дружеской весёлой возни на песке, они сели под небольшую копну и ста-

ли смотреть на озеро и на заходящее за горизонт солнце. Похолодало, и Люся придвинулась к Виктору, а он нерешительно обнял её за плечи и сидел, не дыша, боясь спугнуть то, что возникло между ними за сегодняшней день. И вдруг, прямо перед ними, в розовых отблесках вечерней зари на воду села пара белых лебедей! Люся и Виктор замерли и, не отрываясь, смотрели на волшебных птиц. А лебеди, как будто напоказ, плавали перед ними, то друг за другом, то рядышком — неразлучная пара невозможной красоты...

Люся с удовольствием вспоминала тот день, они с Витей с тех пор не расставались. В начале следующего года она вышла за него замуж, а через полтора года...

...Люся лежала на сохранении в областном роддоме. Её удивляла и корбила запись, которую сделали в журнале, когда привезли в больницу — «старородящая»! Хотя, понятно, что это просто термин такой, и «старородящими» называют у нас мамочек сразу после двадцати пяти лет и далее. А ей уже сорок!

Утром врач осмотрел Люсю и сказал, что она, несмотря на годы, будет рожать сама и произойдёт это в ближайшие два-три дня.

Было воскресенье — день, когда дежурят молодые врачи или их вообще нет, а кругом одни сёстры. Впрочем, лучше уж сёстры, опытные и много повидавшие на своём веку. Поздно вечером ей стало плохо, поднялась температура, её лихорадило так, что она слышала, как вместе с ней трясётся и гремит железная сетка кровати. Она осторожно встала и, придерживая живот, медленно пошла на пост к дежурной сестре.

— Нельзя ли позвать врача? — спросила Люся. — У меня, кажется, высокая температура.

— Вот градусник, присядь на кушетку и смеряй. А врач на выходной ушёл, заменить нечем: все в летних отпусках.

Люсю неприятно задевало это фамильярное отношение сестёр ко всем роженицам и к ней самой, это обращение на «ты», но она смолчала. Через десять минут сестра глянула на градусник и удивлённо подняла брови:

— Надо же! Сорок! Ты, вот что, прими пару таблеток аспирина и ложись спать, а там посмотрим.

— Кто же пьёт аспирин перед родами, может кровотечение начаться! — возразила Люся.

— До чего грамотные роженицы пошли, — недовольно скривилась сестра и выдала ей лекарство.

Люся шла в палату, держась за стенку, и думала, что делать с таблетками. И пить опасно, и не пить нельзя, уж очень плохо она себя чувствовала. Она решила всё-таки принять аспирин, но всего половинку таблетки. Выпив лекарство, Люся легла и сразу заснула.

Утром она проснулась от ощущения, что лежит в луже — у неё отошли воды. Нужно было срочно рожать, но потуг не было. Люся снова побрела на сестринский пост и без сил опустилась на кушетку.

— Врача! Рожая, — прошептала она.

Прибежал молодой врач, её уложили на каталку и увезли в операционную.

— Будем кесарить, — бодро сказал врач. — Наркоз!

Когда Люся очнулась, перед ней стоял улыбающийся доктор:

— Поздравляю, у вас родилась дочка! Хотите посмотреть?

— Конечно, хочу! — слабым голосом сказала Люся.

Подошла операционная сестра и, придерживая младенцу головку, показала Люсе белый кулёк, из которого виднелось розовое личико с закрытыми глазами и обиженно опущенными уголками губ.

Люся заплакала и засмеялась одновременно:

— Здравствуй, Машенька, здравствуй, дочка моя! Бывает же такое, просто вылитый Витя, только уменьшенная копия!

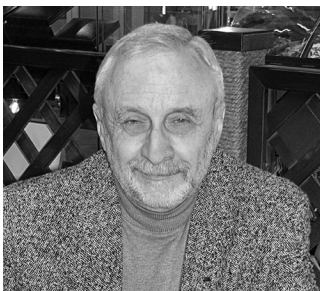
— Не плачь, а то молока не будет, — проворчала сестра.

— Это я от счастья плачу, сестричка, от счастья...

Утром Люся проснулась в слезах, но с лёгким сердцем. «Отчего так хорошо, так радостно на душе? — улыбнулась она. — Должно быть, погода налаживается».

В окне стояло яркое весеннее солнце, снег бурно таял, капель, пританцовывая, выстукивала на железной крыше балкона весёлую мелодию. Люся выглянула на улицу и увидела старую знакомую — толстую добродушную дворнягу. Она неподвижно стояла посреди переулка и, подняв морду, с наслаждением втягивала ноздрями весенний воздух.

— Привет! Скоро опять встретимся, — улыбнулась ей Люся и пошла, звонить мужу и дочке.

Андрей ДМИТРУК

(г. Киев, Украина)

Андрей Дмитрук — украинский писатель-фантаст, сценарист кино и телевидения, ведущий телепрограмм, научный журналист. Автор четырёх сборников фантастики: двух на русском языке («Ночь молодого месяца», «Следы на траве») и двух на украинском («Великая миссия цивилизаторов», «Аурентина»). Автор романов «Битва богов», «Смертеплаватели» и повестей «Болеро Равеля, неожиданный финал», «Алтарь управления», «История сердобольного вампира», которые вышли отдельными изданиями. Вместе с лётчиком-космонавтом СССР Е. Хруновым и главным медиком Звёздного городка, доктором медицины Л. Хачатурьянцем написал книги «На астероиде» и «Здравствуй, Фобос!». Много произведений опубликовано за границей (ФРГ, Польша, Венгрия и т. д.). Согласно рейтингу, опубликованному в США, входил в первую десятку писателей-фантастов СССР.

АНГЕДОНИЯ

(РАССКАЗ-ВИДЕНИЕ)

Я научился различать их среди обычных людей. Давно научился. Но окончательно понял, кто они такие, только в кабине скоростного лифта, между двадцать восьмым и двадцать девятым этажами бизнес-центра «Обелиск». И теперь мне не хочется жить, потому что их больше и больше вокруг. Спасают только беседы с Костей. Он всё же оптимист.

Кажется, первым привлёк моё особое внимание мужчина в гипермаркете. Очень полный, но не рыхлый, румяный, одетый в ярко-пёструю рубаху и белые широченные брюки, со смешной маленькой соломенной шляпой на лысой голове — клоун по жизни, — он носился вдоль стендов с кухонным оборудованием. Глаза мужчины были выпучены, словно у морского окуня, поднятого из глубины. Он обливался потом. Я невольно ожидал, что из его разинутого рта пузырьком выкатится желудок. Но этого не произошло.

© Андрей Дмитрук

Углядев, наконец, то, что он искал, — красивую кастрюлю, сверкавшую, будто полированное серебро, мужчина жадно схватил её и понёс мне показывать. В отделе почти никого не было, и он выбрал меня, чтобы поделиться своей нестерпимой радостью.

— Смотри-ите! — восторженно пропел толстяк, пуская своей покупкой световой зайчик прямо мне в глаза. — Смотрите, какое чудо!!

Он весь так и трясся, задыхаясь и чуть не плача, — и явно ждал от меня столь же бурного ответа.

— Ну, хорошая кастрюля, — стараясь не слишком его разочаровать, ответил я. — Наверное, и еда будет... улучшенного качества.

— Улучшенного качества?! — его глаза выпятились так далеко вперёд, что я стал опасаться, не вылетят ли они, точно бильярдные шары под ударами кия. — Улучшен-ного? — толстяк стал похож на фанатичного пушкиниста, которому сказали, что предмет его обожания кропал недурные стиши. — Да это же «Алезия»! Предел мечты! Совершенно гениальная серия!.. — И вдруг зачастил с безумным напором, явно не контролируя себя и после каждой фразы ударяя меня в грудь костяшками пальцев: — Экологически чистая пищевая нер-ржавеющая сталь! Система тройного дна! В пр-риготовляемой пище полностью сохраняются натур-ральнй вкус, витамины, минеральные вещества, природная влага и соль! Экономия электроэнергии или газа — до шестидесяти процентов! Жиров — до семидесяти процентов! — вне себя, толстяк громыхнул кастрюльной крышкой, будто вдохновенный музыкант — литаврой. — Время пр-риготовления сокращается вдвое! Температура пр-распределяется равномерно, поэтому пища пр-практически н-не пригорает!..

Я был ошарашен. Стоял, слушал и думал: а какие причины для подобного извержения страсти я бы счёл нормальными и понятными? Ему уже за пятьдесят: представим себе, что с молодых лет этот мужчина мечтал завести ребёнка, никак у него это не выходило — и вот, получил счастливое известие из роддома! Да, пожалуй, тогда можно было бы ожидать столь мощного взрыва чувств... Или если бы, допустим, передо мной был учёный, который со студенческих времён, сжигая себя, шёл к важнейшему, революционному открытию, и только что достиг цели своей жизни. Но... кастрюля с тройным дном? Непостижимо!

От природы и по воспитанию я несколько застенчив; поэтому стоял, почти не шевелясь, пока он не оставил меня в покое. А толстяк сделал это, лишь услышав из барсетки звонок своего мобильного. Глянув на высветившийся номер, он тут же забыл обо мне — и бегемотьей трусцой побежал к кассе.левой рукой мужчина при этом нежно обнимал свою кастрюлю, правой прижимая к уху телефон и восхищённо крича (очевидно, жене) об экологически чистой стали и сохранении натурального вкуса.

Честно говоря, я был столь ошеломлён этим внезапным натиском, обдан волной буйных эмоций, что довольно долго проторчал на месте, пытаюсь вспомнить: а я-то, собственно, зачем пришёл в магазин? В конце концов, память вернулась, и я взял пакетик с мелкими гвоздями — для домашних работ...

Второе похожее впечатление я получил, когда с Костей, другом ещё школьных лет, отправился на наше заветное пляжное место. До него обычно

не добираются ленивые, то есть, почти все: они оседают на речном песочке вблизи от станции метро, распределяются вдоль цепи летних кафе. Увы, из-за инертности наших согорожан в жаркие дни на пляже не то что яблоку негде упасть, иголку воткнёшь с трудом. Но нас это не тревожит. Отшагав с полкилометра или чуть больше, мы приходим туда, где народ бывать не любит: идти далеко, да и меланому не заработаешь, лёжа под прямым солнцем — сплошная тень, берег почти до воды зарос тополями и ивняком. Даже автовладельцы сюда заезжают редко. Однако нам с Костей того и подавай: добрую тень, где не так быстро согреваются бутылки «Старопрамена» или «Будвайзера»! Мы плаваем, пьём пиво и закусываем бутербродами или салатом: всё это готовит Катя. В отличие от меня, Константин женат, счастлив и награждён судьбой тремя детьми.

Итак, однажды субботним утром мы заняли наше излюбленное место под раскидистым тополем — и лишь после этого обнаружили, что вблизи, за кустами, расположилась компания. Странно, но факт: до поры до времени она никак себя не проявляла. Стояла тишина, смущаемая лишь водяным плеском и далёкой музыкой из кафе; редко докатывался великанский вздох кварталов, кипящих жизнью за рекой... Мы успели разложить подстилку, раздеться и откупорить первую пару бутылок, когда эти люди «включились», словно радио или магнитофон. Вот именно: не было, не было их слышно, и вдруг, без перехода — громко заболтали, засмеялись полудесятком взрослых и детских голосов!

Костя громко чертыхнулся, но те, конечно, не отреагировали. Мы уже начали было сворачиваться, чтобы пройти ещё дальше по берегу, когда я схватил друга за плечо и жестом призвал его к молчанию. Отличным свойством Кости, профессионального психолога-консультанта, было мгновенное, без расспросов, понимание. Мы бесшумно опустились на подстилку и начали слушать.

Пугающе знакомые интонации!

— Включить! — торжественно, на самой высокой ноте, как если бы она открывала парад, командует женщина. — Канал «тэ-вэ-тысяча»!..

И тут же начинает звучать — тихо, но невероятно отчётливо, словно открылось окно в мир лилипутов — крошка из очередного фильма «экшен»: стрельба, визг тормозов, хлопанье автомобильной дверцы... и глубоко идиотский вопрос героини к герою, очевидно, только что получившему порцию пуль из автомата, а может, и переехавшему машиной: «Ты в порядке?..»

— Переключить! Канал «Детский мир»! — требовательно заявляет голос девочки лет семи, и тут же авантюрная дребедень сменяется гнусаво-назидательным говором насморочной Тётушки Совы.

— Вы видите! — явно продолжая чувствовать себя на трибуне, патетически произносит женщина. — Он подчиняется голосовым командам! Не надо переносного пульта, который мы с вами вечно ищем по квартире!.. (С готовностью смеются — мужчина, обладающий бархатным баритоном, и как минимум двое детей.) Достаточно приказать ему включиться, назвать нужный канал, и он...

— ...показывает всё, сто ми хотим! — мило искажая слова, подхватывает малыш, и все они вновь заливаются таким хохотом, будто участвуют в конкурсе «Кто кого пересмеёт».

Нам с Костей отчаянно захотелось посмотреть на это семейство; не сговариваясь, мы встали и пошли к воде дальним путём, чтобы оказаться рядом с владельцами чудо-телевизора.

Краски просто ударили нас по глазам! Мать, стареющая, но вполне стройная Барби, в почти условном оранжево-зелёном бикини и в украшенных розами стуколках на высоченном каблуке, в тёмных очках наподобие бабочки, изящно подогнув загорелые ноги, сидела посреди ядовито-бирюзовой простыни с изображениями морских тварей. Слепяще улыбаясь, её придерживал за плечи мужественный, мускулистый Кен¹ с подбородком-утюгом и лёгкой сединой на каштановой шевелюре. Оба такие голубоглазые... Детей было действительно двое: юная копия мамы в розовой, с кружевами, шляпе на платиновых волосах и голый, курносый — папин — бутуз, усыпанный будто нарисованными веснушками.

Всё вокруг семейства блистало новизной и относилось к самым модным «брендам», начиная с лоснящейся, похожей на пудреницу иномарки, и заканчивая вроде бы невзначай выставленным набором пляжных лосьонов и кремов. Очевидно, и бело-фарфоровый, в бабочках и цветах, горшок бутуза принадлежал к вещам гламурного обихода. Не может же такой ребёнок просто присесть за кустиком...

Но главной игрушкой в тот момент, конечно же, служил телевизор. Размером с семейный альбом, весь зализанный, словно кусок мыла, он стоял у края подстилки. Мы не видели, что на экране, но вся семья истово отправляла богослужение перед электронным алтарём.

Увидев, что мы стоим и разглядываем их, Кен и Барби с детьми возликовали пуше.

— Друзья! Вы видели когда-нибудь что-нибудь подобное? — лукаво спросила она.

Мы честно признались, что ничего подобного, действительно, нам видеть не приходилось.

— Ну, тогда смотрите вместе с нами! — масляным голосом, неотразимым для дам опасного возраста, пригласил Кен. — Это же «Глобал Контент», последний выпуск! — Затем сменил тон на сюсюкающий и, явно желая похвастать умными детьми, обратился к ним: — А какими ещё удивительными свойствами он обладает?

Отрапортовала Барби-младшая:

— А-агромный запас фильмов, сериалов, анимационных лент, а также телепрограмм в формате «три-дэ»!

— И при этом... — вкрадчиво, явно предвкушая блестящий ответ дочери, подсказала мать.

— ...не надо тратить время, отыскивая всё это в интернете и скачивая оттуда!

Тут карапуз, давно прыгавший на ягодицах в ожидании своей очереди, выкрикнул с истинно пророческим пылом:

— Так работает селвис «Глэбаль Синема»!

---

¹ Барби и Кен — сверхпопулярная в США пара кукол, предполагаемых влюблённых или сунругов. Впервые появились в телевизионной рекламе в 1961 году.

— Сервис «Глобал Синема», — солидно пояснил Кен, трепля сына по мягким волосикам, и вся семья вновь залилась довольным хохотом.

Наконец, Барби сделала плавный жест рукой, явно приглашая нас усесться рядом и вкусить наслаждение. Я, опять-таки, не знал, что сказать, как вежливо, но твёрдо отказаться. Выручил решительный Костя, со своей подкупающей улыбкой сообщив, что мы, вообще-то, собрались купаться, но, может быть, потом...

Они отреагировали так, словно мы тоже были телевизионным изображением — и нас выключили. Ни понимания, ни недовольства. Хоть бы фыркнул кто или пожал плечами... Нас как будто не стало. Тут же четыре пары голубых глаз уставились в экран, и мать задорно спросила у детей что-то о добавочных сервисах...

Мы с Костей выкупались в полном молчании, лишь порой значительно поглядывая друг на друга. Слышали: следующую часть мессы ведёт Кен. Его отработанный баритон то соскальзывал до самых низов, то плавно взмывал ввысь. Так славят прелести возлюбленных, — но он воспевал иное: библиотеку мультимедийных развлечений, содержащуюся в телевизоре. А две Барби, большая и малая, уже совершенно по-шамански выкрикали: «Бест Мюзик» позволит нам провести вечер в компании любимых поп-звёзд! «Хэппи Чилдрен» — неиссякаемый запас развлекательных и учебных программ для самых маленьких!» (Заливисто, колокольчиком смеётся и бьёт в ладоши бутуз.) «Хоум Фитнес» — для гимнастики в домашних условиях!..» — провозгласила мать. «С нашим личным интерактивным тренером», — гордясь своими глубокими познаниями, добавила девочка...

Когда же мы, наплававшись, побрели к берегу, полные решимости убраться подальше от этих зловещих шутов и в тишине допить своё пиво, случилось, мягко говоря, странное событие. Внезапно их крики, перемежаемые дружным хохотом, резко стихли. Густой ивняк скрывал место расположения семьи, мы не видели, что там происходит: но все звуки, включая лилипутское чириканье «Глобал Контент», словно отрубил.

Прячась за зеленью, мы подкрались, глянули... Никого! Лишь примятый песок да несколько обёрток из-под сладостей. Исчез и автомобиль. Но, поскольку он стоял на траве, невозможно было увидеть, куда идут колеи.

Сев на прежнее место и откупорив новые бутылки, мы попытались найти понятные причины случившегося. Предположили, что у столь модной и гламурной семейки машина тоже соответствующая, с бесшумным двигателем. «Не иначе, мы их смутили», — укоризненно сказал Константин. Несмотря на свою профессию, на постоянное копанье в душевной грязи, он старался видеть в людях лучшее. Я так не думал, но спорить не стал.

Немного погодя, слегка осовев от пива и вытянувшись во весь свой немалый рост на спине, мой друг сказал:

— А может быть, они по-своему и правы...

— Ты мне напоминаешь, знаешь, кого? Велюрова из «Покровских ворот»¹. Когда Хоботов жалуется, что ему бывшая жена с новым мужем не дают жить свободно. «А может быть, они в чём-то правы...»

¹ Известная советская телевизионная комедия 1980-х годов, режиссёр Михаил Козаков.

Костя только отмахнулся.

— Я не шучу! Ну, радуются люди простым вещам. Новый телевизор купили, со всякими там свойствами. А мы с тобой уже так не можем. Серьезными слишком стали. Глубокие мы, видите ли. Сложные. Чтобы нам испытать удовольствие... ну, настоящее, без всяких там раздумий и сомнений: «а не примитивно ли это, а достойно ли нас?»... чтобы нам это испытать, нужно... я не знаю, что! Книгу читаем, смотрим кино, музыку слушаем, — и всё нам не так, всё носом крутим. Знаешь, как это называется? Ангедония. Неумение наслаждаться жизнью... и вообще ничем. Это в глубокой старости у людей бывает. У обычных людей. А мы вот... необычные!

— Ну, нет! — сказал я. — Во-первых, хорошему фильму и... там, всему прочему мы ещё как радуемся! Даже пиву этому... ему особенно. Просто, по-моему, всякое наслаждение имеет свою меру. Ты же не станешь радоваться тому, что нашёл в лесу гриб, так же, как, скажем, рождению сына?

— Понятное дело. А...

— А вот у этих, понимаешь, вроде бы что-то сбито... смещены приоритеты, что ли! Я ведь не в первый раз такое вижу. Один при мне купил какую-то кастрюлю с тройным днищем — и буквально испытал при этом оргазм. Теперь вот...

— Н-ну, брат! — Костя сел, взволнованный спором. — Ты как-то всё... примитивизируешь. У разных людей могут быть разные поводы испытывать счастье. И разные приоритеты. Иктину и Калликрату, наверное, надо было для счастья построить Парфенон в Афинах. А девчонка из маленького городка балдеет от того, что сумела скопить денег на новую юбку и пошла в ней на танцы.

— Ничего я не примитивизирую. Иктин и Калликрат — это, ясное дело, высший человеческий уровень... художники, гении и всё такое. А девчонка твоя... она ведь счастлива не потому, что у неё новая юбка, а оттого, что с её помощью может привлечь внимание ребят на танцах. Любовь свою найти. Это что, примитив? Или всё-таки сравнимо со счастьем гения?..

Костя наморщил лоб, задумываясь... и, наконец, сказал:

— Пожалуй, я опять процитирую «Покровские ворота». А может быть, и ты по-своему прав?.. Нельзя человеку всерьёз влюбляться в вещь. В вещь, как таковую, ничего не видя за ней. Это какая-то имитация чувств. Тоже, своего рода, ангедония...

Мы снова побежали купаться.

А дней через пять после этого разговора я увиделся с Ярославой.

Необходимо время (и место), чтобы объяснить, кто для меня Ярослава. У нас с ней самые долгие и самые странные отношения, какие только бывают на свете. Нет, пожалуй, самые долгие из странных... или самые странные из долгих...

Я сам — редактор, причастен к выпуску географической литературы и карт. Наше издательство — одно из последних государственных, и оно уже едва держится на плаву. Десять лет назад Ярослава, тогда ещё юная учительница географии, тотчас после университета, пришла к нам за одним учебником, прискорбно малого тиража. В магазинах этой книги не было, а свои уроки без неё девушка вести не могла...

Она понравилась мне сразу, поскольку напоминала молодую Оливию Ньютон-Джон¹: высокая, статная, щёки яблочками, круглые серые глаза, ржаные волосы волной. Конечно же, я повёл Ярославу в отдел сбыта и мигом отыскал ей эту книгу. Мы разговорились, а затем и обменялись телефонами.

Несмотря на то, что годами я намного старше, чем она, и стеснён в средствах, да и долгое одиночество отучило меня правильно обращаться с девушками, началось у нас хорошо. Стояла осень, мы гуляли в золотых, пахнущих молотым кофе парках; словом... Меня посетили чувства, которых я не знал со студенческих лет — я был сильно влюблён и, пожалуй, уже почти готов к той перемене судьбы, которой всегда боялся. Казалось, что и она летит навстречу мне: уже несколько раз, для такой цели приобретаю кокетливый фартучек и домашние туфли, хозяйничала в моём доме... Туфли и фартучек у меня так и остались, — перестала приходить Яся.

Нет, никаких громких ссор, срывов с моей или с её стороны, упаси Бог, русской грубости и рукоприкладства. Пьяные разборки у наших отечественных голубков сменяются не менее шумными примирениями: целуясь, вместе убирают посудный бой и мебельный лом... У нас всё было проще и категоричней.

Ни в какой школе преподавать географию она, разумеется, не хотела, а к научной карьере не имела способностей. Приехав из глухой провинции, подала документы на тот факультет, на котором работал какой-то её родственник; он и помог поступить. Единственной настоящей целью Ярославы было найти богатого мужа. Лучше всего, иностранца. Как вариант, сделать быструю и лёгкую карьеру топ-модели или телеведущей.

Яся выросла в неполной и бедной семье: одинокая увядшая мать, как я понял, только и твердила, что о деньгах, о комфорте, о дорогих и роскошных вещах, о том, что окружить себя такими вещами — важнее всего на свете. Иногда у матери прорывалось нутряное: «Ты красивая девочка, сумеешь выгодно продать себя»... Роман со мной, немолодым, не знаменитым и не богатым? К немалому для себя горю, я расшифровал эту ситуацию так: пока нет ничего более подходящего, нужен муж (или хотя бы сердечный друг) покладистый, пригодный в житейском отношении... тот, кто на этой ступени жизни поддерживает и поможет, — а там, глядишь, и смиритесь с новым выбором Яси... Ведь для него (для меня, стало быть) главное — это Ясин успех, Ясино счастье! Впрочем, может возникнуть и другой расклад. Она немало слышала и читала о блестящих и прославленных женщинах, которым было удобно держать при себе тихих, послушных мужей, мужей-водителей, мужей-носильщиков... мужей, которые молча терпели всё!

Я себя в этой роли не видел, и она это чувала.

Однажды, по пустячному поводу, Яся закатила скандал, хлопнула дверь, и мы расстались. Вскоре я узнал, что причиной нашего разрыва стало её знакомство с каким-то «крутым». Наблюдал, как после уроков в школе её подхватывал, лихо подъехав, здоровенный внедорожник. Не скрою: в первое время я страдал, следил, подглядывал. Потом малость успокоился...

---

¹ Ведущая австралийская актриса и певица 1970-х годов; много снималась в фильмах США, в частности, в знаменитом мюзикле «Ксанаду».

За своего «крутого» Ярослава даже сходилась замуж, — но, менее чем через год, у них всё кончилось. Она позвонила мне и мурлыкающим голосом попросила о встрече... Понятное дело, я не выдержал. Увиделись.

В тот вечер и в ту ночь Яся то резвилась, точно влюблённая девчонка, то делалась жертвенно-страстной — или заводила мудрый, доверительный разговор, позволявший мне быть откровенным, как никогда раньше ни с одной женщиной. Нет, природа всё же дала ей многое...

Однако новая вспышка любви нашей не продлилась более пары недель. Я — ну, никак — не отвечал запросам Ярославы, даже в качестве «мужа-носильщика». Мало того что я был беден, совершенно «не шарил» в коммерции и даже не искал сторонних подработок, при всём этом, я ещё осмеливался заявлять какие-то права на Ясю! У неё появились щедрые «спонсоры», Яся не скрывала этого... При мне вертелась перед зеркалом, примеряя подаренные драгоценности.

Не в силах сносить непереносимое, я сам оставил её. Сказал по телефону, что больше не хочу видеть (сказать в глаза мужества вряд ли хватило бы) — и мобильник выбросил в реку.

Мы встречались и расходились с ней ещё несколько раз...

На сей раз столкнулись случайно, и не где-нибудь, а в гигантском, отделанном мрамором вестибюле бизнес-центра «Обелиск», возле дверей лифта. Торчит у нас этакая сорокаэтажная кость в самом горле города, подмяв старинную архитектуру... Я ехал на тридцатый этаж, в турфирму, которая намеревалась заказать издательству буклеты. Она — на тридцать второй. Зачем, рассказала по дороге.

Увиделись очень дружелюбно, даже поцеловались. У неё были холодные, какие-то резиновые губы. Я сразу понял, что это игра: делать широкие глаза, оголять зубы в улыбке и целоваться при встрече. Вообще, она здорово изменилась. Но вот в какую сторону?..

Первое, что я заметил: моя возлюбленная изрядно помолодела. Только странноватой и, честно говоря, пугающей была эта молодость. Раньше — её морщинки и даже постепенно тяжелеющие, уже не такие безупречные бёдра могли только растрогать, но не оттолкнуть меня. Её уязвимость, подвластность времени прибавляли к моей любви острую жалость. Я чувствовал, что смогу заботиться о Ясе, как бы она ни постарела... если, конечно, сам не угасну раньше. А теперь она стала не то чтобы юной — у юных есть свои милые несовершенства, вроде остатков детской неуклюжести, — нет, по своей пластике, вполне уверенной и отработанной, Яся была довольно взрослой женщиной. Однако при этом её облакала неестественно гладкая кожа. Не бывает человек, даже молодой, похожим на героя компьютерной анимации... Румянец у неё распределялся очень продуманно, в нужных местах сменяясь пленительной бледностью... не то что какая-нибудь пошлая пудра или банальный тональный крем! И густейшие, кверху загнутые, никогда у Яси не бывалые ресницы тоже озадачивали — хотелось сказать: «как настоящие, только лучше!» И походка напоминала танец, и глаза сверкали живостью и задором, которым позавидовала бы в самую звёздную свою пору Оливия Ньютон-Джон. Об одежде я не говорю: крохотный лоскуток летнего платица был божественно скроен;

обувь, сумочка, браслет на руке — кожаный, однако с парой приличных бриллиантов, — всё это играло слаженно, будто ансамбль скрипачей...

Итак, в скоростном лифте бизнес-центра я узнал, что ведёт мою любимую, сейчас, в прямом смысле, ввысь. Её рекомендовали (должно быть, очередной «спонсор») телевизионному продюсеру в качестве возможной ведущей рекламного шоу. Судя по всему, рекомендация была столь весомой, что моя любимая уже могла считать себя принятой на работу. Предстояло первое знакомство с продюсером, он ждал в своём офисе. «А твои дела как?..» — спрашивала она, но пусты были при этом Ясины глаза, вроде бы изменившие свой серый цвет на более насыщенный, тёмно-стальной. Я ответил дежурной фразой, и мы замолчали. Говорить стало не о чем.

В огромной зеркально-белой кабине лифта мы остались вдвоём. Молчание продолжалось. И тут, между двадцать восьмым и двадцать девятым этажами, произошло то, что надолго испугало наш город. Раньше мы только читали о том, как в нескольких американских штатах, да и в самом Нью-Йорке неоднократно вырубалось электричество — то ли по естественным причинам, то ли из-за зловредных экспериментов военных, а может быть, и по воле коварных инопланетян. Бедные люди чуть с ума не сходили, на часы или на сутки лишаясь света, телевидения и вообще всех электрослужб, давно столь же неотъемлемых от янки, как их собственное дыхание. Теперь это случилось у нас. Без тока остался весь центр города. Впрочем, тогда мы знали одно: лифт остановился, и плафон на его потолке погас.

Наверное, нет никого на Земле, кто бы остался спокойным в совершенной тьме, в наглухо запертом стальном ящике, при том, что совершенно неизвестно, когда это кончится — через пять минут или завтра утром.

Подсвечивая мобильниками, мы нажимали кнопку вызова — разумеется, тщетно. Пытались позвонить вовне — даром, изнутри лифтового колодца не было связи.

Не буду подробно описывать, как мы с Ясей провели эти пять с лишним часов. На первые минуты пришлись её вопли, истерики, попытки кулаками высадить весьма прочную дверь — и даже наскоки на меня, словно я был виноват в случившемся. Затем — каюсь, я приписал это своему воздействию — она помалу успокоилась, примолкла, лишь временами подвывая, словно раненая собака. И, наконец, впала в полный ступор. У неё ослабели ноги: Ярославла осела, сползая спиной по стене, и я, плюхнувшись рядом, едва успел принять на плечо её сваливающуюся набок голову.

Борясь с собственным паническим страхом, а позднее и с тошнотой, — я подвержен клаустрофобии, — читал я вслух все, какие помнил, стихи, рассказывал сказки, анекдоты, занятные случаи из своей и чужой жизни. Пел песни. Она молчала, порой издавая нечто вроде короткого жалобного писка. Когда моя память иссякла, я просто сидел на полу рядом с Ясей, стараясь всю её забрать в объятия, как бы включить в себя, и болтал всякую утешительную чепуху. Сдаётся, через какое-то время я спел ей импровизированную колыбельную: «Спи, Ясюня, спи-усни, в этом лифте мы одни; знаю, некому помочь, — ты усни, как будто ночь...» А под конец нашего пребывания в кабине началось то, от чего, как потом стало ясно, у меня слегка поседело волосы.

Она убрала голову с моего плеча. Очевидно, сев прямо, заговорила. Чётко, громко, с надменно-любезными интонациями хозяйки модного салона, представляющей модели богатым гостям:

— ...В этом сезоне будут носиться как платья в готическом стиле, так и нежные романтические платья. Предел мастерства дизайнеров — сочетание двух стилей. Готические вечерние платья хорошо сочетаются с образом женщины-вамп.

— Господи, да что с тобой, Ясенька?!

— ...Алая помада, бледная кожа, гладкая причёска — и роковой облик леди-вамп готов. Если же вам милее образ лиричной девушки, лучше остановить выбор на платье из шифона, с рюшами и вышивкой. Кстати, вышивка приветствуется в любом виде — с камнями, стразами, бисером...

Тут уж пришла моя очередь умолкнуть.

Через некоторое время она перешла на новейшие автомобили, которые «будут выпускаться с гибридной и электрической версиями своих двигателей». Сыпала названиями фирм-изготовителей. Потом что-то в Ясе переключилось, и она дважды подряд, одинаковыми словами, отрекламировала косметику компании «Бьюти Флауэр»: «Она не оставит равнодушной ни одну представительницу прекрасного пола. Ассортимент косметических средств «Бьюти» позволяет подобрать те продукты, которые будут максимально соответствовать запросам вашей кожи, и удовлетворят любой её каприз. Она не...»

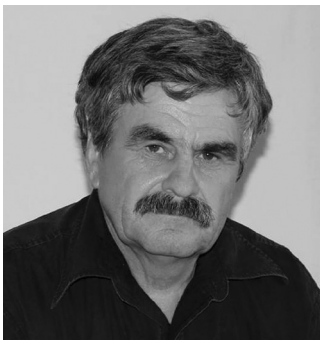
Затем Яся прекратила вещать. Пришёл черёд самого страшного. Вернулся ступор, загадочным образом напрягшиеся мышцы расслабились, и уже не одна голова, но всё её тело бессильным мешком свалилось мне на руки. Я обхватил, поддержал, вновь зашептал нежное, успокаивающее...

Что за притча! Ярославу вполне можно было бы посчитать трупом, если бы она не начала... нагреваться, становиться в полном смысле раскалённой. Через несколько минут моим пальцам стало больно от её кожи! Я не знал, что делать дальше: держать было уже почти невозможно, бросить на пол — представлялось подлостью... но тут она столь же стремительно принялась остывать. Мало того: стала съёживаться, уменьшаться!.. Из Яси точно воздух выходил, и оболочка сморщивалась. Я ощущал, обнимая, как сбегается складками её кожа, уже делаются плечи, тоньше — руки, мышцы на них становятся дряблыми, исчезают; кожа липнет к тонким макарономам-костям. На верёвочной шее откинулась, свесилась до полу голова. Невольно я бросился подхватить, вернуть... под моей рукой сжимался лишённый волос, младенческий череп... печёное яблоко... орех!

Скоро я держал в руках нечто, напоминавшее пучок тростинки, завёрнутых в тряпье. А затем... Это полыхнуло зеленоватым бликом. Длинный, он сократился с обоих концов, сжался до овального пятна, до точки — и исчез. Так гаснет экран выключаемого телевизора.

Руки мои были пусты.

ПОЭЗИЯ

РАВИЛЬ ВАЛЕЕВ

(г. Алушта, Крым)

Равиль Валеев — поэт, председатель алуштинского ЛИТО, многократный лауреат поэтических фестивалей и конкурсов, обладатель Гран-при Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017».

УМИРАЛА СТАРУШКА

(сложное рондо)

Умирала старушка в ленинградской квартире,
 Голод высушил тело, седина цвета стали,
 А с неё «Незнакомку» в прошлом веке писали.
 Всё в военном пожаре, все забыли о мире —
 Смерть играет ноктюрны на безумном клавире.
 А так хочется света, чуть побыть в пасторали,
 Ну хотя бы наестся, танцевать в светлом зале.
 Замирая в объятьях, всё считать «три-четыре»...
 Умирала старушка в ленинградской квартире.

В ветхом старом комоде под защитой вуали
 За Гражданскую орден и другие медали,
 Фотография сына в генеральском мундире.
 Далеко сын запрятан лагерями Сибири,
 Голод высушил тело, седина цвета стали.

© Равиль Валеев

За окном на портрете улыбается Сталин:
 «Мы врагов победили, власть советская шире».
 Но победные речи бьют из памяти гирей —
 Там, в большом кабинете, мать и сына пытали,
 А с неё «Незнакомку» в прошлом веке писали.

Вспоминается Питер, муж, убитый в трактире,
 Из подруг — Зинаида, всё отдавшая лире.
 Жизнь тихонько уходит, вдаль стремясь по спирали,
 А недавно на внука похоронку прислали.
 Всё в военном пожаре, все забыли о мире...
 Умирала старушка в ленинградской квартире.

ВСЕВЫШНИЙ, ДАЙ ЧУТЬ-ЧУТЬ ДОБРА

(сложное рондо)

Всевышний, дай чуть-чуть добра,
 Чтоб мог простить своих врагов,
 Достичь блаженства берегов —
 Мне успокоиться пора.
 Под шевелюрой серебра
 Инстинктов меньше, чем мозгов,
 Но уступать ты не готов
 Тепла от первенства костра...
 Всевышний, дай чуть-чуть добра.

По жизни не богат улов —
 Остатки выбитых зубов,
 От дам, ушедших, веера.
 Убрать бы едкости пера,
 Чтоб мог простить своих врагов.

Дождей, прошедших четвергов,
 Не донесли ко мне ветра,
 Не помогли и буера,
 Застряв в суетности снегов,
 Достичь блаженства берегов.

Сюрпризами судьба щедра —
 Родители пришли вчера,
 Ворвавшись в вереницу снов:
 «Уйди из банды крикунов».
 Мне успокоиться пора,
 Всевышний, дай чуть-чуть добра.

ГДЕ МОЙ ОБРАЗ, НИКЕМ НЕ ТРЕВОЖЕННЫЙ

Где мой образ, никем не тревоженный,
Попадающий в цель без погрешности?
Под густыми кустами словесности,
Словно зверь колдуном замороженный
Затаился, а я, заторможенный,
Пропадаю в глухой безызвестности.

Отыскать бы его теплосканером,
Эту тварь обложить бы капканами.
Моё сердце, покрытое ранами,
Бьётся ветром терзаемым банером —
Время мчится безудержным таймером,
А не узнан я многими странами.

По нужде испражняться сонетами,
Быть в фарватере моды течения,
Строгих мэтров ловить предпочтения,
Восхищаться стихами с «приветами»
И не ржать над начальства советами,
Чтоб тебе предавали значение.

Праздник жизни с крутыми попойками —
Почитается Бахус эстетамы,
Восхищаются дамы отпетыми,
И сюжеты рождаются койками,
Уносясь вдаль цыганскими тройками...
Не иссякнет Россия поэтами.

ПОГОСТЫ ЗАРОСЛИ ТРАВОЙ

Погосты заросли травой —
Забыты предки,
И мужики бредут гурьбой
Гулять к соседке.

У той нагулянный малец —
Слюнявый даун.
Хрустит закуской огурец:
«За Русь-Державу!»

Вновь прогуляли сенокос,
Грядёт уборка.
Парнишка, что едва подрос,
Блюёт в ведёрко.

Ведь если кто-то бросит пить,
То избу спалят.
Кругом разруха, грязь и гниль...
Гуляй, славяне!

ИГРАЕТ РОНДО БЕСПРОСВЕТНЫЙ ДОЖДЬ

(сложное рондо)

Играет рондо беспросветный дождь,
И пузырятся, разрастаясь, лужи.
Какой печальный наш прощальный ужин —
Как будто в гроб вколачивают гвоздь
Тому, что, так мечтаясь, не сбылось.
Как хрупкий иней предстоящей стужи,
Колье из мной подаренных жемчужин
Змеёй твоя сжимает крепко горсть...
Играет рондо беспросветный дождь.

Должны спокойными остаться души —
Привычной жизни ритма не нарушим.
Запретного отведали мы гроздь.
Смывает ливень для супругов ложь,
И пузырятся, разрастаясь, лужи.

Любое слово будет неуклюжим.
К чему раскаянье и на кого-то злость?
Судьба слепа, Её стучится трость
Путём, что будет временем завьюжен.
Какой печальный наш прощальный ужин!

Любовь внезапная прошла насквозь,
На сердце не убрать теперь борозд,
Хотя остались прежними снаружи.
Мы панихиду отпуску отслужим,
Как будто в гроб вколачивают гвоздь...
Играет рондо беспросветный дождь.

Я СОБИРАЮ ОЖЕРЕЛЬЕ СЛОВ

(сложное рондо)

Я собираю ожерелье слов,
Рассыпанных весной по мягким травам.
Любви по жилам сладкая отрава —
Ну, наконец, нашёл принцессу снов.
Сюжет до безобразия не нов:
Судьба скрутила с яростью удава,
Но руку протянула мне чернява,
И вопреки сказаньям вещунов
Я собираю ожерелье слов.

До дрожи по истрёпанным суставам
Зовёт в горах заря небес расплавом
Вдыхать волшебный дым ночных костров,
Тонуть в дурмане луговых цветов,
Рассыпанных весной по мягким травам.

С прищуром улыбнулась жизнь лукаво,
Преподнеся прекрасный из даров:
Истоком из замшелых валунов,
Печаль сжигая, как вулкана лава,
Любви по жилам сладкая отравка.

Любви случайной я не рыболов,
Мне нужен спутник, верный до основ,
И пусть её ладонь груба, шершава,
Всевышнему пусть будет вечной слава:
Ну, наконец, нашёл принцессу снов...
Я собираю ожерелье слов.

СТИХАМИ ЛИСТЬЯ ПЛАЧУТ НА ВЕТРУ

(сложное рондо)

Стихами листья плачут на ветру,
Кустарник по могиле ветви стелет.
Навек поэт остался в Коктебеле,
Встречая первым солнце поутру.
Плита подобна тёплому костру,
Что согревает путника доселе.
Стоящему у каменной постели
И в холод, и в июльскую жару
Стихами листья плачут на ветру.

Войны гражданской страшные качели —
Террор людей, как жерновами, мелет.
Спасал людей у смерти на пиру.
Талантом совершённом добру
Кустарник по могиле ветви стелет.

С душой ребёнка в грузно-тучном теле,
Что обожает шалость и игру,
Отдавший дом братьям по перу,
Творивший на заоблачном пределе,
Навек поэт остался в Коктебеле.

Срывает время фальшь и мишуру,
 Не гасит у Волошина искру.
 На память о бесстрашном менестреле
 Пускай звучит над Киммерией шелест,
 Встречая первым солнцем поутру.
 Стихами листья плачут на ветру...

ПОЕДЕМ, ЗИНА, В КАРАНТИН

(сложное рондо)

Поедем, Зина, в Карантин¹.
 В ландо поедem, словно графы,
 Увидим стены древней Кафы,
 Коснёмся времени седин.
 Цветаевой Марины сплин
 Висит над тропкой звуком арфы,
 Кивают шеями жирафы —
 На море мачты бригантин.
 Поедем, Зина, в Карантин.

Над Феодосией октавы
 Читает ветер, хочет славы,
 Поэта меряя аршин.
 Любимая, на зов витрин
 В ландо поедem, словно графы.

Мы получили помощь Марфы²
 В годину горестных кручин —
 С тобою стал я не один.
 Друг друга крепко мы обнявши,
 Увидим стены древней Кафы.

К закату солнца апельсин
 Кровавит моря желатин.
 Пока читаем жизни главы,
 Да, помоги нам, Боже правый,
 Коснёмся времени седин.
 Поедем, Зина, в Карантин.

¹ Карантин — район города Феодосии с остатками генуэзской крепости.

² Святая Марфа — в православии покровительница семьи.

ВЛАДИМИР МИРОНОВ-КРЫМСКИЙ

(г. Ялта)

Владимир Миронов-Крымский— художник-график (акварелист), поэт, основоположник арьергардизма, член Союза писателей Республики Крым, Российского союза профессиональных литераторов, автор трёх собственных книг, участник трёх антологий и семнадцати поэтических альманахов России, Украины, Беларуси, лауреат и член жюри ряда поэтических фестивалей, лауреат Пушкинской премии, литературно-общественной премии «Золотая осень» им. С. А. Есенина, литературной премии им. М. Матусовского, лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017» в номинации «Поэзия».

ГРЯЗЬ

Я вернусь к тебе, Русь бездорожная,
встретит осень сапожною сыростью...
Лес, низина, увязну я дрожками —
остается взывать к Божьей милости.

А дорога, как в язвах, — в ухабинах,
раскисает, корёжится, крутится,
изувечена вся, испохаблена
деревенской осенней распутицей.

Лошадёнка дождями исхлёстана,
жидконогая, да худосочная,
уж не сдюжить ей грязь подколёсную,
(не суди, захолустная вотчина)!

Поскользнётся, да в жижу разъезжую
поползёт, будет чавкать копытами...
Ни назад, ни вперёд — «ну, хоть режь её»,
Две версты для неё станут пытками.

© Владимир Миронов-Крымский

Две версты ей покажутся вечностью,
 Жёлто-сизую и безликою...
 Торопить будет день скоротечностью
 И кровить предзакатными бликами.

От бессилья слезина покатится —
 Лошадиный предел безысходности...
 Тонет жизнь, как в грязи, в неурядицах:
 «Как тут век прослужить? — хоть бы год снести!

.....

Выпрягал и тащил бедолажную
 (Дал к упрямству Господь силу воли мне),
 И оставив повозку с поклажею,
 Утопая в грязюке по голени,

чудом вышли!.. Гигантской горошиной
 солнце пало на слякоть осеннюю...
 Только плача, на упряжи брошенной,
 Колокольчик зывал о спасении...

ПСКОВ

Ветхозаветная Божия тишь,
 Псков, куполами церквей, будто шлемами,
 в небо вырастаешь и пристально бдишь,
 Русь охраняя от пришлого племени

войск иноземных... Встаёт над водой
 крепость — грудь витязя — не одолеть её.
 Двадцать веков — Псков ещё молодой,
 в пору бы справить совершеннолетие.

Барс на гербе, свыше Божеский перст,
 ты, страж Руси — больше спрашивать не с кого...
 Северо-западный щит её, крест
 с образом иконописного Невского!

Жалко, что тленна письмен береста,
 люд позабыл твою дату рождения...
 Город — ровесник Иисуса Христа,
 Видно божественно происхождение!

ДЕРЕВЕНСКАЯ МУЗА

*С. Есенину
и поэтам деревни посвящается*

Где-то в мареве лет распахнулась,
заприметилась в памятном дне
васильками пропахшая юность
в деревенской глухой западне.

Я в плену эпохального мира,
ночи мне романтичны в стогах,
где звучит «сеновальная» лира
у веснушчатой Музы в руках.

Может, греческих Муз и не нужно? —
коль от русских теряешь покой...
Сколько их на селе, незамужних? —
и одна распрекрасней другой!

Девке дай сарафан да кокошник —
душу разбередит под гармонь!
Ой, найдётся ли Муза роскошней? —
если пышут в ней страсть да огонь,

зной любви, ругань, святость причастья,
счастья реки, желаний пески...
Боже, как это мне в одночасье
бедажно взвалить на мозги?!

Ведь от Бога у русской Эрато
суть и стать есть, и кровь с молоком —
вдохновение нашему брату
с ностальгией к серпу с молотком,

да к просторам звящего луга,
к шепелявому свисту косы
в геометрии полукруга
с километрами полосы!

Взять бы Музу, подальше забраться
в ту беспутную рожь у реки,
где любовь расстилагает убранством
голубые до слёз васильки,

где строка глубока и капризна,
как стремнина в слиянии рек
деревенского имажинизма,
что уносит в Серебряный век!

Верьте в Муз! И божественным светом
снизойдут с васильковым дождём
в души к вам, деревенским поэтам,
к тем, кто в русской глубинке рождён.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Это слово мне послано свыше,
Ибо ходит за мною, преследуя,
От рожденья в затылок мне дышит,
Но готов с ним идти на край света я!

В полном смысле — мой ангел-хранитель
С незабвенной душой — до молчания...
Дюжей силушки (если хотите)
И терпения до нескончания!

В этом слове найдёте былинность,
Звон цепей, ломоть хлеба насущного,
Удаль, волю, и меч, и повинность,
И любовь на всю жизнь, что опущена!

Это слово — мне крест и нагрузка,
Грубо, дерзко и где-то ругательно...
Но горжусь прилагательным РУССКИЙ,
Что оно и ко мне прилагательно!

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

Мне ссыльные ветры накаркают зиму,
На крыльях вороньих снега принесут,
В садах омертвелые яблоки снимут...
О, глушь, где не властны ни царь и ни суд.

Где путник версты без ружья не проедет,
Где волки лютуют, конины вкусив,
И лихость — верхом (лучше ехать в карете) —
В дороге умей выживать на Руси!

Деревня. Уж в прошлом Одесские пляжи,
Свет, женщины, карты, интриги, раздор...
Здесь только метель светской ведьмою пляшет,
Избрав мне тюрьмой родовое гнездо.

На вотчину сослан, живу под арестом,
Лишь душу мою бередит Купидон,
Вручая туза, да не червы, а кресты,
Чтоб мнился «казённым» родительский дом.

Вперёд мне наука, и ныне, и присно —
Вскрывают на почтах депеши к друзьям!
Жизнь учит писать осторожные письма,
Нас — вплоть до острожных цепей или ям.

Но местный мужик здесь не ропщет, не клянчит:
Разбой на дорогах — страшнее суда...
Так пусть же трясутся почтовые клячи,
Раз в месяц по службе заехав сюда,

Где пахнут дремучестью первые снега,
Край полон истории, сказок и снов...
Ещё не закончен «Евгений Онегин»,
Уж лёг под перо мне «Борис Годунов».

Здесь Музы невольно мой ум осеняют,
Полезной мне станет моя кабала...
Нет, Псковскую глушь ни на что не сменяю,
Какой бы дремучей она ни была!

* * *

Я ещё не прильнул к мёду славы,
Не искусан жужжащей молвою,
Не венчались ни тёрны, ни лавры
С бесшабашной моей головою.

Погрузился в стихи я, как в омут,
Как в бездонную чашу похмелья...
Мои мысли то стынют, то стонут,
То оркестром звучат, то капелью,

То бесщётными стрелами тают
В синеве, отзвенев тетивою,
Пусть туманная цель, но святая,
Без которой нет смысла в покое,

От которой морозец по коже...
 Я творю, нелюдимый, небритый,
 Как Булгаковский мастер, быть может,
 Слепо веря в свою Маргариту.

Пусть реальность мне вылезет боком,
 Раж пройдёт, сединою покроюсь:
 — Где ж покой?— между чёртом и Богом? —
 Только вряд ли я там успокоюсь.

Что ж, корите — привык к укоризне,
 Дифирамбы скучны мне, поверьте.
 Славно мне и без славы при жизни,
 Да и прока в ней нет после смерти.

МЫС «АЮ-ДАГ» (Медведь-гора)

Медведь, чьи скалы до небес достали,
 Всё спорит с камнепадною судьбой.
 Состарился, подножия устали
 Сносить набеги, что чинит прибой.

Из года в год — утрата за утратой,
 Теряет плоть от пагубных секунд.
 За стойкость в жизни — вечная расплата —
 Морщины лоб неистово секут,

Из трещин бризы выдувают землю,
 А море гротами калечит грудь...
 Ревёт Медведь от боли: — Не приемлю,
 Всех вас аморфных, в ком гнилая суть!

Я ненавижу снег за то, что тая
 Предательски, ручьями на спине
 Смывает почву. Голая, пустая
 Уж каменная плешь блестит на мне.

А люди — словно рана ножевая
 Кремнёвой, но чувствительной души...
 Она всё стерпит, словно неживая,
 Всю боль разрухи, сколько не круши.

Опять какой-то камень канул в Лету —
 Попал бедняга на язык волны.
 Пять тысяч лет висел, а нынче нету —
 Исчез с анахронизмом старины.

Ворчит косматый и, с природой споря,
 Пожить намерил тысячу веков,
 А заодно намерен выпить море —
 Гласят нелепые сказанья стариков.

— Вздремни, Медведь, Вулкана сын по крови,
 Пусть в жилах пульс бьёт ключевой рекой!
 Весна пуховым облаком укроет,
 Чтоб снился глыбе каменный покой.

3 АВГУСТА 1921 ГОДА

(В одну ночь Россия утратит
 двух великих поэтов Серебряного века)

*Отречёмся от старого мира,
 Отряхнём его прах с наших ног...
 Марсельеза*

Марсельезу руинам поёт Петроград —
 звездопадная прервана ночь...
 Встанет солнце рубином в пять тысяч карат,
 «красный ад» на Руси перевозмочь!

Век двадцатый безжалостно рубит с плеча
 он безбожен, он к власти ревнив...
 Революции меч жаждет рук палача,
 во всех тяжких царя обвинив...

Русь пытаются то «белым», то «красным» огнём —
 «польский мир» и «кронштадтский мятеж»,
 и сплетался терново-стальной окаём
 подле веры и шатких надежд!

Две ярчайших Звезды в эту ночь упадут:
 Гумилёв и, в мгновение, Блок!
 Знать, готовы два места им в райском саду,
 но пока что в сомнениях Бог...

И висит пустота, и уже ни строки
не оставит ни тот, ни другой:
эта ночь, Гумилёва возьмёт «за грудки»,
бросит в «белый» тюремный покой!

Блок не встанет с предсмертной постели своей —
бред удушлив, безумством цветаст,
в нём сгорать будет Фениксом несколько дней
и в агонии душу отдаст...

В Петрограде стрельба, голод, страх и раздор,
смуту конная жалует плеть...
Что Георгия крест? — есть в «Крестах» коридор,
там, где «контру» не станут жалеть!

Двадцать дней в Гумилёве сидел Ахилес...
Бросив следственную кутерьму,
подростельных машиною вывезут в лес,
в безымянно-могильную тьму...

P. S.

В Мариинке — Шаляпин, и вновь болеро
«Дон-Кихот» — мирных душ оберег,
где в стране: три войны, НЭП и план ГОЭЛРО,
и цветущий Серебряный век!

ЛИСТ

Сыро на душе, безлико, муторно,
зябкий вечер беспредельно мглист,
и в холодной белизне компьютерной
третий день бездельничает лист.

Он режимно спит, и с ним «совею» я —
пауза рождает немоту,
то он вздрогнет от прикосновения,
вновь забрежжит (ждать ему невмоготу)...

К мониторной пустоте да чаю бы,
здесь полезно подсластить мозги —
стимул дать башке, где изначально был
ворох поэтической лузги.

Строки от святого и до пошлого,
рифмочки, поросшие былём,
память — склад штампованного прошлого,
пахнет нафталиновым бельём!

Не хочу зависеть я от случая,
мне ли ставить скучное на кон! —
словарями ненавистно мучаю,
плотно сбитый в кучу лексикон.

Я пока не кинул якоря ещё,
в море лени стих не уморю —
видно, лист с экрана укоряюще
действует на психику мою!

Он, в томленье, белью непочатою
виснет в неминуемом огне...
Даже если бред я напечатаю,
станет легче — и ему, и мне!

НИНА ПЛАКСИНА

(г. Щёлкино, Республика Крым)

Нина Плаксина — член Межнационального Союза писателей Крыма (2001 г.), Союза писателей Республики Крым (2014 г.), Российского (2014 г.) и Интернационального (2015г.) союзов писателей. В 2012 году приглашена к сотрудничеству в Общество «Skruv», которое осуществляет творческие связи Швеции, России, Украины, Белоруссии в области культуры. Участвовала в четырёх выпусках альманахов из проекта «От сердца к сердцу». В Юношеской и Детской библиотеках города Щёлкино организовала поэтический мастер-класс «Родного слова волшебство». Автор одиннадцати книг, составитель девяти коллективных сборников, участник многих изданий: (Крым, Россия, Казахстан, Украина, Швеция). Многие стихи переведены на шведский, болгарский, украинский и крымскотатарский языки. Создатель Литературного объединения «Свирель» (1994 г.), руководила которым двенадцать лет. В 2003 году работа ЛИТО «Свирель» отмечена Дипломом Федерации Ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО России.

Организатор фестиваля «Казантип поэтический» (2001 г.), который проводится ежегодно. Имеет несколько литературных наград, среди них — медаль лауреата Пушкинской премии (2010 г.)

«РОССИЯ-КРЫМ» — В ЕДИНСТВЕ ДВА КРЫЛА (КЕРЧЕНСКИЙ МОСТ)

Венок сонетов

1

Завершено строительство моста.
Он — связь истории с грядущей далью.
Над Крымом, над Планетною медалью,
Пролёт, навек соединил места.

Рукопожатием Тамани с Керчью,
Во имя мира, розням вопреки,
Скрепил. Так встарь скрепляли старики,
Благословляя мудрость человечью.

Как не поверить ясности ума:
Это фарватер, вера и опора.
Когда в чести история сама,
К ней тянутся внимательные взоры.

А труд сопровождало вдохновенье —
Мы видим уникальное творенье.

2

Мы видим уникальное творенье,
Ласкаем взглядом даль всего пути.
Святится радостью мечта в груди,
Какую предок видит в изумленьи.

Где «Бычий брод»¹ прохода мелководье?
Да и не нужно на плаву бревно,
В морском пути не лишнее оно.
А здесь!.. Боспорец теребит поводья.

Меоты, скифы жили здесь века,
Аланы думали о переправе,
Искали взглядом вспышки маяка.
Аорсы тоже удивиться вправе.
Сарматы не скрывают впечатленьи,
Трепещет и ликует вдохновенье.

3

Трепещет и ликует вдохновенье:
Живёт двухмерная модель моста,
В пространстве заиграла красота —
Науки деловое наполненье.

Агрессор — коррозионная среда —
Изучена дотошно, максимально,
Сто раз перепроверена реально.
Виват науке в практике труда!

Неточность допустить никак нельзя.
Конструкция живёт не на бумаге.
Технического разума друзья
Верны задаче, цели, как присяге.

А диктатура совести проста:
Шагнула в жизнь упрямая мечта.

---

¹ *Бычий брод* — Керченский пролив во времена Боспорского царства был мелководным и назывался «Бычим бродом».

4

Шагнула в жизнь упрямая мечта.
Задумались высокие префекты,
Программы разработали, проекты:
Через пролив дорога — не проста!

В двадцатом веке, точно говоря,
Царь Николай Второй предпринял меры,
К проекту подключились инженеры.
«Коровий брод» — в задумке у царя¹.

Но «резолюцию» внесла война,
Над миром — разрушительная сила
всё изменила. Новая страна
Другие отношения вносила.

Лишь факты, истину несёт строка:
Сомнений нет — история строга.

5

Сомнений нет — история строга:
Ответит, спросит, сохраняя факты,
Постановления, отчёты, акты.
И каждая записка дорога.

Энтузиасты впереди всегда:
В тридцатые дорогу от Херсона
Тянули через трудности, препоны,
Чтобы пустить по рельсам поезда,

Чтоб «новый мир» — как с чистого листа,
И новый путь — через пролив до Поти.
Трудились не жалея живота.
Строители сегодня — плоть от плоти.

И мост — Атлант, громадные размеры,
Награда вдвое — постоянству веры.

---

¹ В 1903 году идеей строительства моста через Керченский пролив заинтересовался российский император Николай II. К проектированию были подключены лучшие российские инженеры, которые к 1910 году разработали проект «Керченского переезда», однако его реализации помешала Первая мировая война.

6

Награда вдвое — постоянству веры,
Двухмерный мост — гигант, я вам скажу.
Но фактами тридцатых дорожу,
Дорасскажу вам. Придержу премьеру.

Германия нам поставлять должна
на Керчь крупнотоннажные детали.
Перечеркнула договор война,
И план фашисты реализовали,

Через пролив канатную дорогу
Соорудили, захватив страну.
Защитники в победную весну
Несли мечту к берлинскому порогу.

Солдатская мечта — святая вера —
Вошла в сегодня из «до нашей эры».

7

Вошла в сегодня из «до нашей эры»
Победа. Мир из яростной войны
Внесли солдаты — воины страны:
Матросы, рядовые, офицеры.

Разруха в Керчи, бедность — хоть кричи.
К процессу стройки приступили сразу,
Трудились от души, не по приказу:
В труде желанном руки горячи

Но временной конструкция была:
Страна не накопила капитала.
И к ростверкам, и к сваям из металла
Крепили древесину кизила.

Ценили мост дороже очага.
И магистраль скрепила берега...

8

И магистраль скрепила берега,
А части, деревянные детали,
И слабые пролёты, не из стали,
Заменят сразу, разгромив врага —

Решили так. И мужества хватило.
И тыл стоял, как воин на посту:
Проехал главный поезд¹ по мосту.
Вернула мир уверенная сила.

Открыла счёт история сама:
Победу рельсы пели, ледорезы.
А в море ледяная кутерьма,
Встречая весть под звуки «Марсельезы»,
Нашла, сломала слабое звено,
Надводный путь, задуманный давно.

9

Надводный путь, задуманный давно,
Построен был, весной разрушен снова.
Сурова жизнь, но прозвучало слово:
Единству быть — народом решено.

Да, Крым глотнул забытости тоску.
Россия, терпеливая, прощала,
История ж по факту завещала,
Готовилась к весеннему броску.

Благословила Крымская весна
Святую встречу матери и сына.
Родные возвратились времена,
А мост что родовая пуповина,

Для радости — счастливая причина,
Трудом великим создана картина.

10

Трудом великим создана картина,
Её писали годы, а не дни:
Работа бесконечности сродни,
А из веков мечта неукротима.

---

¹ 11 февраля 1945 года, за несколько дней до разрушения, по мосту проехал личный поезд К. Е. Ворошилова, на котором возвращались с Ялтинской конференции главы правительств из стран Антигитлеровской коалиции.

18 февраля лёд разрушил 32 опоры. Пролётные строения упали в море. Восстановивать мост не стали, правительственная комиссия рекомендовала разобрать мост и выстроить новый.

В цепи единой — арки на мосту,
В стихию сини каждая вращала,
Вплывая, покоряя высоту —
И не найти прочнее пьедестала.

Пошагово одна водружена,
В пролёт вторая стала на опоры.
Теперь автодорожный путь она,
Фарватер бережёт в пределах створа.

Всё в трудовом процессе решено:
Из прочной стали шито полотно.

11

Из прочной стали шито полотно,
Пути — из четырёх полос расчёты.
Под ними — судоходные пролёты.
В движении единство учтено.

Красивый мост в сияющей подсветке.
Спешат автомобили, поезда,
И каждый мчится по своей расцветке,
А по фарватеру идут суда.

Дизайнеры в модель моста ввели
И триколора цветовую гамму¹:
Свободу, силу, веру. Соблюли
Отчизны триединую программу.

В порыве трудовом — все до едина,
А держит вековая пуповина.

12

А держит вековая пуповина,
Что жизнь рождает с капельки, с нуля.
Эпохами хранимая земля
В движении веков неукротима.

Ведь время — миг не удержать в горсти:
Из прошлого в грядущее вращая,
Из непрерывности — мгновений стая,
Летит, а человек всегда в пути.

¹ Цветовая гамма. Проект предусмотрел статичную светоцветовую картину. Арочные пролеты подсвечены тремя цветами: фарватерные опоры и наружные вертикальные конструктивные элементы арок подсвечены белым цветом. Этим же светом подсвечены и все опоры, автодорожная арка — синим, а железнодорожная — красным светом.

Спешит, спешит — и вся тут недолга.
Он воплощение забот от Бога.
В движении дорога дорога,
А совесть за работу спросит строго.

Великий мост — великие дела.
Да! Чудо века стройка родила.

13

Да! Чудо века. Стройка родила
«Сегодня» — из мечты, в оригинале.
Держи великолепие в финале!
В стихи и песни просится хвала.

Стальная лента в берега вросла:
Привет, материковая Россия!
С тобой в союзе водная стихия,
Берёзки трепет, зоркий взгляд орла.

Богата Новь из мудрого Кремля,
Красива, совершенна и велика.
Объятъем крепким сердце веселя,
Улыбками ликует многолико.

Мой крымский мост, судьба твоя светла:
«Россия-Крым» — в единстве два крыла.

14

«Россия-Крым» — в единстве два крыла.
В глубоком прошлом дружба мир спасала
И в славное грядущее вращала,
Чтоб жизнь была и счастье берегла.

Рукопожатием решать вопросы —
Вот символ крымской жизни и весны,
Распахнутой души большой страны —
Здесь неприемлемы вражды заносы.

И не найти милее талисмана:
Мурлыка «Мостик» — так зовут кота.
Он — мостовой, хозяин Великана,
Ему привычны шум и высота.

Как в доме жизнь, традиция проста:
Завершено строительство моста.

15

Завершено строительство моста,
Мы видим уникальное творенье.
Трепещет и ликует восхищенье:
Шагнула в жизнь упрямая мечта.

Сомнений нет — история строга:
Награда вдвое — постоянству веры,
Вошла в сегодня из «до нашей эры»,
И магистраль скрепила берега,

Надводный путь, задуманный давно.
Трудом великим создана картина.
Из прочной стали сшито полотно,
А держит вековая пуповина.
Да! Чудо века стройка родила:
«Россия-Крым» — в единстве два крыла.

АЛЕКСЕЙ ЛАВРОНОВ
(1952 – 2012)

Алексей Лавронов (1952 – 2012) Родился на Верхнем Дону (Ростовская область). Окончил Ростовский государственный университет, факультет журналистики. Долгие годы был главным редактором донской общественно-политической газеты «Наш край» и руководителем Международного литературного проекта «АРИА на Дону». Член Союза журналистов России. Почётный член Международного союза литераторов и журналистов АРИА. Награждён высшим знаком Союза журналистов России «За вклад в профессиональное сообщество». Лауреат премии им. Н. Ф. Погодина (Ростовского отделения Союза журналистов). Имеет награды от президента Международного союза литераторов и журналистов и президента Всемирной унии искусств за литературную деятельность и большой вклад в развитие Международного союза литераторов и журналистов АРИА. Публиковался в России, Англии, Германии, США, Австралии. Основатель большой журналистской династии — в семье Алексея Лавронова шесть журналистов.

ВСТРЕЧАЙ МЕНЯ, ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

Не то, чтобы душа устала
И взят я скукой в оборот...
И всё же руль — пора настала
Сбежать от городских забот.
Скорее расступитесь, здания!
По автотрассе вдоль полей
Стрелой промчусь я на свидание
С родной сторонкою моей.
Вот указатель — «две шестёрки»,
Отсюда часто шёл пешком
Туда, до той песчаной горки,
В село, где каждому знаком.
Бежит вниз улица кривая,
Я постою на бугорке,
И ветер, словно узнавая,
Меня погладит по щеке...

А земляки со всем вниманьем
Так рассудительно тихи.
И речка с ласковым названьем
Струится в зарослях ольхи,
Спроси меня — и не отвечу,
Зачем я вновь сюда иду:
Кого любил — уже не встречу,
Меня любивших не найду.
Я весь в родном, я весь в далёком,
Что можно сердцем лишь понять.
За речкой на холме высоком
Лежат мои отец и мать...
Как чашка старая, расколот
Привычный мир. Пора домой...
Встречай меня, любимый город,
Я снова здесь. Я снова твой.

ЛЕТНИЙ СОН

Писателю-земляку Сергею Хоршеву-Ольховскому

Поднимая тяжёлые кисти
 Выше самых высоких оград,
 Ловит солнце ладошками листьев
 За окошком моим виноград.
 Не в ладу с этим летом, а в споре
 Утомлённый жарою народ.
 И одних так и тянет на море,
 А других — лишь на свой огород.
 Где хозяйские радует взоры
 Всех забот и усилий венец —
 Ярко-красные помидоры,
 Бесподобный простой огурец.
 Где прохлада отцовского крова,
 Запах брошенных трав на полу.
 Тишина, где ни звука, ни слова,
 И сиянье лампадки в углу...

Не найти было лучше местечка,
 Где резвились вовсю, хохоча —
 Это наша Ольховая речка
 И колхозная чудо-бахча.
 Дома грядки согласно заданию
 Поливал даже в день выходной.
 Ну а вечер был отдан свиданию
 С самой лучшей девчонкой одной...
 Как тогда, подобру-поздорову,
 Выйду к стаду на дальнем лугу.
 Отыскать мне свою бы корову,
 Всё ищу, а найти не могу...
 Пусть всё снится, а нет и не надо:
 Далеко завела колея.
 Но всегда ты со мной, как награда,
 Деревенская юность моя.

ОТЦОВСКИЙ БАЯН

Как будто хочешь молвить что-то,
 И всё ж, молчание храня,
 С улыбкой с фронтового фото
 Сквозь годы смотришь на меня.
 И писем жёлтая бумага
 Всего не скажет никогда.
 Медаль осталась «За отвагу»
 И орден «Красная Звезда».
 Потом, как все, мы трудно жили,
 Ты верил в правду до конца.
 Мы никогда не говорили
 О чувствах сына и отца.
 Какое мне подскажет средство,
 О чём ты думал на войне?
 К тому ж не «Жигули» в наследство,
 А свой баян оставил мне.
 Так что с того, не в этом дело,
 Пройдусь по кнопкам, не спеша.
 И вот уже звучат несмело
 Твои в нём песни и душа.

ЖЁЛТЫЙ ВЕТЕР

Кому — как тоска, а кому —
 как награда,
 Но снова приходит пора
 листопада.
 Вот с ветки срывается жёлтая
 стая,
 Скользит и кружится, недолго
 летая,
 Среди многоруких стволов,
 уже спящих.
 И ветер желтеет от листьев
 летящих.
 Листок, что не более детской
 ладошки,
 Вдруг мелким зверьком пробежит
 по дорожке.
 И всё ж успокоились и улеглись,
 Забыв и оставив привычную
 высь.
 И жёлтою стали тропой
 среди пней,
 И осень неслышно ступает по ней.

Рвали чёрное небо
Хризантемы огня.
Вдоволь зрелищ и хлеба
Для тебя и меня.
Здесь не место покою,
Тьмы и тайны итог:
Вдруг расцвёл над толпою
Фейерверка цветок.
Треск, хлопок и сиянье,
И пронзительный свет.
А потом угасанье,
Нисхождение на нет...
Нет ни в чём долговечья,
Хоть кричи, хоть молчи.
Так и жизнь человечья —
Словно вспышка в ночи.
Много разного люда
Ждёт волшебный узор,
В ожидании чуда
В небо подняли взор.
А потом позабыли...
Но одно я постиг:
Всё ж едины мы были
На сверкающий миг.

ИРИНА САЗОНОВА

(г. Ростов-на-Дону)

Ирина Сазонова — поэт, прозаик, член Союза писателей России, автор нескольких поэтических сборников, публикаций в российских и зарубежных изданиях, призёр Международного фестиваля русскоязычной поэзии «Дрезден-2007». Её книга «Отдашь своим детям» переведена на болгарский язык, издана в Болгарии.

Крым — историческая родина автора, место, где родились и жили её ныне покойные родители: отец — Меджитов Анатолий (Тейфук) Мустафаевич, гурзуфец, крымский татарин, участник ВОВ, воевал в Приморской армии и в Закавказье, мать — Борзова Екатерина Константиновна, уроженка западного Крыма, русская.

Цикл «КРЫМСКИЕ ЭТЮДЫ» — итог поездки автора туристическим маршрутом «Крымская кругосветка» в 2012 году.

КРЫМСКИЕ ЭТЮДЫ

ИСТОКИ

*Отец — крымский татарин,
мама — русская крымчанка*

Я собираю поздний урожай
Не скоро уродившегося слова.
Из прошлого растёт его основа —
Из мест, где слёзы лил Бахчисарай...
В нём зёрнышки родителя, всегда
Хранившего кочевный дух гурзуфский
Акцентом, до конца вплетённым
в русский.
Я — птица неслучайного гнезда!

Истоки русских маминых семян —
От мазанок и хат степного Крыма,
Лугов, дающих цвет неутомимо,
И предков — береговых славян!
Истоки будоражат: продолжай!
Я собираю поздний урожай

© Ирина Сазонова

ГУРЗУФ

А. П. Чехов приобрёл в Гурзуфе татарский домик, куда «сбежал» из шумной Ялты для творческого уединения.

Где дремлет Аю-Даг в лесном уборе,
А скалы охраняют в бухту вход,
Где Пушкин воспевал стихию моря
И правил чёлн сквозь выветренный грот,
Куда за щедрой творческою пищей
Стремилась живописец и актёр,
А от друзей, в укромное жилище —
Создатель трёх тоскующих сестёр,
Где каждым маем щедро, неизменно,
Придав корягам старым юный вид,
Пахучей густо-розовою пеной
Багряник над округою чудит,
Где ласковые волны не иссякли,
И вечен лунно-бархатный закат,
Там, в каменной татарской бедной сакле,
Отец родился век тому назад...

ДВОРЕЦ ВОРОНЦОВА В АЛУПКЕ

*Именно здесь возник и развивался роман
молодого Пушкина с графиней Воронцовой*

«Храни меня, мой талисман...»

А. С. Пушкин

В бликующей смолистой сени,
Грядой Ай-Петри оплетён,
По диабазовым ступеням
Он сходит к синей ласке волн.
Мостки... Озёра... Башни... Шпили...
Британской готики венец...
Под купол двух столетий былью
Наполнен сумрачный дворец,
Куда жар искреннего слова
И страстно-неуёмный пыл
К ногам графини Воронцовой
Влюблённый Пушкин приносил!

Предания жестокой драмы...
Стон разлучившихся сердец...
Горячность дерзкой эпиграммы:
«Полумилорд, полукупец...»
Но юность вправе заблуждаться:
Граф был сопернику не рад,
Но глас Поэта мог прерваться,
Будь муж холодный дуэлянт!..
Пусть всё минуло — залы, фризы
Впитали дух щемящих тайн...
Гранёный перстень — дар Элизы...
«Храни меня, мой талисман...»

ЛЕРМОНТОВ В ТАМАНИ

23-летний Лермонтов любовался очертаниями Крыма, задержавшись по дороге на Кавказ в местечке Тамань, где с ним произошёл описанный в одноимённой повести случай.

Распах лиловой дымки Крыма...
 Лазури гладь... Маяк... Закат...
 Часы, катящиеся мимо,
 Угарный дух таманских хат...
 Глухая мазанка на круче —
 Сквозняк в разбившемся окне...
 Гонимый скукою поручик ...
 Напев, летящий к вышине...
 Убогого слепого очи...
 Босой «ундины» манкий взор...
 Опасность тайн ушедшей ночи...
 Неосторожный разговор...

Порыв страстей неуголённых —
 Лодчонки утлой шаткий борт...
 Борьба стихий ожесточённых!
 Победы яростный аккорд!..
 Нехитрых судеб разрушение...
 Щекочущему риску дань —
 Предвосхищение рожденья
 Грядущей повести «Тамань»!..
 Предвосхищение работы
 На белом поле — до утра...
 Слов филигранные полёты
 Под скрип гусяного пера!

ГАЛЕРЕЯ АЙВАЗОВСКОГО В ФЕОДОСИИ

Иван Айвазовский всю жизнь прожил в Феодосии, где писал свои знаменитые «марины» — картины морской тематики.

Палаццо с лоджией старинной:
 Холл. Пост.
 Сине-жемчужные «марины».
 Свет. Холст.
 Пейзажей утренняя россыпь:
 Кисть. Взгляд.
 Рассвет. Пурпурные утёсы.
 Штиль. Гладь.
 Зыбь на подсвеченном сапфире:
 Блеск жжёт.
 Луна в притихнувшем надмирье —
 Страж вод.
 Накаты грозные морские:
 Вал волн.

Борцы с разбуженной стихией.
 Плот... Чёлн.
 Победно-флотские походы.
 Рейд. Бриг.
 Снарядом вспененные воды.
 Шквал брызг.
 Разлом турецкой канонерки —
 Сквозь хмарь.
 Судов горящих фейерверки.
 Жар. Гарь.
 Лик неоконченной картины —
 Сил всплеск!..
 Певец непознанной махины...
 Храм... Крест.

ТОЛСТОЙ В СЕВАСТОПОЛЕ

Начинающий литератор Лев Толстой участвовал в обороне Севастополя 1854-1855 гг. в унтер-офицерском чине фейерверкера артиллерии.

Повозкою почтовой
По стынущей грязи —
Так юнкера Толстого
В Тавриду привезли.
И унтер-фейервейкер
Шагнул в людской хаос:
Угрюмых пленных реки
И раненых обоз...
Нёс город неубитый
Смешенья горький смак —
Нарядных улиц плиты —
И грязный бивуак...
Взметённые в час смертный
Хоругви-образа,
Сестрицы милосердной
Славянские глаза...
Ряды крутых ступеней,
Прошивших горный склон —
И в грозном отдаленье —
Четвёртый бастион...

Землянки и редуты,
Чугунных ядер вой...
Былинные минуты
Запомнил граф Толстой!
Под пение фугасов
Он пробовал «стило»,
И соль его рассказов
О том, что войны — зло!
О тех дерзал поведать,
Кто стойкостью силён
И в Крымской непобедной
Отнюдь не побеждён!..
Потомки провиденье
Должны благодарить:
Смерч адского сраженья
Мог гения убить!
Ведь, ладя в бой мортиру,
Отважный бомбардир
Ещё не знал, что миру
Создаст «Войну и мир»!

ДОМИК ГРИНА В СТАРОМ КРЫМУ

В этом доме Александр Грин провёл последние месяцы своей жизни вместе с женой Ниной, которой посвятил «Алые паруса»

Незатейливый дом саманный
У гряды старокрымских скал...
Белый домик, где юнга странный
Свой конечный обрёл причал.
Сад в повители буйнотравной —
Полусонных мечтаний стан —
Ароматной рождал отравой
Миражи сумасбродных стран...
Сквозь подбитые ветром шторы
Проливалось тепло щедрей...

Грин прощально глядел на горы
Через солнечность летних дней.
Неуёмный полёт фантаста —
И аскета суровый быт:
Полустёртая шкура барса...
Стол... Будильник... Свеча горит...
А в углу, на сукне старинном,
Обрамлённый хранит квадрат
Счастья ждущей Ассолы — Нины —
Затуманено-чистый взгляд.

ИТАЛЬЯНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Кладбище времён Крымской войны 1854 года стало в 1941-42 гг. местом тяжёлых оборонительных боёв за Севастополь и арт-обстрелов, уничтоживших кладбище.

Гора Гасфорт — нет склепов, стёртых дат —
 Лишь камни от часовни ломбардийской...
 Покоили там недругов-солдат
 Войны полузабытой ныне — Крымской.
 Не из-за них — нежданный стук сердец,
 Не из-за них — печаль и сумрак взглядов...
 Стоял за Севастополь здесь отец
 И, может быть, отцы скорбящих рядом!
 Отечественной призваны войной,
 Бойцы не сдали плаца под обстрелом!
 Отец мой выжил, но погиб другой,
 Прикрыв его прошитым пулей телом!
 А шрамы от воронок и траншей
 Ещё видны, хотя почти заплыли...
 Но кактусов семейки — зеленой,
 Заметнее на толще брэнной пыли!
 Неведомо, откуда взялись тут,
 Где в одиночку, где колючим слоём,
 Но раз в году прекрасней роз цветут —
 Взамен венков неназванным героям!

ВОЛОШИНСКИЙ КОКТЕБЕЛЬ

Во время гражданской войны М. Волошин укрывал в своём доме в Коктебеле и белых, и красных.

Сердоликовый брег, Ропот волн — и Волошин...	Милость Бога просил Он для «тех» и для «этих».
Край богемных утех Без него невозможен.	Он таланты сбирал, Хрупкий дар согревая,
Стоугольности скал Чётким абрисом вторя,	И полёт предсказал Той, чьё имя — «морская»...
Крымских гор аксакал, Макс — навеки у моря.	Здесь, у краешка вод, Где лазурь и дельфины,
Врач враждующих сил В странном «доме-вертепе»,	Мне явил небосвод Гордый профиль Марины.

АХМАТОВА В КРЫМУ

Юная Ахматова прожила тяжёлый год в Евпатории, пережив болезнь и развод родителей, что привело её к попытке самоубийства.

С беспощадным недугом споря	Царскосельские звали тени,
И с «косой», уносившей близких,	В Летний сад уносились мысли!
От чахотки бежала к морю	А решение жгло и зрело —
Мелководий евпаторийских.	Да движения рук неловки!
Одиночество захолустья	Гвоздь поник под струною тела,
И постылость морской нирваны...	Ослабели узлы верёвки!
Немота материнской грусти...	Это было «прививкой кори» —
Откровения писем странных...	От грядущей беды, обмана...
О, шестнадцати лет смятенье:	Впредь, скитаясь по кромке горя,
В мраке комнат стихи повисли...	Шаль судьбы не роняла Анна!

ЛИВАДИЙСКИЙ ДВОРЕЦ

В Ливадийском дворце умер Александр III. В 1945 году здесь состоялась Ялтинская конференция.

Царский дворец — соло белых созвучий
 В музыке вечнозелёных анархий...
 Здесь умирал самодержец могучий
 В думах о троне и новом монархе,
 Болью телесной страдая и мучась,
 Сердцем испытывал горшую муку,
 Словно предчувствуя тяжкую участь
 Сына-наследника, будущих внуков...
 Тех исторических свар напряженьем
 Был не однажды дворец раздираем:
 И обнищанием, и разграбленьем,
 И бесшабашностью новых хозяев!
 Но устояло в невзгодах творенье
 Под ореолом роскошной природы:
 В страшной сумятице землетрясения
 Выжили стены гранитной породы!
 В этом дворце с ореолом величья,
 В многооконном торжественном зале
 «Сильные мира», умерив различья,
 Судьбы народов и мира решали!
 Тут красота и сегодня спасает —
 И не пройдёт очарованный мимо!
 Старый палаццо над бухтой сияет
 Белой жемчужиной Южного Крыма!

КУПРИН В БАЛАКЛАВЕ

В 1905 году, после очерка Куприна о подавлении восстания моряков на крейсере «Очаков», власти запретили ему жить в Крыму.

С террасы каменной гряды	Трудяг, чьё «да» надёжней стали,
Куприн влюблялся в Балаклаву:	Чей Бог — невиданный улов
За пядь земную у воды	В сетях трепещущей кефали...
Хотел отдать перо и славу,	Построить дом... взлелеять сад...
За глади бухт в огранке гор,	Жить только здесь —
Замысловатый ход пролива,	до смертной точки!
За нежность волн, и в буйный шторм	Но звал «Очаков», как набат —
Катящих к берегу лениво...	И гневом выкричались строчки!..
За килькой пахнувший причал,	Для неудобных — путь один:
За кофе в греческой кантине	Запрет... Судебные расправы...
И за людей, каких не знал	
До этих пор в столичной «тине»:	Но дышит вечностью Куприн
Немногословных рыбаков,	На постаменте Балаклавы!..

В БАХЧИСАРАЙСКОМ ДВОРЦЕ

Диляра — героиня одной из многих легенд о «Фонтане слёз».

Мусульманский вымоленный рай
 Роз... арабской вязи... минаретов...
 О, высокочтимый Хан-Сарай —
 Памятный источник грёз поэтов!
 Здесь Диван — премудрости синклит
 Впитывал секреты мирозданья,
 А Фонтан трепещущий хранит
 Пушкинских творений обаянье...
 В обветшавшей роскоши палат,
 В сумраке курений благовонных
 Цвёл гарем — прекрасный женский сад
 Пленниц, одалисок, жён законных...
 Может, в маете такой «семьи»,
 Жребием опутанной единым,
 Прапрабабки крымские мои
 Изгибали стан пред властелином?..
 Как звались? Айнур?.. Шайде?.. Зухра?..
 Нет в перебирание тщетном смысла,
 Будто непрозрачная чадра
 Над моими предками повисла!
 Что ж... Довольно тут чужих страстей —
 Плачу над погибшею Дилярой,
 Без которой чахнул Крым-Гирей,
 И слезой сочится камень старей...

ДАВИД КУДЫКОВ

(г. Лондон, Великобритания)

Давид Кудыков — поэт-песенник. Академик Итальянской Академии Искусства и культуры в Палермо. Академик Международной академии наук, образования, индустрии и культуры (Сан-Франциско). Президент Международного Союза Литераторов и Журналистов АРІА, член Союза писателей Израиля, член Пен-клуба. Лауреат золотой медали имени Франца Кафки, медали «160 лет Иртышскому пароходству», в 2010 году награждён атаманом Верхне-Донского округа Всевеликого Войска Донского медалью «За возрождение казачества», в 2012 году награждён литературной медалью имени Олега Афанасьева. В 2005 году в республике Мари Эл удостоен звания «Человек года 2005» по версии газеты «Аргументы и Факты Мари Эл». В 2006 году за цикл стихов награждён «Олимпийской серебряной чашей» итальянской Академии Искусства и культуры. В России включён в академическую антологию современной русской поэзии 2009. Автор трёх поэтических сборников: «Купола, падающие крестами вниз», «Sabbie Mobili», «Из глубины моей души». Переводился на итальянский, польский, румынский.

РОДИНА

Родина —
 где умывался росами,
 Где таскал на зорьке пескарей,
 Где траву я мял ногами босыми,
 В синь препровождая журавлей.
 Родина мне поле стлала клевером
 И в жару
 — дубрав давала тень,
 Мне толику вечности отмерила,
 Вдаль маня огнями деревень.
 Родина —
 девичьи губы сладкие.
 Некуда от памяти мне деться...
 А года на лбу сложились складками:
 Родина —
 то не страна, то детство.

КУПОЛА

А ты не ходил под разбитыми храмами,
Где падали главы, цепляясь крестами...
Легко тот смеётся над старыми шрамами,
Кто не был ни разу избит или ранен.

И рушили Бога, с душою поспорясь,
Сегодня нас сделав за всё виноватыми.
Летят купола, цепляясь за совесть
И души людские, безвинно распятые.

* * *

Моих волос не трогай, седина, —
Не хочется мне в зрелость торопиться.
Когда шутя ломает лёд весна,
В деревьях соком начинает биться,
Смотрю вслед уходящим облакам
И думаю о молодости вечной, —
Но не сдержат, как речку берегам,
Мне ни весны, ни жизни быстротечной.

РОДНОЙ ЯЗЫК

На русском языке, рожая, мать кричала,
На нём издал я первый в жизни крик.
И песня русская меня качала.
И сказки мне дарил родной язык.

Когда ж наступит час мне унести кометой
В простор небес, я в свой последний миг
На русском языке прощусь с планетой —
Хрипя на русском: «Господи, прости!»

ЖЁЛТЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Жёлтый треугольник, треугольник с фронта...
 В сундуке у бабушки, в детстве трогал я.
 Дядюшек не видел — треугольник помню,
 И на нём разводы, бабушки слеза...

Жёлтый треугольник, выцвели чернила,
 И от слёз разводы, бабушкиных слёз.
 Запах еле слышный дыма от разрывов,
 Запах самосада и солдатских грёз...

Бабушка бранилась: «Ты не трожь, негодник!»
 А когда все спали, плакала одна,
 Доставая с вечера жёлтый треугольник,
 Что от сыновей оставила война.

Жёлтый треугольник, треугольник с фронта...
 В сундуке у бабушки, в детстве трогал я.
 Дядюшек не видел — треугольник помню,
 И на нём разводы, бабушки слеза.

СНИТСЯ РОССИЯ

Снится рассветом Россия,
 Ивой над речкой журчащей,
 Там, где избушки косые, —
 Сердцем хранимое счастье.

Знойной порой сенокоса,
 Кружкой холодного кваса,
 В травах тяжёлых по пояс,
 С каплями белых ромашек.

Снится полоской льняною
 И берedit мою душу
 Мягкой пахучей копною,
 Россыпью рыжих веснушек.

Где за дубы вековые,
 В белых туманах купаться,
 Кони идут вороные —
 Чёрные гривы их снятся.

ВИТАЛИЙ ШНАЙДЕР
(г. Ганновер, Германия)

Виталий Шнайдер — поэт, журналист, работал во многих русскоязычных газетах Эстонии, репортёром криминальной хроники на телевидении, входит в Объединение немецких журналистов и прессы (DPV e. V.), директор Международного союза литераторов и журналистов «APIA» в Германии, главный редактор интернет-журнала «Inter-focus.de». Автор четырёх книг стихов и переводов: «Прерванный сон» (1996), «Знак совпадения» (2001), «Иные берега» (2008), «Закатный ветер» (2012). Один из победителей конкурса «Эмигрантская лира-2010» в номинации «Поэты-переводчики», третье место и бронзовый «Манекен Пис» в номинации «Поэты-эмигранты» конкурса «Эмигрантская лира-2014».

МОЛИТВА

Прошу, прости меня
За все мои грехи,
За слабый блеск огня
И горькие стихи.

За мысли о былом
И суетность, и ложь,
За время-метроном,
Что будит в сердце дрожь.

Прошу, не отвергай,
Судить не поспеши,
Надежды лучик дай
На доньшке души.

Прости меня за крик,
За маету и боль,
За то, что мир велик,
За знанье — жизни соль.

Не покидай меня,
Помилуй и спаси,
Ночь отдели от дня,
Над бездной пронеси.

Храни меня в пути,
На суше и в воде,
Не дай с ума сойти,
Храни меня везде.

© Виталий Шнайдер

ПАРКОВЫЙ ЭТЮД

Bad Nenndorf

Здесь почти Ван Гоговские
 поля, —
 горизонт уходит куда-то
 вверх,
 растворяется там,
 и миндаля
 горьковатый запах,
 и меры сверх
 свежего воздуха,
 коего гладь,
 греясь на солнце,
 даёт миражи;
 но солнце заходит,
 и вот опять
 поля Ван Гога — они от Бога, —
 поля Ван Гога
 из спелой ржи.

ВИДЕНИЕ

Иду в толпе, не различая лиц,
 Не отражаясь ни в одной витрине,
 По городу иду, как по пустыне,
 Путь освещают всполохи зарниц.
 Белеет храм — здесь опускаюсь ниц.
 Недвижимый лежу в грязи и глине,
 И слёзы жгут глаза, и сердце стынет,
 А в небе грохот тысяч колесниц.
 Разверзлась твердь, и столб огня ударил.
 Земля пылает, всюду запах гари,
 Лишь храм стоит, как прежде, нерушим,
 Златой свой купол вознеся высоко.
 Засыпан пеплом, я в грязи пред ним
 Лежу в оцепенении глубоком.

* * *

Взять лицо любимой женщины
 двумя
 тёплыми
 ладонями.
 Приблизить к своему лицу так,
 чтобы сквозь сумрак комнаты
 увидеть
 её глаза
 близко-близко.
 Всмотреться в их тёмную глубину
 до рези.
 Разглядеть на самом их доньшке
 едва
 заметную
 ложь.

* * *

Проходит жизнь, но остаются строки,
а день уходит вдаль и в темноту.
Мы встретимся однажды на мосту
над пропастью, где Тибр течёт глубокий.

Рассеяннo ты спросишь: «Как ты, милый?»
И я отвечу явно невпопад.
И бешеный февральский снегопад
накрое т мост, закрутит что есть силы.

И полетим над чёрною рекой,
сверкающей подобием зеркала.
И я спрошу: «А может, всё сначала?..»
но ты исчезнешь, помахав рукой.

* * *

Безвольно опускается рука.
Взгляд в стену устремлён, за нею чёрным
квадратом бесконечности провал.
О Боже, жребий сей не миновал
моей судьбы, влиянием тлетворным
её в пучину ввергнув.
Через века
меня настигли предсказанья старца
безумного. Был в келье заточён
он монастырской. Мне он часто снится.
Арабской вязью жёлтые страницы
он покрывает, худ и измождён,
затем их прячет в тёмной глуби ларца
из кипариса.
Корчится на сводах
тень горбоногая. Коптит свеча.
Под скрип пера гусиного бормочет
слова он непонятные, всклокочен.
И день сегодняшний из-за плеча
его встаёт, высматривая в годах
грядущих моего лица черты.

И льётся чёрный свет из пустоты.

* * *

Мир за окном — цветное полотно.
 На нём дома, деревья, люди, птицы.
 Поток автомобилей с рёвом мчится.
 По снегу такса семенит смешно.

В полтретьего уже полутемно.
 Я закрываю книжную страницу
 Про журавля, что в небе, и синицу
 В чужих руках иль в клетке? Всё равно.

Как Соловей-разбойник чайник свищет.
 Иду на кухню, ведь духовной пищей
 Желудок не наполнить, сколь ни ешь.

И подступает скучный зимний вечер,
 И нечем залатать в бюджете брешь,
 И плачет горько, как ребёнок, ветер.

ВСПОМИНАЯ КАРФАГЕН

*«Подразделения ВСУ открыли огонь по
 посёлку Старомихайловка Кировского
 района на западе Донецка».*

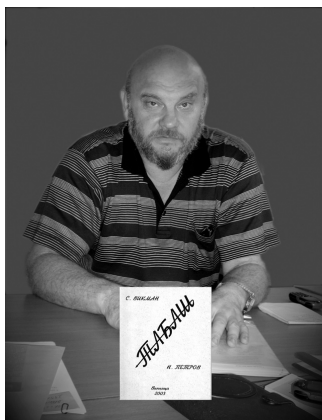
*(Из сводки оперативного командования
 ДНР).*

Бомбы ложатся на город ковром,
 Вздымая ввысь крошево стен,
 И канонада грохочет, как гром:
 «О, горе тебе, Карфаген!»

Вот Су-27 с большой высоты
 Ракетами бьёт по домам,
 Что он творит? — Ведь на нём не кресты,
 Лишь дети и женщины там.

Всё видела Клио — швырял легион
 Соль в землю, чтоб не было всходов,
 Но Рим пал бесславно, с тех давних времён
 Не совершал он походов.

Ганновер, 02.08.2017

СЕРГЕЙ ВИКМАН

(г. Ганновер, Германия)

Сергей Викман (г. Ганновер, Германия) — поэт, член Международного союза литераторов и журналистов АРІА, редактор Интернет-журнала «Interfocus.de». Автор книги стихов «49» и соавтор книги прозы «Табаш», написанной совместно с Николаем Петровым. Публиковался в России (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону), а также в Германии, Англии, Эстонии, Латвии, США, на Кипре и Украине.

* * *

Сирени куст воспоминания хранит
и под жасмином скрытая скамейка
пока что это не кладбищенский гранит
а только снова предложение римейка
здесь губы волосы чужие целовать
по вечерам учились не без явного успеха
весна прошла другому счастье отдавать
воспоминанья эти больше не помеха
мы изменились и за месяц изменился мир
но память пальцев сохранилась всё же
амур для стрел своих находит новый тир
хоть поцелуев память сохраняется на коже

* * *

Новый год провести в кабаке
в каталонском хмельном ресторане
виноград сохраняя под полночь в руке
как прикладывать корпию к ране
здесь вино наливают в стаканы и ждёшь
от уже пережитых событий
в новый год неизбежных чудесных открытий
хорошо понимая что всё это ложь

© Сергей Викман

* * *

И только утром понемногу понимаешь
как был неправ вчера и очень заблуждался
приход катарсиса в похмелие ожидаешь
хоть ничего хорошего конечно не дождался
и пить не стоит тёплое бутылочное пиво
да и вином с утра не следует наверное лечиться
когда всё утро за окном мелькает как на диво
какой-то ангел непутёвый или птица

* * *

Сколько ассов придётся опять за фалерн заплатить
и хиоское тоже к несчастью опять возрастает в цене
это точно важнее чем то что сегодня сумеет смутить
в этих сварах сенатских и в слухах о близкой войне
но пока есть в остерии местной какой-то кредит
и Овидия строки и старый уже безобразник Катулл
жизни всё это в общем нисколько сейчас не вредит
хоть она и весит на плече словно старый баул

* * *

Приходит постепенно пониманье сонного дождя
весны и осени истории как горького лекарства
Конфуция сентенции о судьбах и задачах царства
поддерживают образ пошлого и мелкого вождя
как всё же нынче сделались привычны неудачи
и сделалась какой убогой жизни перспектива
конечно же чтоб с этим совладеть не хватит пива
и только водка подаёт надежду на решение задачи

* * *

Шинкарь-еврей в корчме всегда нальёт
да и горилки выпить не откажется со мною
нас общее конечно лихолетье ждёт
и захлестнёт несчастье общею волною
снега заносят по степи шляхи
и смуга заползает в улицы местечка
нам заплатить придётся за грехи
чужие и свои и всем нам будет гречка

* * *

Наверно в дальних Томах или где-нибудь в Сиде
был третий век для жителей тюрьмою понарошку
в провинции не стоит думать о какой-нибудь беде
и что печального увидеть можно здесь прильнув к окошку
чего ещё от этой сонной жизни нам прикажете желать
вода к фонтанам с дальних гор бежит по акведуку
дороги ремонтируют и письма так легко послать
легко преодолев с друзьями близкими разлуку
на рынке вновь упали цены на зерно и на рабов
налоги медленно растут и нимфам памятник построен
и свиньям много желудей достанется с разросшихся дубов
да и Алексей в театре нашем весел так и строен

* * *

Лишь я один всех помню и люблю
Какое утешенье в долг от Бога
Как эта запустевшая дорога
Ведущая к чьему-нибудь жилью
А может быть к тебе попытаюсь вспомнить
Твои в снегу пропавшие следы
И то как оборачивалась ты
На голос мой но всё трудней заполнить
Мои воспоминанья я один
Ищу тебя без видимого прока
В дороге заблудившись у порога
Без видимых каких-нибудь причин
Но в долг не попрошу опять у бога

* * *

Здесь не хватает самого простого
Простого созерцания луны
Простого понимания зимы
И времени движенья не пустого
Здесь не хватает в общем-то любви
Или того что ей пришло на смену
Нам не пробить с тобой глухую стену
Не станут и реальностью твои
Фантазии надежды и упрёки
Напрасно ветер нам раскрашивает щёки
В цвета надежды счастья и любви

* * *

Я буду приходить к тебе во сне
Слегка касаясь губ или твоих коленей
Одним из запоздавших откровений
Последним инеем на утреннем окне
Прикосновенья будут по утру тебе казаться
Но не захочешь ты сама себе признаться
Запутавшись в холодной простыне
В реальности моих прикосновений
В реальности любого из мгновений
Приснившихся тебе в моём под утро сне

* * *

Костерок у под ветром поблекшей реки
Скоро дождик пойдёт среди ив копошиться
В закопчённом котле закипает ушица
И на юг потянулись от осени близкой чирки
Как под утро на мир ты с тоской ни смотри
Лечит всё-таки эта чужая больница
Ты себе это снова под утро привычно соври
И попробуй опять на земле поселиться

* * *

Ложится иней в феврале
На крыши
Прозрачней стали во дворе
И выше
Деревья с клочьями листвы
Чернее
Асфальт и кажутся мертвы
Скорее
Чем живы окна и дома
Напротив
И только бледная луна
Как в гроте
Ложится тенью от теней
На стены
Пустынной комнаты моей
Как вены
Деревьев ветки в феврале
Стремятся
Тенями на моём дворе
Собратся

СЕРГЕЙ КРИВОНОС

(г. Сватово Луганской области, Украина)

Сергей Кривонос — член Национального и Межрегионального союзов писателей Украины, Международного сообщества писательских союзов, автор 13 поэтических сборников. Победитель и призёр всеукраинских и международных поэтических фестивалей и конкурсов «Славянские традиции», «Звезда полей», Чеховская осень», «Души прекрасные порывы», 4-го интернет-фестиваля им. Грушина. Лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина (2012 год, за сборник стихов «Спасибо, мир, за поле и цветы»), учреждённой Союзом писателей России, литературной премии имени Николая Ушакова (2013 год, за сборник стихов «Когда приходит зрелость к сентябрю»), учреждённой Национальным союзом писателей Украины, литературных премий имени Михаила Матусовского, имени Владимира Даля, имени Николая Гринченко Межрегионального союза писателей.

* * *

День, словно странник бездомный, продрог,
Ветки деревьев колышутся пьяно.
Сватово — наш небольшой городок —
Вновь утопает в осенних туманах.

Маленький город большой суеты,
Где неприкаянно бродят зеваки,
Где беззаботно гуляют коты,
Если не лают сердито собаки.

Душу согреет дворовый уют,
Душу согреют знакомые лица.
Всё нестолично здесь, разве что пьют,
Не уступая ни капли столицам.

© Сергей Кривонос

Густо ползёт по околице лес,
И, разрушая покой лепестковый,
То проезжает вдали «Мерседес»,
То неуклюже проходит корова...

День, словно странник бездомный, продрог,
Но не случайно вдали так знакомо
Вьётся прозрачный весёлый дымок
Над покосившимся стареньким домом.

* * *

Вдруг подумалось: может, простившись с друзьями,
В крупный город рвануть сквозь тревоги дорог?
Но, сжигая сомнения, греет огнями
Нешумливый родной городок,

Где друзья, где безбрежие яблонь и вишен,
А столица — мельканье машин и людей.
Там за уличным шумом нечасто услышишь,
Как ликует смешной воробей.

Там не слышно в трубе завывающей вьюги,
И не видно лесов, что выросли в синеву,
Там под вечер не катится солнце по лугу,
Пригибая густую траву.

И вовек не отыщешь такого простора,
Где знаком тебе каждый вершок-корешок...
Нестолличный мой город, приветливый город —
Самый маленький, самый большой.

* * *

Васильковое поле. Тропинка. И ветер шершавый.
Паутинка сединки тревожно дрожит на виске.
И ползёт муравей по своей муравьиной державе,
А потом по моей утомлённой работой руке.

Отчего ж ты, храбрец-муравей, так беспечно рискуешь?
Вот укусишь меня, и прихлопну тебя сгоряча,
И никто не заметит такую потерю простую —
Нам ли, людям большим, небольших муравьёв замечать?

Вот укусишь, и сразу окончится век твой недолгий.
Страшный зверь — человек, но тебе, видно, страх не знаком,
И толкает вперед вечный зов муравьиного долга,
Без которого не был бы ты никогда муравьём.

Люди тоже чуть-чуть муравьи на огромной планете —
Мы вгрызаемся в мир, в суете бесконечной живём.
Посреди васильков, посреди скоротечного лета,
Понимаешь, что жизнь — изначальное счастье твоё.

Вот пополз и второй муравей, презирая опасность,
По уставшей руке. И подумалось грустно сейчас,
Что среди муравьёв есть какое-то крепкое братство,
Но не встретишь подобного братства, увы, среди нас.

Каждый сам по себе посредине занудного быта,
Каждый сам по себе, оттого и на сердце тоска.
Есть среди муравьёв единящие накрепко нити,
Ну а нам единящие нити — веками искать.

Поле. Небо. Заря. Запах скошенных трав освежает.
Золотится простор. Снова щёлкнул вдали соловей.
И ползёт муравей по своей муравьиной державе,
И не знает, что он — лишь частичка державы моей.

* * *

Всё с годами приходит — умелость и зрелость,
И, казалось, сидеть бы на печке в тепле,
Но вливается в чувства опять ошалелость,
Когда ты на родимой земле.

По любым лабиринтам пройдёшь здесь на ощупь.
И хотя нынче тем, кто с деньгами, почёт,
Заходя в соловьиную светлую рощу,
Ощущаешь себя богачом.

Дым костра у реки, запах ландышей вешний,
Скрип калитки в саду и ромашек букет...
Можно жить и об этом не думать, конечно,
Но без этого родины нет.

* * *

Живёт на свете улица. Она
На улицы другие не похожа.
И грустно удивляется прохожий,
Что властвует над нею тишина.

Дворы, сады... А непохожесть в том:
Давно здесь обезлюдел каждый дом,
Лишь иногда тоскливо и протяжно
Завоет пёс, обживший старый двор,
Где пёсья будка да ещё забор,
Но лучше в будке выть, чем быть бродяжим.

Такая вышла с улицей беда —
Покинули её давно сельчане,
Но по привычке зябкими ночами
Согреться опускается звезда.

И я по этой улице иду,
Вдали зарю холодный ветер сдул,
Горбатый клён глядит на мир смиренно.
Наверное, и в нём живёт тоска,
А ветка — словно теплая рука,
Прожилки на листках — как будто вены.

И заяц, бесприютности назло,
Примчался на заросший луг пастуший,
И весточкой из дней минувших кружит
Поблеклое гусиное перо.

Лежат букварь, утюг, велосипед...
Чтоб как-нибудь напомнить о себе,
За поворотом скрипнули ворота...
Живёт на свете улица. Она,
Как брошенная в старости жена:
И жизнь — хоть удавись, и жить охота.

* * *

Вдохнуть октябрь и у зари согреться.
Душа спокойна и приветлив сад.
Я в листопадной осени, как в детстве,
Когда ещё ни в чём не виноват.

Усердно хлещет бесшабашный ветер,
Но мне уютно и тепло сейчас —
Ведь я иду, согретый тихим светом
Неугасимых материнских глаз.

Хотя непросто в эти дни живётся,
Уверен, что помогут в час любой
И неба синь, и родники колодцев,
И мамина безбрежная любовь.

Сквозь радости иду и сквозь тревоги,
Не опасаясь никаких преград,
Пока дорога есть, пока в дороге
Я ощущаю материнский взгляд.

* * *

Ещё года тревожно не считаю,
Ещё живу желаньем перемен...
А мамины года собрались в стаю,
Чтоб улететь за тридевять земель.

Их подгоняет время беспощадно,
И я боюсь, в тускнеющей дали
Слова прощанья прозвучат печально
И долететь не смогут до земли.

Посыплется внезапно снег горячий,
И ветками взмахнёт поникший сад,
А я пойму, что ничего не значу
Без стаи, улетевшей в небеса.

Привычно прокричит петух соседский
В рассветно посветлевший небосвод,
И снова я перелистаю детство,
Что вместе с мамой в памяти живёт.

А где-то далеко, под облаками
Прощально покружив, её года,
Как будто птицы, прошуршат крылами
И скроются навеки. Навсегда.

* * *

Наполнен светом дом родной,
В нём благодатно, словно в храме.
«Сынок, что случилось со страной?» —
Тревожно спрашивает мама.

Её нельзя мне обмануть —
Вокруг одна беда. И что же?
Быть может, давнее безбожье
Нас вывело на ложный путь?

Среди утрат, среди обид
Мелькают дни, мельчают лица,
Куда, скажите, торопиться,
Коль над страной туман висит?

Но к маме мне всегда спешить,
К её проблемам и заботам,
Ведь в притяжении души
Живёт божественное что-то.

* * *

В твоём лице есть что-то от весны,
От всех апрелей, будущих и прошлых.
Проталины морщинок осторожных
Улыбкой добрых глаз освещены.

В твоём лице от лета что-то есть —
Когда приходишь ты, теплеют будни,
И на душе становится уютней,
Как будто добрую прислали весть.

В твоём лице и белизна зимы,
И осени задумчивость лесная.
Что будет с нами завтра, я не знаю,
Но знаю, будет мир с названьем «Мы».

И, небо исписав наискосок
Безоблачными буквами созвездий,
Хмельная ночь нам окна занавесит
И бережно прижмёт к виску висок.

* * *

Хорошо, что мы снова вдвоём,
Что осенней печалью не найдены.
Посмотри: как летящие ангелы, —
Журавли над притихшим селом.

Завтра, может быть, где-то вдали
Вновь окажемся под снегопадами,
Но сегодня мы тёплыми взглядами
От ненастий друг друга спасли.

Замечаю в безбрежности дней,
Сколько грешного в них и
безгрешного.
Ну, а главное — сколько есть нежного
На обычной ладони твоей.

И, даруя тепло нам опять,
Журавли над полями ковыльными
Тень ночную раздвинули крыльями,
Чтобы солнце на небо поднять.

* * *

Потептели глаза у зари,
И объята покоем равнина,
Где в росе обречённых травинок
Отразились опять косари.

Где удачу пророчат грачи,
Где безумствует запах акаций
И где бабочки тихо садятся
На упавшие в травы лучи.

Что сказать? Человек я простой:
Мне наградой твой взгляд и
отрадой,
Как цветение майского сада,
Как весны разнотравный простор.

И под лёгкие вздохи косы
Закружили под облаком птицы,
И ромашек пыльца золотится
На прозрачных крылах стрекозы.

* * *

Через тысячу лет снова встречу тебя.
Расстелю облака, успокоив метели,
И, скупые мгновения не торопя,
Я в стихи превращу звон весенней капли.

Позабывшие дни возвратит нам строка,
Потеряют значение все огорченья.
Я ведь знаю давно — ты лишь с виду строга,
А за строгостью скрыта готовность к прощенью.

И никто из соседей не станет роптать,
И внезапно пойму, только сблизятся лица:
Мы — две птицы с тобой. Нам пора улетать.
Но так страшно на тысячу лет разлучиться.

ЕЛЕНА ПОПОВА-ЛЮК
(Россия–США)

Елена Попова-Люк — актриса, поэт и прозаик, пишущий для детей и взрослых. Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017» в номинации «Поэзия» (стихи для детей).

ОВСЯНКА

Мама сварила кашу,
Да какую — с клубничным вареньем!
«Вот, накормлю сыночка,
Овсяночкой в воскресенье!»
Мальчик сказал: «Не буду!
Она горячая, я подул...»
Мама мыла посуду,
Мальчик ногами бил стул.
Тут в дело ввязался папа —
Он грозно сказал: «Надо есть!»
Мальчик ответил: «Не надо!»,
Готовясь со стула слезть.
На кухне возникла бабушка,
И сказала: «Конечно, не надо!
Лучше играть на компьютере
И в злого морского пирата.
А каша, это что — ерунда!
Растут от неё, умнеют.
Варенье кладут иногда —
С ним она даже вкуснее» —
Быстро кашу схватила. А внук
Молча смотрел с изумленьем. —
«Ну-ка, проверим, что у нас тут?
Каша с клубничным вареньем!
Кто главный овсянщик, а ну, угадай...
Да! Бабушка ваша!»
Мальчик, насупясь, ответил: «Отдай!
Это моя каша!»

СНЕЗИНКА

А мне жвачку подарил Дениска,
У нас в саду, жвачка — это приз.
Он подошёл на утреннике близко
И на ухо сказал мне: «Я — Денис».
А я сказала просто: «Я — снежинка»,
И он меня жвачкой угостил.
А у меня вдруг потекла слезинка,
А он увидел и сказал: «Прости».
А я стояла в юбочке из лент,
Стесняясь, и головку наклоня...
Не знала я тогда, что тот момент —
Один из лучших в жизни у меня.

ТАТЬЯНА ЛЫЧАГИНА

(г. Минск, Республика Беларусь)

Татьяна Лычагина — публикуется с 1995 года в периодической печати Беларуси, Австрии, России.

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ЧЕРНОМОРЕЦ ИЗ ДУБРОВНО

Севастополь известен своей славной историей и большим количеством памятников. Однако не все знают, что самый первый монумент в этом городе был воздвигнут в 1839 году в память о подвиге экипажа брига «Меркурий» под командованием А. И. Казарского, уроженца белорусской глубинки.

Александр Иванович Казарский родился 16 июня 1798 года в местечке Дубровно Оршанского уезда Белорусской губернии в семье отставного губернского секретаря, управляющего имением князя Любомирского, Ивана Кузьмича Казарского.

Учился Саша в церковно-приходской школе. Священник Дубровнен-

ского православного прихода обучил его грамоте, а молодой ксёндз преподавал ему основы математики, латыни и французского языка.

Как-то к Казарским приехал дворянский брат Ивана Кузьмича и Сашин крёстный Василий Семёнович, надворный советник, только что назначенный на должность в обер-интендантство Черноморского флота. Он-то и предложил отвезти крестника в приморский город Николаев и определить его в Черноморское штурманское училище.

День отъезда выдался ненастным, холодным и дождливым. Почтовый тракт тянулся вдоль Днепра, по его левому берегу, серая водная гладь с

© Татьяна Лычагина

пузырями дождя на поверхности заполняла весь пейзаж в окне экипажа, и Саше казалось, что они не едут, а плывут по скучной равнине. Это и было его первое «плавание».

На прощание Иван Кузьмич сказал сыну: «Честное имя, Саша, — это единственное, что оставлю тебе в наследство». Ах, да! Было ещё ружьё старинное — охотничье, фамильное.

Много лет спустя, заполняя очередной «формулярный список о службе и достоинствах», флигель-адъютант и кавалер гвардейского экипажа капитан 1 ранга А. И. Казарский в графе «имеет ли за собою, за родителями или, когда женат, за женою недвижимое имение», напишет: «Не имею».

Юный Казарский, конечно, не мог знать о том, что насколько унылой и долгой казалась тогда ему эта дорога, настолько блистательной и короткой окажется его собственная судьба.

Так Александр Казарский, выросший среди белорусских лесов и полей, в 1811 году стал кадетом Николаевского штурманского училища.

Скромный и застенчивый, Саша нелегко сходил с людьми. Приятельствовал со многими, однако, настоящих друзей у него не было.

Занятия, проводимые замечательными преподавателями Латышевым, Ждановым, Дружининым — людьми бывалыми и равнодушными, — сопровождались захватывающими историями, открывали юношам страницы славного боевого пути русского флота.

Всё это разжигало воображение, подогревало честолюбие, вызывало в сердце Казарского жажду подвига.

Истинным кумиром, эталоном доблести и служения долгу с тех пор и до конца жизни стал для юного

Казарского адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин.

30 августа 1813 года волонтёр Александр Казарский был записан в Черноморский флот гардемаринном. А ещё через год в одном из греческих кабачков приятели отмечали производство в первый офицерский чин — Казарский стал мичманом. В кают-компании бригантин «Десна» и «Клеопатра», на которых Казарский ходил после окончания училища, хорошо помнят весёлого, стройного и красивого мичмана.

Надеясь найти живое дело в пограничной службе, Казарский подал рапорт о переводе его на Дунайскую флотилию, и был назначен в Измаил командиром отряда мелких гребных судов.

Перед отбытием в Измаил Александр исхлопотал краткосрочный отпуск, чтобы навестить родных в Дубровно. Отчий дом встретил его заколоченными ставнями — он был разграблен и пуст.

Староста показал Александру могилы отца и младшей сестры, смерть которой была ужасна.

...В 1812 году Дубровно занял отряд французской армии. Солдатня грабила лавки купцов и дома обывателей. Не обошла стороной волна погромов и дом Казарских. Преследуемая насильниками, Матрёна бросилась с обрыва в Днепр.

Старшая сестра Прасковья давно жила с мужем на Орловщине. Средняя сестра Екатерина обвенчалась с каким-то проходимцем в чине пехотного поручика, а после свадьбы вдруг выяснилось, что он уже женат. От стыда и горя Екатерина постриглась в монахини.

Мать Александра, Татьяна Гавриловна, уехала на родину, в Малороссию.

Отныне и до конца жизни краеугольным камнем всех его поступков станет «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Но за оставшиеся 18 лет жизни Казарский так и не обзавёлся собственным домом. Его пристанищем были каюты кораблей да казённые квартиры.

Служба в Дунайской флотилии продлилась пять лет.

В 1819 году лейтенанта Казарский получил назначение на фрегат «Евстафий». Случилось то, о чём он не смел и мечтать: отныне он будет служить под началом Ивана Семёновича Скаловского — кумира его юности, лучшего офицера Черноморской эскадры.

На фрегате «Евстафий» Казарский прошёл хорошую командирскую школу. Всей душой воспринял он главные заповеди Скаловского: на вахте не жди подсказки, оценив обстановку, действуй самостоятельно и решительно; установи взаимопонимание с нижними чинами — в их умении и слаженности главный успех манёвра; старайся разгадать замысел неприятеля, опережай его действия.

После «Евстафия» Казарский ходил на шхуне «Севастополь», транспортах «Ингул» и «Соперник», командовал катером «Сокол», служил на бригае «Меркурий», на линейном корабле и снова на бригае «Меркурий».

В ходе русско-турецкой войны 1828-1829 года бриг «Соперник», ставший на военное время транспортом, под командованием Казарского участвовал в доставке войск 3-й бригады и вооружения. Три недели маневрировал Казарский под стенами Анапы, громя её бастионы, увёртываясь от прицельного огня крепостных орудий и батарей. «Соперник» получил

десятки повреждений, но оставался в строю до последнего дня осады. Ровно в полдень 12 июня 1828 года наши войска вступили в Анапу, и над ней взвился русский флаг.

Николай I щедро награждал офицеров и нижних чинов, отличившихся под Анапой. Казарскому трёхнедельная дуэль с крепостными батареями принесла долгожданный чин капитан-лейтенанта и, что не менее важно, неоценимый опыт.

В сентябре того же года по схожему сценарию была взята Варна. За храбрость, проявленную в этом сражении, капитан-лейтенант Казарский был награждён золотой саблей.

Вскоре после этого адмирал Алексей Самуилович Грейг назначил его командиром 20-пушечного бригаа «Меркурий». За плечами тридцатилетнего офицера было уже пятнадцать лет службы на флоте.

Александр Иванович с головой окунулся в новые заботы. Теперь в его подчинении было четыре офицера и 109 нижних чинов.

Разных по своему складу людей Казарский за короткий срок объединил в организующее и мобилизующее ядро. Нравственную атмосферу на бригае во многом определял и так называемый «местный патриотизм», а точнее — нежная любовь экипажа к своему кораблю. Чувство это с давних пор глубоко укоренилось в душе русского моряка. И чем меньше корабль, тем это чувство сильнее.

В то же время служба на малых судах была нелёгкой. Их конструкция и оснастка требовали и от матросов, и от офицеров известной сноровки, постоянного физического напряжения. Казарский непрестанно проводил тренировки, доводя многие элементы до автоматизма.

В апреле 1829 года пришёл приказ: бригау «Меркурий» следовать в Сизополь (ныне Созопол, Болгария) на соединение с отрядом крейсеров капитана 1 ранга Скаловского. Казарский не скрывал радости: он жаждал «дела». Хорошее настроение командира передавалось экипажу. К походу изготовились быстро, без проволочек, попутный ветер позволил прийти к месту назначения в кратчайший срок.

Первый успех выпал на долю Казарского в самом начале мая. Бриг «Меркурий» вместе с фрегатом «Штандарт» и бригам «Орфей» находились в крейсерстве у Босфора. Неожиданно корабли встретились с турецкой эскадрой в составе шести линейных кораблей, двух фрегатов, двух корветов, одного брига и трёх тендеров. Наиболее быстроходные фрегат «Штандарт» и бриг «Орфей», поставив все паруса, вскоре оторвались от противника, начавшего погоню: более тихоходный бриг «Меркурий» был настигнут двумя турецкими линейными кораблями — 110-пушечным под флагом капудан-паши и 74-пушечным под адмиральским флагом. Стихнувший на время ветер позволил бригау «Меркурий» поддерживать дистанцию вне дальности огня противника, идя под выкинутыми, в помощь парусам, вёслами. Однако противник, поставив все верхние паруса, начал вновь нагонять бриг.

Казарский приказал приготовить к бою. На шпиль перед входом в крюйт-камеру был положен заряженный пистолет, чтобы в критический для корабля момент последний из оставшихся в живых офицеров брига выстрелом в бочку с порохом взорвал корабль вместе с врагом.

Бой длился четыре часа. Исключительно искусное маневрирование Казарского, пользовавшегося и парусами, и вёслами, чтобы не дать противнику использовать его десятикратное превосходство в артиллерии, затруднило противнику ведение огня прицельно. Вместе с тем, метким огнём по его рангоуту и такелажу бригау удалось сперва перебить несколько гротовых снастей на корабле капудан-паши, что вынудило последнего лечь в дрейф, а затем сбить лиселя у второго корабля, который после четырёх часов боя стал отставать и вскоре прекратил преследование.

Командир брига Казарский во время боя получил контузию, но, несмотря на это, оставался на посту и руководил боем.

За этот подвиг бригау «Меркурий» был присвоен Георгиевский кормовой флаг, а капитан-лейтенант Казарский был произведён в капитаны 2-го ранга и награждён орденом Святого Георгия 4-й степени. Также в фамильный герб Казарских (в красном поле извивающийся уж в дворянской короне, держащий в пасти яблоко) как символ готовности пожертвовать собой, было внесено изображение тульского пистолета.

Для увековечения памяти о героическом подвиге было решено — после того как бриг придёт в негодность — построить новый под названием «Память “Меркурия”» и в последующем всегда иметь на флоте корабль под этим названием.

Однако уже через двадцать лет после описанных событий оставшиеся в живых соратники Казарского вынуждены были защищать его честь от попыток поставить под сомнение достоверность подвига брига «Меркурий».

Один из таких случаев приводит в своей книге «Потомству в пример» Ю. Стволинский. Он цитирует высказывание английского историка Ф. Джена: «Совершенно невозможно допустить, чтобы такое маленькое судно, как «Меркурий», вывело из строя два линейных корабля за четыре часа, даже если бы они вовсе не стреляли. Самым вероятным предположением будет то, что турецкие корабли были фрегатами, выросшими в донесении в линейные корабли».

Но истина рано или поздно непременно отыщет путь в любом лабиринте недоверия и клеветы.

Накануне Крымской войны 1853-1856 года в архиве бывшего вице-канцлера Нессельроде было обнаружено и опубликовано письмо турецкого офицера — одного из штурманов корабля «Реал-бей». Он писал своему другу: «[...] капитан сего брига никогда не сдастся, и если он потеряет всю надежду, то тогда взорвёт бриг свой на воздух. Ежели в великих деяниях древних и наших времён находятся подвиги храбрости, то сей поступок должен все оные помрачить, и имя сего героя достойно должно быть начертано на храме славы: он называется капитан-лейтенант Казарский, а бриг — “Меркурий”».

Вице-адмирал В. И. Мелихов в «Морском сборнике» за 1850 год в статье «Описание действий Черноморского флота в продолжение войны с Турцией в 1828 и 1829 годах» писал: «Действия брига «Меркурий» представляют пример отваги, которому подобный едва ли сыщется в летописях морских держав. Мы считаем излишним распространяться о подвиге Казарского, вполне и совершенно оцененном Государем Императором [...], мы считаем нужным заметить

только одно обстоятельство, что нашлись люди, которые сомневались, чтобы действия брига происходили точно так, как они описаны в рапорте Казарского. Но мы и весь флот, выдавший бриг через несколько часов после сражения, можем засвидетельствовать, что в донесении командира брига не было никакого преувеличения; знавшие хорошо покойного Казарского поручаются, что по своей скромности он скорее был способен умолчать о своих действиях, нежели преувеличивать их. Он вполне достоин памятника, воздвигнутого ему в Севастополе его сослуживцами, с соизволения Государя Императора».

Почему же всё-таки стала возможной победа крошечного 20-пушечного брига над двумя турецкими кораблями?

Умение и стойкость, ежедневная боевая подготовка, воинское мастерство, высокое чувство патриотического долга, сплотившего команду брига перед лицом смертельной опасности — главные составляющие этой небывалой победы. Достаточно отметить, что матросы лучших боевых кораблей флота, в том числе и брига «Меркурий», ставили и убирали паруса за три-четыре минуты, тогда как туркам требовалось для этого от двенадцати до пятнадцати минут. То же можно сказать и о русских канонирах — они стреляли гораздо лучше турецких.

И ещё один существенный фактор. Турецкого штурмана изумило: получивший множество поврежденных бриг «Меркурий» не сдавался, оставался на плаву и продолжал неравный бой.

Война близилась к завершению. Оправившись от контузии, капитан 2-го ранга Казарский принял под свою команду 44-пушечный фрегат «Поспешный» и успел поучаствовать

в одной из последних операций кампании — взятии Месемврии (ныне Несебр, Болгария).

1830 год был для Казарского очень насыщенным: он назначается командиром линейного корабля «Тенедос»; вместе с князем Трубецким как представитель российского флота едет в Лондон для поздравления английского короля Вильгельма. Английские моряки встречали героя со всей торжественностью.

В 1831 году за отличие по службе капитан 2-го ранга Казарский Всемиловнейше был пожалован в капитаны 1-го ранга.

В том же 1831 году, уволенный от командования кораблём, Казарский поступает в полное распоряжение Николая I и становится флигель-адъютантом Его Императорского Величества.

За два года свитской карьеры Казарский успел освоиться в покоях и залах императорского дворца.

Флигель-адъютант — это, прежде всего, исполнительный порученец, грамотный и опытный специалист, если хотите, эксперт, которому доверяются дела государственной важности. Если прежде вся жизнь Александра Ивановича проходила на боевых кораблях, то теперь всё больше на колёсах. Саратовская, Тамбовская, Симбирская, Нижегородская, Пензенская губернии — вот адреса его служебных командировок.

В Казани у него было особое поручение. Он должен был вынести заключение о целесообразности дальнейшего существования Казанского адмиралтейства.

Вскоре после Казани для поисков нового водного пути он отправляется в длительное путешествие по неисследованным рекам и озёрам в бассейне Белого моря и Онеги.

Перед Казарским были открыты самые широкие перспективы для дальнейшего восхождения по служебной лестнице. У него были все основания рассчитывать на самое достойное место в числе командиров русского флота. Увы, надеждам этим не суждено было сбыться. Злой рок просто преследовал семью Казарских...

Известен «провидческий» рисунок А. С. Пушкина, который, казалось бы, определил судьбу блистательного черноморца.

Ещё в конце октября 1823 года на обороте так называемой первой масонской тетради А. С. Пушкин изобразил своих приятелей: пять профильных портретов с топором над двумя из них и рядом записанных заглавных латинских букв: Q. S. F. D. Z. По мнению председателя Николаевского Пушкинского клуба А. И. Золотухина, здесь изображены портреты людей, с которыми в это время Пушкин встречался в Одессе и Николаеве, разговаривал, и составил о них представление, если не как о бунтарях, то как о людях мятежных духом. Кто же они такие?

Вверху — Quazarskiy — лейтенант Александр Иванович Казарский, будущий герой Русско-турецкой войны 1828-1829 года.

Далее Sil'vo — капитан 2-го ранга Фёдор Сильво (грек по национальности), с 1820 года — комиссионер и командир военной гавани в Одессе, сорвиголова; поговаривали, что Пушкин даже дрался с ним на дуэли. Во всяком случае, это его Пушкин вывел в повести «Выстрел» под именем Сильвио — поэт любил «облагодзвучивать» имена.

Затем Fournier — Виктор-Андрей Фурнье (умер в 1830) — француз, учитель французского языка в семье генерала Н. Н. Раевского.

Потом Dahl — Карл Иванович Даль (1803-1828) — морской офицер, астроном-любитель, брат писателя Владимира Ивановича Даля.

И, наконец, Zaytsevskiy — мичман Ефим Петрович Зайцевский, (1799-1861) — русский поэт, морской офицер, герой Русско-турецкой войны 1828-1829 года, отличился впоследствии при взятии Варны.

На рисунке поэта топор касается сверху Казарского, а снизу — Даля. Роковое пророчество поэта для Казарского сбылось в 1833 году.

В тот роковой для него год Казарский был направлен в Николаев для проведения ревизии тыловых контор и складов в черноморских портах. Однако вскоре после прибытия он внезапно умер. Предположительно был отравлен кофе с мышьяком.

Близкая знакомая семьи Казарских Елизавета Фаренникова утверждала, что в последние дни Александр Иванович, заходя к кому-либо, ничего не ел и не пил, так как был предупрежден о возможном покушении. Даже некую немку, у которой остановился в Николаеве, он просил попробовать каждое блюдо, прежде чем самому приступить к еде.

В тот роковой для него день Казарский, отобедав у капитана-командора Михайлова, выпил чашку отравленного кофе, которую поднесла ему красавица-дочь хозяина дома. Казарский, как галантный офицер, не смог отказать даме. За разговором он выпил всю чашку и вскоре почувствовал себя плохо.

По утверждению штаб-лекаря Петрушевского, к которому обратился Казарский, его постоянно тошнило, от чего на полу образовались чёрные пятна, которые не удавалось смыть.

Фаренникова утверждает, что и доктор был в сговоре против Казар-

ского, так как вместо того, чтобы дать ему противоядие, усадил его в горячую ванну, несмотря на то, что сам Казарский говорил ему, что отравлен. 16 июня 1833 года после мучительной агонии Александр Иванович Казарский скончался.

После смерти тело Казарского, по воспоминаниям Фаренниковой, было неузнаваемо: «голова, лицо, руки, грудь, глазные яблоки набухли до невозможности и почернели, как уголь; почернели аксельбанты, эполеты, всё почернело... когда стали класть в гроб, то волосы упали на подушку, а ноги по ступни отвалились в гробу».

Всё это произошло менее чем за двое суток, но некоторые «авторитеты» утверждают, что причиной таких изменений стало не отравление, а летняя жара, и умер молодой и здоровый в прошлом мужчина от обыкновенного гриппа.

Во время похорон за гробом шло множество людей, среди которых были вдовы и сироты, которым Казарский много помогал. Рыдая, они кричали: «Убили, погубили нашего благодетеля! Отравили нашего отца!»

Через шесть месяцев из Санкт-Петербурга прибыла следственная комиссия, которая эксгумировала труп и извлекла внутренние органы для отправки в столицу, однако, этим дело и кончилось. Расследование загадочных обстоятельств смерти безуспешно велось несколько лет. В итоге, следствием было сфабриковано дело об отравлении из-за наследства, и можно сказать, что тайна смерти блистательного черноморца не раскрыта до сих пор.

По истечении 183 лет после тех трагических событий в Николаеве вполне возможно утверждать, что фактической причиной этого ци-

ничного убийства стала деятельность Казарского как ревизора Черноморского флота и черноморских портов и вскрытие им фактов злоупотребления и коррупции высших флотских начальников.

Желая сохранить для потомков память о блистательном подвиге брига «Меркурий» под командованием Казарского черноморские моряки решили на свои средства установить в Севастополе памятник. В сборе средств приняли участие моряки не только Черноморского, но и Балтийского флотов. К концу 1834 года было собрано около 12 тысяч рублей.

Эскизный проект монумента был выполнен в 1835 году академиком архитектуры А. П. Брюлловым.

Открытие памятника состоялось в 1839 году на Матросском (бывшем

Мичманском) бульваре. Сооружал памятник известный в Севастополе каменных дел мастер О. Г. Ньюман. Общая высота памятника — 5,5 метров. Постамент из инкерманского камня увенчан бронзовой античной триремой, покоящейся на чугунном кубе с рельефными изображениями Нептуна, Меркурия, Ники и капитана брига А. И. Казарского. Верхняя часть постамента оформлена отлитыми из чугуна воинскими атрибутами.

На белом камне лаконичная и многообещающая надпись: «КАЗАРСКОМУ — ПОТОМСТВУ В ПРИМЕР».

Обнажив головы, стояли на палубах матросы и офицеры Черноморского флота. Развевались приспущенные флаги кораблей. Грянули пушки, салютуя бессмертию и доблести офицера русского флота Казарского.

ГАЛИНА РУДЬ

(г. Москва)

Галина Рудь — поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей России, член Союза писателей-переводчиков при СП России, член Чеховского литературного общества, член Московской Ассоциации гидов-переводчиков, лауреат ряда международных литературных конкурсов.

МНЕ ИМЯ — МАРИНА

Но имя Бог мне иное дал:

Морское оно, морское!

Марина Цветаева

Помню, жизнь назад, на школьном выпускном экзамене по литературе, отвечая на вопрос экзаменационного билета, я читала стихи Александра Пушкина «К морю», которые любила безмерно.

Тогда ещё имя Марины Цветаевой было мне не знакомо, тем более, не представляла я, чем для Марины Цветаевой было это пушкинское *к морю*. И чем явится для меня в моей собственной жизни Поэт — Марина Цветаева.

Имя Марина, в переводе с греческого — «морская». Марина — море. А море — само это понятие — включает в себя так много...

В детстве маленькую Марину Цветаеву звали Марусей, Мусей. Но с какого-то времени стали звать Мариной. Она была молода и прекрасна: зеленоглазая, светловолосая, стройная, лёгкая и быстрая, как ветер.

Море рождает ветер.

Тема ветра — одна из любимых в творчестве Поэта. Заметим, что Марина Цветаева даже одежду любила ту, что хороша на ветру.

*Другие — с очами и с личиком светлым,
А я-то ночами беседую с ветром...*

Наш корабль... плывёт по воле всех ветров!

*Плыви — ни об чём не печалься!
Чай есть в паруса кому дуть!*

© Галина Рудь

Мария Кузнецова (Гринёва) вспоминает свою первую встречу с Цветаевой: как она изумилась, увидев таинственную, волшебную девушку из XVIII столетия, одетую в шёлковое коричневато-золотое платье с широкой, пышной юбкой до полу. Тонкая талия, старинный корсаж, у чуть открытой шеи — камея. Зеленоватые глаза. Глаза волшебницы.

Современники Марины Цветаевой отмечали её необычность, её ни на кого непохожесть — она была словно с другой планеты.

И стихи её опередили время.

Мара, героиня рассказа Сергея Эфрона «Волшебница», — это, конечно, Марина Цветаева.

Вот она рассказывает мальчикам Кире и Жене, героям этого рассказа, о воздушном корабле, об одном из «привиденских кораблей» самой Марины Цветаевой.

— ...Царь луны, мальчик-месяц, мой большой друг. У него много воздушных кораблей, и он с удовольствием даст мне один.

— Я знаю, кто ты. Ты волшебница.

Потом мальчики рассуждают, кто же она такая, их гостья?

Имя морское, душа морская, — может быть, она русалка?

— Ты русалка, Мара?

— ...Конечно, ты волшебница.

— Её маленькая дочь Ариадна часто рассказывала свои необыкновенные сны, вспоминает Борис Зайцев. — Три пересекающихся солнца. Над ними парили ангелы, сыплющие с неба золотые цветы, а внизу шла Марина в короне с изумрудами.

И сама Марина Цветаева любила свою душу, своё сердце, своё отражение в зеркале. Своё редкое в то время, «неповторимое имя — Марина».

Марина Цветаева... Имя Марина ассоциировалось у неё с именем гордой полячки Марины Мнишек. Может быть, потому что в жилах Поэта текла польская кровь её бабушки?

Но имя её говорило и о море.

...А я серебрюсь и сверкаю!

Мне дело — измена, мне имя — Марина,

Я — брэнная пена морская.

...— В купели морской крещена —

В Италии мальчик Володя ведёт сестёр, Марину и Анастасию Цветаевых, знакомиться с морем.

«— Её — Ася. А тебя как?»

— Меня? — сказала Марина немного высокомерно, точно он должен был знать — сам, точно этот вопрос был лишний, разве её могли звать иначе?! — Марина...» — вспоминает сестра Поэта Анастасия Цветаева.

Марина — морская. И как у моря, есть приливы и отливы (радость и печаль), так есть они и в морской — человеческой — душе.

— «У вас в душе приливы и отливы!»

Ты сам сказал, ты это понял сам!

Но что же такое «морская» душа? Может быть, это душа моряка или морского существа? Или душа лодки? Морской волны?

На горизонте необозримое море граничит с небом, оно продолжается небом, оно уходит в высоту, в необъятность. От моря душа поэта устремляется за горизонт и дальше — в небо. Из глубины — ввысь.

Безмерна, глубока, высока поэзия Марины Цветаевой, как необъятно само море. Море — это и мореходы: моряки, рыбаки, для которых море — дом. По мнению Марины Цветаевой, у мореходов с певцами, поэтами столько общего:

*Мы, певцы, что мореходы:
Покидаем вскоре!
Есть на свете три свободы:
Песня — хлеб — и море...*

Вечное море дышит. Оно рокочет, шумит. Волна отбивает свой собственный стихотворный ритм — гекзаметр.

Цветаеведы отмечают песенное начало стихов Поэта.

Она же говорит о морском отголоске своей поэзии:

*Мореходы и певцы — одной материи птенцы,
Само море — нам купель!

Я кружавчики сплетала,
Завтра сети буду плести.

Не простой рыбацкий невод
Песенная сеть моя!*

Часто далеко где-то находится любовь, судьба, мечта. Откуда приходит к человеку разлука, уводящая любимых за море, куда-то вдаль?

*Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
— Прощай! — Как плещет через край
Сей звук: прощай!

Прощай! — в едином слове сём
Я — всю — выплёскиваю душу!*

Почему «прощай»? «Потому что, когда любишь всегда прощаешься. Только и любишь, когда прощаешься!»

По мнению Марины Цветаевой, в самом имени — Марина — заключена разлука:

*Ты нынче зовешься Мариной, — разлука!
Ты скажешь: Я любил морскую,
Морская канула в моря...
...Мазурка — море — смерть — Марина.*

Вспомним, что Марина Цветаева с детства не встречу, а разлуку полюбила, выбрала разлуку со студенческого спектакля «Евгений Онегин», который увидела она маленькой девочкой, с той сцены расставания героев романа, с

отповеди Евгения Онегина Татьяне. Разлукой Марина Цветаева упивалась. Позже она напишет: «Я ни тогда, ни потом не любила, когда целовались, всегда — когда расставались. Не любила, когда сходились. Всегда — когда расходились».

*Я вижу: мачта корабля,
И Вы — на палубе...*

Десятилетней девочкой Марина Цветаева впервые побывала у моря. Она так давно мечтала о встрече с ним. Жила этой мечтой. Тысячу раз в свою заветную тетрадку переписывала пушкинские строки «К морю»:

Прощай, свободная стихия...

Пушкинское море вмещало в себя так много!

И вот Марина Цветаева в Италии. Сейчас ночь. Море дышит где-то совсем близко, где-то рядом, за стеной. Завтра она увидит море. Преддверие этого свидания было огромным счастьем. И даже — лучше счастья, глубже счастья, ибо это была мечта, наполняющая счастье своим представлением о море. Какое оно? Волнуясь, ждала встречи с ним...

Вспоминает: «Море было здесь, и я была здесь, и между нами — всё блаженство оттяжки... Море было здесь, и завтра я его увижу... Море здесь, но я не знаю, где, а так как я его не вижу — то оно совсем везде, нет места, где его нет. То был самый великий канун моей жизни».

Но моря она не узнала. Моря Марина Цветаева с первой встречи не полюбила.

С горечью напишет она: «Произнеся *к морю*, мать дала обещание, которого не сможет сдержать. *К морю* было море + любовь к нему Пушкина, море + поэт, нет! — поэт + море, две стихии, о которых так незабвенно — Борис Пастернак:

*Стихия свободной стихии
С свободной стихией стиха...»*

Её к морю могло быть только на листке бумаги — и внутри. Пушкинское море — было море прощания. Столько раз, переписывая заветные пушкинские строки, она всё в жизни полюбила прощанием, разрывом, не на жизнь, а на смерть. Девочкой Марина Цветаева отождествляла стихию со стихами. Стихи оказались той стихией, с которой не прощаются никогда.

Поэт понимает природу: язык огня, ветра. Живой язык воды: моря, реки, ручья, дождя, слёзы... Она разговаривает с потоками воды, с дождём, с морской волной:

*Буду выпрашивать воды широкого Дона,
Буду выпрашивать волны турецкого моря,
...Скажет мне Дон: — Не видал я таких загорелых!
Скажет мне море: — Всех слёз моих плакать не хватит!*

Ведь даже её первые стихи сорвались, «как брызги из фонтана».

Позже стихи уже лавиной пролились, потоком, который не остановить:

«Невосстановимо хлещет стих».

В бессмертных стихах — душа Поэта, т. е. её тоска, «расплёсканная и расхлёстанная по всему миру и его пределам».

Часто в стихах Поэта море встречается как даль, мера дальности.

*Недаром, голубей воды,
Я далью обдавала лбы.*

Море в стихах Марины Цветаевой упоминается часто как расстояние, уводящее иногда за воды Леты, реки, которая отделяет мир живых от мира умерших, ушедших. Душа человека уходит в вечное плаванье.

*Милый друг, ушедший дальше, чем за море!
...Милый друг, ушедший в вечное плаванье...*

Бескрайнее море. В его глубинах обитают всевозможные морские существа. И, главное, там живут сказочные русалки и ундины.

В детстве сёстры Марина и Анастасия выбирали и делили между собой литературные произведения: «Это — твоё. Это — моё».

Баллада Жуковского «Ундина» была неизменно — Маринина.

Ундина и море. Ундина и душа. Может быть, Ундина — попытка понять или приручить дикое море, дикую душу через любовь?

Отец Ундины, владыка Океана, стремясь к совершенству, помог своей дочери обрести живую душу, благодаря союзу её любви с человеком. Из весёлого, беспечного существа она превратилась в существо высшее, т. е. страдающее.

*Глазами ведьмы зачарованной
Гляжу на Божие дитя запретное.
С тех пор как мне душа дарована,
Я стала тихая и безответная.*

*Забьла, как речною чайкою
Всю ночь стонала под людскими окнами.*

Но с морем, в первую очередь, связалась любовь Марины Цветаевой к Пушкину, к пушкинским стихам «К морю», утвердившим её любовь к Байрону и Наполеону.

Однажды маленькая Марина Цветаева спросила свою мать:

— Мама, что такое Наполеон?

Мать очень удивилась:

— Как? Ты не знаешь этого?

— Нет, мне никто не сказал.

— Но это же... носится в воздухе!

Мать, поражённая тем, что дочь не знает элементарного, забыла ответить на вопрос. Ребёнку же было очень стыдно не знать того, «что носится в воздухе». И она не переспросила мать.

И позже в пушкинском стихотворении «К морю» сама нашла ответ: «Это тот, кто страдал, сосланный — за море».

Он страдал — этого одного было достаточно, чтобы страдающую душу полюбить навеки.

Восемнадцать лет Марина Цветаева опять поедет к морю, уже к Чёрному морю. Сначала в Гурзуф, потом к Максимилиану Волошину в Коктебель.

Коктебель — посёлок на берегу Чёрного моря, где была так счастлива Марина Цветаева.

«Таруса, Коктебель да чешские деревушки — по ним меня и соберёте». Рядом за холмами на побережье — морской порт, любимая Феодосия.

На берегу Чёрного моря, на волошинском коктебельском берегу, Марина Цветаева встретила свою судьбу, своего будущего мужа, Сергея Эфрона.

Ранним утром она собирала камешки на диком пляже. Прекрасный юноша стал помогать ей. Марина Цветаева загадала: «Если он найдёт и подарит мне сердолик (любимый её камень), я выйду за него замуж».

Черноморские волны вынесли на коктебельский берег генуэзскую сердоликовую бусину, розовую, с прожилками... Этот драгоценный камешек, дар Чёрного моря, она хранила всю жизнь.

И, конечно, в стихах мы встретим столько сравнений жизни человеческой с рекой, с ливнем, с морем... Но мы не найдём в произведениях Марины Цветаевой описаний моря. Оно часто возникает в стихах Поэта как поэтическая метафора.

*Горе, ты горе,
Солёное море.*

Ходит занавес — как — парус...

*Ты меня омыла
Как волна.*

*Как рокот площадных вселенских волн —
Вам маленькая слава будет — эта...*

Нахлынет счастье — волнами.

«Океаном ли правила путь» Марина Цветаева, ощущая себя лодочкой, плывущей по морю жизни, когда путь от моря устремляется к небу.

*Закачай меня, звёздный чёлн!
Голова устала от волн!
Линией береговой
Скоро ль память отошла*

*Обо мне, плавучем острове
(По небу — не по водам!)*

Целому морю — нужно всё небо...

*Над синеморскою лоханью —
Воинствующий взлёт.*

Сердечная волна вздымается высоко и становится Духом, когда на её пути встаёт старая немая скала — Судьба.

*Ход трагедии — как — шторм!
...Трущоба — ...Кровь! и каждая капля — заводь.*

В стихах Поэта — трагизм, который был в ней самой. Марина Цветаева писала подруге в письме: «Боюсь, что беда (судьба) во мне, я ничего настоящего не люблю, не умею любить, кроме своей души». Может, отсюда её убеждение, что, несмотря на огромную для неё любовь к стихам, которыми она жила и дышала, поэзия не является высшей ценностью, ибо, по убеждению Марины Цветаевой: «У постели умирающего нужен не поэт, а священник».

Но вернёмся к морю. Оно — безмерно, многогранно. Вспомним тему морской раковины, жемчуга в творчестве Поэта.

*...В этом слове дышит время.
В раковине — океан.*

*Губы — двойною раковиной
Приоткрывишиеся...*

*О, всеми голосами раковин
Ты пел ей...*

Жемчугом станешь в ладонях сих!

Послушаем объяснение Марины Цветаевой её маленькой дочери Ариадне: «Понятие — общее, круглое. Воплощение — остриё вверх! Всё в одной точке».

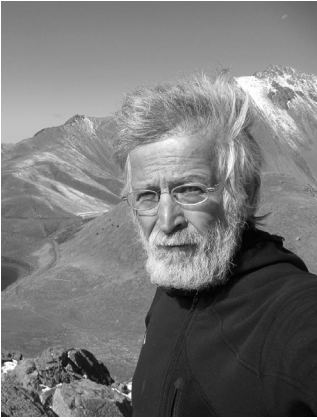
Дерзну предположить: море — понятие, сама она, Марина (Цветаева), — воплощение.

В имени человека сокрыта некая тайна, в имени заключена судьба. Марину Цветаеву всегда занимало значение имён. Марина — морская... «Мне имя — Марина»!

Тайну знает море, тайну откроют водные потоки.

И закончу своё небольшое эссе стихами маленькой Ариадны, дочери Марины Цветаевой:

*Спите, Марина,
Спите, Морская Богиня.
Ваше лицо будет скрыто в небесных морях.
Юноши будут давать Вам обеты в церквах.
Звери со всех сторон мира
Будут реветь под цыганской звездой любви.
Не в гробе, а в гроте
Уснёте, Морская Богиня.
Море глубоко пророет чертоги для Вас...*

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН (г. Уфа)

Камиль Зиганшин — путешественник, писатель, член Союза писателей России, лауреат ряда литературных премий, включая Государственную премию Республики Башкортостан имени Салавата Юлаева, Заслуженный работник культуры Российской Федерации и Республики Башкортостан, председатель Башкирского отделения Русского географического общества, учредитель Фонда поощрения граждан и организаций, занятых защитой диких животных. Автор романов о староверах «Скитники» и «Золото Алдана», ряда книг о диких животных, о путешествиях в малоизвестные уголки планеты. Публикуемый очерк — из новой книги Камиля Зиганшина «На обратной стороне Земли».

КОВАРНЫЙ АКОНКАГУА

(2013 год)

А-КОН-КА-ГУА! Это распевное название самого высокого на планете вулкана (6962 м) я услышал в 2007 году во время первого посещения Аргентины. Оно сразу очаровало и заинтриговало: в нём звучала какая-то тайна. Я потерял покой, и стал собирать информацию об этой горе. Порой Аконкагуа представлялся мне столь чётко и зримо (казалось, я даже ощущаю гуляющий там ветер), что раз за разом мысленно проходил весь путь от подножья до пика. Впрочем, как позже выяснилось, «видения» не соответствовали действительности. Всё оказалось намного сложнее и жёстче.

Со временем желание взойти на промороженную вершину овладело мной до такой степени, что в начале 2013 года решаюсь — иду! Эмиль Жданов, мой давний и надёжный напарник, с воодушевлением поддерживал эту идею.

После перелёта «Уфа – Москва – Мадрид – Буэнос-Айрес», продлившего сутки на десять часов, пересели в двухэтажный автобус и, проехав поперёк Аргентины с атлантического побережья до предгорий самого длинного на Земле хребта «Анды-Кордильеры», оказались в столице аргентинского виноделия — утопающем в зелени городе Мендоса.

Тем, кто собрался на Аконкагуа, избежать его посещения невозможно. Только здесь, в Министерстве по туризму, выдают за немалую плату пермиты (разрешения) на восхождение. А поскольку желающих подняться на знаменитый вулкан или побродить по окрестным хребтам и каньонам довольно много (тут более десяти национальных парков), доходы от туризма в этой провинции вышли на второе место после доходов от виноделия.

Когда Эмиль, владеющий помимо французского и английского ещё и испанским, оформлял заявку, до меня донеслась русская речь. Оглядываюсь: высокий загорелый парень в безрукавке что-то объясняет девушке славянской внешности. Его лицо показалось мне знакомым. Точно! Я видел его фотографии в интернете в отчётах клуба «Семь вершин!»

— Максим Богатырёв?

— Да!

— Читал о вас много хорошего в интернете.

Разговорились. Узнав, что мы идём на Аконкагуа, он продиктовал оптимальную временную раскладку маршрута. А пощупав прикреплённую к моему рюкзаку куртку, дал мне свой роскошный пуховик и штаны с особой термопрокладкой. Я пытался заплатить, но он категорически отказался. Только записал в моём блокноте адрес, куда потом всё это богатство отправить.

На следующий день, проехав 240 километров на автобусе, идущем из Мендосы в столицу Чили Сантьяго, сходим у ворот национального парка Аконкагуа. За ними виднеется плотная «толпа» острозубых хребтов. Каждый такой хребет состоит из более мелких, самой необычной рас-

цветки. Как правило, горы одно- или двухцветные, а тут нас поразило наличие почти всей цветовой палитры.

Невольно вспомнился наш Полярный Урал: тоже голые, безжизненные громады (только в белых папах) и такое же богатство красок, правда, не из-за цвета камней, а благодаря многоцветию лишайников.

Сзади нас, за дорогой, над бурной речкой перекинута арка, красиво мерцающая янтарными наплывами. Она образована солевыми отложениями от десятков струек, сочащихся из горы. В них содержится такое количество солей железа, что любой предмет, брошенный в эту воду, уже через сутки покрывается прочной рыжей коркой.

Пока ехали сюда, по реке пронеслось несколько надувных лодок с любителями водного экстрима. Порой они исчезали среди высоких бурунов, и лишь мелькание оранжевых касок подтверждало благополучное продолжение сплава.

Пройдя через ворота, направились к конторе парка. Экипированные не хуже полицейских рейнджеры зарегистрировали наши пермиты и выдали под роспись номерные полиэтиленовые мешки для сбора и сдачи при выходе из парка мусора и наших... экскрементов. С мусором всё понятно: экология в горах — святое дело, но пакеты для дерьма — это уже предел мечтаний экологов. Для нарушителей — штраф в 250 долларов США.

Закинув за спину увесистые рюкзаки, отправились в двухнедельное «плавание». На альтиметре — 2836 метров над уровнем моря.

Чтобы добраться до подножья вулкана Аконкагуа, нам предстояло одолеть более тридцати километров

горной тропы, вьющейся по склону ущелья Хорконес, будто плющ. Внизу, грозно урча, мчится поток грязно-шоколадного цвета, питаемый ледниками, сползающими с едва видимых отсюда белых шапок. По-змеиному петляя, он, играючи, ворочает валуны, демонстрируя нам, что горные речки — это идеальные камнетёсные мастерские.

Долина то сужалась так, что гранитные стены с обеих сторон тисками сжимали речку, то расширялась, давая ей простор. Склоны местами были столь круты, что даже привычные мулы*, курсирующие с погонщиками до базового лагеря и обратно, случалось, срывались в пропасть. Когда мы на дне ущелья видели выбеленные солнцем кости, невольно прижимались поближе к каменной стене.

Четвероногая живность в этих местах отсутствует: для неё здесь нет даже самой скудной пищи. Пернатые немногочисленны, да и видовой состав небогат. Самые крупные похожи на наших горлиц, только более поджарые. Летают всегда парами. Встречаются ещё птицы вроде наших синичек и соловьёв. Эту мелюзгу отличает умение держать язык за зубами. Всё делают молчком!

Первая ночёвка — в лагере «Конфлюенция» (3400 м над уровнем моря). Палаточный городок раскинулся на ровной площадке возле высоченного моренного вала. После регистрации нас поселили в многоместной сферической палатке турфирмы «Ланко» вместе с андинистами из Голландии и Японии (здесь

альпинистов именуют андинистами). Им всем в районе тридцати лет, и появление двух белобородых дедов с огромными рюкзаками они встретили недоумёнными и одновременно уважительными взглядами.

Японцы в лагере уже третий день: никак не могут стабилизировать давление, и медики не подписывают им разрешение на переход к базовому лагерю Пласа де Мулас. Всегда с интересом наблюдаю за представителями этой страны и каждый раз открываю что-то новое в их поведении. Восхищает организованность и работоспособность, а удивляет медлительность и неумение самостоятельно принимать решение: по любому поводу бегут советоваться со старшим. Зато симпатию вызывает то, как уважительно представители страны восходящего солнца общаются между собой: подойдя, несколько раз почтительно, чуть ли ни в пояс, кланяются, говорят размеренно и тихо.

Долговязые и сероглазые голландцы порадовали поголовной любовью к чтению довольно толстых книг. Именно книг, а не ридеров. Притащить увесистый фолиант в горы, где каждый грамм по мере набора высоты превращается в килограмм — это поступок!

Перед сном поднялся на моренный вал (для акклиматизации рекомендуется побольше двигаться). Полная луна освещала окрестные горы и стекавший с ближней ложбины водопад. Серебристая колонна, падая на уступ, буравила камень и, покипев

* Мул — результат скрещивания кобылы с ослом. Отличается исключительной работоспособностью и долголетием: живёт до сорока лет.

Местные индейцы доставляют на них в верхние лагеря продукты, воду, газовые баллоны, а вниз спускают мешки с мусором.

в выбоине, сбегала в заводь, где успокаивалась и отражала в зеркальной глади нависший утёс. Я наслаждался ночной панорамой до тех пор, пока шпионившая за мной луна не коснулась чёрного зубца скалистого гребня и, побалансировав на нём некоторое время, словно большой жёлтый мяч, скатилась в ущелье, погрузив округу в непроницаемую тьму.

На следующий день отправились по глубокому боковому ответвлению Хорконеса к месту, которое именуют Пласа де Франция. Находится оно под южной, практически отвесной стеной Аконкагуа. Там есть площадка под лагерь для самых отчаянных и подготовленных альпинистов. На всём протяжении пути нас сопровождали угрюмые горы, утыканные клыкастыми скалами. Настороженно поглядываем на нависшие, готовые скатиться, глыбы. Ночью выпал снег, и сейчас повсюду, а особенно по тропе, бегут ржавые ручьи. Красноватая раскисшая глина чавкает, ноги, несмотря на мощные протекторы, расползаются в разные стороны. Сильней всего «буксуем» при подъёме на моренные валы.

Эмиль, опровергая общепринятое мнение, что человек в 70 лет по горам не ходок, давно обошёл меня и маячит далеко впереди. Я запоздало раскаиваюсь в переоценке своих природных данных и игнорировании регулярных тренировок. Но тут же нахожу себе оправдание: меня расслабила лёгкость, с которой пять месяцев назад «оседлал» белоглавый Арарат, а совсем недавно — скалистый Олимп.

На высоте 3700 метров растительность исчезла окончательно. Даже лишайники пропали. Обступавшие нас горы по большей части слоистые. При этом слои то тянутся горизон-

тально, то скачут остроконечным зигзагом, то разбегаются пологими волнами, то круто устремляются к небесам. Рассматривая эти загогулины, вдруг понимаю: так это ж кардиограмма, отражающая перенесённые горой «болезни».

Пройдя по покрытому камнями и толстым слоем рыжей пыли леднику, вышли на Пласа де Франция (4200 м), упирающееся в гигантскую, местами покрытую ледяной бронёй, стену — южный склон Аконкагуа. Тут уже начала ощущаться серьёзная нехватка кислорода: появилась одышка, стало давить виски.

Стена угнетала своей мрачностью и высотой. Чтобы охватить взглядом эту громаду целиком, приходилось заирать голову. Ещё бы — до верхнего уступа 2700 метров! Подняться по такой стене на вершину Аконкагуа под силу только физически подготовленным, в совершенстве владеющим техникой скалолазания альпинистам. (Сложность маршрута — 6Б, то есть наивысшая.) Мы же ограничились лишь созерцанием и фотосъёмкой этой неприступной цитадели. На обратном пути перед нами с одного из скалистых гребней сорвалась крупная глыба. Прыгая, словно кузнечик, она увлекла за собой несколько камней поменьше. Когда подошли к месту, где «проскакали» камни, и увидели оставленные ими глубокие вмятины, невольно поёжились.

БАЗОВЫЙ ЛАГЕРЬ

Переход от «Конфлюенции» до базового альплагеря «Пласа де Мулас» запомнился утомительным однообразием широкой, полого восходящей долины в начале и узким ущельем с несколькими изматывающими взлёт-

тами по почти вертикальным уступам в конце. На среднем участке тропа шла по таким крутым местам, что стоило глянуть вниз, где между ещё не обкатанных камней гремела вода, как сердце сжимал обруч ужаса, голова шла кругом и, казалось, рюкзак начинал предательски тянуть с узкой тропы в ущелье. Поэтому я договариваюсь с догнавшим нас погонщиком мулов, чтобы он доставил наши рюкзаки в базовый лагерь. Эта услуга обошлась в тридцать пять долларов. Без рюкзаков мы уже не ползём, а бодро шагаем за караваном.

С удивлением замечаю, что и среди мулов идёт постоянная борьба за лидерство: если кто-то пытается обогнать впереди идущего, то передовой сразу прибавляет скорость, чтобы не пропустить догоняющего.

Тропу в последней трети можно сравнить с тропой испытаний не только физической формы (пульс зашкаливал), но и волевых качеств. Местами она такая узкая, что трудно понять, как её проходят, не сорвавшись в пропасть? Но отступать поздно — идёшь, пересиливая страх. Идёшь даже после того, как на твоих глазах запнувшийся мул начинает сползать вниз. Ища опору, животное в панике бьёт ногами, но подвижный щебень «уплывает». Наконец мул нащупывает копытом крупный камень и ценой невероятных усилий возвращается на тропу.

Этот участок, похоже, самый опасный: в пропасти больше всего костей менее ловких животных. Меня же шокировало поведение погонщика. Он продолжал невозмутимо восседать на своём муле, покачивая головой, прикрытой громадным вязаным беретом, в такт везущей его животине. За поясом погонщика болтается шерстяной

платок. Им он завязывает мулу глаза, когда грузит или снимает вьюки — не видя, животное стоит смиренно.

С левой стороны ущелья тянутся голокаменные кряжи средней высоты, а прямо и справа сияют высоченные пики, с которых ветер срывает снежные шлейфы. При этом висящие над пиками облака, похожие на веретёнца, часами стоят на одном и том же месте, как будто намертво прибитые.

Базовый лагерь «Пласа де Мулас» расположился в самом конце ущелья Хорконес в гигантском цирке, укрытом от ветров частоколом каменных пирамид. Его пересекает пополам бурный поток талой воды, вытекающий из-под двух ослепительно белых глетчеров. Светло-коричневая громада Аконкагуа грозно возвышается над лагерем с правой стороны.

Палаточный городок состоит из нескольких «микрорайонов» в пятьдесят палаток, принадлежащих разным турфирмам. Население: голландцы, поляки, немцы, сербы, чехи, монголы(!). Но больше всего, конечно, аргентинцев. Народ вяло слоняется между палаток — повторю: на высоте надо больше двигаться, тогда быстрее происходит акклиматизация. Девчата, представляющие компанию «Ланко», поселили нас с Эмилом в длинной и просторной трубе рубинового цвета. До ужина я успел сходить в телекоммуникационный центр и, заплатив 20 долларов, отправить в «Башинформ» сообщение о том, где мы находимся, о наших планах на ближайшие дни.

Здесь, на высоте 4300 метров над уровнем моря, нехватка кислорода ещё более ощутима. Чуть прибавил шаг — дыхание сбивается. Постоянно хочется присесть, отдохнуть.

С проводником возникла неожиданная проблема. В «Ланко» оба заняты и освободятся только через пять дней, в других компаниях тоже все на восхождении. Ломаем голову — что делать? Утром слышим, кто-то тихонько скребёт по ткани палатки. Выглядываю. Стоит щуплый, светловолосый, сероглазый мужичок средних лет в драной соломенной шляпе с обвислыми краями. Тихо, почти шёпотом, поздоровавшись, спрашивает на испанском:

— Это вам проводник нужен?

— Да. А что?

— Меня зовут Роджерс Кангиани. Могу сводить на Аконкагуа. Вот мой сертификат.

Нам бы обрадоваться, да невзрачный вид пришельца смущал.

Тем не менее пригласили в палатку. И чем дольше общались, тем большей симпатией проникались к нему. А когда узнали, что он на вершине был 27 раз и готов без дополнительной оплаты нести часть нашего груза, то и последние сомнения отпали.

Подписали договор и рано утром, ещё до восхода солнца, отправились на акклиматизационное восхождение к остроконечному пику Бонете (5005 м). Он на другой стороне ущелья — чётко напротив Аконкагуа. Прежде чем вести на семитысячник, Роджерс решил таким простым способом проверить наше физическое состояние и реакцию на высоту: не свалит ли нас горняшка.

С погодой подфартило: было безветренно, ясно, и воздух прозрачен, как стекло в телескопах. Перебравшись по шаткому мостику, почти касающемуся бурунов мутного потока, потопали вверх размеренным, так называемым гималайским шагом. Вначале я шагал с трудом: в голове

стреляло, да и силы куда-то подевались. Но, когда начался крутяк, вдруг ожил: организм понял, что как ни капризничай, а идти придётся, и задействовал резервы. (Он у меня всегда так хитрит, правда, «резервная батарейка» с каждым годом всё быстрее теряет ёмкость).

Через два с половиной часа подошли к наиболее отвесной части каменного конуса. На макушку, чтобы не сорваться, взбирались уже почти ползком, цепляясь руками за малейшие выступы. Первым оседлал остроконечный пик Роджерс, вторым — Эмиль, следом — я. На вершине меня охватили такая радость и восторг, что я обнял тёплую от стоящего в зените солнца острозубую вершину, прижался к ней щекой и... зарыдал.

Проводник достал из расщелины пластиковую бутылку, выудил из неё одну из вложенных записок, взамен затолкал листочек с нашими координатами. Из текста добытого послания явствовало, что его оставили два немца и один австриец. Когда мы вернёмся домой, то обязательно должны будем связаться с ними по интернету: такова традиция.

Открывшиеся перед нами кряжи завораживали своей мощью. Они отличались не только по цвету, но и по форме. Тут были и одиночные вздыбленные исполины в боярских шапках облаков, подпираемых застывшими потоками лавы, и величественные цепи, украшенные прожилками снега, лентами глетчеров, и дугообразные гряды ледниковых морен, и гигантские языки осыпей, перегораживающие ущелья. Над всем этим — бесконечно глубокий, чисто выметенный ультрамаринный свод. Вокруг такая тишина и такой простор,

что начинаешь ощущать себя невесомой пылинкой. От грандиозности и мощи убежавших за горизонт хребтов перехватывало дух. Боже, я никто в сонмище этих великанов!

Туповерхая громада Аконкагуа с этого места просматривается особенно хорошо. Отчётливо видно, как ветер крутит вокруг неё снежные паруса. А здесь, на Бонете — штиль. Ветерок лишь временами просыпается и слегка шевелит волосы. Тёмно-коричневые, будто загорелые, близлежащие вершины, прогретые полуденным солнцем, умиротворённо покачиваются в текучем мареве. Трудно представить, но несколько дней назад, здесь, на высоте 5000 метров, свирепствовал мороз, и о скалы билась колючая позёмка. Природа полна контрастов! Высокая зубчатая цепь, подпирающая небо на западе, отделяла Аргентину от Чили.

Западный склон Бонете обрывается вертикальной шестисотметровой стеной. Вниз лучше не смотреть: сразу хочется покрепче во что-нибудь вцепиться.

Царящую вокруг тишину лишь изредка тревожит гул сходящих с изголовья каньона небольших лавин и... сопение слегка простывшего Эмиля. Мне вдруг сделалось так хорошо, что я, обласканный тёплыми лучами солнца, лёг на широкий уступ и с наслаждением раскинул руки. Сознание затуманило сладкое головокружение...

Сколько времени прошло? И есть ли оно, это время? Лежу, растворяясь в чистых, процеженных тишиной звуках... И не хочется вспоминать, что где-то существует иной мир, в котором кипит придуманная человеком жизнь, похожая на бесконечную, утомительную гонку.

Тогда мы не знали, что это, пребывающее в неге и свете место через несколько дней накроет затяжная волна непогоды, а жесточайший ветер поднимет на Аконкагуа Белый Шторм, и нам на предвершине придётся буквально бороться за выживание.

Сейчас же, наслаждаясь окружающим величием, я с благодарностью вспоминал свою Танюшу. Эта умная и красивая женщина за сорок лет супружества не только ни разу не упрекнула меня за регулярные, порой многомесячные отлучки, сопровождавшиеся ощутимой брешью в семейном бюджете, а наоборот, понимая, насколько это важно для меня, всячески поддерживала и отстаивала перед родственниками моё право делать то, что просит душа. Некоторые говорят: «Камиль, ты герой!» Отнюдь! Герой не я, герой — моя жена! Когда я уезжаю в горы за новой порцией адреналина и удовольствия, именно на её плечи ложатся все семейные и производственные заботы: и за престарелыми родителями надо ухаживать, и с внуками понянчиться, и детям где советом, где делом помочь, и с проблемами на предприятии разобраться. И ещё при этом оставаться для меня самой желанной и красивой!

От этих размышлений отвлёк треск и последовавший за ним грохот. Поворачиваю голову — ко дну ущелья, вздымая клубы снега, скользит огромный кусок льда, оторвавшийся от глетчера.

Спускаться было полегче. На полпути, у ручья с чистой водой, устроили привал. Утром он был худосочным и наполовину затянутым льдом — мы его просто перешагнули. Сейчас же, чтобы перебраться на другой берег, пришлось прыгать по

камням, возвышающимся над пенистыми бурунами.

Раздевшись по пояс, освежились студёной водой, попили чай и в прекрасном настроении зашагали по пологому скату в лагерь. Вскоре дорогу перегородил ещё более мощный поток, накрывший настил подвесного мостика почти полуметровым слоем воды — сегодня так припекает, что глетчеры тают прямо на глазах. Туго натянутые тросы вибрировали от напора беснующегося потока. Было страшно, но сидеть до ночи, дожидаясь, когда вода спадёт, не хотелось.

В лагерь вошли на исходе дня. Снег в лучах заходящего солнца казался всё более красным. Это было очень красиво и необычно.

Роджерс поставил нашей физической подготовке «отлично» и объявил, что завтра можем отдыхать, а послезавтра утром мы должны быть полностью экипированы и готовы к выходу на Аконкагуа.

Прежде чем уйти, он провёл ревизию нашего снаряжения. Мои горные ботинки забраковал — нужны потеплей и покрепче. Необходимы также кошки и балаклава. К Эмилию вопросов не было: он, чтобы не опоздать на карнавал в Рио-де-Жанейро, решил подниматься только до первого лагеря (5100 м). Мне же следовало срочно где-то раздобыть недостающее. Роджерс посоветовал обратиться к живущему в лагере художнику Мигелю. Он такой же высокий и худой, как я, и у него всё это имеется.

Ангарного типа палатка Мигеля стояла на скалистой террасе в метрах семидесяти от нашей. Она служила ему и домом, и мастерской, и картинной галереей одновременно.

Земля перед входом устлана ярко-зелёным ковролином. Из жёлтой

бочки торчит раскидистая пальма, под ней два беленьких кресла. Чуть поодаль — высокий столб, к которому прикреплены стрелки-указатели с расстояниями до Лондона, Сиднея, Санкт-Петербурга, Парижа и т. д.

Сам Мигель напоминал загорелого древнегреческого бога, забывшего помыть заросшее густой щетиной лицо и причесать длинные вьющиеся волосы. Встретил он меня улыбкой и радушным рукопожатием. Узнав, что я из России, сразу поставил диск с русскими романсами. Слушая их, я, помимо удовольствия, испытал гордость оттого, что музыка моего Отечества звучит в Аргентине, и не где-нибудь, а у подножья самого высокого в мире вулкана.

Усадив за стол и подав калечасу с чаем матэ, Мигель стал расспрашивать про Беловодье. Показывая альбом с картинками своего кумира — Николая Рериха, он неожиданно спросил:

— Камил, как думаешь, что есть Шамбала?

Я попытался объяснить, что это, как и легендарное Беловодье, — особое место в Гималаях, что Рерих искал его всю жизнь.

— Нет, — перебил Мигель. — Ты скажи, что есть Шамбала?

— Я думаю, Шамбала — это место, где можно получить священные знания о мире. А увидеть и попасть туда удаётся только человеку с абсолютно чистыми душой и помыслами. Таких людей сейчас нет. Все проходят мимо и не видят её. Шамбала есть место для абсолютно чистых людей, практически богов.

Художник задумался. Наконец произнёс:

— Пожалуй, ты прав.

После этого стал показывать свои работы. Следует заметить, они весь-

ма популярны в мире. Его картины выставлялись даже в Ватикане. А диплом «Книги рекордов Гиннеса», висящий на видном месте, изведал, что я нахожусь в самой высокогорной в мире картинной галерее.

Узнав о моей проблеме, Мигель, не раздумывая, полез в мешок и достал оттуда поочерёдно зелёные пластиковые ботинки, кошки к ним и балаклаву.

— Что я за это должен?

— Будет хорошо, если не забудешь вернуть!

Вдохновлённый добросердечием хозяина, я отважился спросить:

— Мигель, а можно на твоём столбе прикрепить стрелку с названием моего города?

— Место есть. Вешай.

Аргентинец оторвал от ящика дощечку. Мы её быстренько обстругали, заострили, покрасили. Я крупно написал на ней «UFA» и прибил её повыше таблички «Moskva». Любуясь своей работой, подумал: «Нет, не зря я сюда забрался!»

После обеда отправились с Эмилем в медпункт на осмотр. Доктор измерил давление, содержание кислорода в крови и записал в пермите: «Давление 129/78, пульс 68, кислород 87 (в нижнем лагере был 99). К восхождению допущен». У Эмиля со здоровьем, несмотря на то, что он старше меня на семь лет, тоже полный порядок.

Вечером нас пригласили на ужин аргентинские альпинисты из соседней палатки. Мой друг, увидев лежавшую в чехле гитару, спросил:

— Можно?

— Конечно! Это будет приятно!

И тут Эмиль удивил меня в очередной раз: гитара в его руках заговорила так, что все затаили дыхание. А когда

он ещё и запел «Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал...», то эмоциональные хозяева зааплодировали от восторга.

Ночью, как всегда, трещали, лопались разогретые на солнце камни. Временами начиналась настоящая канонада. Вот так скалы рассыпаются в щебень, а щебень — в песок.

ВОСХОЖДЕНИЕ

На Аконкагуа поднимаются, как правило, поэтапно, с ночёвками в лагерях. Их три: «Канада» (5100 м), «Гнездо Кондора» (5600 м), «Берлин», либо «Колера» (6000 м). Выше уже сама вершина (6962 м). Впрочем, лагерь — громко сказано! Это просто относительно ровные площадки, пригодные для установки палаток. Единственное место, где есть капитальная хижина и электроэнергия, — это средний лагерь «Гнездо Кондора». Там дежурят вахтами по три спасателя.

Вышли на гору в девять утра. Тропа, виляя зигзагами по каменистому склону, за три часа размеренной, как в замедленном кино, ходьбы вывела на небольшое заснеженное плато. Это и есть лагерь «Канада». Мы оказались первыми, кто поднялся туда в этот день.

Поставили палатки, обложили увесистыми камнями фартуки. Роджерс сварил на газовой горелке рисовую кашу с салями. Пообедали. Вскоре стали подходить другие группы. Погода тем временем портилась: повалил снег, поднялся ветер. Плато задымило позёмкой, и вновь прибывшим пришлось изрядно помучаться, устанавливая палатки. Мы же в своих туго натянутых убежищах радовались, что успели обустроиться до непогоды.

Ветер и низовая метель буйствовали всю ночь. К утру потолок палатки покрылся густым слоем ершистого инея. Когда кто-нибудь из нас ворочался, иней осыпался и таял. Чтобы окончательно не промокнуть, я взял миску и за пять минут ложкой соскрёб в неё всю искристую бахромку.

Заваленные снегом палатки (Роджерс спал в своей одноместной) из-за разницы температур, снаружи обледенели так, что сложить и упаковать их стало невозможно. Пришлось ждать, когда выглянет и прогреет солнце.

Развиднелось лишь после полудня. Сквозь прорехи туч на плато хлынули снопы солнечного света. Эмиль ушёл вниз, а мы с Роджерсом принялись убирать с фартуков камни, отгребать снег. Когда палатки немного отмякли, утрамбовали их кулаками в компрессионные мешки. Едва успели свернуть лагерь, снег возобновился. К «Гнезду Кондора» шли при густой, выше моего роста, боковой позёмке. Насыщенный колючим снегом ветер выжимал слезу и забивал рот. Пришлось одеть балаклаву и тёмные очки на пол-лица. Сразу стало легче.

Добраться до «Гнезда Кондора» в этот день не удалось. Запуржило так, что вынуждены были заночевать на промежуточной площадке с волнующим слух россиянина названием «Аляска».

Всю ночь и всё утро снег сыпал почти непрерывно. Идущего впереди проводника едва видно: ориентировался на мутное тёмное пятно рюкзака и быстро заметаемые струями позёмки ямки следов. Когда и эти «маячки» исчезали, нащупывал тропу ногой. Правда, вскоре необходимость в этом отпала: я стал просто «видеть» её: то ли пробудилась заби-

тая городом интуиция, то ли открылся третий глаз. Со мной однажды уже было такое, когда я один зимней ночью поднимался на Иремель. Тогда интуиция тоже не подвела: рассвет встретил на вершине.

На «Гнездо» вошли только к обеду следующего дня. Перед ним на краю плато возвышалась ступенчатая скала, напоминающая гигантское гнездо. Теперь ясно, отчего у лагеря столь звучное название. Правда, эти огромные птицы на такой высоте не живут — тут для них нет и грамма пищи.

Миновав полусасыпанный снегом и увенчанный бело-синим аргентинским флагом дом спасателей с крышей, обрамлённой суставчатыми сосульками, нашли между скал тихий закуток. Он идеально подходил для установки палатки. Место мы выбрали столь удачно, что к вечеру вокруг выросло ещё с десятков капроновых хижин. Ночью практически не спали: ветер усилился, и стенки нашего убежища трепало так, что приходилось только удивляться, как пластиковые дуги и ткань выдерживают его натиск.

С утра время от времени выглядываю из палатки в надежде на улучшение погоды. Но сквозь потоки снега даже туч не видно. Наоборот, к хлопкам матерчатых скатов прибавились раскаты небесного грома. Ого! Гроза и снежная буря одновременно! Вой, грохот и свист вокруг достигли такой силы, что разговаривать невозможно. Кричим друг другу прямо в ухо. Почти все соседи ушли вниз.

Мучительно медленно «проползли» первые сутки, начались вторые... Снег каким-то образом умудряется проникать сквозь микроскопические щели в нутро моего «жилища». На прорезиненном днище появились

лужицы. Время от времени вытираю воду носовым платком и отжимаю в тамбур. Это не спасает спальный мешок. Он пропитался влагой, пух слипся и почти не греет.

С наступлением темноты мороз крепчает, и спальник снаружи приобретает жёсткость кровельного железа. Когда я шевелился, он хрустел. Утром пришлось буквально отгибать его заледеневшие края. От холода спасал выделенный мне Максимом Богатырёвым пуховик, а вот ноги замёрзли так, что пальцы потеряли чувствительность.

Лежание долгими часами в закрытом тесном пространстве угнетало. Тело тосковало по движению, и хотя погода не располагала к прогулкам, я, натянув на себя всё, что имелось в рюкзаке, выполз наружу. Меня тут же атаковали ураганный ветер и колючий снег. С трудом пробившись сквозь белую завесу к тропе на «Берлин», свернул к пропасти — там снежная пелена была не такой густой. Но метрах в десяти от её края благо-разумно остановился: вспомнил, что основной причиной гибели людей на Аконкагуа является ветер, сбрасывающий альпинистов в бездну.

Когда, с трудом преодолевая сопротивление встречных шквалов, возвращался к палатке, чуть не задохнулся от секущих лицо снежных зарядов. Чтобы восстановить сбившееся дыхание, ложился за торчащие камни.

Конец дня тоже не принёс перемен. Ветер налетит, отлущивает бедную палатку так, что она вся ходуном заходит, и — тишина. Слышно только, как стонут соседние скалы.

Проходят одна-две минуты — и вновь яростная атака. От оглушительных хлопков туго натянутой ткани и

недостатка кислорода разболелась голова. При этом снег не прекращается ни на секунду. Поначалу я стряхивал его со скатов резкими ударами изнутри. Но, в конце концов, вокруг палатки выросли такие кучи, что ему некуда стало сыпаться. Пришлось выползть наружу и отгребать руками образовавшиеся валы. Выход в отсыревшей одежде на пронизывающий ветер потребовал от меня большого волевого усилия. После этой жестокой экзекуции я долго не мог согреться. Спасибо Роджерсу — принёс в термосе очередную порцию горячего чая с лимоном. После второй кружки дрожь прекратилась, и я задремал.

Открыв глаза, первым делом бью по потолку, чтобы сбросить снег и понять, что происходит снаружи. Увы, там по-прежнему метёт.

— Эй! Солнышко! Где ты? Когда ты порадуешь нас? — шепчу я.

Чтобы ослабить пытку бездельем и нехваткой кислорода, стараюсь больше спать. В забытии хотя бы не лезут в голову с маниакальной навязчивостью одни и те же мысли. Чаще всего: «Зачем мне всё это? Сидел бы сейчас в тепле, как все люди».

Действительно, зачем? Если бы в городе мне предложили работу, связанную с такой колоссальной тратой энергии, да ещё в столь тяжёлых условиях, я бы ни за какие деньги не согласился. А тут сам, добровольно (в этом весь парадокс!) тащусь с тяжёлым рюкзаком туда, где нечем дышать, где круглый год властвует мороз, а ветер валит с ног. И за это не только не платят, а наоборот, сам отдаёшь немалые деньги.

Зачем? Трудный вопрос. На него, наверное, у каждого свой ответ. У меня сейчас уйма свободного времени, и можно погрузиться в свои

ощущения и попробовать докопаться до причин столь нелогичного поведения.

Мысленно перебираю варианты: самоутверждение, желание сделать то, что не каждому под силу, поймать миг восторга от победы, насладиться красотой и мощью гор, заглянуть за горизонт... Да, всё это имеет место быть, но, как мне кажется, первопричина всё же не в этом.

Как известно, человека всегда притягивает непознанное. Это замечательное качество мы называем любопытством или любознательностью. У кого-то оно сильно развито, у кого-то мало, у кого-то его и вовсе нет. Это как в пирамиде Маслоу: крыша, еда есть — и хорошо! Через ступеньку не перепрыгнуть. Но, по мере удовлетворения естественных потребностей, у большинства людей появляются новые, более высокого уровня желания, не дающие покоя.

Покопавшись поглубже в себе, понимаю, что во мне где-то внутри есть маленький волчок (волчок не в смысле зверя, а юла). И этот волчок живёт своей собственной жизнью. Крутится то быстрее, то медленнее. И когда его обороты достигают определённой скорости, во мне возникает необъяснимый внутренний зуд. Он как бы говорит: «Хватит сидеть! Надо идти!» И не важно, куда, лишь бы идти. Его невозможно затормозить. В конце концов, наступает момент, когда я не в состоянии сопротивляться ему, и шагаю в неведомое.

Казалось бы, живём в такое время, когда всё можно увидеть по телевизору или через интернет. Но этот неутомимый «волчок» хочет взглянуть на всё «своими» глазами. И хотя годы дают о себе знать, всё равно иду... Порой думаю: хватит, пора остепе-

ниться, но проходит время, и эта неутомимая юла опять пробуждает во мне беспокойство: почему ты сидишь, время идёт!

Возможно, у других происходит всё как-то иначе, а у меня именно так.

Многие люди оседлы просто по характеру. Им не хочется ничего менять, им это не интересно, им даже страшно покинуть свой двор. Это люди, в которых нет волчка. А есть другая категория людей, которым не важно, есть деньги или нет, есть здоровье или нет. Представители этого неуёмного племени встречаются 90-летие на вершине Эльбруса, без ног поднимаются на Мак-Кинли, в девяносто два прыгают с парашютом — они не могут иначе. Это особая порода людей.

Законы человеческих поступков сложны, ещё сложнее законы памяти. Вдруг вспомнились окраина Хабаровска и сопка, синевшая на горизонте. Её мы так и звали — Синяя сопка. Это она в далёком 1958 году поманила меня, восьмилетнего. И когда вместо того, чтобы пойти в школу, я поднялся на неё и увидел, что за ней дыбятся ещё более высокие горы, мне страшно захотелось увидеть, а что же за ними? Наверное, именно эта сопка околдовала меня, и я заболел горами на всю жизнь.

Вечером третьего дня в мою «берлогу» заполз вместе с термосом, полным горячего кофе со сливками, Роджерс. Всегда спокойный, в этот раз он был встревожен. Оказывается, по рации передали, что Белый Шторм прекратится только 18 февраля, то есть через пять дней, а у нас продуктов и газа в обрез.

— Надо спускаться! — резюмировал он.

— Роджерс, чтобы попасть на Аконкагуа, я пролетел 20000 километров, потратил уйму денег... Нет! Пока не поднимусь на вершину, с горы не слезу.

— Камил, я знаю много плохих историй. Горе дела нет до наших желаний. Каждый год здесь гибнут люди. Не хотелось бы пополнять этот счёт. Нужно спускаться!

Я молчу. Роджерс встаёт и, пробурчав что-то, уходит. Я в растерянности... Понимаю — спускаться надо, но примириться с этой мыслью не могу: отступление для меня равносильно поражению. Что делать? Мысленно обращаюсь за советом к Танюше. В последнем эсэмэс она писала: «Не рискуй, ты нам нужен живой!» Как же быть? И жена призывает к благодарности. Но моё упрямство всё же берёт верх над здравым смыслом. Буду идти до последнего — решаю я.

Натягиваю ботинки и, согнувшись от ветра пополам, пробиваюсь к заваленной снегом конуре проводника. Упругие удары воздуха бросают из стороны в сторону. Сквозь снег вижу, что на плато осталось всего три палатки, но и из них люди уже вытащили рюкзаки. Похоже, собрались уходить.

Роджерс потеснился, и я, поджав ноги, кое-как уместился у входа (его палатка меньше моей). Глядя на проводника в упор, бодро сообщаю: «Три палатки ещё стоят!»

— Камил, мы не можем жить здесь ещё пять дней. Нужно спускаться. Переждём непогоду и восемнадцатого вернёмся, — почти умоляет он.

— У меня пермит до семнадцатого, — парирую я и, лихорадочно прокрутив в голове альтернативные варианты, предлагаю: — Давай так: если ветер завтра ослабнет, возьмём самое необходимое и налегке, без па-

латок, идём на «Берлин». Ты говорил, что там есть хижины. Переночуем, а утром видно будет. Метеорологи часто ошибаются в своих прогнозах. Вдруг повезёт!

Проводник как-то странно качает головой: сначала отрицательно, потом утвердительно. Видя, что я смотрю с недоумением, вносит ясность:

— Си! (Да!) Но если Шторм не ослабнет, спускаемся! Договорились?

Крепкое рукопожатие скрепляет наш уговор.

Проснулся я в состоянии, схожем с ожиданием чуда. Высовываю голову наружу. Ура!!! Создатель услышал мои молитвы! Непроницаемый войлок туч на востоке, откуда и дуло, распался на рваные лоскутки, обнажив кое-где синеву неба. Снег чуть сыпет, вялые порывы ветра едва шевелят позёмку. Я воспрянул духом. Одеваюсь и выползаю из палатки: вокруг сплошь «выбеленные» хребты, купающиеся в лучах восходящего солнца.

Под нами бугрятся мощные пласты облаков, скрывая ущелья и более низкие вершины. Над всем этим белым волнистым простором царствует туповерхая громада Аконкагуа.

Палатка Роджерса «ожива» — из неё показалась голова. Проводник тоже повеселел. Первым делом вытащили для просушки спальные. Отобрали и сложили в рюкзак Роджерса вещи, которые понадобятся для восхождения, и, надев кошки, медленно зашагали к тропе. Она почти сразу резко забирала вверх. К счастью, иногда перемежалась пологими участками. После трёхдневного лежания при ощутимой нехватке кислорода тело не слушалось, и вместо планируемых четырёх часов до лагеря «Берлин» ползли шесть с половиной. Этот пере-

ход был для меня самым тяжёлым. Ноги под конец заплетались, в голове гудело, как после глубокого похмелья. Ничего удивительного: 6000 метров — это уже серьёзно. Тут запросто можно заработать отёк лёгких и от- дать концы.

В лагере «Берлин», действительно, стояли вполне приличные хижинки, похожие на шалаши. Их построили немецкие альпинисты, поэтому ла- герь и назвали «Берлин». Выбрали хижину пониже и поменьше — в ней будет теплее ночевать. Я расстелил на топчане спальник и замертво пова- лился на него. Уснуть не получалось. Погрузился в какую-то беспокойную дремоту, перемежающуюся с полу- бредом. Поднялся лишь тогда, когда Роджерс вскипятил снеговую воду и заварил ею китайскую лапшу. Есть не хотелось, а вот чай с лимоном я с жадностью выпил. Кажется, четыре кружки. Проверил пульс — в покое 109 ударов в минуту. Многовато!

Ветер выл за стенкой голодным зверем, но в хижине он был не стра- шен. Ночью я раз десять просыпался от приступов удушья — высота не позволяла забыть о себе. Часто-часто дыша, восстанавливал содержание кислорода в крови, но через некото- рое время приступ удушья повторял- ся. Надо сказать, пренеприятнейшее состояние: вдруг охватывает такая неконтролируемая паника, что, ка- жется, ещё минута — и умрёшь.

К утру я так и не восстановился. Более того, появились слуховые гал- люцинации: то слышался духовой оркестр, то начинал кричать петух. Единственным желанием было плю- нуть на всё и как можно скорее бежать вниз, но самолюбие сдерживало.

Погода не прибавляла оптимиз- ма: небо хоть и чистое, но ветер гнал

между скал хвостатые вихри снега. Стоило выглянуть наружу, как колю- чие кристаллы больно секли лицо, забивали рот. Кислорода и так мало, а тут последний перекрывают!

Роджерс молча наполняет термо- сы чаем с остатками лимона, суёт мне в карманы орехи, плитку шоколада, и мы, как зомби, обречённо направля- емся к вершине. Уже с первых шагов я весь мокрый от пота, пульс зашка- ливает. Иду, не поднимая головы. Сосредоточен на одном: не отстать от проводника. Только пытаюсь гля- нуть на окрестности, сразу сбивается дыхание...

Время куда-то провалилось или остановилось. Мне уже всё безразлич- но. Тупо шагаю, словно солдат в конце сорокакилометрового марш-броска. В залитом свинцом черепе пульсирует одна и та же мысль: «Не отставать! Не отставать!» Я не заметил, как натянуло тучи, и к низовой позёмке прибавился падающий сверху снег. Всё опять погрузилось в белёсую мглу. Несколько раз падаю, встаю и, шатаюсь, иду, останавливаясь каждые десять шагов.

Видя моё полуобморочное состоя- ние, Роджерс завёл под защиту скал и разлил в кружки чай. Пока я пил, он втолковывал мне, что идти дальше опасно: в такой снежной круговерти легко сбиться с пути, что сейчас мы находимся возле пика Импенденсис. Его высота 6300 метров, и мы можем взойти на него и там сфотографиро- вать все твои флаги.

Это предложение пришлось мне по душе, хоть я и не сразу осознал причи- ну. А приглянулось оно именно из-за цифры «6300». Мне как раз 63 года! Так что есть возможность подарить самому себе за каждый год жизни по 100 метров!

Я так вдохновился, что не заметил, как мы поднялись на этот самый, с одной стороны облепленный снегом, а с другой совершенно голый, Импенденсис. Не заметил не потому, что было легко, а оттого что был в состоянии, когда ничего не осознаёшь. На вершине произошло очередное чудо: словно в подарок мне, ветер стих, поток колючей позёмки осел, и в хрустальной прозрачности чисто выметенного пространства открылась поразительная по красоте круговая панорама, перекрываемая на юге куполом Аконкагуа.

Во все стороны разбегались остро-зубые края. Особую прелесть им придавал девственно-свежий снег. Чистый разрежённый воздух скрадывал расстояние. Под непрекращающийся в моей голове «аккомпанемент духового оркестра» я озирал всё это великолепие и недоумевал, как Господь сумел из множества уродливых и угловатых громад сотворить картину, завораживающую не менее, чем восхитительные линии женского тела.

То, что время нашего подъёма на пик совпало с прекращением Шторма (к сожалению, кратковременным) навело на мысль, что Гора, после устроенных мне испытаний, решила наградить в той мере, которую я заслужил — до чести быть допущенным на главную вершину я, видимо, ещё не дорос. Теперь стало понятно, почему местные говорят об Аконкагуа, как о мудром живом существе.

Я настолько выдохся, что не ощутил ни вспышки счастья, обычно охватывавшей меня на вершине, ни ликования от того, что взял рекордную для себя высоту. Была лишь какая-то тихая радость.

Роджерс сфотографировал меня с флагами Республики Башкортостан, Русского географического общества, и мы начали спуск по своим уже едва заметным следам. Проходя мимо ряда красивых скал, удивился — когда поднимался, их, вроде, не было. В памяти сохранилось лишь ритмичное мелькание жёлтых ботинок проводника — шёл в полной «отключке».

Когда перед нами открылось плато «Гнездо Кондора», увидели низко летящую над ним... оранжевую палатку. За ней бежали люди. Палатку крутило ветром, и из неё то и дело вываливались вещи. Я успел вскинуть фотоаппарат и запечатлеть этот момент до того, как она исчезла в пропасти. Правда, сделать удалось всего один снимок — заполнилась карта памяти. Чтобы заменить её, завернули в безветренный закуток. Пользуясь вынужденной остановкой, допили чай.

Чем ниже спускались, тем лучше чувствовал себя: сказывался даже незначительный рост содержания кислорода в воздухе. Вернулась способность адекватно воспринимать окружающее.

Наконец до меня дошло: я сделал 6300! «Я молодец!» — говорю сам себе и невольно расплываюсь в счастливой улыбке.

У лагеря «Канада» мы догнали парня лет тридцати пяти. Продолжение его спины «украшало» изобретение российских туристов — «пенка».

— Вы русский? — обратился к нему я.

— Это вы из-за пенки так подумали? Нет, я болгарин. А вещь, действительно, удобная. Даже в мороз на камнях можно сидеть.

Разговорились. Русский язык парень знает со школы. Недавно ув-

лётся нашими классиками. Прочёл «Воскресение» Льва Толстого, «Живи и помни» Валентина Распутина, а сейчас читает «Золотую Ригму» Всеволода Сысоева, дальневосточного писателя-натуралиста! Я предложил ему заглянуть на сайт ещё одного писателя-натуралиста, Камиля Зиганшина (www.ziganshin.ru), скромно умолчав об авторстве.

Наконец далеко-далеко внизу показались крохотные разноцветные квадратики палаток базового лагеря. Справа от них — изумрудная площадка горного озера, заключённая в оправу лавовых потоков.

Нас встречали как героев: за последние пять дней никто не поднялся на вершину — мы подобралась к ней ближе всех.

Если наверху валил снег, то здесь всё это время лили дожди. Ручьи превратились в бурные мутные реки, сметающие на своём пути все преграды. Автомобильную дорогу, связывающую Аргентину с Чили, на протяжении двадцати километров местами размыло, местами завалило селом высотой до пяти метров. Десятки машин оказались замурованными в него. Слава Богу хоть жертв нет. Начальник лагеря сказал, что такого кошмара не было как минимум тридцать лет. Автотрасса до сих пор закрыта, и не известно, когда откроется. Питание в лагере резко ограничили. Мясо исчезло. Одна каша да чай с галетами.

Перед сном решил просмотреть отснятые на Аконкагуа кадры. Полез в сумку за флэшкой, и (о, ужас!) не нахожу её. Всё перетряс, перебрал — флэшки нет!!! Напрягаю память и вспоминаю, что, вынув её из фото-

аппарата, положил не в сумку, а на сумку. После чего попил чай, и даже не вспомнив о флэшке, встал и пошёл. Значит, она осталась где-то там, в снегу, между камней. Катастрофа! Произошло худшее из того, что могло случиться в путешествии! Я просто убит! Микроскопическую надежду давало знание места, где обронил её. Но туда ещё надо не только подняться, но и просеять там массу снега. А его за это время, наверняка, ещё намело!

Сам я такой подвиг совершить был не в состоянии, ослаб до предела. Оставалось одно — упросить Роджерса. Ночь практически не спал. Переживал: неужто всё, отснятое от Мендосы до вершины пропало?! И тут же успокаивал себя: Камиль, без паники — шанс найти всё же есть!

С утра пораньше бегу к Роджерсу. Он уже встал. Чуть не плача, рассказываю о своей трагедии и умоляю сходить, поискать бесценный для меня «квадратик».

— Сегодня не могу. Надо отдохнуть. Завтра.

— Роджерс, миленький, выручай! Ты же понимаешь, завтра будет ещё меньше шансов найти.

Мой проводник молчит...

— Роджерс, пожалуйста, очень прошу тебя!

— Ладно... Жди... Вернусь через шесть часов.

Проходит шесть часов, семь, а его нет. Я в отчаянии!

Всё чаще меня посещает мысль: только идиот может надеяться на такое чудо, чтобы сантиметровая кроха отыскалась среди заваленных снегом камней!

Вечерело. Роджерса всё нет. Не выдержав, я пошёл к началу тропы и с волнением стал вглядываться в

склон: не замаячит ли его жёлтый комбинезон. Примерно через полчаса проступили три фигуры. Среди них одна жёлтая. Это Роджерс! Чем ближе он, тем мне страшней. Чтобы не лишиться последней надежды, опускаю голову. Наконец не выдерживаю, поднимаю глаза. Роджерс поймал мой взгляд и радостно помахал рукой. Я верю и не верю: мало ли, что это значит. Может, просто приветствует... Проводник уже совсем близко. Идёт, покачиваясь от усталости. Но что это? Роджерс показывает большой палец!

— Неужели?! Это чудо!!! Это чудо!!!
— ору я на всю округу.

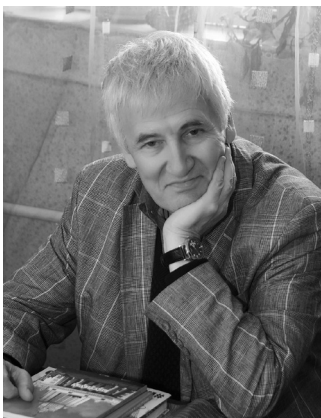
Проводник улыбается и протягивает крошечный, не имеющий для меня цены синий квадратик. Да! Да! Это была та самая флэшка! Я тискаю своего спасителя в объятиях, целую его небритые щёки. В восторге вздымаю руки к небу и благодарю Гору за проявленную ко мне милость. Сую Роджерсу деньги, он отказывается, но я таки уговариваю его, объясняя,

что эта флэшка для меня бесценна. Я счастлив!

Бегу поделиться радостью к Мигелю — он тоже в курсе моей проблемы. Заодно возвращаю этому добрейшему человеку ботинки, кошки, балаклаву и презентую свою одностенную палатку. Он поражён невероятным везением, а от подарка пытается отказаться. Я настаиваю. В ответ получаю ещё более щедрый дар — картину с изображением Аконкагуа с автографом!

Ночью через лагерь пронёсся мощный смерч. Ветер достигал такой силы, что, казалось, даже камни стонут, прося пощады. Утром мы лицезрели результаты его «деятельности»: в «микрорайоне Ланко» повалило туалет — не помогли даже стальные растяжки, у продуктовой палатки разорвало по шву боковую стенку и через неё унесло массу пакетов и мешков. В соседних «микрорайонах» разрушений не меньше. Так что, если заскучали, приезжайте в Анды! Они вас взбодрят.

ДРАМАТУРГИЯ

ВЛАДИМИР ПОПОВ

(г. Химки Московской области)

Владимир Попов — драматург, прозаик, выпускник Литературного института им. А. М. Горького (1981 г.) семинар драматургии В. С. Розова, И. Л. Вишневской. Член Союза писателей СССР с 1989 г. (рекомендации В. С. Розова, Г. С. Мамлина, Л. А. Жуховицкого), член Союза театральных деятелей РФ с 1997 года, автор 10 изданных книг, более 10 поставленных пьес в театрах СССР, России и СНГ.

ЗАВИДНЫЙ ЖЕНИХ

(Романтическая комедия в двух действиях)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ФРЭД, почтенный турист из Австралии.

ВЕРА, её мать.

ЛЕРА, московская студентка.

МИЛА, её бабушка.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Квартира, где живут МИЛА, ВЕРА и ЛЕРА. Большой холл, исполняющий и функции гостиной. Несколько крупных живописных полотен с пейзажами различных времён года. На видном месте и один большой портрет совсем молодого мужчины.

Лето. Жара. Появляются ЛЕРА и ФРЭД.

ЛЕРА (*падает в кресло*). Уф-ф! Наконец, добрались... Ну и жарница! Думала, не дойду... Располагайтесь, дорогой Фрэд... осваивайтесь. Хотите залезть в холодный душ? Я бы и сама с удовольствием, но не встану. Ванна там, туалет рядом. Как говорится, будьте как дома. У нас всегда гостям говорят: будьте как дома. А у вас?

Фрэд не отвечает, он увлечённо рассматривает портрет мужчины.

© Владимир Попов

Ау, Фрэдди! Чем ты так увлѣкся? Ты слышишь меня?

ФРЭД. Yes. I hear you very well.

ЛЕРА. Нет-нет, мы договорились только по-русски. Полное погружение. Строго. Куда ты смотришь?

ФРЭД. Этот портрет, Лера... Кто есть этот человек? Молодой мужчина... На портрете.

ЛЕРА. Что ты так разволновался? Это не просто молодой мужчина. Это мой прадедушка.

ФРЭД. Пра-де-дешка?

ЛЕРА. Прадедушка. Отец моей бабушки Милы, которая тоже живѣт здесь. Пенсионерка. Бывший программист, а сейчас агент по недвижимости.

ФРЭД. Недвижи-мост? Какие мосты, Лера?

ЛЕРА. Никаких мостов, Фрэд. Недвижимость — это квартиры. Мила пытается помогать людям решить жилищный вопрос. Утопия, конечно, но бабуля наша неисправимый романтик. Мы с ней обожаем друг друга. Сегодня, кстати, с утра помчалась покупать-продавать какую-то квартиру. Закончила мехмат МГУ, где влюбилась навсегда в бардовские песни, сама поѣт под гитару. Окуджаву и Визбора знает наизусть. Но её отец, мой прадед, к твоей Австралии не имеет никакого отношения. Сто пудов!

ФРЭД. Странно. Очень странно.

ЛЕРА. Что тебе «странно, очень странно», Фрэд?

ФРЭД. Мне кажется, я его видеть... видел. Я его где-то видел, Лера. На самом деле. Это может быть?

ЛЕРА. Ты меня спрашиваешь?

ФРЭД. Мне знакомо его лицо. Это точно, Лера. Строго.

ЛЕРА. Это от жары, Фрэд. У тебя просто глюки. Не мог ты его видеть.

ФРЭД. Нет-нет, я чувствую. Я его, правда, узнал, девочка. И, по-моему, он меня тоже.

ЛЕРА. Точно глюки.

ФРЭД. Где же я его видел?..

ЛЕРА. Глупости, Фрэд.

ФРЭД. Нет-нет, Лера, это не глупости... Мы точно видеть друг друга раньше.

ЛЕРА. Где? Когда? Его и в нашей-то семье никто не видел. Мама нарисовала этот портрет по старым фотографиям.

ФРЭД. И всё-таки я его видел.

ЛЕРА. Во, австралийский дятел!

ФРЭД. Ты о чём, Лера?

ЛЕРА. Скорее, о ком. Тебе сколько лет, Фрэд? Или это секрет?

ФРЭД. Секрет. Но сегодня я чувствовать себя мужчиной...

ЛЕРА. Поздравляю!

ФРЭД. ...на пятьдесят лет.

ЛЕРА. Не свисти, Фрэд.

ФРЭД. Строго. Потому что близко с тобой.

ЛЕРА. А по паспорту? Семьдесят? Семьдесят пять?

ФРЭД. Дело не в паспорте, Лерочка.

ЛЕРА. А в чём, Фрэдик?

ФРЭД (*делает широкий жест рукой*). Москва. Жара. Красавица Лера... Сейчас мне пятьдесят, максимум пятьдесят пять.

ЛЕРА. Та-ак. Как у тебя с арифметикой? Ты был в Москве до пятьдесят пятого года?

ФРЭД. Нет. Первый раз только в пятьдесят шестом.

ЛЕРА. Мальчишкой в коротких штанишках? Мой прадедушка прошёл всю войну. Вторую мировую. Может быть, ты тоже воевал?

ФРЭД. Может быть, Лера.

ЛЕРА. Не заливай. Где, скажи на милость, ты его мог видеть? Молчите, господин Смит? То-то! Но ты особенно не переживай, Фрэд. В психологии этот феномен давно известен и описан. Человеку кажется — понимаешь, кажется! — что он точно знает этого случайного встречного. Или человека на портрете. Где-то когда-то он его уже, якобы, видел, вот только не помнит, где и когда. Но это просто игра подсознания, голос далёких предков, что-то необъяснимое, иррациональное. Понимаешь?

ФРЭД. Ты очень умная, Лера.

ЛЕРА. Не очень. Но психфак МГУ кой-чего закладывает. Так что зря ты так разволновался, дорогой Фрэдди. Накапать корвалола или валерьянки? Как ты себя чувствуешь?

ФРЭД. Никаких лекарств! Я отлично себя чувствовать. В России я всегда иметь прекрасное настроение. (*Громко поёт.*)

Россия, Россия, Россия — волные края!

Россия, Россия, Россия — Родина моя!

Не зря мои предки жили в России в XIX веке. Ты уверена, что это толко психология?

ЛЕРА. Однозначно. Строго. Да ещё жарница! Как ты её переносишь? (*Иронично.*) В свои пятьдесят?

ФРЭД. Легко.

ЛЕРА. А я вообще загибаюсь, хочу в Арктику-Антарктику, к пингвинам и белым медведям.

ФРЭД. Разве это жара? Толко тепло. Немножко. Чуть-чуть. Кенгуру бы здесь замерзали.

ЛЕРА. Поэтому и не живут в России. Извини, я ещё малость посижу, потом сделаю кофе или чай. Ты что хочешь, Фрэд? Что ты больше любишь?.. Ау, Фрэдди! Я спрашиваю, что ты сейчас хочешь?

ФРЭД. Что я хочу... Сказать правда, Лера?

ЛЕРА. Толко правда, Фрэд.

ФРЭД. Ты не обижаться?

ЛЕРА. Я не обижаться. (*Фыркнула.*) Бабушка моя частенько поёт частушки на эту тему.

ФРЭД. Частушки? Что такое частушка?

ЛЕРА. Частушка... ну это такая... короткая такая, смешная песенка.

ФРЭД. Спой, пожалуйста.

ЛЕРА. Ты что издеваешься? Я и говорю-то с трудом.

ФРЭД. Спой, Лерочка, милая девочка!

ЛЕРА. Ох, старый лис. Я же не могу.

ФРЭД. Можешь. Тебе толко двадцать лет. Одна частوشка.

ЛЕРА. Ну, что с тобой делать. *(Встаёт. Поёт)*

Подружка моя, иди-собирайся,

С твоим милым постою, ты не обижайся.

Подружка моя, как не обижаться?

Не успела отойти — сразу целоваться!

Понял что-нибудь?

ФРЭД. Да. Очень просто. Одна подружка целует милого парня другой подружки. Это бывает.

ЛЕРА. Молодец! Сразу просёк. Так что будем пить? Что ты хочешь в такую жару?

ФРЭД. Что я хочу? Честно?

ЛЕРА. Холодного пива не обещаю!

ФРЭД. Не хочу пива. Не хочу кофе. Не хочу чай.

ЛЕРА. А что же ты хочешь, заморский господин?

ФРЭД. Что я хочу... *(Поёт.)*

Как много девушек хороший,
 Как много ласковый имён.
 Но лишь одна из них тревожит,
 Унесёт покой и сон, когда влюблён.

Я влюблён в тебя, Лерочка. Меня тревожит сейчас толко твоё имя. Строго.

ЛЕРА *(садится)*. Не понял.

ФРЭД *(приближаясь)*. Я давно влюблён в тебя, русская девочка. Уже целый год. С первого дня знакомства, как увидел. Разреши тебя поцеловать. И ты почувствуешь. Я ещё могу быть мужчиной.

ЛЕРА. Стоп! Больше ни шагу! По-моему, у тебя резко поехала крыша.

ФРЭД. Теперь я не понял.

ЛЕРА. Что ты несёшь? Почтенный господин из Австралии! Ты представляешь?.. Как ты себе это представляешь?

ФРЭД. Очень хорошо. Реально. Я всё обдумал. Целый год готовился к наша вторая встреча в Москве. Ты не думать, что я просто так... Легкомысленно. Я делаю тебе предложение. Официально. Рука и сердце, да? Извини, не буду встать на колено.

ЛЕРА. Конечно, потом не поднимешься.

ФРЭД *(торжественно)*. Милая Лера! Ты для меня самая прекрасная девушка из русской сказки. И самая желанная женщина. Я думать о тебе целый год. Я прошу тебя выйти за меня замуж.

ЛЕРА *(в некотором замешательстве)*. Замуж? За тебя?.. Я должна отвечать?

ФРЭД. Конечно. Если ты отвечаешь «да», мы сразу жениться и заниматься любовью.

ЛЕРА *(смеётся)*. Сразу?.. Ох, уморил, Фрэд... Чем мы будем заниматься?

ФРЭД. Почему ты смеёшься? Это слишком серьёзно. Я готов на тебе жениться завтра.

ЛЕРА. Ты же через три дня улетаешь в родную Австралию. Успеем?

ФРЭД. Да. Я улетаю в Австралию. И приглашаю тебя лететь со мной.

ЛЕРА. Через три дня?

ФРЭД. В посольстве меня хорошо знают. Они всё успевают. Ты станешь госпожа Смит. Лера... Ва-ле-ри-я Смит! Очень хорошо звучит. Правда?

ЛЕРА. Неплохо.

ФРЭД. Ты согласна?

ЛЕРА (*смеясь*). Ну, Фрэд!.. Спасибо, Фрэд... (*Серьёзно.*) Знаешь, ты ведь первый мужчина, который сделал мне «официальное» предложение. Правда, не встал на колени, но всё равно приятно.

ФРЭД (*встаёт на колени*). Ты отвечать «да»?

ЛЕРА. Нет-нет, Фрэд, поднимись, пожалуйста. (*Помогает ему.*) Жара тебя, видно, слишком возбуждает. Извините, дорогой господин Смит, но это невозможно.

ФРЭД. Почему, Лера?

ЛЕРА. Потому что сказка и жизнь — всё-таки разные вещи.

ФРЭД. Ты не хочешь меня полубить?

ЛЕРА. Не могу, Фрэд.

ФРЭД. Потому что мне пятьдесят или немножко больше, а тебе толко двадцать? Да?

ЛЕРА. Нет, но... всё это так неожиданно, Фрэд.

ФРЭД. Обещаю тебе, что я могу быть, как это... настоящий твёрдый мужчина ещё лет десять. А с тобой и дольше.

ЛЕРА. Лет десять... а потом?

ФРЭД. Потом ты останешься свободный и богатый женщина, снова выйдешь замуж.

ЛЕРА. Дело не только в возрасте, Фрэд.

ФРЭД. Что ещё, Лера?

ЛЕРА. Ещё?... Ну, понимаешь, Фрэд... Ты, правда, такой замечательный... Просто я ещё не готова... Ещё не созрела для роли жены и хозяйки дома. Тем более в Австралии. Мне хорошо в Москве, с мамой и бабушкой. Я учусь только на третьем курсе.

ФРЭД. Это всё не так важно. У нас тоже есть университеты. В Москву будем приезжать, когда захочешь. Или перевезём мама и бабушка в Австралия. У меня есть для всех место, где жить.

ЛЕРА. Разбежался! Гарем повезёшь, да, австралийский султан? И вообще, что за приколы, господин Смит?! Вы в Москве уже месяц. Месяц! Мы встречаемся почти каждый день, обходили пешком Замоскворечье, Воробьёвы горы, Новодевичье, Ваганьково... Осталось три дня до отъезда, и тут — на тебе! Он вдруг созрел! И решил осчастливить бедную девушку! Слава Богу, поднялся с колена... Спасибо, не надо. Поезжай пока один, дорогой Фрэд, через год вернёшься, проверишь свои чувства, тогда и поговорим.

ФРЭД. Да-да, я понимать, Лера, это неожиданно для тебя. Бухты-бахты, да?

ЛЕРА. Сто пудов!

ФРЭД. Извини, пожалуйста, раньше я просто не мог решаться. Весь месяц, как это? Собираться с духом?

ЛЕРА. Лучше бы не собрался.

ФРЭД. Я очень виноват перед тобой. В этот месяц я брал несколько русских девушек.

ЛЕРА. Хо-хо! Интересно, как ты их брал?

ФРЭД. Как мужчина. Я платил им деньги...

ЛЕРА. Ого! Ты снимал проституток?

ФРЭД. Наверное, так. Я ужинал в дорогих ресторанах... Там всегда есть свободные, красивые девушки. Но ты не беспокойся, я хорошо охраняюсь. Я надеялся, что это поможет не думать о тебе. Не помогло. И вчера я окончательно решил делать предложение.

ЛЕРА. «Несколько» — это сколько?

ФРЭД. Ну, я не помню точно — кажется, три или четыре.

ЛЕРА. А может, пять-шесть? Или все десять? Лето нынче жаркое!

ФРЭД. Нет-нет, не так много.

ЛЕРА. «Как много девушек хороших»! Спасибо за откровенность, Фрэд. Придётся и мне сказать тебе всю правду.

ФРЭД. Да-да, толко правда.

ЛЕРА. Дело в том, дорогой Фрэд, уважаемый и почтенный господин Смит, что я не смогу всё-таки принять ваше предложение стать госпожой Смит, даже учитывая увлекательную перспективу быть через десять лет богатой и свободной вдовой.

ФРЭД. Извини, но я не понять, Лера, почему ты не можешь... Ты есть взрослая, свободная девушка, и ты можешь сама решать...

ЛЕРА (*её осенило*). А вот и нет, Фрэд! Здесь ты не совсем прав. Придётся окончательно сказать тебе всю правду. Конечно, я есть взрослая девушка, но не есть свободная.

ФРЭД. Ты хочешь сказать...

ЛЕРА. Не «хочешь», Фрэд, но приходится. Ты меня вынудил своим бухты-баракты. Дело в том, что у меня уже есть жених! Да-да, дорогой Фрэд, я не свободна. Поэтому и не могу принять ваше лестное предложение стать госпожой Смит. Вот такой облом. Так что извини, и закроем эту тему. Резко и окончательно.

ФРЭД. Очень жал, Лера. Мне совсем не хочется её закрывать. Если это не большой секрет: кто сейчас есть твой жених?

ЛЕРА. Не секрет, Фрэд. Сейчас мой жених есть простой студент, молодой человек, хороший парень. Зовут... Серёжа! Он очень меня любит, и я его тоже. Через год или два мы поженимся. Ты огорчён?

ФРЭД. Да, Лера, я огорчён. Я страшно огорчён, Лера. Целый год я мечтать... Ты не придумываешь? У тебя правда есть хороший парень? Твой Серёжа блондин или брюнет?

ЛЕРА. Сережа?.. Какая тебе разница?.. Ну, конечно, блондин, брюнеты не в моём вкусе.

ФРЭД. Почему ты мне раньше не говорила?

ЛЕРА. Зачем? Ты же не делал мне раньше предложения.

ФРЭД. Да... Это меняет дело.

ЛЕРА. Слава Богу, дошло. Возвращаемся на исходные позиции. Не огорчайся, Фрэд. Хороших девушек везде много. Прилетишь домой, отдохнёшь, оглядишься... и наверняка найдёшь хорошую жену. Скорее всего, она живёт в Австралии, совсем рядом...

ФРЭД. Нет, Лера, это я исключать.

ЛЕРА. Почему, Фрэдик?

ФРЭД. Моя жена будет русская.

ЛЕРА. Ты железно уверен?

ФРЭД. Сто пудов! Я твёрдо хочу жениться на русской женщине. Строго.

ЛЕРА. Странный ты парень. Наверное, голос предков...

ФРЭД. Да-да! Толко русская. Молодая и красивая. Как ты.

ЛЕРА. Я отпала.

ФРЭД. Очень жаль... Тогда есть другой план. Ты поможешь мне, Лера?

ЛЕРА. С удовольствием, Фрэдди. Но как?

ФРЭД. Найди мне русская невеста.

ЛЕРА. Хорошенькое дело! Опять бухты-барахты, Фрэд? Тебе осталось жить в Москве три дня. И вообще, я не понимаю, господин Смит. Минуту назад ты хотел только меня...тебя тревожило только моё имя...

ФРЭД. Извини, Лера! Да, ты мне нравишься, очень увлекаешь... Я мечтать про тебя весь этот год.

ЛЕРА. Иссяк?

ФРЭД. Но мой возраст не позволяет быть однолюбом. Ещё год ждать я не могу. Кто знает, сколько мне ещё... Понимаешь?

ЛЕРА. Догадываюсь.

ФРЭД. Скажи, пожалуйста, Лера: у тебя есть красивая подруга?

ЛЕРА. Да ты, оказывается, плейбой, Фрэд!

ФРЭД. Немножко, Лера. Совсем молодой. Моя последняя жена умереть два года назад. А я чувствовать в себе ещё мужская сила. Жал, ты не хочешь в этом убедиться.

ЛЕРА. Проехали, Фрэд.

ФРЭД. Я был женат три раза — итальянка, француженка, англичанка. Теперь должна быть толко русская. Это моя мечта. Последняя мечта. Помоги мне, Лера!

ЛЕРА. Ох, Фрэд...ты, конечно, чертовски обаятельный, почтенный господин... Подруга, подруга... Ну, что ж! Я, пожалуй, познакомлю тебя с Маринкой. Наверное, она то, что тебе надо! Красивая молодая женщина. И к тому же мечтает уехать из России. Выйти замуж за богатого иностранца. Ты богатый иностранец? Правильно?

ФРЭД. Правильно. Я не бедный человек.

ЛЕРА. Но учти — я только познакомлю вас, а дальше дерзай сам. Погоряй, как хочешь.

ФРЭД. Отлично. Звони Маринке.

ЛЕРА. Сразу?

ФРЭД. У меня мало времени.

ЛЕРА. Это точно. *(Набирает номер по мобильному телефону.)* Привет, Мариночка! Ты сейчас свободна? Не совсем?.. Жалко!.. Дело в том, что с

тобой хочет познакомиться один богатый иностранец... никаких розыгрышей... Сколько лет?.. Ну, скажем, возраст у него солидный, но разве это для тебя главное?.. Сама увидишь... У меня дома... Думай, думай — надумаешь, сразу звони. Мы тебя ждём. Пока. *(Отключается.)* Придётся поторчать.

ФРЭД. Поторчать?

ЛЕРА. Да. В смысле подождать. Я думала, Маринка сразу нарисуетя...

ФРЭД. Нарисуетя?.. Как этот праде-душ-ка?

ЛЕРА. Соображаешь. Только наяву, живьём.

ФРЭД. Да-да, я понять... Она не может сразу нарисоваться?

ЛЕРА. Нет, к сожалению. Марина работает в крупной финансовой компании.

ФРЭД. Серьёзная девушка.

ЛЕРА. Думаю, через час или два она появится. Будем ждать?

ФРЭД. Обязательно. Финансовая красавица меня очень интригует.

Усаживается в кресло для ожидания.

ЛЕРА. Давно хотела тебя спросить, Фрэд: почему тебя так тянет в Россию? Ты ведь таскаешься сюда чуть не каждый год?

ФРЭД. Да, я таскаться сюда уже семнадцать раз.

ЛЕРА. С ума сойти! Семнадцать раз? Когда начал?

ФРЭД. Первый раз приехал совсем малчишкой на Московский фестиваль — пятьдесят седьмой год. Потом в одна тысяча девятьсот шестьдесят первый. При Хрущёве. Когда полетел Гагарин. Много раз бывать при Брежневе. Как большой чиновник я мог оформлять себе служебные командировки. Конечно, не только Москва. Я ездил весь мир. Мне нравился ваш социализм.

ЛЕРА. Тебе нравился социализм?

ФРЭД. Даже очень. Советский Союз давал большой мажорный заряд. Здесь всегда была бодрая атмосфера. В метро все читали газеты и часто улыбались. Около школы бегали маленькие симпатичные девочки, на них были короткие юбочки и красные галстуки.

ЛЕРА. Фрэд! Ты ещё и педофил?!

ФРЭД. Нет-нет, это толко эстетически. Исключительно для глаз. А мои уши всегда любить русские песни. *(Поёт.)*

Утро красит нежный цветом
Стены Древнего Кремля,
Просыпается зраззветом
Вся советская Земля!

ЛЕРА *(хлопает в ладоши)*. Bravo- bravo! Но тогда ты скажи, объясни мне: почему он рухнул? Наш хваленый социализм? Песни остались, а социализм развалился. И в России, и во всей Европе?

ФРЭД. Это большой вопрос. Учёные объяснят. Когда-нибудь, когда всё утрётся.

Звонок в дверь.

Нарисовалас Марина?

ЛЕРА. Да нет, ей рано... Подожди минутку.

Выходит, возвращается с Верой.

Знакомьтесь. Это моя мама.

ВЕРА. Здравствуйте. Меня зовут Вера.

ФРЭД (*встаёт, галантно целует руку*). Добрый день, Вера. Красивое русское имя. Меня звать Фрэд. Извините за беспокойство.

ВЕРА. Что вы, что вы! Лера много рассказывала о вас. И в прошлом году, и в этом. Так что заочно мы давно знакомы. Я примерно таким вас и представляла.

ФРЭД. Совсем старикашка?

ВЕРА (*смеётся*). Вовсе нет.

ФРЭД. Тогда какой?

ВЕРА. Энергичный и обаятельный мужчина. Лера всегда восхищалась вашей неутомимостью. Жаль, что вы без предупреждения. Мы бы приготовили стол.

ЛЕРА. Не беспокойся, мама. Мы пообедали в ресторане. Заглянули на часок. Передохнуть. Ты-то почему сачкуешь?

ВЕРА. Не работается.

ФРЭД. Какая молодая и красивая мама. Вера и Лера. Вы совсем, как две сестры.

ЛЕРА. Причём я старшая.

ВЕРА. Спасибо, Фрэд, вы очень любезны.

ФРЭД. Извините, какая фирма вы работать?

ВЕРА. Нет никакой фирмы, Фрэд. Я кустарь-одиночка.

ФРЭД. Кустарь? Один...ночка... Вы работаете одна по ночам?

ВЕРА. Бывает и по ночам. Я сама по себе. И заказчик, и исполнитель.

ФРЭД. Я понять. Вы есть частный предпринимал?

ВЕРА. Предприниматель? Можно и так сказать.

ЛЕРА. Мама, не морочь голову нашему гостю. К бизнесу, Фрэд, эта молодая и красивая женщина, как ты удачно выразился, не имеет ни малейшего отношения. Подозреваю, что она давно забыла таблицу умножения.

ВЕРА. Я её нетвёрдо знала и в школе.

ЛЕРА. Разрешите представить вас друг другу. Вера Майская. Художник. Господин Фрэд Смит — турист из Австралии, бывший министр.

ФРЭД. Художник... Вот как! Значит, это есть все ваши картины, Вера Майская?

ВЕРА. Мои, уважаемый Фрэд. Как они вам? Нравятся?

ФРЭД. Да! Очень нравятся, вы хорошо чувствовать природу. И этот парень — ваш?

ВЕРА. Этот парень — мой дедушка. Это очень дорогая для меня картина.

ФРЭД. Дорогая? Целый миллион долларов?

ВЕРА. Нет, что вы, я не про деньги. Дорогая, в смысле любимая, много для меня значит.

ФРЭД. О! Теперь понимать. Знаете, Вера, удивительный случай. Мне знакомо его лицо. Ваш дедушка. Правда, Лера не верит.

ЛЕРА. Фрэд, я же объяснила. У него глюки, мама. Думает, что он мальчишкой видел где-то нашего деда. Только не помнит где.

ВЕРА. Это вряд ли Фрэд. Наверное, он просто похож на какого-то вашего знакомого, это бывает. У многих людей ведь есть очень похожие двойники, буквально копии. Такая игра природы. Обычно люди об этом чаще всего и не подозревают, а вот для двойников знаменитых людей проводятся даже специальные конкурсы. Знаете, да?

ФРЭД. Да-да, я видеть такие конкурсы.

ВЕРА. Ну вот. Моя мама, Лерина бабушка Мила, никогда не видела своего папу. А очень хотела увидеть. Вот я и постаралась. А вы, значит, настоящий министр? Как интересно! Первый раз лично знакомлюсь с министром.

ФРЭД. Бывший министр, Вера. *(Поёт.)*

Это было недавно,
Это было давно.

Замечательная русская песня. Совсем про меня. Все мои дела — политика, бизнес, встречи, переговоры, документы — всё далеко, всё — прошлое. Теперь я толко турист. Простой турист. Езжу по миру и почти каждый год в Россию.

ВЕРА. Зачем?

ЛЕРА. У него русские корни, мама. Его предки жили в Москве в девятнадцатом веке. Ему нравился социализм.

ВЕРА. Правда, Фрэд?

ФРЭД. Да. Но это не главное.

ВЕРА. А что главное?

ФРЭД. Я сам до конца не знаю. Что-то есть, что-то меня сюда тянет. Загадочная русская душа! Так? Много лет хочу понять.

ВЕРА. И как вы это делаете?

ФРЭД. Просто хожу пешком, езжу в метро, смотрю лица — взрослые, дети, слушаю. Лублю русский язык, русские песни...

ЛЕРА. Это да!

ФРЭД. Лублю русская культура и, конечно, русские женщины.

ВЕРА. Bravo! Русские женщины отвечают взаимностью?

ФРЭД. Бывает... по-разному.

ЛЕРА. Кстати, о женщинах. Ты надолго, мама?

ВЕРА. Не знаю, а что? Я мешаю? Мне уйти?

ЛЕРА. Пока не надо.

ВЕРА. Спасибо. Что-то я притомилась. *(Садится в кресло.)* Лерочка, будь ласка, сделай нам с Фрэдом по чашечке кофе.

ЛЕРА. Без проблем. Развлекайте друг друга.

Уходит.

ВЕРА. Будем говорить о социализме, Фрэд?

ФРЭД. С удовольствием.

ВЕРА. А я, знаете, не разделяю ваш энтузиазм. Политика, правда, вообще не моя стихия. Она ведь всегда враждебна искусству. А я всё же человек искусства. С юности влюблена в серебряный век. Марина Цветаева, ранний

Маяковский, Велимир Хлебников, Манделъштам, Пастернак. Вы хорошо знаете наш серебряный век?

ФРЭД. Нет-нет, поэзия я знать плохо. Извините, Вера, могу я задать вам один, как это сказать по-русски... наглый или tactless — бестактный вопрос.

ВЕРА. Без проблем. Любой вопрос, Фрэд. Меня уже давно не смущают бестактные вопросы самых разных мужчин. (*Смеётся.*) Кстати, вчера в метро один парень задал мне очень смешной вопрос.

ФРЭД. Интересно, какой?

ВЕРА. «Вы не дадите мне свой телефон?» — спросил меня этот приятный молодой человек. Ласково так спросил, интимно, прямо в ухо прошелестел.

ФРЭД. Почему это смешно, Вера? Мужчина просит телефон у красивой женщины. Думаю, это совсем нормально.

ВЕРА. Мужчина — да! Но это был ещё не мужчина. Он только хотел казаться мужчиной. Мальчишка-шалунишка! Лет двадцати с маленьким хвостиком.

ФРЭД. Маленький хвостик? Откуда вы знаете про маленький хвостик? Он вам что-то показал?

ВЕРА (*грозит пальчиком*). Фрэд, не шалите. Я говорю о возрасте. Если человеку двадцать лет и ещё немножко, год-два, это и есть маленький хвостик.

ФРЭД. Пардон, Вера, русские слова всегда имеют не один смысл. И что вы ответили хвостикую?

ВЕРА. Честно призналась, что моя дочь ему ровесница. И весь интерес у любознательного юноши — фьють! — сразу испарился. Ну да Бог с ним... Задавайте ваш бестактный вопрос.

ФРЭД. Вы не обижаться?

ВЕРА. Я «не обижаться».

ФРЭД. Тогда скажите, уважаемая Вера: почему вы сейчас одна?

ВЕРА (*пытается не понимать*). Что значит одна? У меня прекрасная дочь, замечательная мама. Полноценная семья из трёх человек. Мы живем очень дружно, временами даже весело.

ФРЭД. Одна как женщина. У вас ведь нет мужа? Нет мужчины?

ВЕРА. Ну, Фрэд... Почему вы так решили?

ФРЭД. В этой квартире нет мужских вещей. И такой воздух... Совсем нет запаха мужика. Толко женский аромат.

ВЕРА. Что ж, вы очень наблюдательны, господин бывший министр. Это правда. У меня действительно нет мужа.

ФРЭД. И жениха нет?

ВЕРА. И в этой графе — прочерк. И что?

ФРЭД. Я думаю, это ненормально. Вы есть очень красивая, очень привлекательная, очень соблазнительная женщина.

ВЕРА. Вы явно преувеличиваете, Фрэд.

ФРЭД. Нет-нет, нисколко. Это правда, Вера. Вы можете волновать много мужчин. Австралия, Европа, Америка — у вас была бы длинная очередь женихов.

ВЕРА. Мы живём в России, господин Смит. Здесь с порядочными женщинами всё непросто. И с годами только хуже. *(Спонтанно.)* Увезите меня в Австралию, Фрэд!

ФРЭД. Вы серьёзно, Вера?

ВЕРА. Почему нет? Что меня здесь держит? Дочка уже совсем взрослая, мама ещё вполне молодая. Обе легко обойдутся без меня. Возьмёте? Или я вас не волную?

ФРЭД. Подождите, Вера. Вы говорить серьёзно? Строго? Вы действительно готова поехать со мной в Австралию?

ВЕРА. Хоть в Бангладеш! Если честно, Фрэд, мне чертовски здесь всё обрыдло.

ФРЭД. Обры... Я не понимаю. Что такое обрыдать?

ВЕРА. О! В точку, Фрэд. Обрыдло и рыдать имеют общий корень. Обрыдло, значит, сильно всё надоело, ничего не радует, и давно хочется рыдать. А лучше уехать, сбежать, сменить обстановку, увидеть другие пейзажи, новые лица. Да и насчёт очереди женихов звучит весьма заманчиво. У вас большая квартира?

ФРЭД. Да. У меня есть квартира в городе и большое поместье за городом. По-вашему дача.

ВЕРА. Лучше за городом. Если вы мне выделите небольшую комнатку в поместье, я буду помогать вам по хозяйству, а в свободное время рисовать... Как вам такая идиллия?

ФРЭД. Мне очень нравится, Вера. Вы меня силно волновать.

ВЕРА *(смеётся)*. Вчера двадцать лет, сегодня — другой полюс. Жизнь становится разнообразной.

ФРЭД. Когда вы сможете поехать?

ВЕРА. Когда? Вопрос опять же интересный... Стоп! Кажется, у Леры убежал кофе... Минутку!

Быстро уходит. Вскоре появляется Лера.

ЛЕРА. Я прозевала кофе! Мама меня прогнала, решила сама сервировать угощение. Вообще-то, она не часто балует мужчин. Обычно хлопочет бабушка. Похоже, вы её сразу покорили, Фрэд.

ФРЭД. Скажи мне, Лера... твоя мама Вера...она давно одна?

ЛЕРА. Давно.

ФРЭД. Где твой папа?

ЛЕРА. С папой она развелась лет десять назад. Он критик, пишет про художников, и у них оказались разные взгляды на искусство. Она обожает серебряный век, импрессионизм, он — махровый реалист. Спорили-спорили и dospорились до того, что разбежались.

ФРЭД. Десять лет одна?

ЛЕРА. Были, конечно, другие мужчины. Ты же сам видишь, какая она цветущая женщина.

ФРЭД. Очень вижу, Лера.

ЛЕРА. Последний её бой-френд, потрясающий из себя мужик, бизнесмен Боря слинял сравнительно недавно, месяца три-четыре назад.

ФРЭД. Слинял?

ЛЕРА. Исчез. Перестали встречаться. Подробностей не знаю. Мама — женщина гордая, не делится переживаниями.

ФРЭД. Три месяца без мужика для такой цветущей женщины, думаю, очень долго.

ЛЕРА. Правильно думаешь. И что? Ты ей хочешь помочь?

ФРЭД. С большим бы удовольствием.

ЛЕРА. Ну, Фрэдди, ты и ловелас. Ведёшь себя строго на полтинник. А как же Марина?

ФРЭД. Какая Марина?

ЛЕРА. Забыл?! Он всё забыл! Ну, мужики!.. Моя подруга Марина, красивая и молодая! Твоя потенциальная невеста, на минуточку! Я пригласила её по твоей горячей просьбе десять минут назад.

ФРЭД. Ой-ой! Извини, Лерочка, я, правда, всё забыть. В голове сейчас толко Вера.

ЛЕРА. А Марина вот-вот нарисуетя.

ФРЭД. Позвони, пожалуйста, Марине ещё раз.

ЛЕРА. И что сказать?

ФРЭД. Извинись за меня, скажи, что ей сейчас не надо рисоваться здесь.

ЛЕРА. Ну ты даёшь, Фрэд! Всерьёз решил приударить за мамой?

ФРЭД. Да, Лера. Это что-то особенное. Я очень сильно увлёкся. Совсем как молодой. Вера меня сразу покоряет. Ты не возражать?

ЛЕРА. Я-то не возражать. Но ты уверен, что и она...

ФРЭД. Я надеюсь. (*Понизив голос.*) Она хочет поехать со мной в Австралию.

ЛЕРА. Мама?

ФРЭД. Да, твоя мама. Цветущая женщина Вера.

ЛЕРА. С тобой?

ФРЭД. С вашего позволения.

ЛЕРА. В Австралию?

ФРЭД. Почему ты так удивляться?

ЛЕРА. Ты ничего не перепутал?

ФРЭД. Она сама толко что говорила. Здесь ей всё рыдать... обрыдать... обрыдло! И она хочет увидеть другие пейзажи, новые лица.

ЛЕРА. Это просто эмоции, Фрэд. На пять минут. Не бери в голову.

ФРЭД. Я уже взял в голову. Ты знаешь, Лерочка, твоя мама есть большой художник и очаровательный... очаровательная русская женщина...

Вера входит с большим подносом с кофе и сладостями.

ВЕРА. Вот с этого места поподробнее, Фрэд.

ФРЭД. Охотно, Верочка.

ЛЕРА. Мне выйти?

ФРЭД. Нет-нет, Лера, мы же все взрослые люди. Я не собираюсь прятать, что твоя мама мне сразу очень понравилась.

ЛЕРА. Я заметила.

ФРЭД. Твоя мама очень красивая женщина.

ЛЕРА. А Волга впадает в Каспийское море.

ФРЭД. Абсолютно так. Но это не главное.

ЛЕРА. А что главное?

ФРЭД. Главное — гармония. Тело и душа вместе. Сама красота ещё не греет. Часто красивые женщины бывают холодные или пустые, здесь, внутри. Тогда их приятно видеть толко пять минут. Очень редко вместе встречаются прекрасное лицо, соблазнительная фигура и тоже красивая, загадочная русская душа. Одинаково. Строго. Тогда есть гармония. Помоему, Вера Майская как раз такой случай.

ЛЕРА. Что скажешь, мамочка?

ВЕРА. Спасибо, дорогой господин Смит. Давно меня не баловали такими лестными оценками. Конечно, насчёт внешности вы галантно преувеличиваете. А что касается души... Откуда вам знать мою душу, Фрэд? Мы ведь с вами едва знакомы...

ФРЭД. Это неважно, Вера. Совсем неважно. Глаза, улыбка, смех иногда говорят за одна минута болше, чем за годы знакомства. Это правильно?

ВЕРА. Бывает.

ФРЭД. Ваша душа живёт в этих картинах. Прекрасная душа и прекрасный живопис. Это всегда вместе. Ещё помогает мой опыт. Я есть стреланный воробей, да? Я уже давно живу на свете, видеть много женщин на своём веку...

ЛЕРА. Кто бы сомневался!

ФРЭД. Такие, как Вера Майская — очень редко встречаются. Бог-отец и мать-природа были в хорошем настроении в день её появления на свет.

ЛЕРА. Вот так, мамочка. Поздравляю, Фрэд. Отлично сказано! Ты на глазах прогрессируешь в русском.

ВЕРА. Да, господин Смит, вы прекрасно говорите по-русски.

ЛЕРА. Со мной у него почему-то так не получалось. Пожалуй, я действительно пойду, позвоню подружке Марине.

ВЕРА. Марине? Зачем? Хочешь пригласить её к нам?

ЛЕРА. Как раз наоборот.

ВЕРА. Тогда зачем звонить?

ЛЕРА. Это ты у господина Смита спроси. Звоню второй раз по его просьбе.

Выходит.

ВЕРА. Фрэд, что это значит? Вы знаете Марину? Тоже гуляли с ней по Москве?

ФРЭД. Нет-нет, ни разу не видел.

ВЕРА. Но, кажется, хотели увидеть?

ФРЭД. Теперь это неважно.

ВЕРА. Интересно-интересно... Как-то слишком быстро вы меняете свои желания. Ну-ка, признайтесь, зачем, собственно, вы хотели видеть Марину?

ФРЭД. Ну, просто Лера сказала, что это очень умная и красивая девушка. Это так?

ВЕРА. В общем, соответствует.

ФРЭД. И Марина хочет выйти замуж за богатого иностранца. Правильно?

ВЕРА. Есть у неё такая идея. Недавно у нас в квартире был даже горячий диспут на эту тему.

ФРЭД. Русская невеста и богатый иностранец?

ВЕРА. Вот-вот. Эта тема давно популярна в России. Многие девушки мечтают о красивой жизни с богатым иностранцем. К счастью, не все. Лера, например, категорически не хочет никуда уезжать. Моя мама Людмила вообще на дух не переносит благополучных, сытых, беззаботных иностранцев. Последние годы она стала ярой патриоткой.

ФРЭД. О! Я уже боюсь Людмилу. Я есть благополучный иностранец. А про Леру я понимаю. Она не хочет ехать от жениха.

ВЕРА. Что-что? Какого жениха?

ФРЭД. Своего жениха. Почему вы удивляетесь?

ВЕРА. У Леры есть жених?! Фрэд, вы ничего не перепутали? Какой жених?

ФРЭД. Хороший парень Серёжа. Студент. Они женятся, кажется, через год. Сейчас он просто бой-френд Леры.

ВЕРА. Просто — кто?

ФРЭД. Ну, жених, лубовник, бой-фрэнд, можно назвать по-разному.

ВЕРА. Лубовник? Это она вам сама сказала?

ФРЭД. Да, перед ваш приход. А вы что, не знать это, Вера?

ВЕРА. Первый раз слышу! От почтенного заморского туриста! Забавно, не правда ли?

ФРЭД. Гениальный Тургенев — всегда отцы и дети.

ВЕРА. Никакого Тургенева! Она всё выдумала, Фрэд.

ФРЭД. Лера выдумала Серёжу?

ВЕРА. Ох, и фантазёрка! Никакого реального Серёжи в жизни не существует.

ФРЭД. Сто пудов?

ВЕРА. Двести. Это просто легкокрылая девичья фантазия, господин Смит! Ладно. Мы с ней сами разберёмся. Давайте вернёмся к Марине. Я так и не поняла, зачем вы хотели с ней знакомиться. Ведь это была ваша инициатива?

ФРЭД. Ну, видишь, Вера... Мы уже можем говорить «ты»?

ВЕРА. Вы — пожалуйста, я пока не могу.

ФРЭД. Надеюсь, мы скоро выпить на брудершафт. И тогда легко сказать ты. А Марина... Я просто хотел увидеть красивую русскую девушка. Приятная картина. И хотел ей помочь.

ВЕРА. Каким образом?

ФРЭД. Ну... у меня много друзей в Австралии. Таких, как я. У них есть сыновья и внуки... некоторые свободны и хотят русских девушек. Эта тема у нас сейчас тоже очень популярна.

Возвращается Лера.

ЛЕРА. Всё, дорогой Фрэд, одной русской невестой у вас теперь меньше.

ФРЭД. Что сказала Марина?

ЛЕРА. «Привет старому козлу!»

ФРЭД. Старый козёл? Это про меня?

ЛЕРА. Догадливый.

ВЕРА. Всё-таки невеста, Фрэд?

ФРЭД. Нет-нет. Было только желание увидеть красивую девушку. И тогда я ещё не видел Веру Майскую. Когда увидел, попросил Леру позвонить Марине, чтобы она не приехать. Извините, где можно мыть руки? Туалет?

ЛЕРА. Сюда, Фрэд. (*Провожает, возвращается.*) Тебе Мила не звонила?

ВЕРА. Нет, а что?

ЛЕРА. У неё же сегодня крупная сделка. Я звонила пару раз, она не отвечает, мобильник почему-то выключен. Странно.

ВЕРА. Наверное, просто забыла зарядить.

ЛЕРА. А дедуля, похоже, не на шутку тобой увлёкся. Вы тут не скучали?

ВЕРА. Нисколько. Я узнала много интересного.

ЛЕРА. Например?

ВЕРА. Например, про бой-френда Серёжу, для которого я, возможно, скоро стану тёщей.

ЛЕРА (*смеётся*). Ты поверила?

ВЕРА. Нет, разумеется. Но зачем такие фантазии?

ЛЕРА. Чтобы не ехать в Австралию. Фрэд ведь сначала меня клеил.

ВЕРА. Тебя? Когда?

ЛЕРА. Перед твоим приходом. Со страшной силой. Без всякого красноречия хотел сразу заняться со мной любовью. Прямо знойный мачо! Готов был завтра жениться. Мол, проживём десять лет, а потом оставит меня богатой вдовой. Чтобы отвязался, пришлось ляпнуть про мифического блондина Серёжу. Слава Богу, остыл. Да и ты вовремя появилась. И говорят, мечтаешь увидеть кенгуру?

ВЕРА. Да, признаться, ляпнула, что хочу в Австралию.

ЛЕРА. Но Фрэд-то уверен, что ты серьёзно. Подумай, может, и правда... подразнить Борю?

ВЕРА. Советуешь?

ЛЕРА. Смотри сама. Ты девушка взрослая.

Входит Мила. В руках у неё целлофановый пакет.

О! Мила, привет! Третей будешь? Тебя как раз здорово не хватает на ярмарке невест.

Мила не отвечает.

ВЕРА. Здравствуй, мама. Как твои дела?

ЛЕРА. Почему мобильник выключила?

МИЛА (*деревянным голосом*). Здравствуйте, дорогие.

Проходит, садится в кресло, закрывает глаза.

ЛЕРА. Что это с ней?... Бабулечка, ты почему такая задумчивая?.. Мила! Что с тобой?

МИЛА (*не открывая глаз, слабым голосом*). Извините, голова раскалывается.

ВЕРА. Жара же на улице... Как дела, мама?

МИЛА. Спасибо, плохо.

ЛЕРА. Что-то случилось, ба?

МИЛА. Случилось.

ЛЕРА. Сделка сорвалась?

МИЛА. Сорвалась.

ЛЕРА. Ну вот! Я тебя сколько раз предупреждала. Нельзя с твоей нежной романтической натурой заниматься грубым квартирным бизнесом.

Входит Фрэд.

Ладно, потом расскажешь. Открой на минутку глаза. Вот познакомься с нашим гостем: господин Фрэдди Смит, турист из Австралии.

МИЛА. Добрый день, господин Смит. *(Представляется.)* Людмила.

ФРЭД. Добрый день, Людмила.

ЛЕРА. Отлично, Фрэд. Так её ещё никто не называл. Для родных и друзей она просто Мила. Как раз при этом господине, ба, я брожу по Москве гидом-переводчиком второй год. Я тебе рассказывала. Совершенно неутомимый джентльмен. У вас с ним, кстати, много общего — он тоже большой патриот социализма и фанат Москвы.

ФРЭД. У вас проблемы, Мила?

МИЛА. Не обращайтесь внимания, Фрэд. Современная Россия — это ужасно. Я как-то упорно не верила в это до сегодняшнего дня.

ВЕРА. Давайте не будем при госте, а то он тоже разочаруется в России.

ФРЭД. Нет-нет, Мила, расскажите, пожалуйста. Отдельные негодяи и козлы всегда есть в любой стране.

ЛЕРА. И при социализме были?

ФРЭД. Обязательно.

МИЛА. Но мне кажется, почтенный Фрэд, что тогда их было гораздо меньше. Вам со стороны это, надо полагать, не очень заметно. Ладно, ну их! Очень славно, Фрэд, что вы к нам заглянули. Вы любите бывать в Москве?

ФРЭД. Да, Людмила. Я приезжать в Москву часто.

ЛЕРА. Представляешь, Мила, первый раз Фред прикатил в Москву в 1957 году. И с тех пор гуляет по Москве уже семнадцатый раз.

ВЕРА *(риторически)*. Что ищет он в стране далёкой?

ФРЭД. Сам не знаю, Вера, ответ на этот гениальный вопрос Лермонтова. Тянет.

МИЛА. Отлично, Фрэд! Чувствую, мы с вами на одной волне. Я коренная москвичка, страшная патриотка Москвы, и, несмотря на гнусные происки отдельных местных козлов, всегда смотрю на Москву, как в молодости — через призму поэзии.

ФРЭД. Смотреть через призма поэзии?.. Очень красиво! Bravo, Мила!

МИЛА. Это не я придумала. Так пел когда-то в Московском университете наш прекрасный мехматский бард Юра Колесников.

ФРЭД. Как он пел, Мила? Ваш бард Юра... Я очень хочу услышать. Лера говорила, вы поёте. Можете сейчас показать?

МИЛА. Нет-нет, Фрэд, сейчас не могу. Не до песен, извините. Голова раскалывается. Жара.

ФРЭД. Я слышать давно, как пел о Москве советский певец Муслим

Магомаев. Сильный певец. Мировой. Он пел, что Москва есть лучший город земли.

МИЛА. Вы слышали его на концерте?

ФРЭД. Да-да, я слышать Магомаева много раз, он грандиозно пел. У меня есть пластинки. Помните вот это. *(Громко поёт.)*

Луди мира, на минута встанте...

Слышате! Слышате! Греть со всех сторон...

Большой певец! Beautiful! Конечно, ещё есть Париж, Рим, Вена, но Магомаев пел правильно! Москва — лучший город планета Земля. Я согласен. Сто пудов! Строго.

ВЕРА. Bravo! Отличный тост, Фрэд! Предлагаю выпить шампанского. Лерочка, сбегаешь?

ЛЕРА. Ох, ма, трудно бегать по такой жаре. Но если все за... Ты как, ба?

МИЛА. Не надо куда бегать.

ВЕРА. Не надо? Ты уверена?

МИЛА. Абсолютно.

ВЕРА. Тогда перенесём. Шампанское у нас польётся рекой через три дня.

ФРЭД. Что будет через три дня?.. Это секрет?

ВЕРА. Небольшой, Фрэд. Что скажешь, мама?

МИЛА. Шампанское отменяется.

ЛЕРА. Что-что?

ФРЭД. Почему? Я бы с удовольствием выпить за Москву из реки шампанского.

МИЛА. Реки не будет, Фрэд.

ФРЭД. А что будет? Толко небольшой ручеек?

МИЛА. И ручейка не будет.

ЛЕРА. Во, приколы! Я что-то не врублюсь, Мила. Ты отменяешь свой день рождения?

МИЛА. Придётся.

ЛЕРА. Ты серьёзно, ба?

МИЛА. Мне сегодня совсем не до шуток.

ЛЕРА. Что за пурга, Мила? Банда твоих друзей всё равно нагрывает. Сколько себя помню, твой летний день рождения гремел всегда, как Новый год. А то и покруче. И ты его отменишь? Это же просто невозможно.

МИЛА. Отменю.

ЛЕРА. Полный улёт!

ВЕРА *(риторически)*. Общественность вряд ли поймёт, мама.

МИЛА. Поймёт, когда узнает. Нам теперь не до праздников, дорогие. Никакого шампанского. Отметим в узком семейном кругу вечерним чаепитием. Я испеку торт.

Пауза.

ФРЭД *(серьёзно)*. Разрешите сказать заявление?

ЛЕРА. Валяй, Фрэдди.

МИЛА. Пожалуйста, господин Смит.

ВЕРА. Слушаем вас, уважаемый гость.

ФРЭД. Прошу вас, дорогая именинница, сделать для меня исключение.

МИЛА. Вы хотите придти, Фрэд? В наш скучный девичник?

ФРЭД. Да, я очень хотеть.

ЛЕРА. Ты же улетаешь, Фрэд.

ФРЭД. Немножко задержусь.

МИЛА. Но стоит ли, Фрэд... Вам наверняка ещё есть что посмотреть в Москве.

ФРЭД. Опять пурга, Мила... Я есть вам не совсем чужой...

МИЛА. В каком смысле?

ФРЭД. На этой картине нарисован ваш отец? Художник Вера Майская. Так?

МИЛА. Да. Это мой папа. Вера нарисовала его по старым фотографиям и письмам. Я его часто видела во сне. Думаю, он таким и был.

ФРЭД. Да. Он таким и был. Строго.

ЛЕРА. Представляешь, ба, Фрэд уверен, что видел живым твоего отца, моего прадеда, собственными глазами.

МИЛА. Не представляю. Фрэд, это правда?

ФРЭД. Железна!

МИЛА. Вы видели моего папу?

ФРЭД. Совсем близко. Как его звали?

МИЛА. Виктор. Виктор Петрович Жолобов.

ФРЭД. Виктор-победитель. Прекрасное имя. Как и Юрий. Мой сын родился в одна тысяча девятсот шестьдесят первый год, когда полетел Гагарин. Я назвать сына Юрий.

МИЛА. Прелестно. Но мой папа... Как вы могли его видеть? Наверное, вы всё же ошибаетесь, Фрэд.

ЛЕРА. Я ему уже говорила.

ВЕРА. Я что-то тоже не очень понимаю, господин Смит.

ФРЭД. Я не лублу вспоминать войну, но, кажется, это очень связано. Кто был ваш папа, Мила?

МИЛА. Мой папа до войны был певцом, студентом консерватории, очень хорошим певцом. Он родился в 1917 году, петь начал рано, выступал в парках Москвы и Домах культуры. Потом поступил в консерваторию, ему прочили блестящее будущее. Он и тогда участвовал в больших концертах. Пел вместе с Козиным, Утёсовым, Шульженко. И не терялся даже среди таких звёзд. Когда грянула война, ему дали бронь, но Виктор рвался на фронт. Его долго не пускали, но он добился. Через три месяца учёбы присвоили звание лейтенанта и направили в действующую армию. Отец прошёл Сталинград, освобождал Киев, другие города Европы. Воевал всегда на передовой, и ни разу не был ранен. Наверное, ангелы хранили певца и солдата. С мамой они встретились в консерватории. Она играла на арфе. У них была большая любовь. Сохранились письма, которые он писал всю войну. В начале сорок пятого их часть вошла в Польшу...

ФРЭД (*озарило*). Польша?.. Освенцим?!

МИЛА. Да, Фрэд. Папа участвовал в освобождении узников страшного фашистского концлагеря Освенцим. Там были тысячи взрослых и детей.

ФРЭД. Мила!.. Да!.. Спасибо, я вспомнил! Теперь я всё вспомнил, дорогие женщины! Это был Освенцим, январь сорок пятого года. Там я увидел вашего Виктора. Я тоже был малёнький узник, Мила.

МИЛА. Вы были в Освенциме, господин Смит?

БЕРА. В сорок пятом году?

ЛЕРА. Сколько же тебе было лет, Фрэд?

ФРЭД. Пять лет, Лера. Почти пять. Нас привезли в Освенцим под новый 1945 год. Детей было, правда, много, Мила. Они умирали от голода, каждый день их хоронили. На взрослых была большая очередь – газовая камера или крематорий. Но всех уничтожить фашисты не успели. Пришли русские. Красная армия! Стремительно... В наш барак вошли несколько солдат и командовал ими капитан Виктор Жолобов. *(Показывает на портрет.)* Вот этот прекрасный русский человек.

МИЛА. Мой папа.

БЕРА. Мой дед.

ЛЕРА. Ты уверен, Фрэд?

ФРЭД. Я уверен. Совсем строго. Через день я видел его ещё раз, на сцене. Вечером в местном клубе произошёл концерт. И в нём пел Виктор Жолобов. Ваш отец, Мила. Ваш дед, Вера. Твой прадедушка, Лера. А меня и других детей посадили в самый первый ряд. Я видел Виктора совсем близко. Ах, как он пел! Как звучал его сильный, красивый голос! Все двери клуба раскрыли. Голос бежал из зала в город. Его слышали тысячи людей, площадь, улицы... Он пел военные песни. Потом я их нашёл. «Тёмная ночь», «Землянка», «В лесу прифронтовом». Я запомнил их на всю жизнь. И этот голос. Он и сейчас звучит во мне. *(Негромко напевает.)*

До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.

После концерта я выбежал на сцену, подошёл к нему, хотел благодарить за спасение, за свободу. Он, кажется, тоже узнал меня. Поднял на руки, обнял. Долго. Крепко. Я ничего не мог сказать по-русски, толкó смотрел на него. А он на меня. И мы хорошо поняли друг друга. Ваш Виктор был великий артист и настоящий русский богатырь. Высокий и очень сильный, красивый мужчина. И теперь я узнал, почему вы все такие красивые женщины. Это природа. У вас его гены. Дочка. Внучка. Правнучка. Потом много раз, когда приезжал в Москву, я всегда ходил на эстрадные концерты. Мечтал увидеть Виктора Жолобова. Но его почему-то не было. Запели Магомаев, Кобзон, Лещенко, ещё другие. Хорошо пели, но Виктор был лучше. Первый номер! Строго! Сегодня у меня счастливый день, дорогие женщины. Я увидел Виктора на этом портрете, почувствовал, что знаю его. Толкó не сразу догадался. Не сразу мог вспомнить. Прошло столкó лет... Это совсем не обман памяти, Лера.

БЕРА *(промокает глаза)*. Ах, как хорошо, как чудесно, спасибо, Фрэд.

ЛЕРА. Потрясающе, Фрэдди. Можно я тебя поцелую?

ФРЭД. Очень даже можно, Лера.

Целуются троекратно.

ЛЕРА (*обнимает бабушку*). Вот такие чудеса, бабулечка Милочка. Этот австралийский господин семнадцать раз приезжал в Москву и нашёл всё-таки капитана Жолобова — твоего папочку. Нашего дедулечку Витечку. Своего спасителя. Фрэд слышал его, и ставит выше даже Магомаева.

МИЛА. Какой вы милый и чудесный господин, дорогой Фрэд. У меня просто нет слов. Я сейчас тоже услышала папу.

ФРЭД. А что было после войны? Как Виктор жил? Долго?

МИЛА. Нет, Фрэд. Нелепая автомобильная авария. Всю войну ни царапины. На Рейхстаге расписался. А через десять лет после войны, когда я должна была родиться...

ФРЭД. Десять лет... Он продолжал петь?

МИЛА. Только два года. Потом сильно застудил связки, и не смог выступать. Не будем сейчас говорить об этом.

Пауза.

ФРЭД. Скажите, Лудмила, я могу придти к вам на день рождения?

МИЛА. Конечно, Фрэд. Вы можете приходите в наш дом завтра, послезавтра, в любой день, когда захотите. Наш дом всегда открыт для вас, дорогой Фрэд.

ФРЭД. Тогда я сейчас всё-таки сбегаю за шампанским. Как самый молодой и шустрый... Да, Лера? Такой день мы обязательно отметим, прекрасные женщины. Магазин совсем близко, я видеть, когда мы шли с Лерой. Не прощаюсь, я скоро вернусь.

Уходит. Лера проводила, вернулась.

ЛЕРА. Какой уникальный дедуля, а девчонки! Так что, ма, ты подумай всерьёз: не сделать ли австралийскую сказку российской былью. Будем с Милой тебя навещать. Махнём в Австралию, Мила?.. Ау, ба, ты опять плачешь? Поплачь, поплачь, моя золотая... Потрясающий у тебя был папочка, наш дедулечка Витечка...

МИЛА. Какой сегодня необычный день... Такая радость и... такая радость.

ВЕРА. Теперь ты можешь всё сказать. Поделись, мама.

ЛЕРА. Ну, выкладывай, что стряслось, Милочка? Я совершенно не могу представить, из-за чего можно отменять твой ежегодный сбор друзей. Волшебную ночь бардовских песен. Подумаешь, неудачная сделка. Повезёт со следующей. А, бабулечка?

ВЕРА. Подожди, Лера. Слушаем тебя, мама.

МИЛА. Если в двух словах, дорогие, то лучше назвать цифру: я влипла на пятьдесят тысяч долларов.

ВЕРА. Что значит «влипла»?

ЛЕРА. Сколько-сколько?

МИЛА. Пятьдесят тысяч долларов. Ровно столько было в моей сумке.

Вынимает из пакета остатки ремня от срезанной сумки.

ЛЕРА. У тебя срезали сумку с деньгами, ба?

МИЛА. Два часа назад. На переходе в метро. Шла к эскалатору, вокруг плотная толпа, один эскалатор на ремонте, огорожен, все устремились к другому, давка со всех сторон. Когда я ступила на эскалатор, обнаружила, что на плече осталось только это. Когда и кто срезал, понятия не имею. Ясно, что работал профессионал.

БЕРА. Что за деньги, мама?

МИЛА. Задаток за приличную однокомнатную квартиру. Покупала молодая дама — Настя.

ЛЕРА. С которой вы тут пили чай неделю назад?

МИЛА. Да-да, ты же её видела.

ЛЕРА. Вроде, на вид приятная тётка.

МИЛА. А продавал некий Валера. Он покупает двушку. Там целая цепочка. Половину денег мы с Настей отдали две недели назад, сегодня я повезла вторую половину — Валерий просил срочно, без заморочек с банковской ячейкой. Взяла их у Насти утром под расписку.

Пауза.

БЕРА. Почему она сама с тобой не поехала?

МИЛА. Хотела, но ей как раз позвонили из фирмы, срочно вызвали на работу. А Валерий ждал деньги, чтобы сразу отвезти их дальше, словом, лопухнулась я по-крупному, дорогие.

ЛЕРА. Настя уже знает?

МИЛА. Да. Когда я приехала к Валерию с этими обрезками, он позвонил ей на мобильный, она тут же прикатила, устроила истерику. Валерий тоже паникует, у него горит какой-то шикарный вариант. В общем, мне дали три дня на возврат денег.

БЕРА. А что потом?

МИЛА. А что потом... Потом суд, арест, срок. Вариантов собрать такую сумму за три дня я не вижу. Пора сушить сухари. Интересно, сколько лет мне предстоит провести в местах не столь отдалённых?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На следующий день. Тот же холл. Мила разговаривает по телефону, держа в руках лист бумаги.

МИЛА. Как он себя сейчас чувствует?.. Держится давление?.. Да-да, конечно, жара... Что передать? Ничего особенного, скажите, что звонила Мила Жолобова, я постараюсь его навестить, пусть поскорее выздоравливает. *(Набирает новый номер.)* Алло, Света?.. Привет, Светик... Ревёшь? Что случилось? Женька опять ушел?.. Кажется, это седьмой раз?.. Восьмой? Со счёту сбилась? Во, кобель старый! Ну ты совсем-то не отчаивайся, скоро

вернётся, как всегда... Непустишь? Ни за что? Правильно, девочка, но я не уверена... Почему не уверена? Ты ведь и раньше, Светик, грозила, что на порог непустишь... На этот раз окончательно, ну-ну... Ладно, подружка, извини, заехать не смогу, я тебе завтра позвоню.

Смотрит на листок со списком, входит Лера.

ЛЕРА. Привет, ба! Как успехи?

МИЛА. Пока скромные, но ведь только начала, Лерочка. Вот смотри: в этом списке пятьдесят три имени. Представляешь? Пятьдесят три моих друга, пятьдесят три спасательных круга! Тут и детство, и студенческие стройотряды, и барды, и работа... Правда, не все, к сожалению, здоровы и богаты. Крупных богачей вообще нет, но всё же кой-какой капиталец многие имеют. Давай посчитаем. Сколько надо каждому дать денег, чтобы получилось пятьдесят тысяч долларов?

ЛЕРА. Простая арифметика, выпускница мехмата. Пятьдесят тысяч баксов и пятьдесят человек. В среднем по тысяче с носа, с каждого твоего друга-круга.

МИЛА (с надеждой). Одна тысяча? Но это же совсем не запредельная сумма, Лерочка. Вопрос, конечно, во времени. Обзвонить, объездить... Ты сможешь?

ЛЕРА. Об чём речь! Скоро появится Фрэд, отправлю его сегодня одного. Слушай, ба! Давай с него тоже возьмём тышчонку-другую «зелёных»? Он парень состоятельный.

МИЛА. Ни в коем случае, девочка! Последнее дело — клянчить у иностранцев. Я лучше в тюрьму сяду.

ЛЕРА. Фрэд же нам не совсем посторонний. Обнимался с твоим героическим батей, который, на минуточку, его просто спас.

МИЛА. И мы потребуем теперь вознаграждение?

ЛЕРА. М-да, отпадает... Но есть и другой мотив. Ты знаешь, он здорово запал на Веру. Страсть схватила господина Смита мозолистой рукой не хуже Ваньки Морозова.

МИЛА. Да, я это тоже заметила. И что? Вера будет дорого продаваться?

ЛЕРА. Глупости. Он благородно предлагает маме руку и сердце. Глядишь, станет мне отчимом, а тебе зятем. Ну и поможет нам по-родственному.

МИЛА. Неужели Вера не дала ему сразу полный отлуп?

ЛЕРА. Наоборот, лягнула, что не против погостить у него в Австралии.

МИЛА. Нам от таких закидонов не легче. И вообще, господин Смит, конечно, человек солидный и достойный, но, скорее всего, как все миллионеры, большой скупердяй. Так что продолжим лучше контакты с бедными соотечественниками. *(Набирает номер по телефону.)* Алло, Серёжа? Здравствуй, дорогой, как поживаете?.. Нормально?.. Слава Богу!.. У нас как? У нас проблема, Серёжа, финансовая. Рассказывать подробно, извини, некогда. Срочно нужны деньги. Взаимы. Сколько ты можешь дать?.. Да? А побольше?.. Ну что ж, и на том спасибо. Я к тебе скоро заеду, будешь дома?.. Чао, Серёжа, до скорой встречи. *(Отключается.)* Есть первые двести долларов.

ЛЕРА. Если каждый даст по двести, то придётся искать не пятьдесят, а двести пятьдесят спасительных кругов. Многовато, ба.

МИЛА. И всё же начало есть! Наверняка, кто-нибудь сможет дать больше. Я полетела, девочка. Это рядом, скоро вернусь.

Уходит. Звонок по телефону. Лера берёт трубку.

ЛЕРА. Уже слушаю... Маринка! Привет-привет, несостоявшаяся невеста... Жених-то... нет, он пока не слинял, но поменял азимут. Представляешь, старикану семьдесят пять лет... Да нет, бегают ещё бодро... Жара его только возбуждает. Вчера он сначала хотел меня трахнуть, потом тебя, а как увидел маму Веру, про нас мгновенно забыл и готов уже везти художницу Майскую в Австралию... Ты бы поехала?.. Говорит, что может... Проверить? Спасибо, если Вера его отошьёт, я тебе сообщу, проверишь сама. Слушай, у меня встречный вопрос. Ты мне можешь денег занять?.. Чем больше, тем лучше... Нет, тысяча рублей меня не устроит... и пять не устроит, хотя бы тысячу баксов. Сама в отпуск собралась?... Ну, извини. Пока, мне надо срочно звонить.

Кладёт трубку. Листает записную книжку. Звонок в дверь. Идёт открывать, приводит Фрэда. У него в руках шикарный букет.

ФРЭД. Привет, Лерочка, привет... А где остальные?

ЛЕРА. Тебя интересуется Вера?

ФРЭД. Ты очень penetrating girl.

ЛЕРА. Ха-ха! Будешь тут проницательной. Вчера ты толкал такие страстные речи и кидал на Верочку такие томные взгляды, что никакой телепатии не требуется. Но вот где в эту минуту твоя новая возлюбленная, убей — не знаю, Фрэд. Небольшой обломчик. Мама исчезла с утра пораньше, я ещё спала. Бабуля Мила только что поехала навестить старых друзей. Букет, естественно, для Веры?

ФРЭД. Для Веры, да... И для вся ваша семья тоже. Для хорошее настроение. Поставь, пожалуйста, в вазу.

Лера берёт букет, выходит.

ФРЭД (*портрету*). Здравствуй, Виктор! Здравствуй, дорогой спасатель. Должен тебе сказать, что в этом доме живут три совсем разные и все очаровательные женщины. Все beautiful women. И всё началось с тебя, русский парень. Ты дал хороший корень...

ЛЕРА (*входит, ставит вазу с цветами на стол*). С кем это ты разговариваешь, Фрэд?

ФРЭД. С твоим прадедушка. Сказал ему, что здесь живут три красавицы.

ЛЕРА. Кстати, только что звонила Марина, ещё одна русская красавица. Жалееет, что вы не увиделись.

ФРЭД. Да? Мне тоже жалко. Но нельзя обнимать необъятное. Так у Козмы Прутикова?

ЛЕРА. Вроде того. Должна тебя огорчить, Фрэд. Пойдёшь сегодня гулять один.

ФРЭД. Почему, Лера?

ЛЕРА. У меня плохое настроение. Не хочу тебе его передавать.

ФРЭД. На улице чудесный день, Лерочка. Мы выйдем, и всё будет хорошо.

ЛЕРА. Мы не выйдем, Фрэд.

ФРЭД. На улице тебе обязательно улыбнется симпатичный паренёк. Как это... *(Поёт.)*

И улыбка, без сомненья, вдруг коснётся ваших глаз.

И хорошая настроения не покинуть болше вас.

Ча-ча-ча! Это пела Лудмила Гурченко. Мы видели её на Новодевичем кладбище, да?

ЛЕРА. Да. Белый мрамор в полный рост. Её у нас все знают.

ФРЭД. Кстати, тёзка твоя бабушка, да? Она очаровала меня на фильме «Карнавальная ночь». Знаешь, я видел её близко. Как тебя. Московский фестиваль молодёжи. Это было грандиозно!

ЛЕРА. Фестиваль? Или Гурченко?

ФРЭД. Оба! Праздник и яркая девушка. Большие глаза, и совсем тонкая... здесь. *(Показывает на Лере).*

ЛЕРА. Талия. Ты измерял?

ФРЭД. Нет, к сожалению. Скромный был тогда. Как думаешь, скоро придёт Вера?

ЛЕРА. Понятия не имею.

ФРЭД. Если ты не идёшь, я хотел приглашать её на прогулку по Москве. Она не говорила тебе что-нибудь?

ЛЕРА. Что-нибудь, это что, например?

ФРЭД. Например, про Австралия.

ЛЕРА. В каком смысле?

ФРЭД. Она не передумала ехать со мной?

ЛЕРА. Размечтался! Думаешь, вчера поговорили, завтра с чемоданами — в романтическое путешествие?

ФРЭД. Да, Лера, я мечтаю так.

ЛЕРА. Шустрый ты парень, Фрэд. Время не теряешь.

ФРЭД. У меня его осталось мало, Лера. Поэтому шустрый.

ЛЕРА. Спросишь Веру сам, Фрэд. Сейчас меня больше волнует Мила.

ФРЭД. А что с твоя бабушка?

ЛЕРА. С моя бабушка вчера произошёл большой криминал.

ФРЭД. Криминал?

ЛЕРА. Да, Фрэдди, вчера её жестоко ограбили.

ФРЭД. Московские козлы?

ЛЕРА. Не просто козлы. Полные отморозки! У неё срезали сумку с плеча. С чужими деньгами.

ФРЭД. Вот почему она отменила праздник рождения. Много денег?

ЛЕРА. Много. Пятьдесят тысяч долларов. Представляешь?

ФРЭД. Представляю.

ЛЕРА. Это же огромные деньги, Фрэд.

ФРЭД. Не очень огромные, Лера.

ЛЕРА. Для тебя. А для нас — очень. Бабушка получает пенсию долларов триста в месяц. В год наберётся три с чем-то тысячи.

ФРЭД. С хвостиком.

ЛЕРА. На хвостик требуется ещё кушать и платить за квартиру. Бабушке надо лет тридцать, чтобы выплатить такой долг. А ей дали три дня!

ФРЭД. Три дня?.. А что будет потом?

ЛЕРА. Потом ты уедешь в Австралию. Один.

ФРЭД. Ты думать... думаешь... Вера не поедет со мной?

ЛЕРА. Сам подумай, Фрэд. Вчера был, скорее всего, просто минутный каприз художника. Каждой свободной женщине хочется помечтать об Австралии или Италии с Францией, но сегодня... Она не бросит свою мать в такой ситуации. Однозначно. Хоть ты и завидный жених. Даже и не мечтай.

ФРЭД. Всё-таки я мечтаю. Пока Вера сама что-то скажет.

ЛЕРА. Придёт, что-то скажет... Ты мне друг, Фрэд?

ФРЭД. Я тебе друг, Лера.

ЛЕРА. Хороший друг?

ФРЭД. Хороший друг. Железна!

ЛЕРА. Сейчас проверим. Можешь дать мне денег? В долг?

ФРЭД. Денег? В долг? В принципе могу, Лера.

ЛЕРА. Нет, правда? Ты нас выручишь, Фрэд.

ФРЭД. Пятьдесят тысяч долларов?

ЛЕРА. Для тебя же это немного.

ФРЭД. Да, но это реальные деньги. Я бы хотел вас выручать, Лера... Но когда ты сможешь отдать? Дружба и деньги — совсем разные понятия. Долг надо отдавать строго. Бабушке потребуются тридцать лет. Столько я ждать не могу. Сколко лет понадобится тебе? Ты ведь пока толко студентка. Надо всё строго подсчитать, написать согласительный документ. Договор.

ЛЕРА. Вы деловой человек, господин Смит. Что ж, всё правильно. Бывший министр! Я не знаю, какой понадобится срок. Не знаю, Фрэд.

ФРЭД. Подумай пока, Лера, я отлучусь в туалет. *(Выходит)*.

ЛЕРА *(вслед)*. Да! Дружба и деньги совсем разные понятия... *(Звонит телефон.)* Алло, уже слушаю... Нет, Людмилы Викторовны нет дома... Когда будет?.. А кто её спрашивает?.. Настя? Та самая, которая квартиру покупает?.. Привет, Настя, я — Лера, мы с вами чай пили... Да, я в курсе... Бабушка как раз поехала искать деньги... Обязательно отдать? Но вы же понимаете, Настя, что за три дня это невозможно. У нас нет родственников-миллионеров... Валера не может ждать?.. Чего боитесь?.. Больше всего за меня? С какой стати?.. Он наймёт бандитов... Намекнул вам?.. Ну, спасибо за предупреждение.

Кладёт трубку. Появляется Фрэд.

ФРЭД. Что-то надумала, Лера?

ЛЕРА. О чём ты, Фрэд?

ФРЭД. О деньгах. Как ты сможешь отдать долг?

ЛЕРА. Думаю вот... Реально — только один способ. Вторая древнейшая профессия.

ФРЭД. Не понял.

ЛЕРА. Ты не очень спешишь?

ФРЭД. Нет, я ждать Веру.

ЛЕРА. Я хочу для тебя потанцевать. Садись.

Усаживает гостя, включает музыку и исполняет эротичный танец с элементами стриптиза. Фрэд несколько недоумевают, но смотрит с удовольствием.

Скажи, Фрэдик, на улице сегодня опять жара? Как вчера?

ФРЭД. Да, очень тепло, даже сильнее.

ЛЕРА. Это хорошо. Ты, наверное, опять хочешь сегодня быть твёрдым мужчиной? Ты хочешь, Фрэдди?

ФРЭД. Ты опять проникательная девушка, Лера.

ЛЕРА. Сегодня я готова исполнить твоё вчерашнее желание.

ФРЭД. Моё желание?

ЛЕРА. Да, Фрэд.

ФРЭД. Не надо так шутить, Лера.

ЛЕРА. Я совсем не шучу, Фрэдик.

ФРЭД. Ты решать это ночью?

ЛЕРА. Ночью или сейчас, когда танцевала. Какая разница! Разве это важно? Важно, что ты хочешь любить меня как женщину. Хочешь?

ФРЭД. Тебя, Лера?

ЛЕРА. Меня, Фрэд. Или я тебе уже не нравлюсь?

ФРЭД. Ты мне нравишься, Лера, но...

ЛЕРА. Но что?

ФРЭД. Но... как же Серёжа?

ЛЕРА. Никакого Серёжи нет. Извини. Это фантазия, я вчера придумала.

ФРЭД. Ты, правда, большая фантазёрка. Вера сразу не поверила про Серёжу.

ЛЕРА. Мама меня знает.

ФРЭД. Я думать, пока Вера мне не ответила, я свободный мужчина.

ЛЕРА. Ты правильно думаешь. *(Проводит рукой по его щеке.)*

ФРЭД. Вчера, когда ты меня поцеловала, у меня совсем закружилась голова.

ЛЕРА. Отлично! У нас ещё есть два дня и две ночи. Мы можем провести их вместе, любить друг друга, сколько захочешь. Сколько ты сможешь быть твёрдым. И потом ты заплатишь мне... вернее за бабушку — этот смертельный долг. Согласен, Фрэд?

Пауза.

Ну, что ты молчишь, Фрэд? Мы будем заниматься любовью?

ФРЭД. Нет, Лера.

ЛЕРА. Нет?! Я столько не стою? А сколько ты можешь заплатить?

ФРЭД. Нисколко. Я могу платить девушкам из ресторана. Ты не такая, Лера. Тебя нельзя оценить деньгами. Тебя нельзя покупать. Я не могу любить тебя за деньги.

ЛЕРА (*приводит себя в порядок*). Лучше бы мог.

ФРЭД. И потом... Я жду Веру. Я думаю, она всё-таки захочет ехать со мной в Австралию. Ты понимаешь?

ЛЕРА. Я понимаю, что ты меня кинул, Фрэд.

ФРЭД. Я тебя кинул?

ЛЕРА. Именно.

ФРЭД. Кидать можно камень. А девушку?

ЛЕРА. Ещё как кидают.

ФРЭД. Куда я тебя кинул, Лера?

ЛЕРА. Прямо в лапы к бандитам. Они скоро придут сюда за деньгами. И будут «лупить» меня без всяких денег. Днём и ночью. По очереди. А ещё будут бить пудовыми кулаками и тушить об меня сигареты.

ФРЭД. Что ты говоришь, Лера. Так бывает толко в плохом кино.

ЛЕРА. Любое кино отражает жизнь. А говорил, что целый год любил меня. Любил?

ФРЭД. Лубил.

ЛЕРА. Жениться на мне хотел?

ФРЭД. Хотел.

ЛЕРА. Увезти в Австралию предлагал?

ФРЭД. Предлагал.

ЛЕРА. И вдруг вчера за пять минут всё изменилось. Теперь ты мечтаешь только о Вере. Всё для Веры, мимо Леры! Это и значит — кинул, Фрэд. Коварный господин Смит... Ладно! Мы ещё побарахтаемся. Поищем других спонсоров-благотетелей. Ты будешь ждать Веру?

ФРЭД. Да, я могу гулять около дома.

ЛЕРА. Можешь и здесь посидеть. Надоест — уходи... (*Слышит скрежет ключа.*) Впрочем, уходить уже не надо.

Входит Вера.

ВЕРА (*весьма возбуждена*). Всем привет!

ФРЭД. Привет, Вера. Очень рад тебя видеть.

ЛЕРА. Здравствуй, мама. Что-то ты очень весёлая.

ВЕРА. Я тоже рада вас видеть, Фрэд. Будем пить чай?

ФРЭД. С удовольствием.

ЛЕРА. Без меня. Я ухажу по делам Милы, а у господина Смита к художнице Майской продолжается «большой» австралийский интерес. Может, это судьба? Или хотя бы спасение для бабули и всей нашей семьи? Прикинь, цветущая женщина. Пока, Фрэдди.

Стремительно исчезает.

ВЕРА. Что это с ней?

ФРЭД. Говорит, что плохое настроение.

ВЕРА. Бывает. Ладно, не будем обращать внимания. Вы будто и не уходили со вчерашнего дня, Фрэд.

ФРЭД. Уходил. Этот букет для тебя, Верочка.

ВЕРА. Спасибо, очень мило с вашей стороны.

ФРЭД. Вчера мы не договорили, Вера. Сейчас нам никто не мешать. Давай закончим разговор об Австралии.

ВЕРА. Да, Фрэд, его надо закончить.

ФРЭД. Вчера ты сказала, что хочешь поехать со мной. Это так?

ВЕРА. Да, Фрэд, вчера я сказала, что хотела бы поехать.

ФРЭД. Отлично. Я сегодня утром был в нашем посольстве, говорил о тебе. Они могут сделать визу за один день.

ВЕРА. Фантастика!

ФРЭД. Посол мой старый друг. Нужно только твоё заявление и паспорт. У тебя есть заграничный паспорт?

ВЕРА. У меня есть заграничный паспорт.

ФРЭД. Отлично. Возьми свой паспорт, и поедем сейчас в посольство. Ты можешь сразу поехать?

ВЕРА. Видите ли, Фрэд... Всё не так просто. Вчера у меня как-то вырвалось... Спонтанно. Но, видимо, всё-таки не случайно. Охота к перемене мест сидит в каждом человеке, и может вдруг прорваться... Последние месяцы мне неважно жилось, совсем не работалось... Вчера я, правда, хотела ехать, Фрэд...

ФРЭД. Прекрасно, Вера. Ты хочешь. Я мечтать. Не надо время терять.

ВЕРА. О! Это уже почти стихи.

ФРЭД. Быстрее бери свой паспорт, и едем в посольство. Я уже заказал билет Вере Майской на мой рейс. Предварительно.

ВЕРА. А вот это напрасно. Вы поспешили, Фрэд.

ФРЭД. Не успеешь собраться за два дня?

ВЕРА. Не успею.

ФРЭД. Мы можем перенести рейс. На две недели, на месяц, как ты скажешь, Вера. Я уже всё продумал.

ВЕРА. Всё продумал? О чём вы, Фрэд?

ФРЭД. Ты будешь жить мой загородный дом. Второй этаж. Там есть большая терраса, хороший вид на побережье, красивый океан. Думаю, тебе понравится. Вера Майская сможет рисовать новые пейзажи. Великолепные картины. В тёплую погоду можно сразу работать и загорать. А я буду сидеть шезлонг и смотреть. Когда захочешь, сделаю тебе фруктовый коктейль.

ВЕРА. Загородный дом, берег океана, фруктовый коктейль — это всё так чудесно... Я на втором этаже. А где будете жить вы, Фрэд?

ФРЭД. Первый этаж. Близко. Мы сможем ходить в гости. Я к тебе, ты ко мне. Когда захочешь. Тебе нравится?

ВЕРА. Мне нравится, Фрэд. Спасибо за роскошное предложение, дорогой господин Смит. Это похоже на сказку про принца и принцессу. Но, как говорится, суровая действительность вносит свои коррективы. И сказки не получится, Фрэд.

ФРЭД. Не получится, Вера?

ВЕРА. Нет, Фрэд.

ФРЭД. Я уже слишком старый принц?

ВЕРА. Конечно, не юноша, да ведь и я не юная принцесса, дело вовсе не в возрасте.

ФРЭД. А в чём, Вера?

ВЕРА. Со вчерашнего дня многое изменилось, Фрэд. Появились новые обстоятельства. И моя поездка теперь просто невозможна.

ФРЭД. Я знаю, Вера.

ВЕРА. Что вы знаете, Фрэд?

ФРЭД. Новые обстоятельства. Бабушку Милу вчера грабили отморозки, да?

ВЕРА. Да, Фрэд!

ФРЭД. И ей надо за три дня отдать долг. Платить пятьдесят тысяч долларов. Это так?

ВЕРА. Так, Фрэд. Для нас это громадная сумма.

ФРЭД. Если продать эти картины... Сколько они стоят?

ВЕРА. Я думала об этом, Фрэд. Это не выход. К сожалению, у меня нет большой известности. Я не дорогой художник. Не модный. Такие картины стоят у нас по двести-триста долларов. Две-три картины в месяц у меня покупают. На скромную жизнь хватает и только. Быстро их не продашь. Все мои картины смогут дать тысячу пятнадцать-двадцать, а где взять ещё тридцать?

ФРЭД. Я могу помочь, Вера.

ВЕРА. Помочь? Правда, Фрэд?

ФРЭД. Да, для меня это не громадная сумма. Наверное, это не очень морально, но я деловой человек. Давай так, Вера. Я даю деньги Миле, а ты едешь со мной в Австралию.

ВЕРА. В качестве кого я еду, Фрэд?

ФРЭД. Моя невеста. Или просто гостья. Как тебе лучше?

ВЕРА. Лучше гостья.

ФРЭД. Хорошо. Просто гостья. Потом, конечно, я бы хотел жениться на тебе, Вера. Ты можешь не спешить с ответом. Пока ты поедешь как моя гостья.

ВЕРА. На какой срок?

ФРЭД. Сколько захочешь.

ВЕРА. Я буду рисовать на террасе в купальнике?

ФРЭД. Если захочешь. Там очень тепло.

ВЕРА. А вы будете сидеть в шезлонге... И всё?

ФРЭД. Конечно, я бы хотел, чтобы мы любили друг друга. Ты сможешь?

ВЕРА. Боюсь, что огорчу вас, Фрэд.

ФРЭД. Я могу подождать, Вера. Только не очень долго, сама понимаешь, в моём возрасте...

ВЕРА. Понимаю, Фрэд. Но и вы попробуйте понять меня. Дело не только в моей маме. Есть ещё одно новое-старое обстоятельство. Я не свободна Фрэд. Я люблю одного мужчину, мы поссорились и долго не виделись, а сегодня утром он позвонил и предложил встретиться. Я сразу помчалась к нему.

ФРЭД. Ты была сейчас у Бориса?

ВЕРА. Кажется, в нашей семье не осталось для вас тайн. Да, Фрэд. Моего любимого мужчину зовут Борис. Я была сейчас с ним. Извините, не хочу вас обманывать.

ФРЭД. Да-да, Вера, я понимаю. Какой из меня теперь принц... Вот ваш дедушка Виктор Жолобов навсегда остался принцем, как на этом портрете. Ладно... Пойду гулять по Москве. Передайте привет Миле. До свиданья, моя мечта, большой художник и чудесная женщина Вера Майская.

ВЕРА. Прощайте, милый Фрэд. Вы и сейчас похожи на доброго принца. Возраст тут не при чём. Пусть вам повезёт с какой-то другой принцессой. А от меня прощальный поцелуй.

Целует его. Входит Мила.

МИЛА. Я не помешала?

ВЕРА. Нет, мама. Заходи, не тормози. Мы просто прощаемся.

МИЛА. Здравствуйте, Фрэд.

ФРЭД. Привет, Луда.

МИЛА. Вы уже уходите?

ВЕРА. Это я ухожу. У меня срочная работа, так что убегаю. Ещё раз спасибо вам, дорогой господин Смит. За рассказ о дедушке Вите, за роскошные цветы, за романтическое предложение — я буду теперь долго грезить о солнечной террасе! Приезжайте к нам запросто. В любое время. Всегда будем рады. А пока прощайте.

Уходит.

МИЛА. Вы застали Леру?

ФРЭД. Да, я видел Леру. Я очень вам сочувствую, Мила.

МИЛА. Вы о чём, Фрэд?

ФРЭД. О грабительстве ваша сумка. Лера была очень волноваться, она мне сказала.

МИЛА. Пожалуйста, не беспокойтесь.

ФРЭД. Не брать в голову?

МИЛА. Именно. Ещё у нас говорят: бывают в жизни огорченья. Переелется, мука будет. Сегодня идёт дождик, завтра выглянет солнышко. Так что не думайте о моей сумке, мы с этой проблемой справимся своей дружной семьёй. С помощью старых, верных друзей.

ФРЭД. Вам надо обязательно отдать все деньги через два дня?

МИЛА. Надеюсь, что нет. Сколько сможем, столько и отдадим. Остальные подождут.

ФРЭД. Вера тоже не слишком беспокоится. Но Лера... Я бы хотел успокоить её и помочь вам, Мила.

МИЛА. Не выдумывайте, Фрэд.

ФРЭД. Я уже выдумал. Уважаемая Лудмила Викторовна! Я тоже ваш старый верный друг. И хочу подарить вам на день рождения немножко долларов. Сколко вы возьмёте, Мила? *(Достаёт чековую книжку.)* Я сейчас выпишу чек на предьявителя. Пять тысяч, хорошо?

МИЛА. Нет, Фрэд.

ФРЭД. Пардон. Тогда десять тысяч долларов. *(Подписывает, отрывает чек.)* Пожалуйста, возьмите.

МИЛА. Нет-нет, вы не поняли, Фрэд. Дело не в сумме... От вас я не возьму никаких денег.

ФРЭД. Но почему, Мила? Вы не верите, что я друг ваша семья? Это неважно, что мы толко вчера познакомились. Ваш папа спас мне жизнь.

МИЛА. Именно поэтому, Фрэд. Вы один из тех, кто видел моего папу, слышал его голос, обнимал. Это так дорого, так высоко... Деньги здесь... они могут только всё испортить. В последнее время деньги вообще стали слишком много значить в России. Сколько драм и трагедий за этим, сколько разрушенных семей и несчастных людей. Не знаю, почему вам нравился социализм, но я любила те времена именно за независимость от всякой валюты. За то, что деньги не играли тогда такой всеобъемлющей, подавляющей, страшной, а то и смертельной роли, как теперь. Тогда можно было нормально жить — честно, весело, заниматься любимой работой, которая не сулила миллионов, но обеспечивала вполне достойный уровень жизни, и совсем не думать о деньгах. Я согласна принять вас в число своих хороших друзей, дорогой Фрэд, но бескорыстно. Так что спрячьте свой чек, милый человек, и огромное вам спасибо за желание помочь.

ФРЭД (*прячет книжку*). Я почему-то совсем неудачный мужчина в этом доме.

МИЛА. Какая ерунда, Фрэд. Вы прекрасный мужчина в этом доме. Вы принесли сюда огромную радость. В этом доме на вас готовы молиться.

ФРЭД. Не знаю, не знаю... Пока мне здес все отказывают. Я целый год мечтать о Лере. Она мне отказала.

МИЛА. Её можно понять, Фрэд. У девочки вся жизнь впереди, а мы с вами, надо честно признать, уже давно катимся под горку.

ФРЭД. Потом Вера. Она толко вчера просила увозить её в Австралию. Я очень увлёкся, уже договорился в посольстве... Сегодня Вера совсем отказалась. Она опять любит Бориса. Сегодня утром она была у него.

МИЛА. Да? Мне этот бизнесмен не очень нравится, но это её жизнь, Фрэд.

ФРЭД. А сейчас Мила не хочет взять у меня денег в подарок. У вас есть пистолет? Дайте мне пистолет! Я не могу так болше жить. Сразу буду стрелать сюда.

Имитирует выстрел в голову: «Паф!» и валится в кресло.

МИЛА. Не надо так шутить, Фрэд. Вы светлый человек. Мы будем всегда помнить счастье, которое вы принесли в наш дом. Особенно я, Фрэд.

ФРЭД (*оживает*). Вы уверены, что справитесь со своими проблемами?

МИЛА. Я надеюсь, Фрэд.

ФРЭД. Выполните хотя бы один мой, одно моё желание, жестокая женщина.

МИЛА. Если смогу, Фрэд.

ФРЭД. Спойте мне на прощанье, Мила. Песню вашего барда о Москве. Как он смотрел через призму поэтики, да? Или что сами хотите.

МИЛА. Хорошо, Фрэд. Чтобы вы не говорили, что в этом доме вам все только отказывают... (*Берёт гитару, подстраивает струны и поёт*

песню Юрия Колесникова: «Я смотрю на Москву через призму поэзии, через призму музыки, призму любви. Просто так — на Москву смотреть бесполезно. Просто так — ничего не увидите вы...»)

Здесь следует оговориться. Если исполнительница роли Милы совсем не поёт, то она, сославшись, на то, что «сегодня не в голосе», может предложить Фрэду послушать запись. А если не удастся найти эту песню, то Мила может спеть что-то иное, например, старинный русский романс.

ФРЭД (после паузы). Спасибо, Мила. В этом доме живут только талантливые люди. В вас, конечно, отразилась душа папы, Виктора Жолобова. Теперь пойду смотреть на Москву через призму музыки и любви.

МИЛА. Тогда надо ехать на Ленинские, а по старо-новому Воробьёвы горы.

ФРЭД. Можете меня проводить?

МИЛА. Со временем напряжёнка, Фрэд... Но поедем! Не была там сто лет. Надо подзарядиться.

Уходят.

И вот наступил день рождения Милы. В холле появился переносной стол, около которого хлопочут все три женщины. Сбоку к книжному шкафу прислонена большая картина, покрытая простыней. Приготовления к праздничному обеду заканчиваются: приборы, напитки и закуски заняли свои места.

ЛЕРА. Давайте уже сядем, девочки? Я с утра на чашке кофе.

ВЕРА. Ты кого-нибудь ждёшь, мама?

МИЛА. Нет. С чего ты взяла? Я отменила все приглашения.

ВЕРА. Тогда садимся.

МИЛА. Давайте только подведём итоги. Я набрала примерно три тысячи восемьсот пятьдесят долларов.

ЛЕРА. У меня около тысячи. Итого где-то пять. Сколько у тебя, мама?

ВЕРА. Нисколько.

МИЛА. Совсем ничего?

ВЕРА. Совсем ничего.

МИЛА. Но тебя ведь не было целыми днями.

ЛЕРА. И ночами.

МИЛА. Я всё-таки надеялась, что ты тоже примешь участие...

ВЕРА. Нет, мама. Я работала все три дня в мастерской. (Смотрит на картину.) Покажу чуть позже, что получилось. А насчёт денег... Извини, мама, но я не верю в серьёзность угрозы. По-моему, это чистое вымогательство. Надо просто плюнуть на эту вороватую шайку. Жить спокойно. Пусть эта Настя подаёт в суд. Нормальным цивилизованным путём. Если суд удовлетворит её иск, определит сумму, тогда и займёмся сбором денег. Срок будет, разумеется, не три дня, а вполне реальный.

МИЛА (сухо). Это тебе Борис сказал?

ВЕРА. Да, Борис. Я рассказала ему ситуацию с квартирой, он мужчина

опытный. Сказал, что суетиться не надо.

МИЛА. Мужчина он, конечно, опытный...

ВЕРА. Что ты хочешь этим сказать?

МИЛА. Ничего.

ЛЕРА. Возможно, ты была бы права, мама, по цивилизованному сценарию. Но если нагрянут бандиты?

ВЕРА. Куда?

ЛЕРА. Сюда.

ВЕРА. Зачем?

ЛЕРА. За деньгами. Требовать долг. Без всякого суда.

ВЕРА. Глупости! Ты просто насмотрелась сериалов. Бандиты перестреляли друг друга ещё в конце двадцатого века. Кино всегда отстаёт от жизни.

ЛЕРА. Если бы. Позавчера сюда звонила Настя. После этого звонка я поняла, что в суд она вовсе не собирается, а сериалы и сегодня чётко отражают нашу действительность.

МИЛА. Не дай Бог, конечно, но ты явно недооцениваешь угрозу, Вера.

ВЕРА. А ты уж точно переоцениваешь. Не надо было вообще лезть в эту недвижимость. Не в своё дело. С голоду ведь не умирали.

ЛЕРА. Сейчас поздно об этом. Сейчас срочно нужны деньги. И ты, мама, могла бы в этом поучаствовать.

ВЕРА. Не собираюсь потакать никаким отморозкам.

ЛЕРА. Хочешь, чтобы я попала в заложницы?

ВЕРА. Куда попала?.. Ты соображаешь, что несёшь?

ЛЕРА. Я-то соображаю.

ВЕРА. Как тебе вообще такая чушь пришла в голову?!

ЛЕРА. А ты сама прикинь. Давай спокойно... Наша семья влетела в крупный долг. Влетела? Влетела. Отдать не можем? Не можем. Судиться-рядиться у Валеры, Насти и их подельников нет ни времени, ни желания. Долг надо просто выбить. Самый быстрый, эффективный и проверенный способ давно известен — kidnapping! — похищение ребёнка.

ВЕРА. Дикая фантазия!

ЛЕРА. В нашей семье я единственный ребёнок.

ВЕРА. Пятилетний!

ЛЕРА. К несчастью, постарше. Гожусь и для других целей.

ВЕРА. Прекрати этот балаган.

МИЛА. Стоп-стоп-стоп! Не ссорьтесь, девочки. Сегодня всё-таки мой день рождения... Не забыли? Давайте не будем его окончательно портить. Мы, слава Богу, вместе, и у нас чудесный стол. Правда, ни одного мужчины. Кто будет открывать шампанское? Как ты думаешь, где сейчас Фрэд, Лерочка?

ЛЕРА. В аэропорту. Взлетает через пятнадцать минут. С шампанским-то мы и сами справимся.

Берёт бутылку. Звонит телефон.

Послушай, ба, кто-то тебя ещё хочет поздравить.

МИЛА (*берёт трубку*). Алло?.. Слушаю вас внимательно... (*Голос*

резко меняется.) Да, Валерий, узнаю... Деньги?.. Не совсем... Пока удалось набрать около пяти тысяч... Нет, не смеюсь, мне не до смеха... Когда остальные? Дайте ещё несколько дней, мы обязательно отдадим... Через час?.. Но послушайте... *(Кладёт трубку.)* Через час Валерий с друзьями приедут за деньгами. Ты по-прежнему спокойна, Вера?

ВЕРА. Посмотрим, что за публика.

ЛЕРА. Ты с ума сошла, мама. Я вызываю полицию.

МИЛА. Бежать от этого стола как-то не хочется. Да и куда убежишь в нашей замечательной стране?

ВЕРА. Подождите. *(Набирает номер по телефону.)* Алло, Боря?.. Здравствуй, дорогой. Конечно, соскучилась, но сейчас, к сожалению, не об этом. У меня продолжение квартирной темы, Боренька. Через час к нам на квартиру приедут бандиты... За деньгами... Требуют сразу все пятьдесят тысяч. А у нас и пяти нет. Дочь хочет звонить в полицию. Не надо?.. А что надо?.. Нет, лично мне ничего не угрожает, но речь о близких мне людях. Самых близких... Можешь прислать охрану?.. Подожди. Ну, допустим, сегодня нас защитят, а завтра? Послезавтра? Мы же не сможем нормально жить. Наверное, лучше всё же отдать деньги. Ты не смог бы... Понятно... Ладно, извини, будем думать сами. *(Кладёт трубку.)* Он принципиально не платит никаким вымогателям. Ну что ж... Открывай шампанское, Лера. Выпьём за именинницу. Потом наберём ноль два.

ЛЕРА. Что скажешь, Мила?

МИЛА. Открывай, Лерочка. Давайте хоть чокнемся по-человечески.

Лера берёт бутылку. Звонок в дверь.

Неужели они уже здесь?

ЛЕРА. Не будем открывать. Звони в полицию, ба.

ВЕРА. Подождите, я посмотрю в глазок.

Выходит, возвращается с Фрэдом. У него в руках опять шикарный букет.

Большой пакет с целой батареей шампанского. И плоский пакет под мышкой.

Вот и мужчина пожаловал.

ЛЕРА. Фрэд! Как хорошо, что ты пришёл. Ты не улетел?

ФРЭД. За кого ты меня держать? Как я мог улететь в такой день? Самолёт есть и завтра, и через неделю... Дорогая и прекрасная Лудмила Викторовна! Поздравляю с днём рождения! Мне понравилась идея с рекой «Советское шампанское». И я окончательно решил не улетать сегодня, глядя с вами на Москву с Ленинских гор.

Галантно вручает цветы, целует руку Милы.

МИЛА. Спасибо, Фрэд. Очень мило с вашей стороны.

ЛЕРА. Умница, Фрэд! *(Выставляет шампанское на стол.)*

ФРЭД. Людмила — дочка Виктора Жолобова. *(Жест на портрет.)* Этот мужчина — великий певец и самый красивый человек, который я встретил в своей долгой жизни. Строго. Сто пудов!

БЕРА. Знаете, дорогой господин Смит. Вы пришли очень вовремя. Мы были в большой тревоге...

ФРЭД. Тревога? Что-то боялись?

МИЛА. Да, Фрэд... Боялись, что вы не придёте.

ЛЕРА. И мне пришлось бы открывать шампанское. Наверняка, вылетело бы полбутылки. Это твоя работа, Фрэдди.

ФРЭД. С удовольствием.

Умело открывает шампанское, разливает по бокалам.

Предлагаю тост. Можно, как самый старейший?

МИЛА. Самый старший, Фрэд.

ЛЕРА. Зажигай, Фрэдди!

БЕРА. Мы вас слушаем, дорогой мистер Смит.

ФРЭД. Я встретил Виктора Жолобова в одна тысяча девятьсот сорок пятый год. Сорок пятый год двадцатого века. Очень важный год для Европы. Для весь мир! В этот год Советский Союз победил германский фашизм. Страшного и сильного врага. Это была великая Победа! Я знаю. Я видел её своими глазами. Америка и Англия были союзниками России. Они помогали русским солдатам, но победили ваши парни. Москва, Ленинград, Сталинград, Урал, Сибирь — вся ваша огромная, великая страна. Тогда Советский Союз, теперь Россия. Для русских солдат и разных людей Европы пел в год Победы над фашизмом Виктор Жолобов, папа Людмилы. Я слышал его. Теперь я счастливый, что сегодня, в двадцать первом веке, могу сказать это и поздравить его дочь. За вас Лу... Люда-Миля! За вашего папу Виктора! За победу в мае сорок пятого. Ура!

Женщины дружно кричат «Ура!» и осушают бокалы до дна.

ЛЕРА. Какой ты умный и красивый джентльмен, Фрэд. Мне опять хочется тебя поцеловать.

ФРЭД. Совсем не возражаю.

Дружеский поцелуй в щёку.

МИЛА. А можно мне?

ФРЭД. Конечно. Сегодня ваш день, Людмила.

Неожиданно для всех и, похоже, самой себя Миля целует Фрэда по-настоящему.

БЕРА *(прерывая паузу)*. Дорогая именинница! Почтенный господин Смит! Прощу минуту внимания. Позвольте мне вручить Людмиле Викторовне Жолобовой, моей горячо любимой маме, свой подарок. Я работала над ним все последние дни и ночи. Кажется, успела. Эта картина как раз перекликается с тем, что говорил сейчас Фрэд.

Она снимает накидку с холста. На картине изображён салют Победы в мае 1945 года. А на переднем плане стоят двое — молодой капитан Виктор Жолобов и пятилетний Фрэд в форме малолетнего узника концлагеря. Все долго смотрят.

ФРЭД. Это ведь я и Виктор Жолобов, да, Вера? Это Виктор Жолобов, а это я. Это ведь правда я, Вера?

ВЕРА. Правда, Фрэд. Вы узнаете себя?

ФРЭД. У меня есть дома фотографии. Мальчишкой я был точно такой. Но ты ведь не видела. Не могла знать. Не понимаю. Как у тебя так получилось, Вера?

ВЕРА. Не знаю. Вы так хорошо рассказали о вашей встрече, Фрэд. И мне приснилась эта картина.

ФРЭД. Ты гениальная художница, Вера Майская.

ЛЕРА. Mamочка! Это потрясающе! Прости, я не знала, где ты пропадаешь, и говорила ерунду.

МИЛА. Спасибо, моя талантливая девочка, мне очень нравится. *(Целует Веру.)* Ты даришь мне эту картину, и я могу ей распоряжаться?

ВЕРА. Конечно, мама.

МИЛА. Интересно, сколько она может стоить?

ВЕРА. Ты хочешь её продать?

ЛЕРА. Ты что, ба? Картина должна висеть здесь.

МИЛА. Да здесь. Конечно, я не хочу её продавать, девочки, но, возможно, в этом наше спасение. Последний шанс. Как вы думаете, господин Смит, за сколько эту картину можно продать? Пять тысяч долларов, десять? Вы, наверное, понимаете в этом?

ФРЭД. Понимаю. Разрешите, я предложу свою цену.

МИЛА. Вы хотите её купить?

ФРЭД. Да, Мила. Очень хочу. Я даю за неё пятьдесят тысяч долларов. Сразу. Сейчас. Вы согласны?

Пауза.

МИЛА. Да. Сегодня я согласна, господин Смит.

ФРЭД. Вот мой чек, я подписываю его на... На ваше имя, Мила?

МИЛА. Нет, Фрэд, напишите просто на предъявителя. Так можно?

ФРЭД. Конечно, можно. Как это у вас говорится: хозяин — барын! *(Отдаёт чек Миле).* Лубой, кто предъявит в банк, получит деньги.

ЛЕРА *(обнимает и целует Фрэда).* Не забывайте, девочки, что этот волшебник появился здесь с моей подачи!

ФРЭД. Теперь чудеса продолжаются. У вас есть старый проигрыватель, Мила? Поставьте эту пластинку. *(Достаёт из пакета старую пластинку, отдаёт Миле.)*

ЛЕРА. Я сейчас принесу, ба. *(Убегает.)*

ВЕРА. Вчера я была неправа, Фрэд. Вы всё-таки принц, настоящий принц. И я уже жалею, что отказалась от террасы.

МИЛА. Откуда это у вас, Фрэд?

ФРЭД. Я купил эту пластинку на базаре в Китае, очень давно. Продавец сказал, что это уникальный экземпляр. Вчера мне её привезли из Австралии.

Лера приносит старый электропроигрыватель. Ставит пластинку. Звучит сильный, красивый баритон Виктора Жолобова. Он поёт вальс «В лесу прифронтовом» или что-то равноценное. Все слушают, потом Фрэд галантно приглашает на танец Милу. Они красиво вальсируют, но вот Лера хлопает и отбирает партнёра, через какое-то время хлопает Вера. Неутомимый Фрэд танцует с большим энтузиазмом. Покружившись с Верой, он вновь танцует с Людмилой. Музыка заканчивается, но партнёры не спешат отпустить друга друга.

МИЛА. Это была единственная пластинка папы. Вы правда волшебник, Фрэд.

ФРЭД. Мы оба, Мила — ты и я, — обязаны наша жизнь Виктору Жолобову. Твоему папе. Он, думаю, рад наша встреча.

МИЛА. Я тоже так думаю, Фрэд.

ФРЭД. У меня есть важный вопрос тебе, прекрасная Людмила.

МИЛА. Слушаю вас внимательно, дорогой Фрэд.

ФРЭД. Вы болше не хотите заниматься продажей квартир?

МИЛА. Не знаю, пока возьму паузу, а там видно будет.

ВЕРА. Никаких пауз: хорошего понемножку.

ЛЕРА. Не беспокойся, Фрэд, она с этим делом теперь точно завяжет. Мы тут проследим. Хватит нам приключений.

ФРЭД. Не надо завязать.

ЛЕРА. Не понял.

ВЕРА. Вы о чём, Фрэд?

ФРЭД. О квартирный бизнес.

МИЛА. Вы хотите, чтобы я продолжала?

ФРЭД. Да. Очень хочу. Но не здесь. Не в Москве. У меня сейчас новая идея. Я решил поменять свою квартиру в Австралии. Она не очень удобная. Не могли бы вы помочь мне, Людмила Викторовна?

МИЛА. Что я для этого должна сделать?

ФРЭД. Полететь со мной в Австралию.

МИЛА. Когда у вас возникла эта сумасшедшая идея, Фрэд?

ФРЭД. Сумашедная? Ты не хочешь, Мила? Тебе не нравится моя идея?

МИЛА. Я этого не говорила. Я только спросила: когда у тебя возник квартирный вопрос, Фрэд.

ФРЭД. Толко что, Мила. Когда мы танцевали. Ты согласна?

МИЛА (*после паузы*). Когда наш самолёт?

ФРЭД. Когда ты будешь готова.

МИЛА. Завтра. А картину мы возьмём с собой?

ФРЭД. Наверно, ей лутче висеть здесь. Что думаешь, Лера?

ЛЕРА. Картина твоя, Фрэд.

ФРЭД. Виктор жил в этом доме. Пусть висит здесь. А мы будем прилетать сюда в гости. Каждый год. Все согласна?

ЛЕРА. Все согласны, Фрэд. Мы с мамой тоже прилетим посмотреть на кенгуру.

Мила обнимает Фрэда. Лера и Вера аплодируют и обнимают пару.

КОНЕЦ

ПЕРЕВОДЫ

СТАНИСЛАВ ЛИ

(г. Алматы, Республика Казахстан)

Станислав Ли — поэт, переводчик. Его стихи печатались в журналах России, Кореи, США, включены в антологию «Современное русское зарубежье» (М., 2002). Переводит древнюю, средневековую и современную корейскую поэзию. В его переводе вышла книга современного корейского поэта Ко Ына «И чёрный журавль спускался с небес» (М., 2010. «Художественная Литература»). Участник Всемирного фестиваля поэзии в Сеуле (2005), его стихи включены в книгу «Мир это» в числе поэтов из 30 стран мира участников фестиваля. Автор нескольких поэтических сборников. Переводился на корейский и английский языки. Победитель 8-го Московского Международного фестиваля «Золотое перо», лауреат премий «Ариран».

Ду Фу (бессмертен)

* * *

пить вино
заставляю себя.
поминальной едой
не согреться никак.
истрепалась одежда моя —
я отшельник давно...
тишина и покой
окружают меня.
в день «холодной пищи»
тихо в лодке плыву по реке.

740 г.

Чве Чивон (857—?)

* * *

я к печали осеннего ветра
песню полную грусти добавлю.
в мире людей
не нашёл я того, кто бы понял меня.
за окном сиротливые
звуки ночного дождя.
и только дорога в родные края,
всплывает над местом, где плачет свеча...

© Станислав Ли

Джан Ди Гон
(10 в.)

* * *

В беседке Хансон нежный свет луны,
На озере Гёнпо спокойная луна.
Жалобно плачет, кружась,
Знакомая чайка одна...

Ли Си Дим
(12 в.)

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Жара отступила, ранняя осень...
Луна туманна и грустна.
Сосновый лес, как зелёная сопка,
И стеблем травы убегает ручей далеко...
Дальний холм белый дым заволок,
Веет ветер над домом высоким.
Ах, как месяц хорош, что повис надо мной.
В моей комнате свет: ослепительный, лунный...

Тен Сэ
(12 в.)

К КАРТИНЕ «БАМБУК»

Вдохновенно взявшись за кисть,
Я вывел ствол бамбука.
Повесил на стену, смотрю,
В облике его негрубом,
Такая глубина...

Ли Дже Хен
(1288–1367)

* * *

Ветер холодный кружится возле скалы.
Речная вода прозрачна и глубока.
Опираясь на посох, смотрю, как над стенами храма
Одиноко стоящий дом висит, словно в облаке.

Джо Ин Пег
(14 в.)

ПЕСНЯ

Известность — ничего не стоящая мелочь.
Богатство, говорят, тоже грязь.
Мир, как осенний сон, бессмысленный.
Только в море плывущий свет луны хорош...

Сэ Гэ Джэн
(1420 – 1488)

ХРИЗАНТЕМА НЕ ВОВРЕМЯ РАСЦВЕЛА

Оттого что в этом году
Опоздала к сроку хризантема,
В наш сад так поздно
Пришёл осенний аромат.
Осенний ветер, ну почему так недогадлив ты?
Ты хризантемам должен был помочь цвести!
О том, что голова моя седа
И словно инеем посеребрена, я знаю без тебя...

Сэн Су Хим
(1493 – 1564)

В СЕРЕДИНЕ ГОРЫ

Утреннее солнце сочится,
То прояснясь, то хмурясь.
На краю неба облако одно
Постепенно расплывается.
Неожиданно несколько туч
Ливень принесли.
Вся вершина горы
Под звуками воды.

Ким Чэн Рён
(15 в.)

ПО ПУТИ В ЁНДЭ

Исхудавший конь устал,
А дорога ещё далека.
Через травы в доме каком-то
Лает собака.
Луна молодая уходит,
На пустыре темно.
Белые цветы гречихи
Путь к деревне подсказывают.

Ли Сунсин
(1545–1598)

НА ОСТРОВЕ ХАНСАН

Над морем всё сильнее
Осенний свет.
С холодным ветром
Подлетают гуси.
В тревоге за страну
Бессонно ночь прошла.
Смотрю я, светлый луч луны
На лезвие меча ложится.

ОТПРАВЛЯЯСЬ В СЭНСУ

На севере плечом к плечу
Мы вместе воевали.
На юг вернулись —
Тоже жили рядом.
Под лунным светом
Сдвинем чаши.
Ведь нам разлука
Завтра предстоит...

Чхонгым
(1568 –?)

* * *

Ночь опустилась в горную деревню,
Издалека доносится собачий лай.
Открыл калитку и любуюсь поневоле:
Морозно в небе, и взошла луна.
Ах, этот пёс негодный, чего он хочет?
В горах пустынных лает на уснувшую луну.

ПЯТЬСОТ ЛЕТ РЕФОРМАЦИИ В ГЕРМАНИИ (1517—2017)

БАСНИ МАРТИНА ЛЮТЕРА

1. СОБАКА И ОВЦА

Собака подала в суд на овцу за хлеб, который она будто бы дала ей взаймы. Но поскольку овечка всячески отрицала сие утверждение, решили обратиться к свидетелям. Они не замедлили явиться. Первым дал показания волк. Он сказал: «Я знаю, что собака одолжила овце хлеб». Коршун подтвердил: «Я присутствовал при этой сделке. — И он обратился к овечке: Как смеешь ты столь бесстыдно отпираться?»

Итак, овечка проиграла дело, и должна была в неподходящее для неё время и во вред себе расплатиться собственной шерстью за хлеб, который не знал и не ведал своей вины.

Мораль: Остерегайся злых соседей или наберись терпения, если хочешь выиграть дело у таких людей. Ибо никто не позволит другому бескорыстно пользоваться своим добром. Так обычно бывает в жизни.

2. СВЯТОТАТСТВО СИЛЬНОГО

Собрались как-то корова, коза и овца в логове льва, и все вместе они отправились на охоту в ближний лесок. Когда они поймали оленя и разделили тушу на четыре части, лев сказал: «Знайте, что одна часть — моя как вашего соучастника в охоте. Вторая принадлежит мне по праву сильного, ибо я властелин зверей в нашем царстве. И третью часть желаю иметь, так как я сильнее вас, больше бегал и работал, чем вы все, вместе взятые. А кто хочет заполучить последнюю долю, тот должен отнять её у меня силой».

Итак, трое участников охоты остались ни с чем, в награду они получили одно лишь горькое разочарование.

Мораль: Не стремись наверх, обращай в кругу равных тебе людей. С господами лучше дела не иметь... Общение со львом означает лишь одно: причинить вред себе.

3. ТА ЖЕ САМАЯ БАСНЯ НА ИНОЙ МАНЕР: ЛЕВ, ЛИСА И ОСЁЛ

Однажды лев, лиса и осёл решили вместе поохотиться; они поймали оленя, и лев велел ослу делить добычу. Осёл распределил мясо дичи на три части. Лев разгневался и немедля содрал с осла шкуру через его голову, так что несчастный ослик стоял, истекая кровью, а лев приказал лисе заняться разделом зверя. Лиса расчленила тушу на три части и все три подала льву. Тогда лев спросил: «Лиса, скажи, кто научил тебя этакому искусству дележа?» Лиса показала лапой на осла и молвила: «Вот этот доктор в красной шапочке».

Мораль: Басня учит — во-первых, господа желают всегда иметь выгоду только для себя, а во-вторых, с господами лучше дела не иметь.

4. ВОЛК И ЯГНЁНОК

Случилось как-то, что волк и ягнёнок в один и тот же день и в один и тот же час пришли к ручью испить водицы. Волк стоял у истоков ручья, а ягнёнок — далеко внизу. Заметив ягнёнка, волк подбежал к нему и ошетинился: «За чем мутишь мне воду, я не могу теперь пить такое!» Ягнёнок в ответ: «Как я могу мутить тебе воду? Ты же стоишь там, наверху, надо мной, и, скорее, это ты мутишь мне воду». Волк взорвался: «Как, ты смеешь мне ещё перечить»? Ягнёнок: «Я не перечу, просто говорю». Волк возмутился: «Да, твой отец шесть месяцев назад такое же против меня сотворил». Ягнёнок: «Я тогда ещё не родился, как я могу отвечать за своего отца». Волк не успокаивался: «А не ты ли сгрыз всё на моих лугах и пашнях, погибель одну учинил». Ягнёнок: «Как же так? У меня ещё и зубов нет». Теперь уже волк рассвирепел: «Так ты ещё и оправдываешься? Болтаешь больно много, так что жрать захотелось». Сказал и, схватив ягнёнка, задушил его и тут же проглотил.

Мораль: Мир таков — кто хочет быть благочестивым и кротким, как ягнёнок, тот должен страдать, если желает спорить. Насилие ведь предшествует праву... Если всё идёт по воле волка, ягнёнок всегда останется неправым.

5. ОСЁЛ И ЛЕВ

Однажды осёл решил проявить хитрость и представиться равным царю зверей. Повстречав льва, он запросто обратился к нему: «Приветствую тебя, брат!» Подобная фамильярность оскорбила льва, и он подумал про себя: «Как мне отомстить этакому шутнику? Ведь посмеюсь я над ним или разорву в клочья, какая мне от того честь. Пусть глупец идёт своей дорогой».

Мораль: Кого замарали грязью, тот всё равно останется обмаранным, выиграет он или проиграет.

6. ЖУРАВЛЬ И ВОЛК

Однажды волк с такой жадностью пожирал овцу, что одна нога её застряла у него в глотке. И больно, и страшно стало волку. И потому он пообещал большое вознаграждение тому, кто поможет ему в беде. Тут кстати объявился журавль, всунул свой длинный клюв в пасть волка и вытащил ногу. Но, когда он потребовал обещанное вознаграждение, волк воскликнул: «Ты ещё хочешь награды? Благодарю бога, что я тебе шею не сломал, благодарю меня, что вообще живым остался».

Мораль: Кто хочет помочь людям в миру, тот должен помнить, что его ожидает неблагодарность. За добро, как говорят, не жди добра. Спасая кого-то от виселицы, сам можешь в неё попасть.

7. ДОКТОР МОРГЕНХОФЕР

Однажды живоде́р повстречал известного доктора юридических наук Н. Моргенхофера. Он приветствовал его словами: «Да благословит бог ремесло, любезный друг». Доктор вопрошает: «Как тебя понимать? Моё ремесло иль твоё?» Живоде́р отвечает: «Вы — юрист, а я — живоде́р. Так я обдираю мёртвых собак, а вы обдираете живых людей».

Мораль: Грубых и неразумных людей следует презирать и не отвечать им.

8. ВСАДНИК И ТЕНЬ

Однажды один господин дал другому господину напрокат своего осла, чтоб покататься на нём. Сам хозяин осла шёл рядом. Однако наезднику вскоре стало жарко. И он решил идти рядом с ослом и наслаждаться его тенью. Но хозяин осла не хотел страдать, он ведь дал осла внаём для скачек, а не для того, чтобы пользоваться ослиной тенью. За тень полагается платить особо.

Мораль: Это отражение нашего мира, в котором никто ничего не даёт напрасно, даже тень.

9. ОСЁЛ В ЛОДКЕ

Доктор Мартин Лютер рассказал эту басню в своём родном городе Эйслебен в 1546 году.

Некий Мюллер имел осла в своём владении. Однажды тот сбежал со двора и направился к воде. Осёл влез в лодку, что стояла почти у самого берега, и решил оттуда испить водицы. Но хозяин лодки не укрепил её, и поплыла она с ослом в голубые дали. Приходит Мюллер за своим ослом, приходит Фишер за своей лодкой, но нет — ни осла, ни лодки. Оба, значит, понесли убытки. Мюллер обвиняет Фишера за то, что он не привязал свою лодку, а Фишер извиняется и говорит, что Мюллер должен был держать своего осла во дворе и присматривать за ним, а посему он желает получить деньги за потерю лодки.

Отсюда следует вопрос: кто прав? Кто должен предъявить иск о возмещении утраченной собственности? Осёл увёл лодку или лодка утащила ослика? В судопроизводстве это называется — случайные обстоятельства.

Некто полагает: Оба ошибаются. Фишер в том, что не привязал лодку, а Мюллер в том, что не присматривал за ослом. Вина, явно, обоюдная. Несчастный случай, когда каждый повинен в халатном отношении к делу.

Доктор Мартин Лютер говорит по этому поводу так: «Подобные случаи и примеры превращают «высочайшее право» юристов в посмешище. Не высочайшее право здесь следует применять, а принцип справедливости. И теологи должны читать проповеди так, чтобы не только привлекать к себе или только отталкивать; нужно, чтобы прихожане оказались не слишком добрыми и не слишком злыми.

Все дела нужно регулировать по соразмерности и по справедливости».

Старый лев заболел и призвал к себе всех зверей, чтобы провести последнее заседание рейхстага и провозгласить своим наследником молодого льва. Звери послушно явились и согласились с предсмертным пожеланием льва. Но когда старый лев умер и похоронен был со всеми подобающими ему почестями, послышались иные голоса, голоса неверных и вероломных советников прежнего правителя; говорили именно те, кому царь в своё время много хорошего сделал и содействовал большим их почестям. Теперь они хотели жить свободно и править в царстве в своё удовольствие, отныне они не желали видеть львов на троне и говорили ещё: «Никто более не должен иметь над нами власть». Они свидетельствовали, какой будто бы ужасный режим установили львы, как они разрывали и пожирали невинных зверей, так что никто не мог быть уверенным в завтрашнем дне, и — как это обычно происходит — всё хорошее замалчивалось, а всё злобное говорилось во всеуслышание о сильных мира сего.

Такие речи вызвали большое смятение в рядах населения. Некоторые хотели оставить молодого льва у власти, но многие также хотели заполучить иного правителя. Наконец, единогласно решили, что выбор нужно сделать, как того большинство пожелает. Ложные неверные советники назначили лису в качестве глашатая — она должна, якобы, представлять мнение всех сословий в царстве; и они науськали её и напичкали всяческими инструкциями и хитросплетениями, что, мол, осла следует избирать. Вначале таковое, что осёл станет царём, показалось самой лисе довольно смешным, но, выслушав их разглагольствования о всеобщей и частной свободе, о вольном житье-бытье при осле, поняла выгоды. Это пришлось по вкусу, конечно, хитрой плутовке, и она отныне ревностно помогала тому, чтоб дело представить в выгодном свете и красиво преподнести его.

И она выступила перед всеми подданными, откашлялась и призвала к молчанию, и начала говорить о бедах в царстве и о тяжких делах; она крутила-вертела речь в нужном направлении: что во всём был виновен он, умерший государь, да и весь ничтожный львиный род, в котором ни крошки благородства не осталось. И толпа согласилась с лисьими доводами и отреклась. Большое сомнение, правда, закралось насчёт того, какого зверя следует выбрать. Снова лиса призвала собрание к молчанию, и просила выслушать её, и предложила на царствование ослиный род. Добрый час понадобился ей для восхваления осла: не гордец и не тиран, работает много, терпелив и смиренен, даёт всем зверям жить спокойно и — что самое главное — он не жесток, не жрёт других зверей, довольствуется малыми почестями и незначительными поборами. Когда лиса заметила, что эти доводы льстили черни и, пожалуй, нравились, тогда она предприняла последний, самый правильный ход и сказала: «Любезные господа, нам следует подумать ещё о том, что, возможно, осёл самим Господом создан и предназначен на царствование. Заметьте, он носит вечно крест». *(Во времена Лютера в народе сравнивали крест на спине одеяния священника во время мессы с крестом на спине осла, который образуется в результате направления роста волос — Л. Ф. П.).*

Когда лиса упомянула о кресте, все сословия царства согласились с её постулатами и с большим энтузиазмом вторили ей: «Теперь мы нашли настоящего господина, ему подвластны и мир земной, и мир божественный». И каждый принялся восхвалять что-то в осле. Один говорил, что у него длинные уши, которые отлично подходят для слушания исповеди; другой думал, что у него благозвучный голос, который, как нельзя лучше, годится для проповедей в церкви и, конечно, не в последнюю очередь подходит для папских почестей. Но прежде всех добродетелей — крест на его спине. Итак, осёл был избран на царствование.

Как несчастная сиротинушка, изгнанная из своего родового гнезда, покидал собрание бедняга молодой лев, удручённый оборотом событий и презренный всеми. Несколько старых верных благочестивых советников, у которых такое действие вызвало сострадание, сжалились над ним. Посовещавшись, они сошлись на том, что это тяжкий грех, даже кощунство, столь коварно отвергнуть юного наследника и тем самым незаслуженно осквернить волю его отца. Также не должно, по их мнению, всё вершиться в царстве, как того лиса и её компаньоны желают — они ведь думают лишь о своей выгоде, а не о чести государства. Преданные бывшему правителю звери взяли дело в свои руки и просили все сословия царства предпринять нечто необходимое в защиту. Тогда выступил самый старейший, а это была старая собака, мудрый советник старого льва, и он произнёс речь, в которой обстоятельно живописал словесами: что выбор осла был слишком опрометчивым поступком и поспешным решением и что льву нанесена большая несправедливость — не всё то золото, что блестит; и что крест на спине осла может оказаться видимостью, мишурой, ведь обман в миру давно известен; что лев может свою добродетель многими делами доказать, осёл же — неизвестно чем. И мудрец призвал внимательней присмотреться к избраннику. Походит ли он на царя? Может, только это выдумка, внушение, наше воображение? Крест? Ну, а если война разразится, чем поможет нам этот непонятный крест, если за ним ничего не кроется, одна пустота?

Такие серьёзные смелые речи собаки тронули многих. Лиса и неверные её соратники испугались. Но они не желали уступать и настаивали на своём тезисе — что принято в царстве, то должно сохраняться. Тем не менее происходящее не на шутку взволновало толпу — ведь осёл и вправду никогда ничего не доказал на деле, и крест его мог быть обманом, но — что правда, то правда — выбор сделан и менять его нельзя. Наконец, поскольку собака упрямо настаивала на своём и указывала на ложную действенность креста, согласились с предложением, что осёл должен бороться со львом за право управлять царством. Кто выиграет, тот и будет властелином. Ничего другого не придумаешь. Таковы законы в царстве зверином. Тут молодой лев снова воспылал надеждой, а все набожные подданные приободрились. Лиса же поджала хвостик и горевала вместе со своими приверженцами. Хотя вправду они и сами не верили, что новый правитель способен к рыцарской борьбе. Годится разве что для поклажи или чертополох пожирать. Но вот день борьбы был определён, и все звери заняли свои места. Лиса держится возле осла, собака — возле льва.

Осёл предложил льву выбрать способ их состязания. Лев сказал: «Ладно, сделаем так — кто прыгнет через ручей, не замочив лап, тот и победитель». Ручей был велик. Лев высчитал, прыгнул через него, даже не прыгнул, а подобно птице перелетел. Осёл и лиса думали: «Что ж! Царями мы не были и прежде, выиграем или проиграем — куда ни шло, нужно прыгать». И осёл прыгнул и бултыхнулся прямо посередке ручья, словно брошенный кем-то камень. А молодой лев бегал по берегу и кричал: «Я знал, я знал, что он не сможет, не получится у него». А теперь посмотрите, что делает хитрость и счастье: в ухо ослу под водой запуталась маленькая рыбёшка. Когда осёл выполз на карачках из ручья, и все звери смеялись над его неуклюжим прыжком, лиса увидела, как осёл из уха вытряхивает рыбку... Она тотчас схватила её и сказала: «Молчать и слушать! Где вы, что презрели крест, который будто ни на что не годится? Говорите, одна видимость? Мой господин царь-осёл говорит, что он не прочь был бы прыгнуть через ручей. Но какое это для него искусство, доказывать истинность своего креста, если лев и другие звери могут и без креста это свершить. Другое дело, что, собираясь прыгнуть, он увидел рыбёшку в воде, и вот здесь-то и свершилось чудо — не мордой и не лапой, а ухом он сумел её поймать! Если лев тоже способен на такое дело, то честь и хвала ему. Он — царь! Но я думаю, что он ни мордой, ни лапой своей когтистой не поймает рыбу, даже если попытается, разве что прыгая налету». Лиса снова внесла своей болтовнёй суматоху, а крест, похоже, мало содействовал успеху. Слова лисы повергли в уныние собаку. Она видела, что лиса, поваливая хвостом, снова дурачит толпу. Она начала лаять, мол, всё произошедшее — случайность и никакое не чудо... Звери решили, что лев и осёл должны найти подходящее место и там одни, без свидетелей, бороться за титул царский. Так и сделали.

В лесу, на поляне, где царили тишина и покой, лев сказал: «Нужно поймать самого ловкого проворного зверя». И он побежал ловить зайца. Ленивый осёл подумал: «Это царство слишком дорого мне обойдётся, усилий много, а толку никакого». Он решил отдохнуть. Разлёгся прямо на земле под палящим солнцем, облизывая языком губы, изнемогая от жары. Тут явился ворон и, полагая, что видит падаль, уселся на пасть осла и приготовился к трапезе. Но осёл неожиданно всхрипнул, и ворон попал ему прямо в рот. В этот момент подбегает к ослу лев со своей добычей, гордый и радостный, но, увидев ворона в пасти ослиной, сник. Понятно, что он проиграл, и страшновато ему стало, вспомнился крест ослиный. И всё-таки он превозмог страх — не хотелось ему терять царство, и обратился к ослу: «Любезный друг, попробуем ещё раз ради добрых отношений. К тому же, хорошие дела вершатся всегда три раза». Ослу ничего не оставалось делать, как согласиться, ведь оставаться наедине со львом было для него совсем не безопасно.

Лев сказал: «По ту сторону горы есть мельница. Кто скорее туда прибежит, тот выигрывает. Хочешь бежать внизу под горой или сверху?» Осёл сказал: «Беги ты по верху». Лев, понимая, что последнее состязание — вопрос жизни и смерти для него, побежал изо всех сил. Осёл же остался стоять на месте в раздумье: «Если я побегу, то меня поднимут на смех, да и ноги устанут, однако чую, нутром угадываю, что льву не получится меня обесчестить... Да помогут

мне высшие силы». Когда лев, преодолевая гору, подбежал к мельнице, увидел, что осёл уже стоит там. «Эй, — закричал он, — тебя что, сам чёрт перенёс сюда? Побежали обратно». И снова лев бежит что есть сил, но, приближаясь к исходному месту, видит — там уже стоит осёл. «Снова к мельнице», — закричал лев. Но и в третий раз произошло то же самое — осёл стоял возле мельницы. Пришлось льву признать своё поражение и согласиться с тем, что с крестом не стоит шутки шутить. Так осёл стал царём, и правил его род ослиный долго и строго, вплоть до сегодняшнего дня, в зверином царстве.

* * *

Мартин Лютер, 1483–1546, немецкий теолог, богослов, доктор Священного Писания, проповедник, глава немецкой Реформации, монах, отец семейства, учредитель христианских школ, переводчик, автор псалмов и религиозных песен, застольных бесед, писем, многочисленных сочинений, литературных статей и басен. Собрание его работ составляет в одних изданиях более ста томов, в других — около ста.

Мартин Лютер

Обращение Лютера к басне не случайно. С конца средневековья басня получает широкое распространение и признание гуманистов в учёных кругах и в школьном образовании, реформаторы также высоко ценили этот литературный жанр. Сам Лютер ставил басню, которая, по его мнению, объединяла в себе полезность, искусство и мудрость, на второе место после Библии и рассматривал её как обязательное чтение в школе и дома, как одно из средств распространения идей протестантизма.

Согласно документам, Лютер занялся переводом басен Эзопа в 1530 году. Ситуация оказалась таковой: будучи отлучённым от церкви, он не смел непосредственно участвовать в заседании рейхстага в Аугсбурге и вынужден был поэтому поселиться на шесть месяцев в крепости Кобург, дабы поддерживать постоянный

контакт с единомышленниками. В ожидании вестей из Аугсбурга, он занялся переводом басен Эзопа с латинского на немецкий, пользуясь латинским текстом гуманиста Генриха Штейнхёвеля, и написал около 120 Писем, в том числе знаменитое «Послание о переводе» («Sendbrief vom Dolmetschen») в ответ на критику перевода Нового Завета на немецкий язык, выполненного им в Вартбурге в 1522 году.

Изучение сочинений Лютера этого периода с точки зрения протестантизма заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь стоит обратить внимание на высказывания Лютера о переводе, о баснях Эзопа. Следует вспомнить также о предшествующих важных событиях: опубликование 95 тезисов на латинском и немецком языках с критикой церковной власти Рима (31 октября 1517 г.),

публичное сожжение папской буллы на площади в Виттенберге в 1520 году, речь на заседании рейхстага в Вормсе в 1521 году, когда от Лютера ждали отречения, но он лишь подтвердил правоту своего учения. Его выступление полностью сохранилось, но повсеместно осталась незабываемой для всех одна заключительная фраза, которая звучит как заклинание, как призыв, но не к борьбе, а к духовной стойкости, мужеству, вере в Бога и человека: «Поэтому я не могу и не хочу от чего-либо отказываться. Здесь стою я и не могу иначе. Да поможет мне бог! Аминь». В результате — разрыв с церковью, Лютер объявлен вне закона, предан анафеме. Он спасается от возможных преследований в Вартбурге и переводит там Новый Завет на немецкий язык (1522 г.).

«Послание о переводе» является собой ответ «врагам», которые злобствовали и утверждали, будто бы Лютер изменил, исказил смысл Завета. Лютер категорически отвергает всяческие упрёки католических евангелистов и заявляет с гордостью, что он исполнил перевод из самых лучших своих побуждений и по велению совести, не ради собственной чести, а в услужение христианам и в прославление того, кто ежечасно вершит добро; что он стремился дать читателю хороший, понятный перевод — словесно точный перевод противоречил бы духу немецкого языка; что если он и ошибался, то неосознанно. И далее его мысли о переводе этого конкретного религиозного текста сохраняют свою значимость для теории и практики перевода вообще. Основные положения: переводческая работа настолько трудоёмкая, что иногда проходят недели в поисках подходя-

щего слова; следует ориентироваться на современную речь, учитывать манеру разговора взрослых и детей дома, на улице, на базаре; для перевода требуется большой запас слов; нужно переводить в соответствии со смыслом; перевод — это искусство и работа; к хорошему переводу принадлежит искусство, прилежание, здравый рассудок и ум. И, наконец, знаменательная фраза, подобно той, сказанной в Вормсе: «Это мой Завет и мой перевод, и должен оставаться моим и быть таковым». / «Es ist mein Testament und meine Dolmetschung und soll mein bleiben und sein». И добавляет, что никому не запрещается сделать перевод лучше, но «я хочу перевести не так, как вы хотите, а как я хочу». Лютер подчёркивает своими рассуждениями самостоятельность переводчика: переводчик — практически автор или соавтор текста. То, что он перевёл, есть **его** детище, **его** создание.

То же самое можно сказать о переводе Лютером басен Эзопа: «Это мои басни и мой перевод, и должен оставаться моим и быть таковым». И заголовок книги гласит — «Басни Мартина Лютера», а не перевод басен; в подзаголовке лишь указано:

Библия Лютера

Открытие памятника «Дезертиру»

«некоторые басни из Эзопа, переведённые Д. М. Л.< ...>», то есть Доктором Мартином Лютером!

Ещё одно интересное обстоятельство — Лютер употребляет для перевода не современное слово *übersetzen*, а *verdeutschten*, в «Послании о переводе» — *verdolmetschen*. Очевидно, дело не в том, что термины эти были более употребительными во времена Лютера, а сейчас считаются устаревшими; они имеют ещё значение «онемечить», «растолковать, доходчиво объяснить», иначе формулируя, — более полно и понятно, используя все средства национального языка, представить смысл чужого текста. Так Лютер онемечивал Новый Завет, так онемечивал он басни Эзопа. По свидетельству немецких учёных, он обрабатывал басни, пересочинял, расширял данное содержание, формировал в нужном для него направлении. Это только его перевод, другой

сделал бы иначе. И получилось бы другое произведение. Басни следует понимать в контексте с теологией этики, с поисками правды.

Толкование Лютером Библейских текстов, которое он использовал в проповедях, можно рассматривать тоже как образец устного перевода уже имевшихся текстов. Категории «толкование» или «интерпретация» в широком смысле слова принадлежат к области переводческого искусства. Выше переведённые на русский язык басни взяты из маленького сборника: *Die Fabeln Martin Luthrs. Spröda: Akanthus, 2. Aufl. 2014*. Две последние басни являют собой сочинение самого Лютера, восемь басен — «перевод» с заключительной моралью самого доктора Лютера.

Кажется, необходимо указать ещё на один факт. В работах о Лютере, художественных и документальных книгах, говорится о том, что Лютер по

своему характеру не был вождём, революционером, организатором в духе Кальвина. Он не думал о лидерстве. Скромный ученик латинской школы, студент университета в Эрфурте, монах «брат Августин», преподаватель философии и Священного Писания в университете в Виттенберге и проповедник. Но на его лекции собиралась большая аудитория, его толкование Библии воспринималось как откровение, его проповеди нравились. Его теология, как будто не академическая, не носила характер системы, но совокупность его идей имела строгую последовательность и связность, его система взглядов была демократичной, она излагалась в понятной форме и на родном языке. Честность, правдивость, самостоятельность, независимость, решительность Лютера-человека и священнослужителя, очевидно, привлекали к нему людей. То, что он выстрадал, к чему пришёл в результате длительных раздумий, сказал он в своих сочинениях. Народ ему верил. Он говорил о Боге и человеке убедительно, на их языке. Необходимость реформирования

церкви появилась давно, но не было настоящего вдохновителя. Явился Лютер.

Что стало с идеями Реформации, протестантизма? После смерти Лютера церкви в Германии стали называться лютеранскими. В ушедшем XX веке произошло объединение лютеранских церквей и создание «Всемирного союза лютеран». Лютеране участвуют в мирных демонстрациях, в маршах протеста, активно работают в социальной и образовательной сферах. В 80-х годах XX века центральное руководство лютеранской церкви в Германии провозгласило

*Священник Клаус Шефер
с конфирмантами*

Венделин Антц (конец 80-х), приехал на суд, где его обвиняли за участие в акции протеста против размещения американских ракет в Германии

обязательный для всех лютеран пароль — Примирение с народами Советского Союза — и разработало принципы его осуществления. Группа прихожан при церкви Луки в Бонне под руководством священника Клауса Шефера, например, отправилась в Ленинград с зажжённой в их церкви свечой; во Владимирском соборе состоялось совместное моление и передача свечи в знак примирения и прощения. Несколько раз прихожане этой церкви организовывали на центральной площади в Бонне 22 июня собрания, посвящённые памяти нападения Германии на Советский Союз, а Клаус Шефер проводил там нечто вроде божественной службы. По заказу этой же общины турецкий мастер выполнил скульптуру «Дезертир», как ответ на конкретные споры в Германии о правомерности дезертирства в годы войны; кроме того, этот образ мыслился как символ человеческой стойкости, противостояния злу. Всё в духе Мартина Лютера.

О Мартине Лютере существует богатая литература, его личность нашла воплощение в произведениях таких

значительных писателей, как Рикарда Хух, Томас Манн, Стефан Цвейг, Фридрих Дюрренматт.

Какую роль играет сейчас лютеранская церковь в Германии? Если верить статистике, очень многие прихожане покидают церковные общины. Возможно, из-за увеличения налога. Но, не исключено, что по другим причинам. Необходимы новые реформы? Нужен новый Лютер? Время покажет. А пока в связи с юбилейным годом каждый день по немецкому радио читают один из 95 тезисов Лютера, проводятся экскурсии «По следам Лютера», в Берлине — выставка «Лютер и иудеи». На вопрос одного тележурналиста об её отношении к лютеранству молодая немецкая девушка повторила с гордостью знаменитые слова Лютера, сказанные им на рейхстаге в Вормсе 18 апреля 1521 г. в ответ на требование отречься от своих идей. Они прозвучали в её устах как клятва: «Ich kann und will nichts widerrufen. Hier stehe ich, ich kann nicht anders. Gott helfe mir! Amen». («Я здесь стою! Я не могу иначе. Да поможет мне Бог! Аминь»).

Автор перевода басен и статьи:

Лилия Ф. Попова — филолог-скандинавист, переводчик, литератор.

ЯРОСЛАВ ГОНЧАРОВ

(г. Симферополь)

Ярослав Гончаров — автор-исполнитель, член литературной студии им. Н. А. Кобзева. Лауреат поэтического конкурса «Серебряный Пегас», X Всекрымского творческого конкурса «Язык — душа народа» в номинации «Ораторское мастерство», VI, VII, VIII Республиканского литературного семинара молодых авторов Крыма в жанре поэзии, Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2015» в номинации «Авторская песня», конкурса «Поэтический марафон-2017» в номинации «Лучший автор-исполнитель» фестиваля молодёжной авторской песни «Молодость» (2017) в номинации «Авторская песня», конкурса «Высоцкий о войне и мире» (2017), литературного фестиваля «КрымБукФест-2015 и 2016», Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017» в номинации авторская песня.

<https://www.youtube.com/watch?v=t2RZlkh2hLw>

МОЙ СТАРЫЙ КАПИТАН

Мой старый капитан учил меня однажды
Побольше в жизни слушать и меньше говорить,
В словах и обещаньях не повторяться дважды,
А если что сказал, то слову верным быть.
И капитана слово в душе моей навеки,
По жизни сквозь года оно меня ведёт.
Дать слабину нельзя: коль слабость в человеке,
Его почти всегда бросает жизнь за борт.

Мой старый капитан учил меня когда-то
Ни грязь не разводите, ни сыпать глупо брань,
И чётко различать, что лживо, а что свято,
А между ними часто едва заметна грань.
Не ожидать годами судьбы благословенья,
А самому пахать, да с потом на лице,
И коль идёшь на взлёт — готовым быть к паденью,
А коль ты лишь вначале, то помнить о конце.
Мой старый капитан мне говорил сурово:
«Не допускай гордыни и зависть гони прочь:
Они на дно утянут — потонешь бестолково,
И самый яркий день они изменят в ночь.
Сомненья — не ходи, пошёл — не сомневайся,
И не гаси в каюте надежды яркий свет.
А к цели ты стремись, упал — так поднимайся:
Упасть ведь может каждый, а вот подняться — нет».
Мой старый капитан давал свои советы:
«Ты злобы не держи и людям всё прощай.
И злость прости, и подлость. Прости, мой друг всё это,
Прости, мой друг, но впредь не доверяй.
Бороться за мечту и цели добиваться,
А если волны бьют, сжать зубы, да терпеть.
И рук не опускать, а цели добиваться,
И что бы ни случилось — паниковать не смей».
Он научил меня, что хорошо, что гадко,
Оазиса не видеть в обычном мираже.
И если у меня сомненья и догадки,
Я вспомню капитана — и легче на душе.

СЕРГЕЙ ЛЕОНТЬЕВ
(Московская область)

Сергей Леонтьев — поэт, автор-исполнитель, член Союза писателей России, член Союза журналистов Москвы. Автор поэтических сборников «Первая скрипка» и «Две Луны», музыкальных альбомов «Листопад», «Корабли», «Я живу в Подмосковье». Обладатель Гран-при, лауреат фестивалей авторской песни и поэтических конкурсов в России и за рубежом. Лауреат литературной премии «Славянские традиции» (2016 г.) Обладатель второго места в открытом творческом конкурсе на создание гимна Подмосковья, автор официального гимна города Воскресенска. Песни на его стихи исполняют Витас, Рада Рай и другие артисты. Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017» в номинации «Авторская песня».

https://www.youtube.com/watch?time_continue=6&v=Abnie-b9M5g

КРЕСТ И ПОЛУМЕСЯЦ

-1-

Снег сегодня утром
Словно белый сахар,
Нагулялся ветер,
Кончилась метель.
Мне приснилось, будто
Больше нету страха
За мою планету,
За моих детей.
Мне приснилось небо,
А под небом город
С колокольной белой,
Уходящей ввысь,
И при мне из пушек
Высыпали порох,
И слова прощенья,
Как ручьи, лились.

ПРИПЕВ:

В облака укутан,
Золотился купол,
Разливали зори
Красное вино.
И сияли вместе
Крест и Полумесяц,
И держали небо,
На двоих одно!

-3-

Снег сегодня утром
Тёплый, как ребёнок,
В небесах безбрежных
Растворило боль.
Мне приснилось, будто
С колокольным звоном
Вновь пришла надежда,
Вера и любовь!
И вела сквозь город
Светлая дорога,
Возвращая мир и
Счастье в каждый дом.
И стояли люди,
И молились Богу,
И просили Бога
Каждый о своём...

-4-

Говоришь, во мгле небесной
Только звёзды да кометы,
Нет ни ангелов, ни бесов,
Ни Христа, ни Магомета?

Не спеши, начни сначала,
Сядь за ветхие страницы.
Просто жить на свете – мало,
Надо верить и молиться!

Чтоб душа осталась чистой,
Словно новая рубаха,
Чтоб ложился снег пушистый,
Белый-белый, словно сахар...

Чтобы жили дух и тело,
Зрели яблоки и сливы,
Чтоб земля не опустела,
И опять сюда пришли мы,

Где, сгорая на рассвете,
Над водой рябины гнутся,
Ведь на маленькой планете
Нам с тобой не разминуться...

ПРИПЕВ.

ВАЛЕНТИНА МАГЕР

(г. Щёлкино, Крым)

Валентина Магер — поющая поэтесса. Член ЛИТО «Свирель» (город Щёлкино) с 2010 года, член Союза писателей Республики Крым, Союза писателей-маринистов Республики Крым и города Севастополя. Солистка ДК «Арабат» г. Щёлкино. Автор четырёх музыкальных альбомов, поэтического сборника «Души серебряные струны», печаталась в коллективных сборниках. Победитель многих фестивалей и конкурсов, обладатель Гран-при фестиваля «Казантип поэтический-2017» и районного конкурса «Наследники Победы-2017». Награждена медалью «200 лет со дня учреждения Георгиевского креста» и орденом «70 лет Великой Победы». Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017» в номинации «Авторская песня».

ЛОДОЧКА

I

Гой, на пенистых волнах лодочка плывёт
И размашистым веслом с моря воду пьёт.
Не кручинься, не жалей, не гребь назад,
По волнам своей судьбы в море — наугад!

ПРИПЕВ:

Закружило, завертело, понесло,
И об острый риф разбила я весло,
Но назад не ворочусь, я не ропщу,
Свою гавань обязательно сыщу!

II

В этой гавани песок белый, как стена.
Тихий, райский уголок, где всегда весна.
Горя нет и нет здесь слёз — тишь и благодать,
И любви твоей ко мне больше не отнять!

ПРИПЕВ.

III

Пусть придётся по морю, гой, как тяжело плыть,
Но о гавани мечту и волной не смыть,
Не шторми ты, не гневись, грозная вода,
В утлой лодочке своей я не навсегда!

ПРИПЕВ.

Проигрыш: гой-я-я, гой-я-я, ... лодочка моя!

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ДАГЕСТАНА

Союз писателей Дагестана — старейшая в республике общественная организация с богатой историей и славными традициями. Неоценимую помощь оказали её становлению великие русские писатели. В составе «горьковских» бригад в 1933 году в Дагестане побывали Н. Тихонов, П. Павленко, В. Луговской, Р. Фатуев. Именно тогда первые переводы горской поэзии, первые статьи и сборники дагестанских авторов увидели читатели центральных российских изданий.

В июне 1934 года в Махачкале состоялся первый организационный съезд писателей республики, который был определён как объединительный, и стал вседагестанским. Творческая организация была названа «Союзом советских писателей Дагестана». У истоков Союза стояли основоположники современной дагестанской литературы — Багаутдин Астемиров, Эффенди Капиев, Гамзат Цадаса, Сулейман Стальский. Пятьдесят два года председателем Союза писателей был народный поэт Дагестана Расул Гамзатов. Это время по праву можно назвать золотым веком дагестанской литературы. Именно тогда родилась замечательная плеяда дагестанских писателей и поэтов, прославились имена Фазу Алиевой, Ахмедхана Абу-Бакара, Анвара Аджиева, Юсупа Хаппалаева, Алирзы Саидова и многих других. Благодаря им, литература республики широко известна во всей России и в мире.

В судьбах дагестанских поэтов и писателей были разные периоды: коллективизация и репрессии, послевоенная разруха и незабываемые 60-е годы — годы расцвета социализма и застоя, перестройки, гласности и демократии. Но они достойно и честно выражали своё отношение к перипетиям истории в своих произведениях. И никогда не забывали, что гражданское и человеческое призвание писателя — это сознательное служение идеалам добра и справедливости.

Сегодня Союз писателей Дагестана объединяет более 200 поэтов, прозаиков, драматургов, переводчиков и критиков. В Союзе работают девять национальных секций, руководителями которых являются известные писатели. На шести языках народов Дагестана выходят литературно-художественные журналы «Литературный Дагестан», на девяти языках — детский журнал «Соколёнок».

Дагестанская писательская организация республики сохраняет и приумножает традиции прошлого. Высокой оценки читателей и престижных международных и республиканских премий удостоены книги многих дагестанских писателей.

Долгие годы в Союзе писателей Дагестана выходил ежемесячник «Литературный Дагестан» — приложение к газете «Дагестанская правда», страницы которого стали трибуной для дагестанских писателей, был создан Литературный музей имени Расула Гамзатова, где регулярно проходят литературные вечера и мастер-классы с молодыми литераторами.

Писательская организация Дагестана уделяет огромное внимание подрастающей литературной смене. Нашу литературную молодёжь регулярно приглашают на престижные творческие форумы, фестивали и конкурсы.

Особое место в истории писательской организации занимают Гамзатовские дни «Белые журавли». Созданные по инициативе народного поэта Дагестана Расула Гамзатова в 1986 году, эти Дни стали настоящим литературным праздником, который отмечается сегодня под эгидой ЮНЕСКО. Сегодня этот литературный фестиваль способствует укреплению многовековых традиций дружбы народов и культур многонациональной России и отмечается не только в Дагестане, но и в других регионах России и ближнего зарубежья. Союз писателей Дагестана поддерживает тесные творческие связи с писательскими организациями из разных регионов нашей страны.

В дагестанской писательской организации всегда бережно относились к переводческой деятельности и сумели создать собственную школу, представители которой — Наталья Капиева, Александр Назаревич, Владимир Носов, Станислав Сущевский, Марина Ахмедова-Коюбакина — сделали очень много для литературы Дагестана.

Сегодня писательскую организацию республики возглавляет народный поэт Дагестана Магомед Ахмедов, который одновременно является художественным руководителем единственного в России Театра поэзии.

Дагестанские писатели и поэты достойно представляют республику, пропагандируют её героическую историю, лучшие традиции дагестанцев. Опираясь на богатый творческий и человеческий опыт великих предшественников, опыт поисков и преодолений, святое чувство ответственности за судьбы Родины, современная многонациональная литература страны гор динамично развивается, рождая новые талантливые имена.

МАГОМЕД АХМЕДОВ

(г. Махачкала,
Республика Дагестан, Россия)

Магомед Ахмедов — поэт, переводчик, критик и публицист, выпускник Литературного института им. А. М. Горького (поэтический семинар Ал. Михайлова). Пишет на аварском и русском языках. Председатель Правления Союза писателей Дагестана, член Союза писателей СССР с 1984 года, член Правления Союза писателей России.

Им переведены на аварский язык многие произведения А. Пушкина, А. Блока, В. Соколова, Н. Рубцова, Ю. Кузнецова, О. Чухонцева и многих других современных русских и дагестанских поэтов. Он создал литературные портреты выдающихся русских и дагестанских писателей от Пушкина до Батырая, которые вошли в его книгу «Размышления о классиках». В последние годы он перевел на аварский язык и подготовил к изданию стихи и поэму «Чёрный человек» Сергея Есенина и книгу Николая Рубцова «Зелёные цветы».

Народный поэт Дагестана. Лауреат Большой литературной премии России, главной премии Международного фонда Расула Гамзатова, Всероссийской премии «Золотой Дельвиг», Всероссийской премии им. Сергея Есенина «О, Русь, взмахни крылами», Всероссийской премии им. Лескова «Очарованный странник», Государственной премии Республики Дагестан.

Перевод стихов с аварского
ЕВГЕНИЯ СЕМИЧЕВА

* * *

К любви небесной я приник,
Её собой прикрыв.
В душе моей поёт родник.
Сверкающий мотив.

Мотив из детства моего
Возвышенной любви.
Небесной музыки волшебство
Звенит в моей крови.

Я вдоль и поперёк прошёл
Родной земли простор,
Но звонче лиры не нашёл,
Чем лира отчих гор.

Я перед нею в полный рост
Стою, давно не юн,
И достаю рукой до звёзд,
Её касаясь струн.

* * *

Проснись, очнись, бумага белая!
Нам засыпать с тобой нельзя.
Моя судьбина поседелая,
Моя метельная стезя.

Уйдут друзья, уйдут товарищи.
Смирится гордая родня.
В моём заснеженном пожарище
Не выдавай, судьба, меня!

Перед бедою не сдавалась
На белом свете ты одна.
Моей слезою умывалась,
И мне всегда была верна.

Ещё не всё мы в мире сделали
Для утверждения добра...
Очнись-проснись, бумага белая —
Моя небесная сестра!

* * *

Я молод был и зелен был.
С небесной высоты
Аллах на голову сорил
Мне белые цветы.

Я был беспечный человек —
У юности в плену.
Мне говорили: «Этот снег
Приносит седину».

Я глупым был и молодым
И не считал года.
Но юности растаял дым.
И голова седа.

В седых развалинах мой век
Беседует со мной:
«Очнись, наивный человек,
Снег за твоей спиной».

Хоть жизнь немалую прожил,
А что оставил ты?
...Аллах на голову сорил
Тебе с небес цветы.

* * *

Блеснул когда-то гений Пушкин
Не ради красного словца:
«Хвалу приемли равнодушно
И не оспаривай глупца...».

Мои хулители земные,
Не спится вам в хулах своих.
Я сторожу часы ночные,
Подкарауливая стих.

Курится мой очаг во мраке.
И песня согревает грудь.
А вы, брехливые собаки,
Нужны, чтоб мой означить путь.

* * *

Не обвиняю жизнь ни в чём.
Я был во всём виновен сам.
Весенним солнечным лучом
Прошёл по отчим небесам.

Я небеса не обманул.
Не грешной гордостью блистал.
К родной земле щекой прильнул
И песней для народа стал.

Я не пропил свой Божий дар,
И мне в завьюженной ночи
Небесный щедрый гонорар
Платили звёздные лучи.

Мои собратья по перу,
Когда шагну я в мир иной,
Я ничего не заберу —
Оставлю всё стране родной.

Я не жалею ни о чём.
Я был во всём виновен сам.
Весенним солнечным лучом
Я пролетел по небесам.

КНИГА

Памяти Юрия Кузнецова

Эта книга весома,
И весомы слова,
Как ладони Самсона,
Разорвавшего льва.

Её каждая фраза
Выше сумрачных гор,
Как корона Кавказа
Осеньет простор.

Эту книгу комета
Принесла на хвосте.
Это правда поэта
О земной высоте.

Он призрел нашу косность,
Вдул мне в сердце огонь.
И сверкающий космос
Положил на ладонь.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Поэт мне книгу подписал
И удалился в мир нездешний.
Гуляет он по небесам,
Как ангел, тихий и безгрешный.

А подо мной звенит трава.
А надо мной — его сиянье.
Со мной живут его слова,
Его заветные признанья.

Я их читаю по ночам
И слышу ангельские звуки.
К его словам, к его лучам
Блаженно воздымаю руки.

А надпись на форзац-листе —
Его руки невинный опус —
К его небесной высоте
Подаренный поэтом пропуск.

Я по-аварски говорю.
Он отвечает русской речью.
Но всем известно, что в раю
Понятно слово человечье.

Каким бы ни был твой язык,
Ему не надо перевода,
Ведь он — поэзии родник
И щедрая душа народа.

* * *

Что случилось со мной
И с моею страной?
В новогоднюю ночь
Дождь идёт проливной.

И весна — не весна.
И зима — не зима.
Неужель вся страна
Посходила с ума?..

Человек я ещё
Или не человек?
Дождик плетью сечёт
Обезумевший век.

* * *

Читаю осеннюю книгу,
Сбежав от мирской суеты,
Как будто ржаную ковригу
Её разрезаю листы.

Осеннюю повесть листаю
Из книги житейских судеб,
Неужто уже доедаю
Нелёгкий писательский хлеб?

Ржаную крутую краюху
На две половины делю...
Судьбу, вековуху-старуху,
С ладони дрожащей кормлю.

Вкушай, моя зрелая осень,
Мой хлеб за семейным столом,
Пока ещё солнышко оземь
Поклоны бьёт звонким челом.

Что может ещё на закате
Тебе предложить человек?..
Лежит на столе моём скатерть,
Как белый нетающий снег.

* * *

Кому нужна дорога эта?
Куда и как по ней идти?
На небесах не видно света.
Одни руины на пути.

Отчизну унижать не вправе
Никто, нигде и никогда.
Когда глупцы строною правят,
Народ — безмозглая орда.

Бредёшь ты, голову склонивший,
Стыдливо покорясь судьбе.
Очнись, униженный и нищий!
Рыдает небо по тебе.

* * *

Эта улочка сутула,
Но сюда, сюда, сюда
Звёзды нашего аула
Ходят в гости иногда.

Может быть, не так и часто,
Как хотелось в жизни мне,
Но ко мне приходит счастье
Погостить наедине.

И бывает до рассвета
Под окном моим сидит
Весь родной аул поэта,
И в глаза ему глядит.

Этот милый городишко
Моему аулу — брат.
Он наивно, как мальчишка,
Землякам аульским рад.

Здесь моя жена и дети,
И стихи мои живут.
И на всём на белом свете
Был я счастлив только тут!

* * *

Всё уходит, родная, уходит...
Остаются лишь слёзы в глазах.
И упрямая память возводит
Храм Любви на солёных слезах.

В чёрном небе нам звёзды не светят.
Только белые свечи берёз.
Ты одна, дорогая, на свете
Понимаешь язык моих слёз.

Всё уходит, родная, уходит...
Но останутся песни мои.
В гулком ливне сердечных мелодий
Ты отыщешь слова о любви.

* * *

«...Нетающий снег на вершине лежит...» —
 Так в песне народной поётся.
 Любое ущелье не глубже, чем жизнь.
 В нём вздох твой, как стон отзовется.

Но терпят мужчины нелёгкий свой век,
 Судьбе не желая отмщенья.
 Как терпит вершина нетающий снег,
 И терпит лавину ущелье.

* * *

Сладок сон в доме отеческом.
 Славно времечко течёт.
 Солнце золочёным венчиком
 Все печали разметёт.

Как орёл из дома выпорхну.
 (Или не аварцы мы?!)
 Так вздохну, что небо выдохну
 На окрестные холмы.

Размотаю вспять дороженьку
 От порога своего.
 Мной она с лихвой нахожена —
 Повидать успел всего.

Вспомню детство ясноокое.
 Сединой тряхну светло.
 Эх, гора моя высокая,
 Как отцовское седло!

В родовом гнезде проснувшийся,
 На аул взгляну родной.
 Как боец, с войны вернувшийся,
 Я пришёл к себе домой.

* * *

Роднее земли на родимой земле
 Мне были высокие горы.
 Когда озираю я в отцовском седле
 Орлиной отчизны просторы.

Так было в начале и будет всегда.
 Покуда алмазною глыбой,
 На небе моя родовая звезда
 Горит над вершиной Гуниба.

* * *

Не раз я в жизни с неба падал
 В глухую поросль дольных трав.
 Не раз мне жизнь казалась адом,
 Выказывая хищный нрав.

Цветы пылали, словно свечки.
 Уж больно были хороши!
 А я залечивал у речки
 Ушибы раненой души.

И начиналось всё сначала.
 А эта речка в тишине,
 Как колыбельная, звучала,
 Что в детстве мама пела мне.

* * *

Снегопад на мой город свалился.
 Все деревья в нарядах невест.
 Город мой засверкал, заискрился.
 Праздник детства, как сказка, воскрес.

Моё сердце молилось упорно,
 Городскую презрев суету.
 То, что было невзрачным и чёрным,
 Засияло, как снег налету.

* * *

Зажёг в стихах своих свечу.
 Молись душа моя!
 С тобой нам были по плечу
 Орлиные края.

Полвека за моей спиной —
 Немалый в жизни срок.
 Молись, душа моя, со мной!
 Свечу в стихах зажжёт.

Перешагнув земной порог,
 Всё обратится в прах.
 Но моё имя между строк
 Ещё прочтёт Аллах.

Судить и думать о плохом
 Не станет сгоряча.
 А скажет: «Дорогим стихом
 Намолена свеча...».

* * *

Сколько развелось богатых,
 Разных плутов всех мастей
 На просторах необъятных
 Бедной Родины моей.

В золотых осенних листьях
 Утону в своих стихах.
 От дурных друзей нечистых
 Упаси меня, Аллах!

* * *

И меня учили сказки
 Жить и думать по-аварски.
 И любить, и горевать,
 Как того хотела мать.

Золотым пером жар-птицы
 Осветил стихов страницы —
 Как лампадой золотой
 До последней запятой.

* * *

Ты любил и ненавидел,
 Не желая миру льстить.
 Если друг тебя обидел,
 Был готов врага простить.

Злость на друга неизменно
 К мрачной пропасти вела.
 Заползала в грудь измена,
 Как змея в гнездо орла.

Ты сносил обиды стойко.
 Бил в ответ наверняка.
 Как ребёнок, плакал горько,
 Над могилой кунака.

...Испокон на белом свете
 Божья истина проста.
 Беззащитны, словно дети,
 Мир, любовь и доброта.

Глупый тот, кто утверждает
 Справедливость на слезах.
 Только мудрых награждает
 Милосердием Аллах.

МАРИНА АХМЕДОВА

(г. Махачкала,
Республика Дагестан, Россия)

Марина Ахмедова (Колюбакина) — народный поэт Дагестана, переводчик, публицист, выпускница Литературного института им. А. М. Горького, член Союза писателей СССР, редактор газеты «Литературный Дагестан» и журнала для детей «Соколёнок», учредитель и редактор издательства «Дагестанский писатель», Заслуженный работник культуры России и Дагестана, лауреат премии Ленинского комсомола Дагестана, Государственной литературной премии Республики Дагестан им. Расула Гамзатова, победитель международного конкурса поэзии «Парнас — премия Анджело ла Веккья» в Италии в номинации «Парнас интернациональный», лауреат Всероссийской литературной премии за лучший художественный перевод «Словес связующая нить», лауреат Государственной премии Республики Дагестан в области литературы за 2017 год.

КАК ОЧАРОВАННАЯ СТРАННИЦА...

Воспоминание о Крыме

Мне было десять... Солнечным дождём
пролился Крым на бледные веснушки —
я выбросила детские игрушки
и не жалела впредь уже о том.

Со старшим братом мы, как дикари,
по узким тропам в горы забирались
и взрослыми самим себе казались,
отважно страхи затаив внутри.

В мою сухую кожу въелась соль,
ступни мои отшлифовала галька,
и плавая часов по восемь с гаком,
я пропиталась морем, как Ассоль.

Во дворике, что рыбою пропах,
до полночи взахлёб читала Грина,
а имя моё громкое — Марина —
так складно рифмовалось с ним в стихах.

Плескался алым парусом рассвет,
цепляясь за маяк восточным ветром,
и Грэй сходил по трапу незаметно,
пришвартовав трёхмачтовый «Секрет».

Мой Крым, ты был навеки мне привит,
спасая от губительной болезни —
провинциальной пошлости и лести, —
что многих заковала в свой гранит.

Уже давно я вышла из игры,
из тихих переулков Зурбагана,
но на губах обветренных, как рана,
как соль морская, ты пылаешь, Крым.

* * *

Юго-запад, юго-запад,
очищаясь от грехов,
я вдыхаю пряный запах
заливных твоих лугов.
Дальше горы, дальше море,
а пока лишь степь да степь...
Здесь, на этом косогоре,
так и хочется запеть.
И, пьянея от озона,
простираю я ладонь
к небу, чтоб из горизонта
вырвался небесный конь.

И уже я не москвичка...
Эта дикость, эта прыть,
эта скифская привычка —
на скаку любить и жить —
от меня неотделима,
как от тетивы стрела...
И несут меня по Крыму
золотые удила.
Всё кругами да кругами
в толщу древности земной...
Век двадцатый за курганом,
словно ястреб за спиной.

* * *

Ты родился, когда полыхала гроза,
когда липа цвела исступлённо,
и разверзлись над спящей землёй небеса,
опрокинувшись ливнем на кроны.

Ты явился, когда всё дышало дождём,
трепетало, цвело и сияло,
когда молнии лишь освещали дитё,
не завернутое в одеяло.

Летний ливень потопом земле угрожал,
и бежали ручьи, словно реки,
когда ты на руках моих мирно лежал,
как у Ноя в библейском ковчеге.

Что сулила тебе воробьиная ночь,
эти всполохи, эти зарницы,
я не ведала, страх прогоняя свой прочь,
как в окно залетевшую птицу.

Из сияния молний, из грома, из тьмы
вдруг на свет ты проклюнулся божий,
будто лучик небесный среди кутерьмы
этих ярких минут непогожих.

И с тех пор миновал то ли день, то ли век,
я совсем уже сбилась со счёта...
Но по волнам потопа плывёт наш ковчег,
словно флагман незримого флота.

* * *

Я грежу этим городом, когда
меня терзает будней пустота
и окружает острым частоколом
досужих разговоров обо мне,
как будто я не здесь, а на луне,
и вздох мой застревает в горле комом.

Я грежу этим городом, где вновь
в бесхитростную окунусь любовь
его прохладных улочек горбатых,
его причалов тихих на заре,
когда свечой сияет минарет
на солнце от восхода до заката.

Я грежу этим городом опять,
когда меня не хочешь ты понять
и предаёшь, и в розницу и оптом...
Из проволоки тех колючих слов,
что свило для меня чужое зло,
я вырываюсь в гул аэропортов.

Он спрячет, приголубит и поймёт
у царских врат, как у простых ворот,
и даст собою надышаться вволю...
Мне не нужны другие города,
я только в этом счастлива всегда
до умопомрачения и боли.

* * *

Ольге Прилуцкой

Раз сто проезжала Ростов —
да как-то всё мимо и мимо...
Но людям неведомо, что
пути их неисповедимы.

Наверное, мне повезло,
что звёзды совпали и случай,
когда меня взял под крыло
легко переулоч Гремучий.

Пылала листва в октябре
пожаром казацкой свободы,
и Дон розовел на заре,
неся свои тихие воды.

В сиянии полной луны
казалось, что выйдут на стрежень
вольготные Стеньки челны
и кто-то кого-то зарежет.

О берег плескалась волна
и жалобно жалась к причалу,
а может быть, это княжна
персидская тихо стонала?

Вода багровела в реке
и снова вдруг делалась синей,
а может быть, это в тоске
лицом к ней припала Аксинья?

Но храм на высоком холме
до неба достал куполами,
сияя, как днём, и во тьме
светло золотыми крестами.

За всех покаянно молясь,
кого обошла Божья милость,
чтоб буйная эта земля
с собою самой примирилась.

Но людям не верится, что
безверие лечится верой...
Раз сто проезжала Ростов —
и всё же сошла на сто первый.

ОРТАКЁЙ

Сгустилась ночь над Ортакёем,
Мечеть сияла, как звезда,
И серебристую змеёю
Струилась сонная вода.

Всё тихо уносила в море,
Что безвозвратно утекло...
Лишь вечное — *memento mori*¹ —
Блестело грозно, как стекло.

Расслабленною тетивою
Мост над Босфором провисал.
Вдыхая аромат покоя,
Во тьме молчал пустой причал.

И лишь, мерцая маячками,
Куда-то плыли корабли...
Маня блестящими зрачками,
Что ночь сулила им вдали?

Ответа нет... И он не нужен.
Непредсказуемо темна,
Тая в глубинах древний ужас,
Стонала чёрная волна.

Но вдруг азан² взметнулся чайкой
Над розовеющей водой
И мне, как будто дар случайный,
Из волн явился Ортакёй.

Зазолотились минареты
В едва пробившихся лучах,
И радостно вздохнуло лето
С жасмином белым на плечах.

¹ *memento mori* (лат.) — помни о смерти

² *азан* (араб.) — в исламе призыв к обязательной молитве

ГАЛАТА¹

Как караваны, облака
над царственным Стамбулом —
течёт лениво их река
над вещим его гулом.
И над Галатой солнца нимб
божественно сияет,
и чайки белые над ним,
как ангелы, летают.

И узких улиц ручейки
к мосту стекают дружно,
где люди, словно мотыльки,
порхают простодушно.
И генуэзские дома
с османскими вплотную
стоят, как пыльных книг тома,
читателей взыскаю.

Здесь каждый камень говорит
с историей недаром,
над этой башней тень парит
турецкого Икара².
Раскинув крылья, как шатёр,
он не повёл и бровью,
когда перелетел Босфор
почти в средневековье.

Не зря его свободный дух
и в старцах здесь и в детях —
бессмертен, как молитва вслух
во храмах и мечетях.
Незримо он ещё парит
над этими холмами,
диктуя бешеный свой ритм
и властвуя умами.

¹ Исторический район Стамбула, на котором возвышается знаменитая Галатская башня.

² Хезарфен Ахмет Челеби — легендарный османский инженер-изобретатель из Стамбула, перелетевший через Босфор на самодельных крыльях в 1632 году.

ГРАНД-БАЗАР
КАПАЛЫЧАРШИ³

Пройтись по Гранд-базару
с ребяческим азартом,
окинув жадным оком
ковров цветущий сад,
вдыхая запах пряный
корицы и тимьяна,
и аромат востока,
роскошный, как гранат.

В стаканчике стеклянном
с изящно-гибким станом
восточной танцовщицы
дымится терпкий чай...
И среди гор лукума
и рыночного шума
им можно насладиться
по ходу невзначай.

Но пейте осторожно,
не то взаправду можно
навек затеряться
на Капалычарши...
Среди цветастых шалей,
как в сказочном серале⁴,
пропасть среди декораций
пленительной глуши.

И в этом океане,
на глаз почти бескрайнем,
вдруг выловить случайно
османский талисман...
И, как от пирса лодка,
уверенно и ловко
в реальный мир отчалить,
чтоб не сойти с ума.

³ Капалычарши — крытый рынок, достопримечательность Стамбула

⁴ сераль — дворец султана на Востоке, а также гарем

* * *

В осенней дымке минареты
в закатном зареве горят,
в парчу багряную одетый
грустит задумчивый Царьград.

Над бухтой Золотого Рога
как призрак в воздухе парит
здесь византийская эпоха,
второй оплакивая Рим.

И отражая в глади синей
короны, троны и кресты,
глядит печально Византия
с недостижимой высоты.

Тех, кто ей возносил осанну,
неудержимый ветер сдул...
Теперь под пение азана
тут просыпается Стамбул.

И запах кофе и лукума,
как будто жертвенный елей,
с утра витает среди шума
разноязыких площадей.

Галдят назойливые чайки,
в ряд выстроившись на корме,
и кажется, что для печали
нет места в этой кутерьме.

Но в сумерках душа живая
осенней горечи полна,
и от неё не защищает
Феодосийская стена.

* * *

Я так люблю смотреть на корабли,
когда они отходят от причала
и вслед за ними белым шлейфом
чайки

в порыве неосознанной печали
летят и растворяются вдали.

Люблю, когда зелёная вода,
так чувственно волнуется под килем,
устав от изнурительного штиля
и словно греза о штормах и милях,
которые влекут её всегда.

Мне нравится, как убирают трап,
и медленно, как будто неохотно,
с вальяжностью какой-то
старомодной,
отчаливают в море пароходы,
свои носы железные задрав.

Люблю, когда трепещет за кормой
флажок, как будто раненная птица,
и алый шёлк сияет и струится,
задумчивые озаряя лица
заката фантастической зарёй.

И долго-долго вслед люблю смотреть,
пока кораблик твой не станет точкой
и море с небом не сольются прочно,
и ночью лишь уйти, как одиночка,
безумной своей преданный игре.

* * *

Неужели липа зацвела?..
Я ещё и дерева не вижу,
а невероятный дух всё ближе
в ноздри бьёт, как нож из-за угла.

Это запах детства моего,
дикий он и сладостный, и липкий,
дом наш утопал в старинных липах,
что в ветвях баюкали его.

На птенцов похожие цветки
распускались жёлтым опереньем,
безыскусным, как стихотворенье,
первое из-под моей руки.

И качал медовый этот дух
жизнь мою в зелёной колыбели,
но года, как с липы цвет, летели,
с лёту натыкаясь на беду.

Как незримо молодость прошла,
обожгла безудержным цветеньем...
Иногда очнёшься на мгновенье —
неужели липа зацвела?

Снова на сиреневом Босфоре
в сумерках летучие мосты
к Чёрному распахивают морю
арки несусветной красоты.

И ползут степенно сухогрузы
по его сиреневой воде,
так же и моя морская муза
льнёт к недостижимой мечте.

А заката кромка золотая
всё ещё на западе видна,

* * *

Как очарованная странница
бреду по жизни наугад,
и на дороге этой нравится
мне всё, куда ни брошу взгляд.

Не лгу, не злюсь и не юродствую,
живу свободно, как дышу,
но показного благородства я,
как низости, не выношу.

Не знаю, сколько мне отмерено
и что маячит там вдали...
Но и с удачей, и с потерей
смиряюсь я, как Бог велит.

К завету древнему привязана,
ищу неведомо чего...
И то, что сердцем недосказано
меж строк —
дороже мне всего.

Ни ветреница, ни изгнанница,
а всё кочую по земле,
как очарованная странница
с печатью тайной на челе.

* * *

под напором ночи умирая,
лишь прекрасней кажется она.

Ну, скажи, зачем же ты так поздно
предъявил мне эту красоту,
разделив всю жизнь на «до» и «после»,
а любовь — на «эту» и на «ту»?

От непредсказуемой лавстори
мне уже, наверно, не сбежать,
если на сиреневом Босфоре
заблудилась в сумерках душа.

ШЕЙИТ-ХАНУМ АЛИШЕВА

(Республика Дагестан, Россия)

Шейит-Ханум Алишева — поэт, переводчик и публицист. Пишет на кумыкском и русском языках. Выпускница Литературного института им. А. М. Горького (семинар Льва Ошанина). Член Союза писателей СССР с 1982 года. Член Союза журналистов России с 1992 года, секретарь Правления Союза писателей Республики Дагестан, руководитель секции кумыкских писателей, народный поэт Дагестана. Редактор кумыкского выпуска журнала «Женщина Дагестана», редактор кумыкского выпуска детского журнала «Соколёнок». С 1968 по 1973 годы работала переводчиком на киностудии «Мосфильм». Первые публикации стихов Ш.-Х. Алишевой появились в 1961 году, с тех пор у неё более десяти авторских изданных книг, её стихи вошли во многие зарубежные антологии (Голландия, Турция, Туркмения и другие страны мира). В творчестве Шейит-Ханум Алишевой большое место занимает художественный перевод и публицистика. Она перевела на кумыкский язык классиков мировой, русской и дагестанской литературы. По её творчеству были написаны и защищены диссертации литературоведами Турции и Дагестана.

*Перевод стихов с кумыкского
НИНЫ ОРЛОВОЙ-МАРКГРАФ*

КУВШИН

Он вылеплен из чёрной глины,
он красным жаром обожжён,
он полон смехом, эхом синим,
он зев и зов, он звон и стон.
Налью кувшин водой до края —
и он замолкнет без труда,
лишь глины свежий дух вдыхая,
резвится, светится, играет,
переливается вода.

© Шейит-Ханум Алишева

В КРУГУ ОГНЯ

Мне снился стол,
 большой, как берег,
 на нём — букет чернильных перьев
 и пузырьки цветастой туши.
 Мне снилось:
 пламя жжёт меня
 и гребни жёлтого огня,
 в дым превращаясь, душат, душат...
 Кусками мокрого картона
 я стала их сбивать со стоном,
 и тут догадкой простой
 меня как светом осенило:
 железный циркуль я схватила
 и обвела себя чертой!
 И тут же за чертой проснулась,
 и там, где маков цвёл пожар, —
 остался круг, как чёрный шар.
 Я поняла, что я сама
 огнём была. Что я горела,
 сгорали мысли, как дома,
 и дымом извивалось тело.
 Что я с тобою до зари,
 закрывшись, гневно говорила,
 кричала, плакала, молила...
 Сорвались с языка слова,
 от них остались только пятна,
 на след обугленный похожи.
 Кричит трава зелёной кожей:
 «Всё кончилось! Конец! Конец!»
 Я полотенцем лоб мочила,
 сама с собою говорила,
 пророчил рот, кричали губы,
 что не сойти мне больше с круга,
 гореть, в огне постылом жить —
 и говорить! И говорить!..

ДОМ В ОЖИДАНИИ

Ты слышишь, как ворота плачут,
 травой задушен, двор лежит,
 и ветер, как душа собачья,
 пустою цепью дребезжит,
 и лает над пустым корытцем,
 и просит у него напиться.
 Резной узорчатый карниз
 на бездну окон смотрит вниз,
 он грезит краской и вздыхает
 и в чудном сне всю ночь вдыхает
 олифы сладкий аромат.
 Ступени чёрные дрожат.
 Шагов прекрасное лицо
 забыло старое крыльцо.
 В полу, меж досок, узкий паз
 глядит, как удивлённый глаз,
 и глины спёкшаяся кровь
 на старом плитнусе крошится.
 Очаг печальный не дымится.
 Там головня во тьме томится,
 воздевши к небу две руки
 и вся седая от тоски.
 А сверху, на резном столбе,
 висит кумуз. Вот ветер дунет —
 и затрепещут слабо струны,
 и заискрятся в темноте.
 Душа покинула жильё —
 и дом мертвеет в ожиданье.
 Так пусть живёт о нём преданье —
 стихотворение моё.

ТЫ В МОИ ГЛАЗА ВЗГЛЯНИ...

Ты в мои глаза взгляни...
 В глубине зрачков, во мраке,
 как блестящие крючки,
 как полоски и кружки,
 вопросительные знаки,
 восклицательные знаки...
 Ранят взгляды наших глаз
 и расстреливают нас.
 В этой долгой перестрелке
 знаки крутятся, как белки,
 в тёмном глазе-колесе.
 То лежат прямее стрелки,
 то кружками встанут все.
 Долго взгляды так играют,
 но по капельке теряет
 взгляд мой силу этих знаков —
 он окажется потом
 беззащитнее собаки,
 убегающей во мраке
 от собачника с крючком!
 Ты в мои глаза взгляни...
 Боль струится струйкой крови,
 на коре горит надрезом,
 сорванной струной кумуза
 целый день молчит и молит.
 Отношения натянуты тетивой.
 Отблески огня.
 Водой размыты строки.
 Краски смешались, затвердели.
 Слова утонули в тишине.

Ты в мои глаза взгляни...
 Ливень губительной любви
 смял и смысл навеки знаки.
 Раненные, как собаки,
 Взгляды наших глаз во мраке
 беззащитны и в крови.

ТРАВЫ МАТЬ СОБИРАЕТ

Травы мать собирает —
 мята, шалфей, душица,
 в коричневатых пальцах
 трава искрится.

Запахи лягут тенями,
 вспыхнут соцветья шалфея;
 будет летать кругами
 пчёлка — цветочная фея.

Травы всё утро мать собирает...

Шепчет и шепчет горько,
 бессмертнику говорит:
 «Видишь, там, на пригорке,
 сын мой лежит».

Срывает лист придорожный,
 складывает в суму,
 «Сыночек мой, подорожник», —
 говорит ему.

Травы до полдня мать собирает.

Наденут наряды ночи
 мята, душица, шалфей,
 уснут, затворивши очи,
 сонмы цветочных фей.

Кузнечик, от ночи синий,
 вдруг застрекочет.
 Голос родного сына
 глухо окликнет из ночи...

ФОТОГРАФИЯ

Вот к дому девочка бежит.
Срывает гроздь дождя руками
и в глине вязнет башмачками.
Вот фото. Не лицо, а лик
в оправе тусклого металла.
Частица света. Отблеск. Миг.
Что было «до»? Что после стало?
...Она вбежала, как вода,
босая, с мокрою косичкой,
и ты сказала: «Иди сюда.
Гляди, как вылетает птичка!»
И вечно девочка глядит.
Всё, как тогда, на этом снимке:
поднос, халва и хлеб в обнимку,
и дождик где-то шелестит.

МЕЖДУ СВЕТОМ И ТЬМОЙ

Я чувствую: осязаю
земное тяготение —
тянусь корнями к земле,
как растение.
Ощущаю всем телом,
как тьма по лунному руслу уходит,
как растворяется свет —
кусочек зари падает в воду,
а ветер мешает ему отражением ивовой
ветки.
И своё стремление я ощущаю —
проносится ветер от горла до сердца:
«Иди!»
Поднимаю ногу,
опускаю ногу,
делаю шаг, и равновесие я ощущаю:
свет и тень.
Мне кажется, я очень, очень отстала —
никак не доберусь до середины дня.
Позеленели камни,
отсырели кремни —
не высечь огня!

Иду, иду, ещё за горами вечер,
длинен жизни моей коридор,
пока что солнце в нём, а не свечи.
Свет и тень — как пояс на скале,
здесь за голубыми дверями воздуха —
живые,
а там, во мгле, — бездна.
Иду, как по карнизу,
и время, и возраст преодолеваю.
Казалось:
надо привыкнуть и жить;
но я чувствую, осязаю
земное тяготение —
тянусь корнями к земле,
как растение,
ощущаю всем телом,
как тьма по лунному руслу уходит,
как растворяется свет
и сжимается голос,
и поёт, как цикада скорбящего сада,
что на мелочи растрчено большое.
Надорву я душу свою,
но взорву я тьму свою!
И огонь поведёт меня, как поводырь,
на бушующий светом пустырь.

ПАМЯТЬ ГЛИНЫ

Когда я собираю черепки
разбитого старинного кувшина,
я собираю памяти куски
и осязаю сквозь тепло руки
призывное дыханье глины.
О, как она пьянела на кругу
от золотых твоих прикосновений,
гончар, и превращалась на бегу
то в жёлтую кувшинку, то в оленя.

Я видела: ты с глиной был на «ты»,
ты оживил слезами её тело,
и обнажённым до последнего предела
сияло совершенство красоты.

Вели кувшин за ручку из огня,
пульс щупали и слушали, как бьётся,
и чаркою размахивал три дня
потом гончар у красного огня,
кричал: «Он никогда не разобьётся!»

Я чувствую: его в своих руках
держать любила женщина. Мужчина
с улыбкою хмельною на губах
любил касаться этого кувшина.

Кувшин терпел и холод, и жару,
любую ношу он носил с любовью,
от родника шагая поутру,
он волновался всей своею кровью!

Его поставили в горшечный ряд,
и он решил держаться просто, скромно,
и вдруг почувствовал:
как будто он разъят,
что в шея в язвах,
а бока горят —
и понял он: в него вливают яд,
как мёд густой,
но чёрный, чёрный, чёрный!

Как со скалы, он вниз сорвался
с полки —
остались от него
одни осколки!

Когда я собираю черепки
разбитого старинного кувшина,
я собираю памяти куски,
я восстанавливаю память глины.

КРУГ

Занг-зунг-зинг,
зар-зур-зир..
Молоко бьётся ливнем в подойник,
молоко льётся ливнем.
В алую розу зари
спрятав лицо,
мама корову доит.
Белая натянутая струя
оборвётся, как струна,
сон мой прервав:
то шёпоты трав
змейками в ухо ползут,
то росного утра зов —
смеётся розовый зев:
«Зав-зув!»
В детстве сон тянется,
как мёд с ложки.
Погружаюсь в сон,
разбросав ладошки.
Оборвался хор голосов!
Будто кто-то топнул,
будто лопнул в ушах
воздушный шар.
Тает мир,
нарастает Тишина,
волна сна
безмолвно лодку мою качает...
Вдруг звездопадом слова летят,
Как острые кончики звёзд,
острые контуры слов
плёнку снов разрывают:
«Вставай, доченька,
коровушку в горы гони!»
Алую розу рассвета
выплёскивая из себя,
смеются глаза матери...
Сколько месяцев погасло золотых,
сколько месяцев истаяло земных,
и снова —
алая роза зари над аулом,
алая корова на травяном ковре.

Журча и звенькая,
в ведре
белая натянутая струна
тренькает,
на волшебную музыку сна
волшебные песни поёт.
И всё, как в детстве:
занг-зунг-зинг,
зар-зур-зир...
Лодку мою
волна сна качает.
Алые лучи,
как алые ручьи,
сбегают с лица отца:
«Вставай, доченька,
коровушку в горы гони!»
Будто волшебник
машет волшебною палочкой,
чудными звуками
сыплет над сонною улочкой.
Над аулом
сонная роза зари
осыпется скоро.

МОЛЮ

Вот аул мой. Он чуть в стороне от дорог.
Чья рука его держит, как праздничный рог?
И усталые звёзды, покоя не зная,
серебристою влагой его наполняют.
Звук молитвы качается мерно в ушах,
красный след оставляя на сжатых губах,
и кусочком сколупленной глины летает,
и над глиняной крышей потом исчезает.
Вижу: мама на камне сидит —
вся седая и чем-то похожа на птицу,
в волосах её ветер едва шевелится,
луч, проткнувший туман, её лоб золотит.
И безмолвна она, только взгляд говорит:
«Отчего этот мир так сияет, горит?»
И заплачет душа от великой любви.
«Мама, мамочка! Только живи!..»

СУВАЙНАТ КЮРЕБЕКОВА

(Республика Дагестан, Россия)

Сувайнат Кюребекова — член Союза писателей России, член Правления Союза писателей Дагестана, руководитель табасаранской литературной секции, редактор табасаранского выпуска журнала «Женщина Дагестана», Заслуженный работник культуры Республики Дагестан. Автор поэтических сборников «Годекан звёзд», «Обитель любви», «Паруса судьбы».

*Перевод стихов с табасаранского
МАРИНЫ АХМЕДОВОЙ-КОЛЮБАКИНОЙ*

* * *

О, Дагестан!
Ты столько вынес боли,
Но это не сломило твоей воли —
Непокорённым дух остался твой,
И честь твоя всегда была с тобой!

О, Дагестан мой!
Ты — не поле битвы...
Пусть все материнские молитвы
Тебя хранят от горя и беды —
Не для войны, для мира создан ты!

© Сувайнат Кюребекова

У ПАМЯТНИКА МАТЕРИ В ДЕРБЕНТЕ

По каменному лику твоему
живые слёзы катятся незримо...
И шёпотом невольно говорим мы,
когда к ногам твоим по одному
цветы кладём в тоске невыразимой.
А над тобой клин белых журавлей —
стремятся в небо бронзовые птицы...
И в камне сердце, кажется, стучится,
которое оплакивать стремится
по-прежнему погибших сыновей.

Им никогда уже не прилететь,
не вырваться из вязкого тумана,
и ноет твоя каменная рана,
но знаешь ты, что поздно или рано
сынов отвага побеждает смерть.

Беременная женщина кладёт
к твоим ногам пылающие маки...
Тревожно ей — земля опять во мраке
безумия, и траурные флаги
беснуются над будущим дитём.
Где сделает он первый свой шагок?
Неужто по земле, залитой кровью?..
И на тебя с надеждой и любовью
глядит она, закутавшись в платок,
переживая долю твою вдовью.

О Мать, как твои слёзы горячи,
они, как будто угли из печи,
и тяжелее пуль тех окаянных,
которые сынов твоих сердца
пронзили смертной тяжестью свинца,
чтоб долететь к тебе до Дагестана.

Сквозь камень ощущаю эту боль
и сквозь года
плач материнский слышу...
Ладони ты протягиваешь ближе,
и в них моря бездонные я вижу
горючих слёз, что пролиты тобой.

* * *

Когда-то ходила и я босиком,
заноз и колючек совсем не страшилась...
И раны мои заживали легко,
и не было непоправимых ошибок.

Я запросто землю могла обойти
и к небу, как будто к мечте, приближалась...
И всё, что встречала на этом пути,
тогда необычным мне очень казалось.

А нынче боюсь выйти я за порог —
годами теперь раны не заживают,
как будто уходит земля из-под ног,
и я равновесие сразу теряю.

Хоть день не прошёл, в сердце вечер уже,
и небо несбыточно стало далёким —
занозы не в теле теперь, а в душе,
и кажется сердце таким одиноким...

* * *

Моей юности маленький город —
берег моря и чувства прибой...
Столько нежных уроков и горьких
зазубрила я вместе с тобой.

Сон девичьих мечтаний безгрешных,
я пришла, но не тот уже ты...
Лишь гора Пушкин-тау, как прежде,
вдохновенной полна чистоты.

Здесь когда-то была я невинной,
а сегодня ошибок не счесть...
Стал ты, Изберг, мудрей, я — наивней,
но мне дорого то, что ты есть.

* * *

Свеча горит, кромсая тьму,
как острё кинжала...
А за окном, где вечер хмур,
как нищенка, надев суму,
зима бредёт устало.

Она с навязчивостью злой
опять мне лезет в душу
и что-то о любви былой
нашёптывает в уши.

Но где минувшая любовь,
что от неё осталось?..
Лишь ливень, леденящий кровь,
гром, молния, усталость...

Когда-нибудь пройдёт гроза,
хочу я верить в это,
и засияют вновь глаза
и сердце ярким светом.

Любовь я, как кувшин, в пути
опять взвалю на плечи...
Коль пуст он — тяжело нести,
коль полон — то не легче.

* * *

Из прошлого я возвратилась сюда,
впустив в свою душу любовь и надежду...
Но только в пути приключилась беда —
утратила их в темноте я кромешной.

Теперь в моём сердце одна лишь мольба,
и тяжело нести эту горькую ношу...
Хочу я вернуться, но, зная, не судьба,
снегами обратный мой путь запорошен.

Оставив груз жизни, я всё же иду
у всех на виду по дороге в былое,
но след, что потерян во тьме, не найду,
а может, искать его просто не стоит?..

* * *

Наверное, душа — волшебный мир,
где власть любви, где сад цветёт чудесный,
и сладко заполняется эфир
его благоуханьем повсеместно.

Пока бурлит в душе любви река,
я сберегу в ней радуги свеченье...
Но только бы к бесплодным берегам
не принесло меня её течение.

* * *

Сегодня морозно...
К узору узор
зима-ковровщица ткёт белый ковёр...
Своим мастерством она увлечена,
а я одиноко стою у окна.

Подснежник ищу я в такую пургу,
которую в сердце унять не могу,
и жду,
когда солнечный дремлющий луч
покажется из-за сгустившихся туч.

От холода насквозь продрогла душа,
дороги не видно,
и тяжек мой шаг...
Какой там подснежник в такую пургу,
следы мои скоро исчезнут в снегу...

Жизнь белых снежинок, увы, коротка,
и это ковёр ткётся не на века...
Пурга прямо в душу пролезла,
но там
свой нежный подснежник я ей не отдам.

* * *

Казалось,
только вышла за порог,
А вот уже — и жизни середина...
Так мало ещё пройдено дорог,
А первые проклюнулись седины.

Не ожидала рано их, но вот
Они пришли незваными гостями...
Унёс надежду дней водоворот
И выпил юность жадными горстями.

Казалось,
до мечты рукой подать,
Но только зря до крови сбила ноги...
Мечта недосыгаема опять,
А мне уже видать конец дороги.

* * *

Туча по небу несётся,
чёрная, как вороньё...
Кажется, вот-вот прольётся
дождь на землю из неё.

А над нею гром грохочет,
но она резвей бежит,
словно выплакаться хочет
где-то в небе от души.

Бешено летит галопом,
словно косоглазый бык...
И догнать её не пробуй,
оторвётся через миг.

Вдруг наполнили селенье
радостные голоса...
Туча промелькнула тенью
и закончилась гроза.

И теперь она заплачет
где-то на краю небес...
А земля смеётся —
значит,
дождь поплакал и исчез.

* * *

Кизилковый куст нарядился в кораллы,
колышутся серьги его на ветру...
И все им любят,ся,
все ему рады,
когда мимо сада идут поутру.

Как будто красавица-табасаранка,
накинув на плечи зелёную шаль,
кивает кизилковый куст спозаранку
проходим и смотрит в туманную даль.

Похож на невесту он, что за оградой
стоит, дожидаясь желанных сватов...
Кизилковый куст — украшение сада,
и тополь седой молодеет с ним рядом,
не чувствуя тяжести прошлых годов.

Кизилковый куст, как осеннее чудо
мой взор восхищённый ты приворожил,
как будто мне только семнадцать покуда,
и там впереди —
ещё целая жизнь!

* * *

Всё есть в тебе —
и взгляд волнующий,
и нежность, ласковой цветка,
и голос голубя воркующий,
и мужественная рука.
Мне лишь одно в тебе не нравится,
и сердце оттого болит,
что с каждой встречною красавицей
твой взгляд безмолвно говорит.

* * *

Состарилось моё село
и стало серым...
Но только всё, что там прошло,
осталось в сердце.
В развалинах стоит мечеть
и лес редееет...
И я пока не знаю, чем
помочь сумею.
Могилы предков заросли
и покосились...
Прощенья у родной земли
мы не просили.
Когда-то зрячие сердца
вдруг стали слепы...
Но нет у родины конца,
как и у неба.

ГАМЗАТ ИЗУДИНОВ

(г. Махачкала,
Республика Дагестан, Россия)

Гамзат Изудинов — журналист, поэт, прозаик, член Союза писателей Дагестана, Союза писателей России, Союза журналистов России, руководитель РИО «Гумбет», член редколлегии газеты «Миллат» и литературного журнала «Дружба», автор нескольких собственных книг, поэтических сборников, публикаций в газетах и журналах Дагестана, Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, а также в зарубежных СМИ, лауреат премии им. Магомеда Шамхалова, премии им. Юсупа Хаппалаева.

ЗА РАДУГОЙ

*Перевод с аварского МАРИНЫ
АХМЕДОВОЙ-КОЛЮБАКИНОЙ*

Я — раб Аллаха. И безмерно,
Хотя, конечно, и не первый,
Всем созданным Им восхищён...
Намаз я честно исполняю
Не только по дороге к раю,
А потому, что хочет Он.

Люблю я жизнь земную очень,
Что так прекрасна, между прочим,
Бьёт моя лира родником!
И Родину люблю без края,
Взамен за это не желая
Чинов с подарками при том.

Я на земле — ребёнок вечный,
Наверное, не безупречный,
За бабочкой гонюсь в саду...
И никакой такой награды
Мне вовсе от неё не надо,
Боготворю я красоту!

Я окрылён и очарован,
За радугой бегу я снова,
Стремясь коснуться хоть на миг...
Хочу понять её и только,
И от неё не жду в итоге
Из сказки ножниц золотых.

© Гамзат Изудинов

САЛАМ, АРАДЕРИХ!

Перевод с аварского
МАРИНЫ АХМЕДОВОЙ-КОЛЮБАКИНОЙ

Салам, родной Арадериx,
Дороже нет земли...
Ты — мой очаг, мой вечный стих,
А я твой муталим¹.
С утёса смотришь, как орёл,
Ты зорко на меня —
Не поздно ли к тебе пришёл
Я на закате дня?

Свободных предков гордый дух,
Орнамент золотой,
К тебе всю жизнь свою иду,
Чтоб встретиться с тобой.
Великих поколений след
Запомнил отчий дом,
Что создавали тыщу лет
Орлиное гнездо...

Салам алейкум, горный край,
Источник мой Земзем²...
Что для меня ты свят, как рай,
Об этом знают все.
Утёса скрученного ус
С Крыши-горы висит,
Он помнит каждый шаг и звук,
И каждый мой визит.

И среди грозных этих скал,
Родной Арадериx,
Красуешься ты, как кинжал,
На поясе горы.
Прими же ты мою тоску,
Сыновнюю любовь...
Жить без тебя я не могу
И возвращаюсь вновь.

---

¹ муталим — ученик (араб.)

² Земзем — святой источник в Мекке

Ты — государство красоты,
Я без тебя умру...
Я все альпийские цветы
Тебе лишь соберу.
Привет вам, сочные луга,
Террасные поля...
Сюда я в детстве убежал,
И здесь трудился я.

Хоть годы юности прошли
Отсюда далеко,
Но горный дух родной земли
Забить мне нелегко.
Пусть город ласков был ко мне,
Покой не для мужчин —
По нраву ветер мне и снег,
Слетающий с вершин.

И годекан, где чинно в ряд
Сидят столпы села...
Арадерихский джамаат ¹,
Салам тебе, салам!
Иман ² твой непоколебим,
Ты — умма³ этих гор...
Вовек я головам седым
Не принесу позор.

Сельчане, ваших рук тепло
Я вдалеке храню...
И эту никакое зло
Не прошибёт броню.
Салам, родной Арадерих,
Дороже нет земли...
Ты — мой очаг, мой вечный
стих,
А я твой муталим.

---

¹ джамаат — общество (араб.)

² иман — вера (араб.)

³ умма — община (араб.)

ПЕСНЯ И ТРОН

*Перевод с аварского МАРИНЫ
АХМЕДОВОЙ-КОЛЮБАКИНОЙ*

Живёт чиновник в здании прекрасном,
Блестит его рабочий кабинет...
А вот поэт... Мечты его напрасны —
Порой и крыши в доме его нет.

Дворцы царей, как золото, сияют,
Подвал поэта же серей свинца...
Цари приказом страны покоряют,
Поэт пленяет песнею сердца.

Но даже императору, возможно,
Роскошной кабинета не найти...
Бесценен он, как дар бесценен Божий,
И у поэта вечно он в груди.

Бегут цари из замков, и чинуши
Теряют кабинеты навсегда...
И лишь поэт судьбе своей послушен,
Он дом свой не теряет никогда.

СВАДЬБА МАХМУДА И МУИ

*Перевод с аварского
СЕРГЕЯ СОКОЛКИНА*

Свадьба идёт,
Распевает и пляшет.
Наши влюблённые в страсти сгорают.
Тех, кто булыжник за пазухой прячет,
Тут на высокий порог не пускают.

Лирик счастливый в роскошной папaxe
С радостью трон жениха занимает.
В платье невесты Муи, словно сахар...

Лето в глазах у обоих гуляет.
Песню Махмуд о любви запекает,
Вторит ему вся земная округа.
Вторит округа и ввысь улетает
Вместе с Махмудом —
Из круга, из круга.

Время стоит,
Нет ни сроков, ни даты.
Свадьба уж вечность идёт.
Что за чудо? —
Время,
Поняв, что ошиблось когда-то,
Вдруг отдало бетлиянку Махмуду.

* * *

Перевод с аварского
СЕРГЕЯ СОКОЛКИНА

Лишь миг смотрел на солнце.
Навсегда
Теперь внутри глухая вспышка боли.
Тебя увидел, пронеслись года,
Но образ твой глаза не позабыли.

Склонюсь над книгой, не могу читать,
На всех страницах лишь тебя я вижу.
Включаю телевизор и опять,
Как солнца жар, на всех каналах — ты же...

Куда ни посмотрю — слепит глаза.
Глаза закрою — Ты!
И нет спасенья!
И сон мой — Ты.
И нет пути назад.
И жизнь моя, —
Как мука вдохновенья.

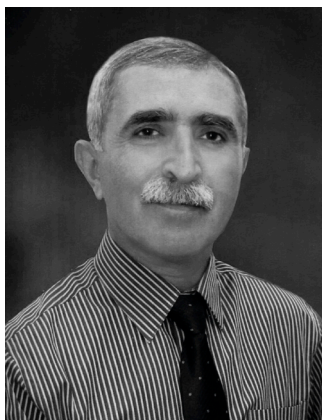
ШОЛОХОВСКИЙ РАЙОН
(Часть первая)

Перевод с аварского
СЕРГЕЯ СОКОЛКИНА

О, земля казаков —
Щит великой бескрайней России,
Испокон колыбель
Славных воинов богатырей.
Дон степенный и древний,
Таящий бездонную силу
И обилье шумящих,
Простёганных ветром, степей.

Слышишь, батюшка Дон,
Удалось только гению Слова
Твоё имя поднять выше звёзд,
До небесных вершин.
Одной крови с тобой этот Шолохов!
Снова и снова
Повторяю,
Он — гений, кудесник, и он неповторим!

Тихий батюшка Дон,
Утолил он небесную жажду,
Отражаясь душой
В твоих синих зеркальных глазах.
Так всю жизнь и творил
У земли у любимой на страже...
И впадали в тебя зацелованные небеса.

ЗУЛЬФИКАР КАФЛАНОВ

(г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия)

Зульфикар Кафланов — выпускник Литературного института имени А. М. Горького, участник VIII Всесоюзного совещания молодых литераторов, член Союза писателей России, автор поэтических сборников «Новолуние», «Не уходи», «Дождь поцелуев», «Грустная весна», «Пепел заката». Зульфикар Кафланов известен и как талантливый переводчик. Им переведены на лезгинский язык стихи классиков дагестанской, русской и зарубежной литературы: Батырая, Махмуда, Гамзатова, Пушкина, Лермонтова, Есенина, Блока, Ахматовой, Цветаевой, Гейне, Уитмена, Неруды, Лорки, Петрарки, Бернса, Китса, Хаяма, Хафиза, Дехлеви, Низами и др.

Центр современного художественного перевода «Таврида» (г. Симферополь, Крым) подготовил в 2017 году книгу верлибров Зульфикара Кафланова «Узники Сердца», стихи из которой представлены в журнале.

НА МОЕЙ ЛАДОНИ ОТДЫХАЕТ ВРЕМЯ...

Перевод с лезгинского
ВАЛЕРИЯ БАСЫРОВА

СТАРОСТЬ

Я люблю старость —
Богиню морщин.
Только Она
Может увести меня
В молодость —
Сказочный мир
Моего ребёнка...

КОРОТКИЙ МОСТ

Самый короткий мост
Висит над пропастью,
Находящейся
Между человеком
И кладбищем.
Я понял это,
Когда моя мать,
Отодвинув тесто,
Взяла в руки чёрное платье...

© Зульфикар Кафланов

ЦВЕТОК

Я люблю цветок —
 Исток зноя
 И мать красоты.
 Нет ему равных:
 Он в состоянии украсить
 Даже грудь смерти...

НОЧЬ

Белая бумага...
 То дым вижу,
 То туман.
 Когда глаза устали, —
 Сердце
 Взор свой опустило
 На бумагу.
 Настолько цвет бумаги
 Был ярок,
 Что ночь
 Раньше времени
 Поседела.

* * *

Луна,
 Освети мой путь...
 Умоляю,
 Освети...
 Я не хочу таять
 И валяться у ног мрака:
 На моей ладони отдыхает время —
 Хрупкое сердце жизни...

ОГОНЬ

Слишком гордо
 Вёл себя огонь,
 Пока горел.
 Как только погас,
 Он узнал,
 Что на земле существует зима...

* * *

— Почему плачешь,
 Мой царь,
 Мой бог?
 — Я не плачу!
 Дарю свободу слезам —
 Узникам,
 Засидевшимся в тюрьме
 моего сердца...

ПОЖИЛАЯ ГОРА

Пожилая гора,
 Занята макияжем:
 Припудривает щёки туманом.

Так она прячет
 Глубокие морщинки
 От зорких орлиных глаз...

ПОЭТ*Памяти друга*

В день смерти
 Поэта
 Земля приподнялась
 И опустилось небо.

На похоронах
 Я задыхался —
 Мне не хватало воздуха...

СТИХИ

Вытираю слёзы, —
 Стихи написаны...
 Хочется отдохнуть,
 Но не могу:
 Утешаю слова,
 Заплакавшие на рассвете...

У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОЙ ПЕСНИ

Уходит ночь...
Истончается,
Иссякает
Мучительно долго.

...Я сижу у постели
Больной Песни...

* * *

Приближающейся смерти —
Врагу ужасному, —
Отдавая честь,
Поднимает судьба
Над моей жизнью
Белый стяг...

* * *

Сегодня
Полумесяц
Был
Жёлтый,
Исхудававший
И сутулый.

Я вспомнил свою мать,
Болевшую долго
И очень страдавшую.

О ПЫЛИНКЕ И ЧИСТОТЕ

И пылинка
Любит чистоту.
Потому она так часто
Садится
На мои до блеска
Начищенные туфли...

* * *

По тропе идёт человек.
Осторожно придерживает,
Как ребёнка,
Зеркало на плечах.
Медленно проходит мимо.
Я смотрю ему вслед,
Поднявшись на цыпочки.
Вдруг из зеркала
Я увидел нас —
Тебя и
Себя...
Я не успел опомниться, —
За горою скрылся человек...
А я стою
И всё смотрю —
Пустое пространство
Душит мне сердце:
Я боюсь услышать
Звон
Разбившегося зеркала...

ГРУСТНО МНЕ

Я чувствую себя
Ветхим домом,
У которого
Рушатся стены,
Ломается крыша:
На моей песне,
Оставляя слёзы,
Выцветает радуга...

* * *

Сегодня
Не тяжелы,
Легки мои страдания:

Ветерок,
Переворачивая листву,
С удовольствием читает мои
Грустные стихи...
Сломали мне крылья...

* * *

Раньше я летал,
Уподобившись орлу.
А сегодня
С трудом ползаю по земле:
Руки моих друзей

* * *

Я — горец!
Много скал
Покорил
И горных вершин.
Но однажды
С трудом одолел я
Лестницу отчего дома —
В этот день
Мать не вышла встречать
На веранду...

* * *

Я не знал,
Какой ты чистый,
Какой ты добрый...
Узнал лишь тогда,
Когда моё сердце
Надгробным камнем стало
У изголовья твоей жизни...

АНАСТАСИЯ ДЗАЛИ АНИ

(г. Дербент, Республика
Дагестан, Россия)

Анастасия Дзали Ани — псевдоним писателя из поколения «рождённых в СССР», автора рассказов совершенно разного уровня серьёзности, объёма и жанров, которые объединяет одно: стремление заострить внимание читателя на вечных ценностях жизни — дружбе, любви, милосердию, порядочности. Писать начала недавно. Первая её книга — «Мне снится» — вышла в 2014 году, вторая — «Ловондатр — истории больше нет» — в ноябре 2017 года. Член Союза писателей России.

Я ВЕРНУСЬ!

(РАССКАЗ)

Пропал мой друг Колян. Сгинул безвозвратно в пучине интернета. А как невинно всё начиналось: смартфон, игрулька, потом контактик, а потом раз — и у него уже ноут с безлимиткой, и регистрация на всех известных площадках. Всё! После такого назад не возвращаются. Теперь у него две дороги: либо стать интернет-троллем, либо заделаться в блогеры. Два года его не видел, так же как и Степку. Но тот в армию пошёл, так что надежда на возвращение была. Ждали его всей компашкой, и не как девахи, а верно и со всей душой. Письма ему писали, посылки собирали. Ну и когда вернулся он гвардии сержантом, то такую встречу замутили, что я только на пятый день в себя пришёл и то, только потому что какой-то дятел упорно и назойливо в дверь стучал.

Я встал, прокляв всех богов Асгарда. Особенно этого, с длинными волосёнками, Тора, или Локи — не помню, я их всегда путаю.

© Анастасия Дзали Ани

Глазами попытался сдвинуть гору пустых бутылок на столе в поисках минералки. Но ни фи́га не вышло. Мои телепатические способности, которые развились во время вечеринки, куда-то пропали. Наверное, это случилось, когда я неловко телепортировал банку пива прямо в голову Серому. Да не суть, потому как минералки на столе не было, а упорный дятел продолжал долбиться в дверь. Прокляв для надёжности ещё и всех гномов, орков и эльфов, я оторвал кое-как своё тело, намертво прилипшее к кожаному дивану, и потащился открыть дверь — поинтересоваться насчёт личности этого самоубийцы.

Каково же было моё удивление, когда дятлом оказался Колян! Я даже подумал, что с перепою у меня белочка началась, ан нет. Стоит друган передо мной как конь перед травой. Почему как конь? Да потому что смотрел он на меня как-то искоса, горячо дыша и роя берцем кафельный пол.

— Ты чего в ВэКа не заходишь? — вместо приветствия поинтересовался он.

— Э-э-э-э-э? — мой организм, измученный неумеренным потреблением спиртных напитков различной крепости, отказался производить членораздельные звуки.

Но Колька этого даже не заметил, продолжив свой наезд:

— Я тебе неделю соо в личку кидаю, ты что, и на почту не заходишь?

Честно попытавшись разобраться, почему я не захожу в ВэКа, кто такой этот Соо, которого друг мне кидает и почему должен таскаться на главпочтам, который на другом конце города, понял, что или у меня с головой что-то не то, или Колька тронулся.

— Чего? Какой ВэКа? - с большим опозданием выдал я ответ на его первый вопрос.

— Понятно, — вник в ситуацию Николай, приглядевшись, наконец, повнимательнее.

Сдвинув моё тело в сторону, он прошёл на кухню и быстренько соорудил какую-то адскую смесь для опохмела. Уж не знаю, чего он туда намешал, но похорошело мне буквально спустя пару минут. Причём, похорошело настолько, что я сообразил, чем так возмущался друг.

— Мы тут отмечали встречу Стёпкину, так что выпали из реальности. А чего ты от меня в контакте хотел?

Лучше бы не спрашивал, потому что Николай вытащил из заплечника ноут, включил и принялся занудно повествовать про свои приключения на форуме историков. Сейчас не хочу переживать весь этот ужас заново, поэтому содержание Колькиного рассказа оставляю за кадром, тем более что оно не имеет отношения к дальнейшим событиям. Короче, на форуме историков его очень быстро забанили за независимое мнение и неформативную лексику, и Колька подался к альтернативщикам. Вот там-то он и просветился насчёт древних пришельцев. Чего они на этих форумах курили, я не знаю, но крышу у Николая снесло ещё больше, нежели тогда, когда он до зелёных чёртиков допил.

— Да ты понимаешь хоть! — орал он мне и тыкал в лицо картинки с камнями, изъеденными временем и ветрами. — Понимаешь, что вся наша ци-

визация произошла от пришельцев? Понимаешь, что у древних могли сохраниться их технологии?! Не зря же они такие сооружения могли возводить!

— Да, клёво, — вяло соглашался я, разглядывая здания, сложенные из здоровенных камней.

— И ведь традиционные историки же утверждают, что это всё было построено при помощи каменных топоров и даже без колеса!

— Ну, дядя Толик и не такое голыми руками может построить при помощи одного лишь мата, — справедливости ради заметил я. — Только никак понять не могу, собственно, в чём суть проблемы?

— А то, что в Америке есть следы высоких цивилизаций. В Европе тоже есть, в Индии навалом, даже в Китае пирамиды нашли. А у нас — ни фиги. Прикинь, шестая часть суши — и ничего! Ни тебе крепостей, ни пирамид, только сейды, и те под вопросом.

— Побоялись инопланетяне к нам соваться, — хмыкнул я, наливая себе чайку.

— Ни фиги! — с истерично-торжественной ноткой в голосе выкрикнул Колька. — Я нашёл эти следы.

— Нагуглил? — иронично поинтересовался я.

Но Колька был в том состоянии, когда уже не понимают иронии. Он энергично кивнул головой и открыл новую картинку. На ней была какая-то каменная машина, очень смахивающая на лошадь... ну или на сфинкса египетского. Только и ежу было понятно, что это дело рук природы. Однако Колька ежом не был, и ему было непонятно, каким образом природа ухитрилась обтесать камень такой формы, да ещё растрескать его на ровненькие составные кирпичики.

— Вот, смотри: и пирамиды, и сфинкс, и всякие предметы неизвестного назначения. А вот этот мыс даже так и называется — мыс Сфинкса! Думаешь просто так?

Я посмотрел на этот самый мыс, долго посмотрел, чтобы не обидеть друга и признался:

— Хрень это, а не сфинкс. Просто каменюка торчит. И написано тут, что этот керкур — эрозийный останец.

Этим останцем я, наверное, ему на большую мозоль наступил, поскольку на пару минут пришлось отключить слуховые отверстия из-за мегалитического количества матов, посыпавшихся из Николая. Выдохшись, он выпрямился, закрыл ноут, стянул его со стола и сухим официальным тоном заявил:

— Ну что ж, товарищ, мы поговорим с вами об эрозийных останцах, когда я вернусь из экспедиции с доказательствами на руках.

— Чего за экспедиция? — подозрительно поинтересовался я.

— На Чукотку. Отправляюсь туда с группой, искать доказательства вмешательства инопланетной цивилизации, — заявил Николай и сделал эффектную паузу, чтобы дать мне время подобрать со стола упавшую челюсть.

— На Чукотку? Крыша съехала? — я выразительно pokrutil пальцем у виска. — На какие шиши?

— Ну... я за этим и пришёл. Не одолжишь денег?

Тут я второй раз уронился. С какого бодуна я должен ему деньги одалживать? Ну и что, что наши матери дружат, и мне завещано отчески присматривать за этим придурком. Денег-то я не обязан ему давать.

— Сколько? — спросил на всякий случай, понадеявшись на то, что Чукотка далеко и билеты на самолёт сказочно дорогие.

— Эконом-класс сороковник в один конец, — ответил Колян.

Я обрадовался — по любому, сумма нереальная выходит, — но рано.

— А для тех, кому нет двадцати одного, билеты в экспедицию по девять тысяч, — заявляет этот инквизитор и счастливо улыбается. — Девять туда, девять обратно, ну и десяточку, другую — на еду.

Короче, обещал ему подумать. Он вот ушёл, а я всё сижу и думаю... Если не дам, он же к Жорику пойдёт, своему отцу, а этого тётя Люба мне не простит. И дёрнул же его чёрт на эту Чукотку ехать... А я даже не знаю толком, где она находится. Пойти в гугле, что-ли, посмотреть?

В общем, глянул в гугл и слегка обалдел. Это же на Крайнем Севере! На самом-самом кончике нашей Земли. Дальше уже Америка начинается. Там, наверное, лето два дня длится, а снег даже в июле идёт. Летом у них +8, и гнус по самые уши. Не, этим летом я в Египет как-то собирался, мне наши-то зимы надоели, хотелось хоть две недели почувствовать себя варёным раком.

Ну да ладно, с летом ещё можно перетоптаться, а как быть с остальным? В своём рассказе Николай, кроме сфинксов, особо упирал на таинственный чёрный квадрат, затёртый всеми спутниковыми картами. Дескать, экспедиция будет организована с таким расчётом, чтобы посетить это таинственное место и разобраться с тем, что скрывают от народа. По его мнению, там должен находиться таинственный город с кучей неземных технологий.

Во-первых, придурки, там вполне может располагаться какая-то военная база. Или комплекс навроде НААРПа. И соваться туда может оказаться небезопасно. Хорошо, если нас военные поймают и просто выпрут с Чукотки. А если посадят? Во-вторых, лететь туда часов десять, наверное. И это полбеды. Чтобы слетать на Чукотку надо же кучу документов получить. А вы думаете, в приграничные территории просто так пускают? Ага, как же. Надо спецразрешение. И это только в Анадырь. А от Анадыря до посёлка X (название не разглашаю, мало ли чего) ещё фиг знает сколько пилить и непонятно, как. То ли на самолёте лететь, то ли как вообще? Потому что лётная погода там такая же редкость, как арбузы. А дорог на карте вовсе никаких. Да там даже рельеф толком не прорисован. До посёлка два пути выходит: либо лететь, либо по морю добираться.

Решил Кольке позвонить, поинтересоваться насчёт документов и всего такого. Он хоть представляет себе, что не в пионерский поход собрался? А то есть же разводилы: объявят насчёт похода, деньги соберут на билеты, и потом ищи их в интернете, свищи. Тем более, вряд ли там сороковником можно обойтись. Я принялся за подсчёты, и малость окосел. Ибо, по моему разумению, выходило по полста на человека одних билетов — и это в самом экономичном варианте, если не считать еду и возможные задержки в городе из-за нелётной погоды. А еда? А гостиницы?

Надо бы сайт, где Колька зависает, поглядеть. Открываю страничку и принимаюсь изучать. Сайт серьёзный, видно сразу: куча пользователей,

внушительная статистика посещений. Оформлено со вкусом, все материалы разбиты по категориям. Есть форум. Отдельная страница посвящена новостям в сообществе. Даже фотоотчёты и фильмы снимают про свои экспедиции и выкладывают в сеть. Дай, думаю, фотоотчёты гляну.

Фотоотчеты не хилые. Где только они не бывают: и в Египте, и в Мексике, и в Турции, и даже в Исландию ухитрились слетать. Наверняка у них скидки для участников. Вон, на Чукотку всего за девять тысяч можно добраться. А если примкнуть и путешествовать по миру, выкладывая свои фоточки на сфинксах и пирамидах в личном бложке, стяжая славу? Воодушевлённый этой мыслью я решил позвонить Кольке.

Но звонок вышел неудачным, поскольку трубку его маман взяла. Заявила, что сыночка в душе. Я сморщился от таких интимных подробностей, и уже было решил распрощаться, но тётя Люба вдруг спрашивает:

— Ромуальд, — (меня Ромка, вообще-то, зовут, но тётя Люба Ромуальдом называет с трёхлетнего возраста), — ты знаешь, что Николай в секту попал?

Я чуть челюсть не потерял. Про секту Колька ни слова не говорил, только про инопланетян и следы всякие.

— Да вы что, тётя Люба, какая секта? Колька только вчера ко мне приходил. Посидели, выпили, про девчонок поболтали, — отвечаю осторожно, понимая, что лишнее слово может оказаться роковым.

— Выпили? Чего врешь-то? Николай же пить бросил, целыми днями дома сидит, уткнётся в компьютер свой и читает чего-то, губами шевелит. Небось, псалмы ихние учит. Только раз в месяц уходит на какие-то собрания. Возвращается неадекватный. Боюсь я за него.

Из трубки послышался мощный всхлип.

— Отцу же его дела нет никакого до ребёнка. А тут кручусь как белка в колесе, стараюсь материально обеспечить. Мужика даже не заводила, чтобы психику мальчику не ломать. А теперь не знаю, что делать. Надьсь денег просил. Наверняка, эти сектанты взносы требуют. Как бы вещи из дому не понёс.

— Да нет, вы не волнуйтесь, это не сектанты, — пытаюсь успокоить я её. — Это археологи. Колька в экспедицию хочет поехать. На раскопки.

Всхлипы моментально прекратились.

— Точно к археологам прибился? — недоверчиво поинтересовалась она.

— Да, мы с ним вместе туда ходим, — соврал я для пущей убедительности.

— Мам?! Ты с кем это по моему телефону разговариваешь? — услышал я, к сильному облегчению, голос друга.

В трубке послышался шум, щелчки и наконец-то Колькин голос:

— Да?

— Фу, наконец-то! Твоя маман меня в такой оборот взяла, что не знал куда деваться, — выдохнул я.

— О чём она спрашивала?

— Интересовалась, в какой секте ты состоишь.

— Чего?!

— А того! Ведёшь, наверное, себя как полный придурок. Вот мамка и занервничала. Пришлось ей сказать, что ты археологом решил стать.

Колька хохотнул:

— А она чего?

— Поверила, вроде. Слушай, я что звоню-то... Где там ваши любители непознанного собираются? Хотелось бы побывать на вашем сектанском заседании, посмотреть, как проходит подготовка к экспедиции.

— Это ещё зачем? — удивился Николай.

Ну ещё бы ему не удивляться — меня-то история никогда не интересовала.

— Я, может быть, тоже в экспедиции хочу поучаствовать, — решительно заявил я.

* * *

8 июня.

Как настоящий путешественник, решил начать вести дневник. Купил в аэропорту тетрадочку. Буду записывать туда всякие впечатления от экспедиции.

Это важно! Не путешествие, не тур-поездка у нашей группы, а серьёзная экспедиция. Все ходят с важными физиономиями, разговаривают друг с другом про пропилы и какую-то полигональную кладку. Далась им эта кладка! Видели бы, какой забор мой троюродный брательник у себя на даче из железных бочек построил — забыли бы про свою полигоналку.

Да, таки удалось мне влиться в коллектив. Благодаря чутким советам Коляна, я очень ловко прошёл собеседование и сдал деньги на билеты. Собеседование оказалось вообще плёвым делом. Главное сказать, что просмотрел все их фильмы, что всю жизнь интересовался тайнами истории, и, что самое главное, НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ УПОМИНАТЬ ПРО БЕТОН!

Только что стало известно, что с нами летит Ксанка. И в экспедиции теперь примут участие аж две девушки! Она сначала собиралась лететь, потом какие-то там тёрки с сожителем начались. Чего-то отпускать не хотел, в Турцию предлагал лететь. Ксанка его послала, и с нами — на Север. Вот же девчонки бывают, Турции им не нужны, Полярный круг подавай.

Завалилась прямо к посадке с рюкзаком и бутылку текилы в дюти фри прикупила. Думал, будет утешаться в полёте. А нет. Оказалось, что бутылка для знакомого в Анадыре. Типо, он нас там должен встретить, помочь с билетами на самолёт, а если погода нелётная, то с гостиницей.

Ну всё, объявили посадку. Лететь нам восемь часов и десять минут — 9000 километров.

Чёрт, а я самолётов боюсь...

9 июня.

Мы в Анадыре. Полёт прошёл нормально, без происшествий. Рядом со мной в кресле сидел бородач, который всю дорогу ездил по ушам с рассказом о том, как они в Египет летали прошлым летом. Всё про следы вертикальной эрозии плёл и про следы выемки материалов в каменоломнях. И я так подумал: «Почему в этом году они за полярный круг решили ехать? Нет бы египетского сфинкса изучить поподробнее».

Только приземлились — сразу пограницы принялись проверять документы и разрешения. У одного чела не было каких-то бумаг, и его сразу завернули куда-то в катакомбы, до выяснения обстоятельств. Не повезло парню.

Городок — как игрушечный! Маленький, но такой разноцветный! Дома все раскрашены в разные цвета. На торцах у некоторых целые картины. А

чистота какая! Ни за что бы не поверил, если бы сам не увидел. И море кругом. Практически отовсюду видать. Только фиг искупаешься в этом море. Холодрыга адская. На дворе июнь, а у них +7. Пришлось под ветровку ещё свитерок поддеть, ибо ветрюган тут нехилый.

Нас встретил Ксанкин друг. Хороший мужик оказался, судя по тому, как обрадовался текилке. Сразу сообщил, что погода лётная, проблем с билетами быть не должно, поскольку нас десять человек, и ещё в гостинице подсобрался народ. Так что набирается необходимый минимум для полёта. А то у них рейсы часто отменяют из-за малой численности пассажиров.

До отлёта оставалось часов пять, и вместо того, чтобы пошляться по городу или посидеть в кафешке, было решено провести встречу в местной библиотеке с любителями альтернативной истории.

10 июня.

Мы в N-ске. Отсюда наш путь лежит на северо-восток. В ста двадцати километрах находится то самое таинственное пятно. Мы сядем на вахтовый автобус, который едет в ту сторону, и проедем полпути. Остальную часть придётся идти пешком.

Пока ждём попутный транспорт, расскажу про вчерашнюю встречу.

Пришло человек двадцать. Наш руководитель экспедиции (это важно!) принялся рассказывать про древние цивилизации, следы пропилов, древние надписи и полигональную кладку. Все сидят, слушают и тут одна девчонка поднимает руку и интересуется:

— А что вы думаете про бетонную теорию Давиденко? Очевидно же, что полигональную кладку только так и можно объяснить.

Что тут началось! Такое бурление и свист, какого я давно не слышал. Эту девчонку принялись мешать с говном так старательно и пролонгированно, что она уже не знала куда деться. Попутно стали выдвигать самые разнообразные версии, от пиления гранита каменной пилой до лазерной обработки и антигравитационных установок.

Тут слово попросила Ксана. Смущаясь и краснея, она принялась излагать свою теорию создания полигональной кладки.

— Представьте себе, в карьере вырубались крупные блоки, которые разбивались на части и доставлялись к месту строительства. Камни укладывались в стену, подравнивались, а затем поливались некоей жидкостью или соком растений, от которой они разбухали. Ну как пирожки на расстойке.

Чё-то эта версия всех в такой восторг привела, что теорию поименовали «Пирожковой теорией полигональной кладки Оксаны Зотовой» и немедленно занесли в аналы истории.

Ладно, пойду, приехала вахта.

10 июня, вечер.

Мы чёрти-где, в тундре. Остановились на ночлег, и сейчас учёные мужи пытаются натянуть палатку. Я так чувствую, что придётся идти, и им помогать.

В общем, выехали мы с вахтой и комфортно проехали полпути. Потом, как и было обещано, нас высадили, и дальнейший путь мы продолжили пешкодралом.

Первое время шли с опаской. Местные нарасказывали, конечно, про то, какое это гиблое место, куда мы стремимся. Дескать, молния туда страшная ударила много лет назад — всю степь сожгла. Мёртвой долиной прозывается в народе это место. А ещё местные же рассказывали и показывали нарезки видео, где медведи жрали неосторожных путешественников. Типо, отошёл чувак отлить за симпатичный кустик, а там мишаня. Короче, у всех глаза по тундре бегали, высматривали кустики и медведей. И у каждого луковица в руках была. Один мужик сказал, что если косолапому кинуть луковицу, он отстанет. Мишаньки лук очень уважают. Ну, короче, шли мы часов пять с этими луковицами, и хоть бы один медведь попался.

Вдруг Серый свистнул:

— Ребята, смотрите, чего-то впереди темнеется!

Мы осторожно кинули в подозрительное возвышение по луковице, но никакого движения. Тогда решили подойти, посмотреть. Это оказался... сортир — типа толчок. Прикиньте! Стоит себе в тундре среди вечной мерзлоты толчок, без входной дверцы. Как он здесь оказался, и кто его построил? А самое главное, почему двери нет?

Ну тут даже альтернативщики растерялись. Вот и началось наше путешествие в мир непознанного...

11 июня, привал.

В общем, нам осталось сделать последний рывок, перевалить через те горы, и за ними откроется таинственный квадрат. Шли с самого утра в гору. А горы тут хоть и невысокие — даже не горы, а холмы, — но жутко тяжёлые. Усыпаны щебёнкой. Вот и попробуй влезть на вершину, когда под ногами всё сыпется и норовит обвалиться. Пока одну гору осилили, у меня язык за плечо перекинулся. Внизу, под горой, нашли кое-что — несколько кругов, выложенных из крупных камней. Руководитель весь аж посинел.

— Лабиринт! — крикнул.

Все, как по команде, ухватили фотики и телефоны, и давай щёлкать, крутя головами и приговаривая:

— Сакральное место. Древнейшая форма, синусоидальный разворот, дорожка «навывлет».

Ну и разное другое, насчет археотипичности, иня и яня, и ещё чего-то там. Это я уже не запомнил. Не, конечно же, я тоже вытащил телефон и пофоткал эту кучу камней, но лабиринт этот, если честно — полная лажа. Любой чукча смог бы соорудить это сакральство за полчаса. Девушки в количестве двух экземпляров, нафотографировавшись, принялись бегать по дорожкам лабиринта. Потом мужиков стали звать. Типо, обязательно надо взяться всем за руки и пойти хороводом. Ну, я упираться не стал, Ксанку за левую руку взял и пошёл. Симпатичная девушка, глаз радуется.

Налабиринтничавшись, сели перекусить: кофе, греча с тушёнкой, хлебцы, шоколадка и стаканчик коньяка. Я обычно ни гречу, ни шоколадки не употребляю, но здесь, на свежем воздухе, всё замолотилось с такой скоростью,

что только держись. Тут подсел ко мне бородач (который в самолёте рядом сидел) и принялся рассказывать историю про то, как пришёл в клуб альтернативщиков.

— Деваха одна мне жутко понравилась, — раскуривая сигарету, сообщил он. — Я тогда, как и ты, не верил во всю эту лабуду. Не возражай, я же вижу, что на тёмный квадрат тебе начхать. Видел я, как ты с Ксанкой в хороводе гонял.

— Да не, — возразил я. — Это я сакральный лабиринт изучал.

— Ну-ну, — ухмыльнулся бородач.

Мы посидели ещё немного, а потом он вдруг тихонько так говорит:

— Не думаю, что там что-то интересное будет. Никаких НЛО там нет. Скорее всего, туда просто приходится стык снимков со спутников. И увидим мы там просто долину, между двумя горами. А ты что думаешь?

Я только плечами пожал:

— Дойдём и поглядим.

11 июня вечер.

Чёрт! Пишу, и ручка из пальцев выскакивает!

Ну, по порядку обо всём. Снялись мы с привала и потопали на последний холм. Лезть на него оказалось труднее всего. Щёбёнка так и сыпется, склон крутой слишком. То и дело кто-то скатывался вниз. Я сам раза три съезжал метров на десять. Однако кое-как влезли, дошли до края холма и глянули вниз...

Разочарованный выдох пронёсся над долиной. На первый взгляд, ничегошеньки там не было. Как и предсказал бородач: долина, поросшая кое-где кустами. Все уставшие были, как бобики. Решили отдохнуть с ночёвкой, а завтра с утрачка в обратный путь. Разбили лагерь под горой и решили костёр побольше запалить. Во-первых, кустов много, а во-вторых, в этих кустах мишаньки могут прятаться. Так что не помешает эта мера безопасности.

С Колькой пошли собирать хворост для костра. Я впереди с луковицей, он с хворостом за мной. Идём, болтаем о погоде, и вдруг вижу — что-то темнеется в кустах.

«Ну всё. Точно мишаня».

Сердце в пятки провалилось. Думаю, кину ему лук и ходу с Коляном. Кинул я луковицу, ухватил Кольку за шиворот, и только бежать собрался, как вдруг слышу грохот. Словно луковица в бочку попала. Ну явно не медведь. Мы туда. Разгребли ветки, а там какое-то ржавое сооружение, метра полтора в обхвате, наполовину утопленное в землю, а сверху, словно башка торчит — вылитый сфинкс давности этак трёх тысячелетий. А может, и не сфинкс, а тарелка летающая, или ещё что.

Мы позвали остальных. Сгрудившись толпой, альтернативщики разглядывали находку.

— НЛО? — прошептала срывающимся от восторга голосом Ксанка.

— Ну фиг его знает... — задумчиво протянул бородач, косясь на руководителя.

Тот, поправив очки, нагнулся над цилиндром и провёл рукой по неровной поверхности.

— Определённо металл, — констатировал он. — Смотрите, как обгорело железо. Местами даже проплавилось. Это как минимум полторы тысячи градусов. Я видел такие повреждения на посадочных модулях.

— На модуль мало похоже, — возразил Колька. — Надо выкопать, осмотреть целиком. Возможно, это обломок летательного аппарата. Или нечто в этом роде.

Все кинулись разгребать камни. К счастью, земля была рыхлая: смесь песка и камней. Минут за двадцать отрыли почти всё.

— Люк! — вдруг подал голос Николай. — Тут люк! Это ракета!

Опять загудев про инопланетян и космический корабль, все бросились к нему и сразу стало понятно, что никакая это не тарелка, а ракета, острым носом вошедшая в землю. И надпись по прожжённому корпусу: «Буря 1959».

— Ребята, да это же за два года до полёта Гагарина! — ошарашено прошептал бородач. — Вы хоть понимаете, что мы нашли?

Тут уже никто про летающую тарелку не вспомнил. Камнем сбили проржавевшие скобы на люке и, навалившись впятером на рычаг, раскрыли металлическую дверь.

Кто-то посветил фонариком внутрь. Девушки ахнули. Там, в огромном кресле мы увидели фигуру человека, одетого в скафандр.

— Досталось паре... — вздохнул бородач, осторожно приподнимая закопчённое стекло шлема.

— Да это девушка! — вскрикнула Ксана, увидев длинные пряди русых волос.

И тут я заметил пачку бумаг, крепко сжатых в руке космонавтки. Перчатка валялась внизу — видимо, она сняла её, чтобы сделать последнюю запись. Осторожно разжав пальцы, мы вытащили из неуклюжей хватки блокнот.

«Совершенно секретно. Передать в КБ Королёва» — гласила надпись на первой странице.

Я перевернул страницу. Там шли отпечатанные на машинке фразы, напротив которых она ставила галочки для отчёта. И пара строк от руки.

«29 марта 1959 года. Произведён плановый запуск. Проект «Буря» с пилотом на борту. 100 секунд с начала полёта. Перегрузки уменьшились.

200 секунд с начала полёта. Перегрузки растут. Пятая минута полёта.

Полёт по эллиптической орбите. Высота перигея — 181 км; высота апогея — 327 км; наклонение орбиты — 64.95 градуса; период обращения — 89.34 мин.

Что-то пошло не так. Сильный перегрев. Жарко... очень жарко. Вижу пламя на обшивке.

Я — лётчик-испытатель Мария Громова.

Я вернусь! Я вернусь!»

12 июня.

Наглухо закрыв люк, мы завалили его камнями, чтобы зверьё не пролезло. Идём назад. В моём рюкзаке лежит её блокнот. Блокнот, на первой странице которого написано: «Совершенно секретно. Передать в КБ Королёва».

Мы вернулись в Н. Шли быстро — руководитель, Сергей Михайлович, торопил, ибо обещали нелётную погоду дня через два и, по крайней мере, на неделю. Даже не стали ничего обсуждать и выдвигать версии событий. При-

валы сокращали максимально. Девчонкам, понятное дело, было трудновато, но они не ныли. Наоборот, всячески поддерживали уставших мужиков своими красивыми видами. Ха-ха, да это я в шутку. Ибо какие красивые виды могут быть в стёганных штанах и куртках алясках.

Однако погода и в самом деле начала портиться. Небо затянуло облаками, стало как-то сыро. В воздухе, откуда ни возьми, закружили чёрные тучи гнуса. Чем мы только не мазались — помогало мало. Мошкара забивалась под одежду, в волосы, в нос. Я хоть и не баба, но даже у меня клаустрофобия разыгралась от этого. Да ко всему ещё серое небо висело так низко, что казалось, вот-вот пойдёт снег — ага, в июне.

Добрались до N-ска уставшие, но настроенные очень решительно. Ломанулись в аэропорт, но там нас завернули: сказали, что как минимум дня на три полёты отменяются. Пришлось снять номера в гостинице. Для девчонок сняли двухместный, ну и для нас четырёх- и двухместные.

После короткого отдыха мы собрались в номере у руководителя на стопочку чая, чтобы заодно обсудить дальнейшие планы. Когда мы с Коляном постучали, дверь открыл очкарик, имени которого я так и не запомнил — то ли Дмитрий, то ли Денис. Руководитель экспедиции и бородач сидели за столом и о чём-то оживленно спорили. Однако едва мы вошли, разговоры тут же прекратились.

— Ну что, господа-товарищи, — начал Сергей Михайлович. — Предлагаю обсудить нашу экспедицию и подвести итоги.

Я торжественно выложил блокнот первой космонавтки на стол и предложил:

— Надо бы сделать заявление для прессы. Мы должны застолбить за собой первенство этого открытия. Это же сенсация. Отдадим в КБ, они это дело, как всегда, замнут. Блокнот конфискуют, а ракету выкопают и отправят в секретную лабораторию. Фиг потом докажешь, что мы что-то видели. Скажут, что это был метеоспутник.

Бородач искоса глянул на руководителя и, вытянув губы, задумчиво пробормотал:

— Ну не знаю, не знаю... Я бы не стал торопиться с заявлением. А если это фейк? Не хотелось бы, чтобы наша организация выглядела в глазах общественности падкой на скороспелые выводы.

— Почему скороспелые?! — удивился Колян. — Мы ракету нашли? Нашли! Там космонавтка была? Была! Какие ещё доказательства нужны?

— Не спеши Николай, — осадил его Сергей Михайлович. — Заявить всегда успеем. Но дело всё в том, что и у меня сомнения по поводу этой космонавтки. Во-первых, очень маловероятно, что в космос первой отправили женщину.

— Почему это очень маловероятно? — возмутилась уже Ксанка. — В Советском союзе было полное равноправие полов!

— В первом отряде космонавтов женщин вообще не было. А за всё время пилотируемых полётов, несмотря на полное равноправие, всего три женщины-россиянки полетели в космос. И это против сорока пяти американок! Как думаешь, мог быть первый космонавт Советского Союза женщиной?

— Но в блокноте же ясно написано: полёт по эллиптической орбите, апогей, перигей, — не сдавалась Ксана.

— Кстати, о блокноте, — встрял в разговор бородач. — Вам не кажется, что в горящем корабле в принципе ничего не могло сохраниться в такой целости? Если загорелась обшивка, значит, температура была выше полутора тысяч градусов. А у этой Громовой даже скафандр не закопчён. Я уже не говорю о блокноте. Он, вообще, должен был превратиться в кучку пепла при такой температуре.

— Да бог с ней, с сажей, в этой ракете внутри всё должно быть словно через мясорубку пропущено! — ломая своим авторитетом мои планы, заявил Сергей Михайлович. — Ты хоть представляешь себе, как вертится ракета, падая вниз, и всё это при нагрузках в двадцать, а то и тридцать G? И вообще, эта ракета в принципе не могла приземлиться. Она должна была сгореть в воздухе. Это всё — инсценировка. И я бы настоятельно не советовал упоминать об этой находке. Пишите про лабиринт, про сортир в тундре, но вот про ракету — не стоит, если не хотите, чтобы вас осмеяли. Забыли, с каким трудом мы выпроваживали из группы бетонщиков? Мне до сих пор припоминают их две безграмотнейшие статьи, которые я имел неосторожность разместить на форуме. Больше такого ляпа я не допущу. У нас серьёзная контора. Всё, что мы выкладываем на сайте, должно иметь доказательную базу.

— А может быть, Громовой как-то удалось затормозить ракету, — поддержал нас с Ксанкой Николай.

Сергей Михайлович возмущённо фыркнул:

— Что за ерунда? Как она её могла затормозить? Высунув ногу, пяткой? Кстати, ракета под завязку заливается топливом, и если возникает пожар, то представляете, какие бывают последствия?

Бородач, похоже, был заодно с руководителем экспедиции, поскольку кивал при каждом его слове, словно китайский болванчик. Двое других сидели, воды в рот набрав. Ни рыба, ни мясо. Походу, им вообще всё равно было. Вот тут я понял негодование Коляна, и заморочки насчёт всемирного заговора. Несмотря на факты, они оба вдруг стали утверждать, что наша находка — подлог.

— Вот тут Мария Громова пишет, что вернётся, — кивнула на блокнот Ксанка. — Значит, ей это как-то удалось сделать? И вместо того, чтобы сходу объявлять находку фейком, вы бы лучше провели исследование. А если ей удалось как-то контролировать падение и корректировать траекторию спуска? А если она включила тормозные двигатели?

— Включила тормозные двигатели на горящей ракете? — бородач рассмеялся. — Это гарантированный взрыв. Любой специалист это скажет.

— Ну так и тем более, давайте обратимся к специалистам, — я никак не вкуривал, с чего руководитель пошёл на попятный. — Соберём материал, проконсультируемся. Может быть, по каким-то причинам ракета не сгорела. Опубликуем это всё и потом передадим материалы находки куда следует.

— Что выложим? Пару фототораций с обгорелой железякой? Да любой спец на пальцах докажет, что это всё инсценировка. Как же, поехали в экспедицию и нашли именно в этом месте разбитую ракету с первым космонавтом. Хотите, чтобы над нами ржал весь интернет? Мы серьёзная организация, а не «Всё кругом враньё».

Я не желал так быстро сдаваться. Ведь в моей голове уже были возведены собственные воздушные интернет-блоги с сотней подписчиков и кучей бабла за рекламу.

— Думаете, кто-то пятьдесят лет назад предчувствовал, что мы организуем исследовательскую экспедицию, и специально подбросил это в тундру, за чёрти сколько кэмэ от человеческого жилья? Давайте представим, во сколько такая шутка бы обошлась любителям юмора. Достать скафандр — раз. Это сейчас всё что угодно можно купить на Алиэкспрессе. А в пятидесятые за такие интересы и посадить могли запросто. Да ладно скафандр, его ещё как-то можно было дома смастерить. А ракета? А обгоревший металл? А труп женщины?

— Романыч, — вдруг осадил меня Колька. — Ты остынь. Понятно, что всем хочется славы и открытий. Но давай попробуем взглянуть на ситуацию трезво. Вот знающие люди говорят, что никакой корабль не мог приземлиться в целости и сохранности. Так что не кипятись, а прислушайся, литературу почитай, подумай...

Говорит это, а сам, повернувшись боком, бешено подмигивает глазом, чтобы другие не видели.

— Сергей Михалыч, мы пойдём, а то поздно уже, — говорит Колька и тащит меня к выходу.

— Ты спятил?! — возмутился я, оказавшись в нашем номере. — С чего это ты вдруг соглашателем стал? Даже слепому ясно, что Михалыч этот либо в сговоре с секретной организацией, либо хочет присвоить лично себе это открытие. Точно! Вот увидишь, он ещё блокнот потребует отдать. Фиг получит!

— Потихе не можешь? — прошипел Колька, тщательно прикрывая дверь номера. — Чего орешь, как раненный мамонт? Или забыл, как смеялся, когда я про заговор говорил? Убедился теперь, что тут нечисто? С самого начала Сергей Михалыч был против этой экспедиции, а потом вдруг взял и согласился. Ты заметил, как он всю дорогу с бородачом шептался? И ко всему прочему, это именно он отправил нас хворост собирать в ту сторону, где лежала ракета.

— Хочешь сказать, ракета его рук дело? Тогда почему он пытается скрыть факт находки?

— Может быть, не его рук дело, но он знал, что ракета должна была быть там!

— Надо блокнот препятать понадёжнее, — решил я, засовывая найденный документ в рюкзак. — Походу, ты прав. Чего будем делать?

— Надо возвращаться в Москву, срочно. Там можно будет всё спокойно взвесить и принять правильное решение. Я позвоню в аэропорт, узнаю, вдруг окно появилось.

Пока Колька набирал номер, я решил сходить скупнуться. Душевая была на весь этаж одна, так что, чтобы совершить гигиеническую процедуру, требовалось немалое мужество: пройтись по длинному, тёмному коридору; раздеться в холодном предбаннике, переминаясь с ноги на ногу и покрываясь пупырьками от холода, дожидаться, пока пойдёт горячая вода, а потом, разгорячённым и свежим, бежать обратно, пытаясь сохранить жалкие кусочки тепла и уюта.

В общем, подвиг Красной Шапочки просто. Почему Шапочки? Да потому что в душе лежали одноразовые шапочки для душа — красного цвета для тех,

кто не захочет мыть голову. Я захотел. Намылился щедро тремя одноразовыми пакетиками, а потом долго смывал. Не знаю, из чего эти шампуни делают, но голову и тело потом не промоешь от слизи. В общем, на душ я потратил раза в три времени больше, чем обычно. Когда вышел, весь распаренный и влажный в коридор, стало жутко холодно. Башка особенно замёрзла. Ну и я вернулся — думаю, полотенцем хоть обмотаю стратегически важный орган. А полотенце-то мокрое, и что самое мерзкое — одно! Вот что за люди? Шапочек они штук двадцать наложили, а полотенце — одно. Не могли наоборот сделать? Ну, я взял и натянул эту шапку на голову. Всё теплее, чем просто с мокрой головой по коридору.

Иду тихонько, чтобы никого не потревожить. А то мало ли — вдруг человек услышит шум в коридоре, выглянет, а там двухметровая Красная Шапочка по стенке ползёт. Я ж ещё в махровом халате. В общем, иду мимо номеров и вдруг слышу за дверью четырёхместного номера приглушённые голоса — Михалыч и бородач разговаривают.

— Глупо ты, Серый, себя повёл. Не стоило так наезжать на молодежь, — говорит бородач. — Дождёшься, что назло тебе этот новенький фотки в интернет выложит.

— Не выложит он ничего. Мы сейчас к ним зайдём, баллончик распылим и фотки с блокнотом реквизируем. Они даже и не поймут ничего.

«Вот это поворот сюжета! Просто американский боевик, — подумал я. — Баллончик с газом, уничтожение доказательств. Нехило сюжет заворачивается. Надо Кольку предупредить».

Стараясь идти ещё невесомее, я прошелестел к нашему номеру, и только было взялся за стальную ручку, как услышал голос друга. Говорил он ещё тише, чем Михалыч с бородачем, и этот факт заставил меня замереть и напирать весь свой слух.

— Да, блокнот у нас... Да, то самый... Нет, он ничего не подозревает, вообще никто ничего не понял. Как только все уснут, мы вылетим в Анадырь на вертолёт. Да... Ждите.

Ух, какие мурашки по спине у меня побежали, когда я подслушал разговор друга! И каждый мурашек величиной почти с собаку! Во рту сразу сухо стало. Стою перед дверью и думаю: «Заходить или нет? И вообще, мы ещё друзья, или он дождётся удобного момента, и как Сергей Михалыч в меня баллончиком пшикнет?» Стою, мёрзну и пытаюсь сообразить, что делать. Наконец решил: войду, как ни в чём не бывало, узнаю, как и чего насчёт вертолэта, а потом видно будет. Отошёл я на пару метров и пошёл обратно, уже громко шлёпая тапочками по кафельному полу. Захожу, а Колька с каким-то подозрительно расслабленным видом лежит на кровати.

— Я договорился, — говорит он. — Рейс вертолэта утром, в пять часов. Так что пока все будут спать, мы уже в Анадыре будем, успеем на рейс до Петропавловска-Камчатского. Оттуда в Москву. Давай щас придавим подушки, а с утречка рванём на аэродром.

— Отлично! — отвечаю я, нарочито зеваю и хватаю свой телефон. — Давно в контактик не заходил. Девчонки, небось, всю ленту заспамнили. Гляну перед сном.

Колька хмыкнул, но ничего не сказал, только повернулся лицом к стене и почти сразу нарочито громко захрапел.

Ну а я никакую ленту смотреть, конечно, не собирался. Вместо этого полез гуглить про первых космонавтов, про испытания ракет и таинственные аварии. Я понимаю, конечно, что интернет вещь ненадёжная насчёт информации, но, чёрт побери, а что, вообще, надёжно в этом мире?

Итак, вот что удалось нарыть в интернете: Мария Громова — лётчик-испытатель. Она, вроде бы, участвовала в испытаниях ракетных двигателей. По слухам, это была межконтинентальная ракета «Буря». Тут, вроде, сходится. На той ракете, что нашли мы, было написано «Буря». Дата рождения неизвестна, дата гибели не уточняется, но сообщается, что испытания ракет производились в 1959 году 29 марта, 19 апреля, 2 октября.

И год и число тоже подходят. Разумеется, всё это неофициальные источники и неподтверждённые данные. Если про других космонавтов — Петра Долгова, погибшего 16 сентября 1960 года; Завадовского Владимира, погибшего в мае того же года; Грачёва Алексея, погибшего в ноября 1960, — если про этих людей имеются официальные сведения и даже официальные сообщения о смерти (разумеется, не на орбите), то про Марию Громову — ничего. Словно её вообще не существовало!

Отключив телефон, я задумался. Странно это. Почему имя этой девушки окружено такой завесой секретности? Вдруг вспомнилось её круглое лицо, обрамлённое крупными русыми локонами, немного курносый нос и горделивый изгиб бровей — и мороз по коже продрал. А ведь тело не могло так хорошо сохраниться даже в условиях заполярной погоды! Или действительно фейк, причём сооружённый недавно? Но кому это выгодно и зачем? Американцам доказывать, что первый космонавт был из Советского Союза, и что это была женщина — вообще никакого смысла нет. Если бы мы нашли американскую ракету, с американским астронавтом... Но мы нашли советского космонавта, вернее космонавтку. А если это дело рук Михалыча? А что, такое ему вполне под силу. Тогда всё ещё непонятнее выходит. Какая ему выгода ехать на край света, чтобы исследовать тёмное пятно на карте, а потом скрывать величайшее открытие? Почему он так настойчиво пытается уверить нас в том, что это всё инсценировка? А вообще, действительно это инсценировка, или ракета могла приземлиться, не взорвавшись?

Поняв, что ничего не понимаю, я постарался закрыть глаза, чтобы хоть немного вздремнуть, но тут услышал шуршание. Колька?! Сердце нехорошо ёкнуло где-то существенно ниже груди. Стараясь не шевельнуться, я немного приоткрыл глаза и осмотрел комнату. Так и есть. Эта скотобаза быстренько натягивала на себя штаны и куртку. Вот он взял мой рюкзак и принялся рыться там, выискивая блокнот. Вот тебе и друг... Вытащил он блокнот, вытащил мой кошелёк и переложил себе в рюкзак. Вижу, ко мне гад подбирается. Видимо, телефон мой свистнуть собрался. Я глаза прикрыл, и через ресницы наблюдаю за тем, как Колян руками по подушке шарит, подбираясь к сокровенному. Улучив подходящий момент, ухватил его за кисть и, выворачивая её вперёд, перекинул тело этого предателя через себя. Короткий удар в челюсть — практически без замаха, но рука у меня тяжёлая. Так что пока

друг приходил в себя, я успел завести ему руки за спину и стянуть полотенцем. Вторым полотенцем перетянул ноги.

— Заорёшь, в пасть носки затолкаю, — предупредил я его.

По глазам было видно, как Колян ужаснулся. Ещё бы, он знал, что я слово сдержу. Орать он и в самом деле не станет — невыгодно, — а вот вырваться попытается. Я взял с соседней кровати одеяло и замотал в него Кольку.

— Ну ты и сволочь, — заявил я ему, закончив своеобразную мумификацию. — Спасибо, что хоть из баллончика в меня на брызнул.

— Из какого баллончика? — удивился он.

— Нервно-паралитического. Кстати, Сергей Михалыч как раз собирался на нас его испробовать.

— Сволочь, — выругался теперь уже Николай.

— Надо же, ты хоть бы извинился за то, что деньги стырил у меня.

— Я для истории стараюсь, — нимало не смутившись отвечает Колька. — Я член общества «Археология без границ», и наш девиз — «Все открытия должны быть открыты немедленно и без всяких условий!»

Я покрутил пальцем у виска:

— Вообще-то, я не собирался замалчивать открытие, и тоже был против решения Сергея Михалыча. Но ваше нелегитимное поведение, Николай, полностью дискредитировало хорошую идею. Теперь открытие состоится без тебя и без ваших организаций.

С этими словами я вытащил из его рюкзака свои вещи, переложил их обратно и развернул друга лицом к стене.

— Там эта.... Сергей Михалыч прийти обещались с баллончиком газа. Так что приятных ощущений, друг.

Оставив Кольку извиваться на койке, я двинулся в сторону аэропорта.

Спустя три дня я уже был в Москве. Не знаю отчего, домой пойти не рискнул. Решил несколько дней потусоваться у Стёпки, тем более что тот всё ещё продолжал отмечать своё возвращение из армии. Народу в хате толклось — жуткое количество. Но меня из удобств на этот момент волновал только ноут, подключённый к безлимитке. А это добро у Степана имелось.

Короче, я сел подбивать доказательную базу к открытию. В том смысле, что стал искать причины, по которым космический корабль не взорвался при этой аварии. Перелопатил кучу информации на всяких спецфорумах. Даже у всеведущих людей интересовался. Но все в один голос утверждали, что сие невозможно. Что при срыве в баллистический спуск горящий корабль — всё равно, что подожжённая бочка. Я уже даже сам уверовал в то, что найденная нами космическая ракета — фейк. Тем более, невозможно объяснить то, что труп космонавтки сохранился в целости и сохранности, не сгорел. Ведь горящий корабль нагревается до немыслимых температур.

В общем, сидел я и грустно разглядывал фотки с телефона, когда в комнату Стёпка завалился.

— А ты не лётчи-и-и-ик! — проорал он, выискивая мутным глазом неприкосновенный запас пивасика. — А я-я-я-я-я бы-ы-ы-ы-ла так ра-а-а-а-да-а-а-а-а!!!

Тут он обратил внимание на меня. Прижав найденные бутылке к груди, Стёпка щедро предложил:

— О, а ты чего тут? Давай к нам, пока пиво не кончилось.

— Да не, — отмахнулся я. — У меня дело.

— Какое?

— Да вот, никак не могу причину найти, по которой бы горящий космический корабль не взорвался и долетел до земли в целости и сохранности.

— Конечно, не долетит, — хмыкнул Степан. — Это же бочка с керосином и азотной кислотой!

Я вздохнул. Ибо Стёпка в лётных войсках оттрубил, и даже если он подтверждает, то мне рыть больше нечего.

— А что за корабль? — вдруг заинтересовался он, ставя бутылки на стол.

— Ракета «Буря» 1959 года, — ответил я, развернув ноутбук к другу. — Все в один голос говорят, что ракета не могла долететь до земли.

— Угу, ракета не могла, а «Буря» могла, — вдруг заявил Степан. — Потому что ни хрена это никакая не ракета.

С сожалением констатировав, что логическая система нашего лётчика не выдержала напора горячительных напитков, я издевательски переспросил:

— Да ну, не ракета? А что это тогда такое? Может быть, чукотская юрта?

Степан сощурил глаза, подозрительно уставившись на меня с таким видом, словно видел в первый раз, и вдруг поинтересовался:

— А откуда у тебя, вообще, эта фотка?

— Какая разница? — пожал я плечами, поняв, что Стёпка отвлёкся на личности, и раздумывая, как бы направить разговор в нужное русло.

— Какая разница? У тебя тут на фотке, между прочим, «Буря 5В», которого и в природе быть не должно. Ну так откуда у тебя изображение секретного объекта? Хотя, погодь, ничего пока не говори.

Оставив бутылки с пивом на столе, он ломанулся в зал, где веселье было в самом разгаре. Девчонки уже распевали песни, а парни подбадривали их свистом и создавали музыкальный аккомпанемент.

— Всё, хорошо! Окончена вечеринка! — рявкнул Степан, перекрывая басом весь этот гул. — Валим по домам!

Его, конечно, никто не воспринял. Наоборот, девки сделали усилие и, взобравшись на стол, принялись отплясывать там ламбаду.

— Шо-о-ро масипой! — надрывался Юрок, поражая окружающих своим безупречным голосом и музыкальным слухом. — Эсетне ламбада-е, сенте ламбада-а!

Бывший лётчик нахмурился и засучил рукава. Следующий куплет Юрка выдал на лестничной площадке, не сообразив, что с космической скоростью был выставлен за дверь. Туда же отправились девчонки и Миха с Кузей. Я почувствовал, как где-то в животе холодеет, разбегаясь пупырышками по коже, страх. Видать, Степан в лётной части не только авиацией занимался. Может, он даже отличником боевой подготовки был. А может, даже и политической. Тут я малость очканул, представив себе, как Стёпка вламывает мне в челюсть, вяжет, как батон колбасы, звонит куда следует и сдаёт меня людям в серых костюмах. Решив незаметно слиться вслед за остальными гостями, я подобрал свой рюкзак и потёк к выходу.

— Куда? — друг ухватил меня за хлястик рюкзака и втянул обратно в квартиру.

Заперев дверь на ключ, Степан сунул его в карман. Потом отключил компьютер, пояснив, что при определённых словах, произнесённых в помещении, вебкамера может самостоятельно включиться и вести трансляцию, передавая сведения в компетентные органы неких стран. Тут уж я очканул окончательно, и мурашки по организму забегали уже безо всякого холодка в желудке. Да и сам желудок у меня оторвался и упал куда-то вниз, за селезёнку.

Друган же, хлебнув пивка для ясности ума, прочистил горло и кивнул мне:

— Давай, рассказывая всё по порядку и с самого начала.

Путаясь в датах и порядковой очерёдности событий, я стал излагать все подробности неожиданного появления Коляна с просьбой дать денег, вступления в клуб и нашего путешествия за полярный круг. Поначалу Степан фыркал, то и дело обзывая Коляна конченным придурком, а когда я дошёл до его членства в тайной организации «Археология без границ» и вовсе обозвал его сектантом. Выслушав всё же мой рассказ до конца, Степан кивнул, обобщая услышанное:

— Так, с путешествием всё ясно, теперь фотки показывай. Только давай с телефона. Ноут не стоит включать.

Влажными от пережитого ужаса руками я включил свой смартфон и продемонстрировал другу изображение таинственного летательного аппарата.

— В нете на форумах интересовался насчёт того, может ли ракета, загоревшись в космосе, долететь до земли и не взорваться, — сообщил я, и на всякий случай назвал координаты этих форумов. — Но фотки не выкладывал. Хотел приберечь их для своей странички в ЖЖ. Сначала доказательную базу хотел подбить, чтобы не обвинили в фейке. Однако все, как один, уверяли, что это невозможно. А ещё я нашёл в нете неподтверждённые сведения о Марии Громовой и проекте «Буря». Но там везде говорилось о межконтинентальной ракете.

— Ну ты даёшь, просто гугло-детектив! Какое расследование провернул, — заржал вдруг Степан.

— Чего? — сразу набычился я. — Между прочим, лазать по библиотекам сейчас не модно. Да и что я там мог бы узнать, без спецдопуска? Я даже не знал бы, какую литературу спрашивать.

— Ну, ещё бы... — ухмыльнулся Стёпка.

— Может, расскажешь всё-таки, что это такое, если не ракета? Или вообще секретная инфа?

— Да рассказать могу, тем более что срок давности истёк, хотя данные и не публикуют. Вот только ты их вряд ли поймёшь. Тяжеловато ботанику будет переваривать такие технические термины.

— Ну ты уж как-нибудь абстрагируй понятия.

Степан снова ухмыльнулся, нагло демонстрируя чувство превосходства технаря над ботаником, и стал снисходительно пояснять, явно выбирая слова попроще, чтобы даже такой далёкий от техники нетопырь понял всё:

— В 1953 году авиаконструктору Лавочкину поручили разработку ракетного носителя ядерной боеголовки. Проект получил кодовое название

«Буря». В 1955 году был готов первый прототип. После этого бюро Лавочкина получило секретное задание: начать разработку модели пилотируемого орбитального самолёта, который мог нести на своём борту ядерный заряд. Самолёты в космосе, регулярно пролетающие над Америкой и недоступные земным средствам ПВО — роскошная идея, не так ли? Так что на фото у тебя тот самый пилотируемый орбитальный самолёт «Буря», модель 5В.

Я честно посмотрел на фото ракеты и признался:

— Что-то не очень на самолёт похоже, пусть даже и орбитальный. У него же крыльев нет.

Степан тяжело вздохнул, покосился красным глазом на непочатые бутылки с пивом и сел за стол рядом со мной. Зубами свинтив крышку, он отлебнул почти половину и принялся пояснять очевидные факты:

— Конструктивной особенностью этой модели были отделяемые крылья, в которых находилось топливо. Смотри, видишь эти борозды? — Стёпка ткнул пальцем в искорёженные полосы металла на корпусе. — Это крепления для крыльев. Эта деталь и объясняет, почему корабль не взорвался.

— А зачем самолёту вообще понадобились отделяемые крылья с топливом? Их что, заменяли прямо во время полёта? Типо дозаправки?

— Типо для безопасности. На борту же ядерная боеголовка. А ну как топливо загорится? А так горючее можно сбросить. Ты говорил, у него корпус загорелся, но сам самолёт не взорвался и долетел до земли, так?

— Ну...

А Степан продолжал развивать свою версию событий:

— Ну давай тогда реконструируем события. Чего там конкретно загорелось? Я схватил блокнот и прочёл запись космонавтки:

— «Что-то пошло не так. Сильный перегрев. Жарко... очень жарко. Вижу пламя на обшивке».

— Ага, значит, загорелась теплозащита корпуса. Пилот делает заход на экстренную посадку. Протянув, сколько возможно, он отстреливает крылья перед столкновением с поверхностью, чтобы избежать взрыва. Но раскалённые крылья взрываются в воздухе слишком рано, опалив модуль и уничтожив остатки крыла. Однако корпус самолёта цел и практически невредим. Пилоту чудом удаётся воткнуть его в почву, лишь слегка помяв носовую часть. И вуаля — мы видим на фото ракетобразный корпус довольно неплохой сохранности.

Я взглянул на Степана, покачивающегося на табуретке, с искренним уважением. Даже с тремя литрами пива и поллитром водки в организме он сохранял ясность ума, во всяком случае, во взгляде и рассуждениях.

— Мощно, — с плохо скрытым восхищением сказал я. — У кого только ни спрашивал — у технарей, на космо-форумах, — никто даже версии такой не выдвинул. А ты в две секунды всё разъяснил.

— Да это фигня, — буркнул Стёпка, слушая меня краем уха и внимательно разглядывая фотографии на телефоне. — Ты вот лучше, как ботаник, разъясни-ка мне, каким образом тело этой космонавтки могло так хорошо сохраниться?

— Ну, с телом разбираться надо, — задумчиво протянул я. — Тело — это не ракета и даже не орбитальный самолёт. Тут всякое могло быть.

— Например? — поинтересовался с явной издёвкой Степан.

Типо, он весь из себя молодец и огурец — смог объяснить, почему самолёт не взорвался, а я лохопец, который, несмотря на ботаническое образование, не может разъяснить, почему тело космонавтки не истлело за эти годы. Но я же не патологоанатом, я физиологом растений готовлюсь стать — фотосинтез, хлоропласты и всякое такое. Да мы анатомию человека на третьем курсе только будем проходить. Но анатомию же, а никак не судебную патанатомию. А там ведь явно нечто патологическое произошло. Вот только что? Я внимательно пригляделся к фотографии и вдруг озарился догадкой.

— Слушай, раз теплозащита корпуса сгорела, то в кабине было жарко, так? Не скажешь, сколько примерно?

— Ну, явно больше двадцати. Раз тренированная к различным нештатным ситуациям лётчица пожаловалась, что в кабине очень жарко, значит, так и было. Может, градусов шестьдесят, а может, и больше. Раз теплозащита выгорела, температура вообще могла выше ста градусов подняться.

— Ага, — кивнул я головой, изо всех сил пытаюсь удержать догадку и сформулировать её в достаточно убедительное утверждение, понятное технарю. — Вот тебе и причина сохранности. Высокая температура наверняка продержалась довольно длительное время — корабль-то был герметично закрыт. Благодаря чему могли создаться идеальные условия для мумификации тела. Тело быстро теряло влагу, высыхало. А большинство бактерий погибло при высокой температуре. Внутри самолёта образовалась стерильная среда, которая способствовала сохранности тела. Ну и в плюс ещё сыграло то, что большую часть года на местности температура ниже нуля, а летом не поднимается выше десяти градусов. Но это всё догадки. Надо, конечно, ехать туда, брать пробы, исследования всякие проводить.

Закончив свою речь, я облегчённо выдохнул, радуясь тому, что не уронил чести ботанической. Вроде бы как, объяснил всё. И в тоже время осталось пространство для манёвров. Если чего не так, то всегда можно оправдаться непредсказуемой особенностью женского организма.

— Да, — задумчиво протянул Стёпка, разглядывая фотки. — Съездить туда не мешало бы. Только с серьёзными людьми, чтобы всё изучить и как следует проверить. И вообще, надо сообщить «куда следует».

— Спятил?! — возмутился я. — Эти из «куда следует» сразу всё приберут. Самолёт в секретный ангар отправят, а лётчицу в поликлинику для опытов определят. И всё, затеряется великое открытие!

— А что ты предлагаешь? Оставить всё, как есть? Теперь это невозможно. В любом случае люди из «куда следует» гораздо лучше позаботятся об объекте, нежели любители истории. Самолёт вы распечатали, герметичность нарушили. Наверняка, теперь тело начнёт разрушаться.

— Необязательно. Оно же уже мумифицировалось. И потом, почему оставить, как есть? Я всё на сайт выложу. Пусть альтернативщики слюной изойдут.

— Зачем? — совершенно искренне удивился Степан. — Чтобы сделать из находки очередной Аркаим? Представь себе, выложишь ты на сайт — допустим, тебе поверят и воодушевятся. Знаешь, что тогда произойдёт? Самолёт объявят летающей тарелкой, и толпы паломников будут слетаться к объекту,

плясать вокруг него хороводы, медитировать, энергию получать. Колупать сувениры с обшивки. Биотуалеты понаставят по двести рублей за вход. Ты этого хочешь?

В общем, мы поговорили, и решили пока ничего не предпринимать, подождать, пока страсти перекипят. Я занялся документацией, чтобы не голословно утверждать насчёт первой женщины-космонавта. Стёпка даже щедро поделился со мной аккаунтом со спецдопуском в онлайн библиотеку. Я стал рыть там инфу насчёт орбитальных самолётов, их конструктивных особенностей, горючего в крыльях, температуры воспламенения теплозащиты и прочего. Кстати объяснение нашёл, почему лётчиком женщина была. Всё дело в весе и росте. В те времена к этим пунктам очень серьёзные требования выдвигались. А для «Бури 5В» и вовсе пилот должен был быть не выше 150 сантиметров и весом не больше 42 кг. Мужчин с такими параметрами, видимо, не нашлось.

Материала за три месяца много накопилось. Мы со Стёпкой упарились его систематизировать и обобщать — почти девять месяцев угрохали. Но в общем и целом вышла неплохая статья, которую и в научный журнал не стыдно послать, что я и сделал. Распечатал на принтере весь наш многомесячный труд, купил конверт побольше и выслал.

Через неделю письмо мне в почту приходит от редакции. Пишут, что материал интересный, но не представляющий для научного мира никакого интереса. Поскольку я, дескать, использовал непроверенные слухи, гуляющие в интернете. И совет с издевательской вежливостью ещё дали: «Советуем отослать вашу статью туда». И адрес ещё же приложили —

«Археология без границ».

Я аж посинел от «радости». Захожу туда, а там...

Там на весь первый лист фото с самолётом и надпись шестидесятым шрифтом: «Гагарин не был первым! Первой в космосе побывала женщина! Советская космонавтка во время первого орбитального полёта была сбита летающей тарелкой!!!» Дальше по ссылке фотки самолёта, фото самой Марии и опять заголовки: «Чудом уцелевшая ракета. Не обошлось без вмешательства инопланетных сил. Инопланетяне объявили охоту на советских космонавтов. Лётчик-испытатель впала в летаргическую кому. «Спящая красавица» Чукотки ещё жива?»

Волосы дыбом встали от такого паскудства, если честно. Не ожидал я, что Колян опустится до такого. Откуда он летающие тарелки и инопланетян взял вообще? Что за кома, что за «Спящая красавица» Чукотки? Дальше — больше. Рассказ про то, что руководитель экспедиции оказался в стоворе с внеземными захватчиками и пытался уничтожить улики. А Николай геройски их спасал, с риском для жизни вылез в окошко гостиницы и ночью сбежал в заснеженную тундру. Как его, замерзающего, подобрала местные жители и тоже попытались отобрать доказательства. Он бежал и от них, чудом пробрался на самолёт и вывез фотографии.

— Балабол, — прошептал я, изо всех душевных сил мечтая отполировать ему место сличения личности с фото в паспорте.

Не дочитав статью, я ломанулся на сайт официальных альтернативщиков. Интересно, у них что? Колян же всю статью Сергея Михалыча хаял. Наверняка, тот ответку накатал.

Полез я на другой сайт альтернативщиков — и точно, в самых последних обсуждаемых темах экспедиция на Чукотку. Надо отдать должное Михалычу, описано всё очень буднично и даже с научным уклоном. Никаких тебе летающих инопланетян, которые охотились за советскими космонавтками. Никакой комы. Даже про ракету ни одного слова. Описано исключительно путешествие, как мы собирались, как ехали. Про лук от медведей аж целая страница: как, зачем и почему. Фотки лабиринта выложены с подробностями хороводов и прочих радостей жизни в виде каши у костра и коньячка. И как главная сенсация — таинственный сортир посреди тундры. Про ракету и Марию Громову ни полслова. Только фотография долины между сопками с краткой подписью: «А вот и тот самый таинственный чёрный квадрат». Дальше, в комментариях, длинная дискуссия про нужник в тундре: дескать, зачем, кто построил, для кого и когда. Как будто этот туалет и есть то самое важное открытие экспедиции. В конце рассказа только пара уничтожительных фраз про «мастеров фотошопа, любителей создавать нездоровые сенсации и откровенных брехунов» с сайта «Археология без границ».

Весомо так всё, что если бы я там не был и не видел это всё своими глазами, поверил бы в то, что «Археология без границ» врут насчёт ракеты. Интересно, как Колян аргументировал сговор Михалыча с инопланетными силами?

Я вернулся обратно на страницу «Археология без границ» дочитывать эпопею бывшего друга. Лучше бы не возвращался...

«В результате происков так называемых любителей альтернативной истории, никаких фактических доказательств находки советской ракеты, сбитой инопланетным кораблём, мне добыть не удалось. Однако я решил отправиться за полярный круг во второй раз с надёжными людьми. Наше путешествие было проспонсировано сайтом «Археология без границ». Однако по прибытии на место в указанных мною ранее координатах ракеты не оказалось. После беседы с местными жителями было установлено, что перед прибытием нашей экспедиции, город N посетили неизвестные. Предъявив бумаги, они арендовали портовый грузовик с подъёмным краном на низкой платформе и выехали в направлении находки. После возвращения неизвестные арендовали рыболовную шхуну. Один из матросов шхуны (пожелавший остаться инкогнито) в доверительной беседе сообщил, что неизвестные погрузили на шхуну груз, завёрнутый в несколько слоёв брезента. Шхуна доставила груз в Анадырь. Дальнейшие перемещения группы неизвестных проследить не удалось».

Я опоздал... Прости меня, Маша. Обещаю, что ты ещё вернёшься.

УКРАЇНОМОВНИЙ РОЗДІЛ

ФОТЯ ВІТРИЛО

(Україна)

Фотя Вітрило — пише оповідання, новели, казки. Має публікації в українських та міжнародних виданнях, лауреат та дипломант кількох міжнародних літературних конкурсів. В 2014 році була видана збірка оповідань «Ішли діти з Раю», яка зайняла перше місце в Німецькому Міжнародному Літературному конкурсі «Лучшая книга года-2015» в номінації Мала проза.

АСОЦІАЦІЇ

Присвячую Тані А.

Коли ми згадуємо про Надлак, в пам'яті виникають картинки-асоціації. Якось Таня запропонувала погратися цим потоком слів. І пішло-поїхало: літо, берег, лужок, водоспад, лелека, зорі, НЛО, вогнище, суніці, лавки в саду, гамак, піч, кам'яне крісло, філософія, теплий вітер, вранішня роса, мрії, молоко свіже, домашні яйця, літній душ, чорнобривці, айстри, бруківка, човен, кладка, коня купають в річці, малина, ожина, агрус, абрикоси, дині, коса, косити, шовковиця, кінотеатр під відкритим небом, цвіт акації, соловейки, довго їхати на велі, Робінзон, сусід з гармошкою... сапа... сапати...

© Фотя Вітрило

Останні два слова викликають не такі приємні емоції, як всі інші. Але я не буду починати розповідь із них, я вставлю про сапу десь між суничним та гамачним абзацами, щоб було не так нудно.

А в гамаку лежати під шовковицею? Там ще під ним грядка з суницями, можна руку опустити і зірвати свіженьку ягідку. Лежиш, зверху — гігантська темна крона блискучого листа, і раптом перериваєш мовчання зауваженням: «Щось давно НЛО не появляються...» Потім повертаєш голову і в просвіті поміж листям вражено фіксуєш... дивне саяво. Вивалюєшся з гамака, падаєш, встаєш, вибігаєш з-під дерева, ловиш поглядом незвичайну велику ЗІРКУ. Вона летить маленька і раптом миттєво спалахує і стає величезною, волосся дибки стає і мурашки повзають по тілі від того видовища. Кілька секунд летить яскравою, а потім гасне і стає ледве помітною. Ти проводжаєш її жадібним до таємничого поглядом, здається, що зараз втратиш із поля зору, а воно знову — спалах! Звезда Віфлеємська наче загорілась і пливе-пливе... і знову погасла...

Ми називаємо ці штуки просто — НЛО. Одного разу бачили цілу ескадру на горизонті ввечері. Тільки ще більші і світилися довше.

Федір після трудів праведних любить, в гамаку лежачи, курити трубку з пахучим тютюном, купованим в Інтернет-лавці. А внизу під гамаком у нього стоїть склянка з газировкою. Влітку чомусь так тягне на газовану воду.

А ще мені дуже сподобалась подорож на велах із Вовою. Вові проїхати на велі 50 км — за виграшки, бо він велогонщик-любитель. У нього є багато таких самих друзів, які збираються разом і їдуть кудись, їдуть... Сотні кілометрів, навіть у Крим.

Отож якось він приїхав на вихідні у Шполу і захотів у село. А вже було п'ять годин вечора. Він би доїхав сам за годину, але я прив'язалась до нього із своїм радянським підлітковим великом. «І я хочу, і я хочу!» — вигукувала.

Поїхали удвох. Через хвилину двадцять Вова вирішив прив'язати мій вел до свого тросиком, щоб збільшити нашу швидкість. Звісно, мені тепер було легше крутити, навіть можна було розглядатись навсібіч, милуючись краєвидами на заході сонця. Повітря було насичене ароматом квітучої білої акації, у хащах співали солов'ї, безлюдні краєвиди змінювались сільськими хатинами, а небо темніло і сонце опускалось все нижче. В одному місці, де солов'ї занадто вже розспівалися, ми зупинились і заслухались. Я сказала: «Ти тільки подумай, немає ніяких слухачів навколо, а вони так гарно співають! І не треба їм слухачів... і не треба овацій...» А Вова сказав: «Та вони ж друг для друга співають, для задоволення!» А я подумала: «Якої високої думки про себе людина, виявляється. Вважає, що тільки вона може отримувати задоволення від музики, співу... а насправді, можливо, цих соловейків радо слухають безліч лісових мешканців!»

Вже майже смеркло, коли ми зупинились у Ярошівці біля генделика. Вова купив там якогось напою в бляшанці і по шоколадному батончику підкріпитись. А далі було найцікавіше. Найбезлюднішою частиною шляху між лісів і посадок ми їхали в темряві. Дорога була в вибоїнах, не знаю, як ми їх обминали, бо особисто я нічого вже не бачила, крім неясних обрисів велосипедиста попереду.

Віття дерев хилилось над дорогою, створюючи ілюзію темного лісу із страшних казок братів Грім.

Я навіть вигукнула: «Вова, агов! Тобі не страшно? Бо мені темно і страшно, ніби в казці!»

Врешті добралися до села, доїхали до своєї хатини, зайшли у двір. Урраа! Ми — вдома!

Хатинка дуже зраділа нашому приїзду. Не чекала такої пізньої пори. Вона дуже scuчає, коли ми довго не приїжджаємо.

* * *

У дворі багато лавочок і навіть кам'яне крісло біля вогнища.

Наш песик Мишко (вельш коргі кардіган) дуже любить ганяти по такому великому дворі. Перевіряти своїм носом, чи був тут хтось чужий? Бо щось кущик воняє отим нахабним сусідським котом, а камінчик біля хвіртки чужий Рябко помітив, негідник. Ось він їм дасть прочухана, як тільки з'являться! Курочкам пір'я з хвостів повиривав он. Щоб знали, як по чужому дворі шастать. Мишко любить порядок, щоб все і всі були на своїх місцях. А чужих не любить, не довіряє, суворо жене геть із двору. Бідні курочки...

* * *

Я тут вперше в житті особисто спостерігала, як розмовляють пташки. Навіть не поміж собою, а, о диво, той маленький горобчик намагався попередити мене, що у двір заліз страшний чорний кіт із білим комірцем, на прізвисько Дворецький, і що він уже (о жах!) зовсім близько.

Я тоді сиділа на веранді у кріслі. Відпочивала. Двері були відчинені, тюль легенько колихав вітерець. Горобчик сів на тиночку прямо навпроти дверей і дуже голосно та стривожено цвірінчав. Ну, реально розмовляв. Я ще подумала, дивно, чого він розверещався? А потім підвелася і побачила, що Дворецький був майже біля дверей. Побачивши мене, чкурнув геть. Горобчик теж утік.

Спочатку я подумала, що це випадковий збіг. Але раптом згадала, що це не вперше так кричить горобчик, і тут же виявляється, що десь поряд — кіт.

Звичайно, коли на дачі є Мишко, то Дворецький не сміє сюди сунути свій бандитський писок.

* * *

Якось ми з Федором їхали в село «Явою». Зупинились трохи ноги розім'яти. Аж раптом чуємо: чоловічий голос співає. Та так ще й непогано, вільно, голосно, потужно. «Землянку» співав, а потім ще якісь пісні, забула вже. Уявіть, навкруги — тільки поле і ліс на десятки кілометрів, і хтось співає... Ми здогадалися, що то співав Робінзон. Ми так прозвали чоловіка, що живе в тих місцях відлюдником. За кордоном таких кличуть дауншифтерами.

У Робінзона там шмат землі, на якій він вирощує кавуни, суниці і все інше. А живе він там і влітку і взимку. Житло в нього якесь там хоббітське. Ось так ми дізнались, що відлюдник має талант співака. І співає, як соловей, не потребуючи нічийх овацій.

А іншого разу їхали пізно ввечері, теж «Явою». І знову побачили красу дивну на цьому ж самому відрізу шляху. На кожному стовбі, як почесна

варта, стояли 1-2 лелеки. Подекуди навіть на гіллі дерев повисли, як груші. Я весь час вертіла головою на всі боки, захоплено намагаючись не пропустити ні однієї деталі цього видовища. Виглядало все так містично-романтично, а на ділі виявилось меркантильно з пташиного боку, тому що лелеки зібрались тут мишей ловити на полі. Трактори якраз орали, а беззахисні польові мишки втікали від тракторів і легко втрапляли до лелечого дзьоба. І якщо подивитись на все це відсторонено, то картинка була страшною і жорстокою.

* * *

Лелеки цілими днями літають над річкою, часто шурхотять крилами над подвір'ям, величезні, клацають дзьобами, сидячи на гнізді. Вони здаються ручними, бо так близько селяться.

А от лебеді як летять, звук такий чудний, ніби металічний. Не знаю, чи то крилами так повітря ріжуть чи така пісня...

А бачила якимось качечку дику з крихітними каченятками. Випливла з очерету, а вони за нею хвостиком-ланцюжком. Почула підозрілий звук і хода знову в очерет, і вони за нею. І немає — поховались. Молодці — слухняні дітки.

А на березі якимось восени знайшла мертвого блакитного папужку. Він лежав у траві під вербою... Бідолашка. Мабуть, нічний осінній заморозок відправив пташку в «теплі краї». Чи не ліпше, ніж скіти в клітці, хоч і в теплій сільській хатині?

* * *

В жовтні так пахнуть яблука. І вітер пахне травою, жовтим листям, собаками, коровами, останніми айстрами, хризантемами...

Я лежала за хатою на матраці. В цей осінній день сонце вже не пекло, як влітку, а ніжно зігрівало відкриту шкіру.

Я вирішила провести сухе голодування, тому залишилась на дачі зовсім сама на кілька днів. Сухе голодування — це тобі не на воді... перший день ще куди не йшло. А наступного дня я проходила мимо відра з водою, що стояло під краном, і задивилась, як сонячні зайчики колишуться там, яка поверхня води кришталева, як бджілка намагається напитись... Того дня вода відкрилась мені як щось незбагнено таємниче й прекрасне, як квінтесенція життя, схована на самому видному місці, щоб ніхто не зрозумів...

Дуже хотілось пити. Я підняла в траві жовтобоке маленьке яблучко і понюхала... вдихаючи його аромат, я відчула, що спрага втамовується... то була ілюзія чи прихована здатність організму, не знаю. Взагалі, нюх став такий гострий, і в подиху вітру — безліч різноманітних запахів. Уявляю, що значить собачий чи котячий нюх. А в диких тварин, можливо, ще гостріший.

Я протрималась три доби. Настала четверга. Періодично паморочилось в голові, і не було сили ходити чи щось робити фізично. Хоч я й намагалась збирати горіхи та згрібати листя.

Вечері я пішла до ліжка. Сон кудись забіг від мене. Такої пори в нетопленій хатині — холодрига, а мені було жарко і ковдра заважала дихати. В якусь мить я почула незнайомі звуки в сусідній кімнаті — кляцання посуду, тихий стук і шурхіт. Галюцинації? Чи миші?

Досі ніяких мишей в хатині не було.

Мені стало страшно. Я ввімкнула лампочку і сіла на ліжку. Взяла в руки книжку. Невдовзі здалося, ніби щось промайнуло. Так. Я побачила на печі повільно мандруючу мишку. Я їх боюсь до «дрожі», як то кажуть. Схопилася, почала кричати і стукати шваброю. Мишка втекла. Але ненадовго. Невдовзі їх було вже дві на підлозі — чорна і сіра. Я влаштувала такий гуркіт і скандал, що вважала, вони не повернуться. Але варто було мені знову сісти під ковдру і взяти книжку, як мишка з'явилась прямо... на бильці металевого ліжка.

Це був край. Я почала кричати в телефон і кликати на допомогу. Чоловік спочатку сміявся і жартував, говорив, що миша не може з'їсти людину, і навіть ніколи не нападає. Але в мене була така істерика, що чоловік мусив їхати за мною серед ночі 50 кілометрів. Так закінчилось моє сухе голодування, бо приїхавши додому в місто через годину, я налила в кришталеву склянку води і по ковточку почала смакувати...

Моя подруга-лікарка Оксана сказала, що не було там ніяких мишей, що в мене від спраги і голоду просто почались галюцинації. Напевне ніхто не знає. Але якби не ці миші, то я би продовжила голодування.

* * *

На дачі в нас немає інтернету, радіо і ТВ. Але якщо хочеться перед сном щось подивитись, ми дивимось з ноутбука мультики Міядзакі: «Тоторо» або «Небесний замок Лапута».

Коли йде дощ, приємно сидіти на відкритій веранді в кріслі, закутавшись в теплий плед. І слухати-слухати стук краплин, дзюрчання з ринви, дивитись як блискає в небі чи наповзають мокрі сутінки.

«Абсолютна тиша» — говорить Таня, асоціюючи про Надлак. І точно, тиша спочатку здається абсолютною. Але через декілька хвилин в неї вливається шум водоспаду і жаб'ячий концерт. А ще через пів годинки, як тільки стемніло трохи, сусід Вовка починає рвати міхи на гармошці і співати сольно. Або з собачкою дуєтом. Співають вони далеко не так гарно, як Робінзон, але все одно прикольню.

* * *

Якось ми влаштували перегляд фільму «Аватар» під відкритим зоряним небом, на великому екрані (стіні будинку). Навіть запросили знайомих сусідів, які не прийшли чомусь. Ми дивувалися, чому вони не прийшли? Адже це так красиво і незвичайно — видовищний фільм на великому екрані, сидючи в садку на лавках. До того ж, абсолютно безплатно.

А нам сподобалось. Я б не проти кожен вечір влітку так відпочивати, та на жаль, кінопроектор Вова продав уже. Потрібні були гроші.

* * *

А ще ми якось зустрічали схід сонця на скелі! Палили багаття, пили чай, бутерброди їли. І було НЛЮ, яке Вова намагався зняти на відео. А потім сонце почало сходити.

А про сапу і сапання я, мабуть, сьогодні не буду...

МИКОЛА БАЛИЦЬКИЙ
(м. Сімферополь, Крим)

Микола Балицький — прозаїк, член Спілки письменників Республіки Крим. Друкувався у багатьох російських виданнях, автор книги «Екатерина Балицкая: мысли, картины, стихи». Лауреат медальї премії ім. С. Я. Надсона, Лауреат Міжнародного літературно-музичного фестивалю «Интеллигентный сезон-2017».

СРІБНА ВАЗА

(З циклу «Не дитячі розповіді про дітей»)

Срібна ваза стояла на столі прокурора і була тепер не музейним експонатом, а речовим доказом у справі мого друга Петруся. Виїзне засідання суду проходило в Будинку культури невеликого кримського райцентру. Але, про все згодом.

Яка благодать на південному березі Криму!

Та хто б сперечався?

І зрозуміло, що більшість відпочиваючих мчать на ПБК, проїжджаючи маленькі, але такі чудові містечка гірського і степового Криму, яким є Старий Крим — місто старовинних монастирів і мечетей, місто Гріна і Каплера, місто, яке затишно розташувалося в невеликій полонині між двома горами Агармиш і Пантелеймон. Хвойні ліси Агармиша щільною смарагдовою стіною захищають місто від північних вітрів, а чудові сади, річечки і святе джерело Пантелеймона рятують від південної спеки. Завдяки цьому, тут створюється унікальний оздоровчий клімат, по який їдуть ті, хто знає про його цілющі властивості, як колись їхали Всеволод Рождественський, Юлія Друніна, Максиміліан Волошин, Леся Українка і багато інших.

З цієї ж нагоди, напевно, в шістдесятих роках приїхав із Середньої Азії до нашого містечка Григорій Ілліч, який брав участь в розкопках під Ашхабадом, і, як вчений, досяг великих успіхів. Матеріалів, зібраних в цій експедиції, йому вистачило на довгі роки роботи вже в Криму. Але наукова діяльність не заважала йому бути благодійником для оточуючих. Він запрошував нас — хлопчиків та дівчат — з вулиці Трудової до своєї домівки, де був запах справжнього музею: на полицях рядами стояли людські черепи і кістки прадавніх тварин, у величезних банках зберігалися заспиртовані рідкісні представники азіатської фауни. На полицях тулилося безліч черепків давнього посуду і домашнього начиння, серед яких була і срібна ваза якогось хана. Захоплюючи розповіді Григорія Ілліча про життя стародавніх людей зачаровували нас, ну а діафільми, які були для нас в дивину, озвучені його магічним голосом, переносили нас в казковий світ різних країн і часів.

Віра Максимівна, дружина Григорія Ілліча, була не менш романтичною натурою і любила нам читати що-небудь з Гріна, особливо роман «Та, що біжить по хвилях», а ще пригощала східними солодощами, які сама готувала.

Коли на вулиці хтось із пацанів або дівчат пропонував:

— Підемо до Греху! — То ми довго не вагалися і всі гуртом ввалювалися до нього на подвір'я. Прізвисько Грех не від слова «гріх», так ми скорочували ім'я Григорій.

У дворі прямо по центру була розбита клумба, перед якою стояв дерев'яний сонячний годинник. В глибині подвір'я був сад, у затінку якого розташовані вольєри та клітки з невеликими екзотичними тваринами і птахами. Григорій Ілліч часто-густо фотографував нас то з павичами, то з ігуаною, то з білими щурами, які без сорому повзали по наших плечах і головах. Задня хвіртка саду виходила на покинутий колгоспний сад і далі через річку Чурюк-Су на гору Пантелеймон. Глухе місце. А в правому кутку саду господар змайстрував гойдалку подібну до дерев'яного човна. Ми полюбляли лазити по човну і тоді він поскрипував, як справжній вітрильник, на якому ми на чолі з капітаном Грехом вирушали в заморські країни.

Петька був високим білявим хлопцем і дружив з моєю старшою сестрою Уляною. Напевно, у них це було перше кохання. Можливо. Але мені тоді було невтямки. З навчанням в школі у Петьки не заладилось і, як тільки йому виповнилося шістнадцять, він здав іспити на права мотоцикліста та пішов працювати на триколісному моторолері «Тула». Ми з Петрусем швидко заприятелювали. Іноді він давав мені покерувати. Не кожному хлопчику так щастило і, звичайно ж, я був в захваті від їзди на цьому драндулеті.

Петькіни взаємини з Уляною розвивалися мляво, напевно, і від того, що він у вихідні іноді прикладався до чарки і приходив до нас напідпитку. Тоді сестра візьми та й прожени його. Засмучений Петька попросив у мене ровера покататися.

Звичайно ж, я не міг відмовити своєму старшому друзяці в такий приємності, як покататися на новенькому апараті. Ну, Петька і поїхав... Спочатку проїхав по Трудовій, потім об'їхав навколо нашого кварталу по Пролетарській, Жовтневій, Калініна і раптом зник разом з моїм новеньким «Уралом».

Ми чекали Петьку до самого вечора, але він так і не з'явився.

На ранок мені треба було йти до школи. Я ледве-ледве дочекався закінчення уроків і бігом, прямо з портфелем, помчав на Болгарщину, так називали район, де жив Петька. Яке ж було моє розчарування, коли я побачив притулений до стіни старої татарської будівлі свій «Урал»! Велосипед був такий же зелений, такий же блискучий, але весь розбитий: рама погнута, кермо згорнуто, з переднього колеса стирчить гумова камера. Сльози самі покотилися у мене з очей, і я похмуро поплентався додому.

Добрий по своїй натурі Петька, коли на наступний день протверезів і зрозумів, що зробив боляче всієї сім'ї коханої дівчини, тут же вирішив все виправити. Але як виправити? Велосипед відновленню не підлягав, а купити новий у нього не було грошей.

Під час зустрічі з Уляною, ймовірно, сталося неприємна розмова, яка змусила Петьку діяти.

І він прийняв рішення.

Петрусь знав, що у Греха в музеї є срібна ваза, продавши, яку він зможе купити мені новий велосипед.

Гратів на вікнах будинку не було. Музей — велика комора зі стелажми та без вікон. Потрапити туди можна тільки через вітальню, але двері між вітальнею і музеєм зачинялися на ключ. З безтурботністю, яка властива багатьом вченим, Григорій Ілліч зберігав цей ключ тут же у вітальні в комоді. А коли він проводив для нас чергову екскурсію по музею, діставав ключ з шухляди і відмикав музей. Всі відвідувачі знали про це, в тому числі і Петька, який ні раз бував у Греха. Він так само знав, що у вольєрі живуть дві величезні вівчарки, яких випускають на ніч у двір, швидше за все, погуляти, ніж для охорони. Петька розраховував потрапити в музей через вікно вітальні, що виходить на вулицю і, тому собаки йому не повинні були перешкодити.

У Криму ночі темні і це було Петрусью на руку. Пізно вночі він підкрався до вікна вітальні Греха. Напередодні Петьку розривали суперечливі почуття: він знав, що повинен повернути новий велосипед і в той же час його мучила думка про те, що зробити добру справу він вирішив за допомогою крадіжки. Але ці думки були вчора, а сьогодні він тут перед вікном і треба діяти. Петя обережно відковиряв замазку, вийняв цвяхи і виставив скло. Страх майже паралізував хлопця, але ж він поліз у вікно. Ключ від музею виявився на місці і Петрусь відімкнув двері музею. Всередині було темно, але хлопець взяв з собою ліхтарик, яким він висвітлив стелажі. І раптом з темряви на нього подивилося щось багатооке і страшне. У тьмяному світлі ліхтарика Петька не відразу зрозумів, що людські черепа дивилися на нього з полиць своїми порожніми чорними очницями. Від жаху у Петьки затремтіли коліна, але назад шляху не було. Не минуло й хвилини, як срібна ваза опинилася в його торбині і, добропорядний хлопець, з цієї миті ставши злодієм, попрямував назад до вікна.

В цей час Віра Максимівна, яка страждала на безсоння, щоб не заважати, мирно сплячому чоловікові, встала з ліжка і пішла у вітальню почитати книгу. І яке ж було її здивування, коли, ввімкнувши світло, вона побачила посеред вітальні Петьку з торбиною у руці. Вона майже не злякалася, бо знала Петю

з маленького. Більше злякався хлопак, і це було природно, адже він був в шоці і погано розумів, що відбувається. Тим часом Віра Максимівна, перша опанувала себе і запитала майже спокійним голосом:

— Петя, що ти тут робиш? — і, розгледівши мішок в руках хлопця, запропонувала йому, — у міху, напевно, не твоя річ залиш її і йди, інакше я спущу на тебе собак.

Петька злякався ще більше, він не міг вимовити ні слова, тим більше поворухнутися. Так і дивилися одне на одного: вона впевнена і зла, а він переляканий і розгублений. Пройшли якісь секунди, але Петрусю здавалося, що час зупинився, він як і раніше не володів собою.

— Як хочеш, — строго по-вчительськи сказала Віра Максимівна, — я йду за собаками, — і попрямувала до дверей.

Петька знав, що вночі собаки знаходяться у дворі і варто відкритися дверям, як дві величезні східні вівчарки кинуться на нього. Хлопець прийшов до тям і заволав не своїм голосом:

— Ні-і-і! — Та кинувся в коридор слідом за старою.

Що було далі Петька пам'ятає смутно, тільки руки самі підняли лантух з вазою і опустили його на голову жінки. Удар видався не сильний, але мабуть припав на життєво важливе місце, тому що Віра Максимівна з гуркотом звалилася на підлогу.

Від шуму прокинувся Григорій Ілліч і, вискочивши зі спальні, побачив на підлозі дружину, яка лежала непритомна, а перед нею на колінах сидів юнак з мішком в руках, і здригався від істеричного ридання...

Потім ніхто з нас Петьку не бачив. Суд був у райцентрі, і ми дізналися, що термін йому дали дуже великий.

Віру Максимівну поховали неподалік від могили Олександра Гріна, де стоїть пам'ятник «Той, що біжить по хвилях». Своїй дружині Григорій Ілліч зробив обеліск з білого каменю, точно, як срібна ваза.

ВІРА КИРИЧЕНКО

(м. Ялта, Крим)

Віра Кириченко — поет та прозаїк, член Всеукраїнської творчої Спілки «Конгрес літераторів України», член Союзу письменників Республіки Крим.

Видала 12 авторських збірок. Автор та редактор альманаху «Планета друзей», котрий одержав грант на видання авторів в додаток до журналу «Російський колокол» (м. Москва, 2016 р.).

Лауреат літературної премії ім. Василя Чумака (Україна, 2014 р.), лауреат та дипломант Міжнародних літературних фестивалів: «Чеховская осень» (м. Ялта, 2010 р.), «ЯЛОС» (м. Ялта, 2015 р.), «Казантип поэтический» (м. Щелкіно, 2016 р.), «Интеллигентный сезон» (м. Саки, 2017 р.)

МУКИ СУМЛІННЯ

(Оповідання для дітей)

У повоєнні роки в більшість з сімей мало не менше трьох дітей. Одна-дві дитини були у тих, котрі побралися перед війною. Звичайно, в школі бракувало місць для класів. І тому їй доводилось працювати у дві зміни. З п'ятого класу по дев'ятий ми навчалися в другу зміну. Того року зима була волога і вітряна. З самого ранку небо покривалось хмарами, і коли ми поверталися зі школи (а це було біля двадцятої години), суцільна темінь огортала вулиці.

У той день шкільна бібліотека поповнилася новими книжками. Я допомагала переносити їх з воза, та побачивши красиву в твердій палітурці книжку Аркадія Гайдара «Тимур та його команда», попрохала Марію Іванівну видати її мені. Вона спершу її зареєструвала, поставила штампель, та записавши на мене, дозволила її взяти. З якою радістю я притискала книжку до себе! Від неї ще надходив запах друкарської фарби. Всі уроки я її протримала у себе на

колінах, роздивляючись ілюстрації. Коли закінчились уроки, мала намір утиснути її в брезентову торбу, в якій носила шкільні зошити та книги, та книга була така велика, як класний журнал, що не могла втиснутися туди. Довелось нести її в руках.

На нашій вулиці з мого класу жило дев'ять дітей, тому в темряві гуртом було не страшно йти до дому. Але я не дійшла до мого будинку кроків сто, як хтось, ударивши мене, висмикнув книжку й побіг, а слідом за ним побігли всі. Я була приголомшена. Ніколи ще не зазнавала такої душевної травми. Мене тільки втішала надія на те, що хлопці почитають книжку та повернуть її мені.

На другий день у школі я довідалася, що вибив у мене з рук книжку Іван Продан, але він її не взяв, і вона залишилась на дорозі. Що мені було робити? Повернути книжку в бібліотеку я повинна була через тиждень. Усі ці дні я переймалася, не знаючи, де її дістати. Коли пройшов тиждень, я прийшла в бібліотеку й зізналась у всьому, запропонувавши принести їй дві книжки замість загубленої. Але Марія Іванівна не погодилася. Вона ввійшла в моє становище і промовила, щоб я повернула кошти за книжку — тринадцять карбованців, а штраф на мене не накладе. Але якщо за два дні я не поверну гроші, вона напише листа на завод, де працював мій батько, щоб у нього вирахували із зарплати і штраф, і кошти за книгу. Я дуже боялася батька. У сім'ї було п'ятеро дітей, а він отримував у місяць триста карбованців. Мама інколи батрачила у людей за десять карбованців у день. На душі було щемно. Мама побачила, що зі мною щось не так, усе запитувала, чи не захворіла я. Довелося вигадувати, що багато

задають уроків, і тому болить голова.

За ніч я знайшла вихід. Набрала в торбинку тринадцять склянок зерна, яке мама приховала на «чорний» день, і пішла на базар, щоб продати по одному карбованцю за склянку. Поруч зі мною торгувала Шура Швидченко. Вона була старшою за мене на чотири роки, але з першого класу по четвертий навчалась зі мною в одному класі, оскільки під час війни вона не змогла вчитися. Закінчивши початкову школу, вона стала приторговувати, чим прийдеться. Так вона заробляла на життя. Я бачила, як вона жваво вела торгівлю лавровим листом та дріжджами, а моїм товаром ніхто не цікавився. І раптом я побачила, як із Шуриної кишені визирає червона купюра в десять карбованців. Поки вона пропонувала свій товар, я якось механічно висмикнула цю купюру, заховала в зерно, зав'язала торбинку й побігла до дому. Про наслідки я в ту мить не думала. Треба було ще десь дістати три карбованці. У кімнаті, відкривши скриню, в боковій шухляді я побачила три карбованці, які залишилися на хліб. Схопивши ці гроші, я, зібравши шкільні книжки із зошитами, побігла до школи, де віддала гроші в бібліотеку. Марія Іванівна попрохала мене, щоб я нікому не розповіла про те, що вона з мене не взяла штрафу, сказавши, що за тринадцять карбованців вона замовить аналогічну книжку і ніхто ніколи не визнає за цей випадок. Після цього я повинна була заспокоїтись, але серце моє щеміло, неначе передчувало якийсь лих.

Прийшовши додому, я зрозуміла весь жах своєї провини. У кімнаті стояла відчинена скриня, а всі речі з неї були розкидані по долівці. Усі чотири брати стояли в святому кутку на колі-

нах, розчервонілий батько шмагав їх попругою за гроші. Побачивши мене, він поставив мене поряд з братами на коліна та замахнувся попругою, але мама схопила його за руку, заголосивши: «Павлуша, отямся! Дівчинка не могла взяти гроші! Бий краще мене!» Батько вдарив її, гримнув, щоб не заважала дізнатись істини. Він прохав нас зізнатися в зробленому, інакше всі до ранку будемо стояти в кутку. І раптом Микола — справедливий, але жорстокий брат, дивлячись на старшого брата Шурка, промовив: «Зізнайся, пацюк! Інакше... гілляку я вже придивився, а мотузку знайду!» Я ридала не від болючих ударів попруги, а від почуття своєї вини та жаху бути повішеною. Батьки полягали спати, а ми, стоячи в кутку, чули, як схлипувала мама та плакав, стогнувши, батько. Через дві години батько велів нам лягати спати. Через мене були даремно покарані брати. Я це усвідомлювала, але страх отримати покарання ще й від братів утримував мене від зізнання. Я поклялася, що поверну всі гроші і в хату, і Шурі Швидченко.

З яким нетерпінням я чекала на зимові канікули! На Різдво із самого ранку я відправилася колядувати по всім вулицям та провулкам. Цілий день ходила по слякоті і все ж таки наколядувала три карбованці. Зразу розміняла їх на одну купюру та покляла в скриню, прикривши речами.

Навесні, перед Великоднем, коли мама мазала крейдою кімнату та провітрювала речі із скрині, вона витрусила три купюри по три карбованці. Зібрала вона всіх нас та й промовила: «Я не хочу знати, хто взяв ці злочасні гроші, але я бачу не тільки каяття, але й вашу любов та взаємовиручку. Не жадність спонукала грішника, а, мабуть, безвихідь. Тому батькові розповім про ці три карбованці, що вони загубились в речах, і що крадіжки не було. Хай мене Господь простить за цю брехню!»

Я до цього часу не знаю, хто підкинув дві інші купюри, але думаю, що Микола і Шурко. Так я і не змогла зізнатися в своєму гріху, а зараз уже нема в живих ні батьків, ні братів. Ця біль моєї провини до сих пір ятрить мою душу.

Шура Швидченко зрозуміла, що це я вкрала в неї гроші. Якось при зустрічі вона обізвала мене «злодійкою». Я не виправдовувалась, а заплакала і про все їй розповіла. Я дала обіцянку повернути їй ці десять карбованців при першій змозі. Вона не наполягала на їх поверненні, а промовила, що прощає мене, що я сама себе вже покарала. Але, все ж таки, отримавши першу стипендію, я повернулася в Ічню, розшукала Шуру, принесла їй гроші та коробку цукерок. Гроші вона не взяла, а з цукерками ми пили чай. Згадуючи той жахливий випадок, ми довго розмовляли про нелегке життя та обливались слізьми.

ЛІДІЯ ОГУРЦОВА

Лідія Огурцова — письменниця, журналіст, психолог. Випускниця Полтавського державного педагогічного університету імені В. Г. Короленка. Член Співки письменників Росії, член НСПУ. Заслужений працівник культури Криму. Лауреат премії Автономної Республіки Крим в номінації «Література для дітей та юнацтва» (2001), міжнародного конкурсу «Национальная премия Золотое перо Руси-2012», Всеукраїнського конкурсу на кращий твір для дітей «Корнійчуковська премія» (2013), Всеросійської літературної премії ім. Миколи Гумельова (2014). Регіональний представник Міжнародного творчого об'єднання дитячих авторів (МТОДА). Автор 30 книг.

*Переклад віршів з російської
ДАНИЛА КОНОНЕНКА*

ІНДИК

Від гордоців надувсь індик —
Пихатим він ходити звик.
Серед курей — ото дива!
То хвіст розпушить, то співа.
Він не складе собі ціну —
На сцені б виступать йому!

ПРОЩАЛОСЬ ЛІТО

Йшло літечко до осені
по лісовій доріжці,
Хмарками вкрилось небо
і зажурився гай.
А літо на прощання
дощем сплакнуло трішки,
І листячком-долонькою
маха мені: «Прощай...»

© Лідія Огурцова

ДОБРЕ РАЗОМ НАМ БОЯТИСЬ

Дощ покрівлею крокує,
З громом славно їм обом.
Чуєш? Чуєш? Чуєш? Чуєш?
Бом! Бом! Бом! Бом!

Добре з братом нам боятись
Під розгорнутим зонтом.
І близенько пригортатись...
Бом! Бом! Бом! Бом!

Вийде сонце, хмарку злиже,
Грім затихне за бугром.
Тихше, тихше, тихше, тихше
Бом, бом, бом...

СУПЕР-ДІДУСЬ

Друзі любі, милі діти,
Перед вами похвалюсь:
Найпрекрасніший у світі
В мене є супер-дідусь.

Знає він, як треба бігати,
Як в ворота гол забить...
Перед сном ми любим з дідом
Про цікаве говорить.

Мій дідусь завжди готовий
В ігри гратися й читать.
Треба — почаствує пловом —
Вміє добре готувать.

А коли у парк ми з дідом
В вихідний приходим день,
Я на ослику там їду,
Поруч — мій дідусь іде.

А бабуся все сміється...
Будем з нею розмовлять.
З нами, певно, доведеться
Супер-бабцею їй стать!

ДОЩИК-ПУСТУН

Дощик з повним рюкзаком
Шльопав по калюжах.
Квіточки ловив сачком,
Обливав прихожих.

Шльопав дахом і по ганку,
В озерці скупався.
І на гірці аж до ранку
У дворі катався.

СІМ ПОДРУЖОК

Є у мене сім подружок,
З усіма живу я дружно!
Соня, Даша, Гуля, Віка,
Настя, Ксюша, Анжеліка.

Ксюша книжку прочитала —
І мені подарувала.
Разом з Гулею вчу гами,
Настя вгостить пирогами,
З Анжелікою ми — в хорі,
З Вікою купались в морі.
З Дашею на пляжі грілись,
Мультик з Сонею дивились.
Ох, стомивсь, скажу я всім,
Я ж один, а їх аж сім!

МЕНІ ПОТРІБЕН ДРУГ

Зі мною вже ніхто не дружить, —
А друг мені потрібен дуже!
Хай я один цукерки з'їв,
Але ж ніхто більш не хотів?!
Я таємницю розплескав —
Але ж весь клас про неї знав!
Твердять: секрети не люблю —
Я просто правду говорю!
А скажусь я усім тому,
Що кепсько бути одному!
Вам соромно з таким дружити?
А як мені без друга жити?..

НЕПОДІЛЬНА МАМА

Ми з сестрою ділим маму,
Так, навсправжки, це не гра...
Я кричу: «Моя це мама!»,
«Ні, моя!» — реве сестра.

Мама весело сміялась,
Мама ніжно посміхалась,
Обіймала нас: «Дурненькі,
Обі ви мені рідненькі!»

Ми з сестрою помирились
І вже більше не сварились.
В нас образи ані грама —
Неподільна наша мама!

ПОДУШКА-ЗОРЕЛІТ

Спать пора, настала ніч,
Я лягаю в ліжко.
І подушечку свою
Обнімаю ніжно.

Я до неї притулюсь,
Очі закриваю.
І в країну дивних снів
З нею відлітаю.

Не подушка — зореліт,
Мчить поміж зірками!
Ну, а вранці з нею ми
Вернемось до мами!

ЗРАЗКОВИЙ КЛАС

Розкажу вам без прикрас
Я про наш зразковий клас.
Вчителі всі, знаю певно,
Люблять нас і не даремно:
Однокласник Павлов Вадик —
Кращий в школі математик.
Лена Гур'єва — співає,
Соколова — вишиває
І танцює. Танцівниця
На відмінно тільки вчиться.
Без помилок пише в класі
Всі диктанти Сомов Вася.
У міській олімпіаді
Приз дістався нашій Наді.
А змагались в школі діти —
Всіх гучніш кричала Рита.
Довше всіх жував Андрій,

Найсмійнішим був Сергій.
А красунечка Оксана,
Як царівна завжди вбрана.
На перерві до буфету
Мчать найшвидше Гена й Петя.
Коля з Дмитриком змагались —
Стусанами обмінялись.
А у нашого Данилка
Не одна, а дві мобілки.
Таємницю «по секрету»
Всім роздзвонить наша Света.
Друзям віршами записку
Сам складе поет Дениско.
Клас прибрать в обідню пору
Доручають всі Єгору.
От який зразковий клас!
В гості просимо до нас!

СТРАШНИЙ СОН

Страшний приснився мені сон:
 По воді крокує слон,
 По траві пливе акула,
 В небі два стільці зіткнулись,
 А велике Чудо-юдо
 Догризає наше блюдо!

Я прокинувся — і що ж?
 Я живий і світ також.
 Це був сон, всього лиш сон!
 Десь у Африці є слон,
 В морі плаває акула
 І стільці не зіштовхнулись.
 У серванті — ціле блюдо,
 Де ж поділось Чудо-юдо?

Маму Чудо налякалось
 І в моєму сні зосталось!

НОВОРІЧНИЙ МАЛЮНОК

Якщо крейду роздобуду,
 Фарби й лист картону
 Сніг у мене білий буде,
 Дід Мороз — червоний.

Вся ялинка — зелененька,
 Голубі — хвоїнки.
 І пухнаста, й височенька,
 А довкруг — сніжинки.

Намалюю небо синім
 Й сонця жовту цятку.
 На верхівці — срібний іній
 Й снігу білу шапку.

День погожий без мороки
 Миттю домалюю.
 Й привітаю з Новим роком
 Мамочку свою я.

МИШКІВ КРИК

Нудьгують Мишко не звик,
 У Мишка вселився крик.
 Не змовкає ні на мить
 Цей пустун. Весь день кричить.

Затуляє мама вуха:
 — Неможливо більше слухать!
 Просить бабця онуча:
 — Перестань-но вже кричать!

Тут сусіди подзвонили:
 — Помогти вам захотіли,
 Будем разом крик шукать...
 З чого будем починать?

Пошукали крик за тюлем
 І до шафи зазирнули,
 Штори стали піднімать,
 В кухні кинулись шукать.

Всі оглянули каструлі,
 Холодильник розвернули.
 Де ховаєшся ти, крик,
 Прикуси-но свій язик...

Враз дверей почувся скрип
 Й раптом стих в квартирі крик.
 Може, хтось його знайшов? —
 Тато в хату увійшов!

Я ЗАСТУДИВСЯ ДУЖЕ

Я бігав по калюжах,
 Бо знудьгувався дуже.
 У всіх свої турботи:
 У мами є робота,
 Є риболовля в тата,
 В сестри ляльок багато.
 Ні взимку, ні весною
 Не бавляться зі мною.
 Я бігав по калюжах
 Тому і занедужав.

Та раптом щось зробилось,
 Все враз перемінилось.

Сестра несе морковку
 І книжку-размальовку.
 Приніс машинку тато
 І печива багато.
 Зітхає мама й плаче,
 Цілує мене...
 Значить,
 Всі люблять мене дуже,
 А я, бач, занедужав...

ПЛАКСИ

Біля під'їздів там і тут
 У два голоси ревуть
 Дві дівчинки красиві,
 Плаксійки вередливі.

Розридалась Танечка:
 — Хочу аж два прянички!
 — Шоколадку і цукерки! —
 Вимагає Анечка.

Сусіди дивуються:
 — Що це з ними коїться?
 — Хто ридає без причин,
 — Хто під вікнами кричить?

Наші плакси — Танечка
 І подружка Анечка!

ПРО ПОЧУТТЯ

Хлопчаки всі наші
 Линуть до Наташі,
 Бо в Наталі
 Коси кучеряві,
 Очі — небеса
 Й ситцева сукенка —
 Ой, яка краса!

Тільки ж для Наташі —
 Наймиліший Саша,
 А Сашко байдужий
 Чомусь до Наташі.
 Пише він записки
 Тільки для Лариски,
 А Ларисі тій
 До душі Сергій!

Ну, а для Серьожі —
 Оля найдорожча,
 А для Олі Коля —
 Кращий хлопець в школі.
 Колі ж бо найкраща —
 Дівчинка Наташка...

Спробуй, розберися,
 Хто ким захопився.
 В почуттях дитячих,
 В ніжностях дитячих...

ПРИКМЕТА

Подружка сказала:
погана приміта —
Сорочка навиворіт
в тебе одіта.
Сорочку зняла я,
об двері побила,
Струсила й з балкона
на землю впустила.

І нову пораду
дає мені Света:
Тут чорний ось кіт —
це погана прикмета.
Кота я на кухні
взяла й зачинила,
А кіт все поїв,
що я в лавці купила.

А вчора мені підказала
Знов Света:
Порожнє відро —
теж погана прикмета.
Виносить сміття на смітник
я не стала —
Від мами добряче мені
перепало.

Порад, що давала
колись мені Света,
Не слухаюсь більше,
скажу по секрету.
Прикмету погану
я не приховаю,
Що треба робити —
без Свети я знаю.

КЪЫРЫМТАТАР БОЛЮГИ

ЗЕЙНЕБ ИБРАИМОВА

Зейнеб Ибраимова — 2000 йылы догъды. КъМПУ университетнинъ 1-нджи курс студенти ола (тарих, санат, къырым татар тили ве эдебият факультети; къырымтатар тили ве эдебият, англис тили ве эдебият джерьяны) Биринджи ерлерни къазангъан конкурсларда иштиракъ этти. Шириет номинациясында «Татлы сес» (2010) региональ конкурснынъ гъалиби. «Пейгъамбермизге (с.а.в.) севги» региональ ярышнынъ гъалиби (3 ер, 2012 с.). Юнус Къандымнынъадына багъышлангъан «Къырым — меним Ватаным» эдебий иджадий ишлер конкурсунда иштиракъ этти (1 ер, 2013 с.). Къырымтатар тиль ве эдебият умюмукраин талабелер олимпиаданынъ гъалиби (2 ер, 2014 с.) 1-нджи курс студентлери арасында къырымтатар тили олимпиадасынынъ гъалиби ола (1 ер, 2017 с.).

ЭСКИ ЛЕСКЕР

Тапты дедем бизим эвде.
Къалын агъач тюбюнде,
Эски, демир, ады-Лескер,
Онен дедем лаф этер.
— Селям эски, демир лескер,
Татар тюсю, топракъ аскер,
Бизсиз къалдынъ оксюзленип,
Тот олюмден кирленип.
Быракътылар сени, ишكير лескер,
Къалды оксюз бизим ерлер,
Сенинъ ерине — «лопата»,
Этраф толды алабота.

Миллет сюргюн олмаз эвель,
Сенсиз олмаз ярыкъ куньлер.
Сарыкъ сарып аякъларгъа,
Бабам кетер, чайыр багъгъа.
Къызылчыкътан сапы лескер,
Таш топракъны, памукъ этер
Тамырларны багъджы унер
Балта киби, бирден кесер.
Бойле сёзлер дедемден,
Мен динъледим юректен.
Эски лескер энди бизде,
Темизлеп къойдым төрге.

© Зейнеб Ибраимова

ТИЛИНЪНИ УНУТМА

Не ерлерге бармасанъ
 Кельмешек сезлер айтсанъ
 Тувгъан тилинъ унутсанъ...
 Екъ, унутма! Ич бир заман!
 Инан, тильни бильмесенъ,
 Маскъара олурсын сен.
 Сенден гъайры ким сакълар,
 Бизим назик тилимизни?
 Сенден гъайры ким акълар
 Акъ тюске тарихимизни?
 Шербет татлы, бал киби,
 Чекишкен Ана тилим.
 Къырылгъан сенинъ къальбинъ,
 Эбедий Ана тилим.
 Лякин чокъ сен яшайджакъсын,
 Халкънынъ темиз джанында
 Янъы ёллар ачаджакъсын
 Эр кес бильсин бу дюньяда!
 Мен къырымлым, къырым татар!
 Гъурурланып буны айтам.
 Башкъа тильде лаф этсем де,
 Даима санъа къайтам.

* * *

Ахтем тутты бугунъ саба,
 Бизим гольден къаплыбакъа!
 Эвге оны кетиргенде.
 Къомшу онъа расткеле.

— Селям Ахтем хатийсинъ?!
 Къаплыбакъа кетиресинъ?!
 Яшагъайды о гольде!
 Не унуткъан, о, сенде?

Ахтем къомшусына бакъа
 Ве бойле сёзлер айта:
 — Мен айванны пек седем,
 Эксперимент онен этем.

Къаплыбакъа омюринде,
 300 йыл яшай гольде!
 Онъа пек мен ошланам!
 Сай бельки бу, бельки ялан,
 Эвде тутып бакъаджам!

СЕЙРАН СУЛЕЙМАН (Сулейманов Сейран)

Сейран Сулейман (Сулейманов Сейран) — 1979 сенеси февраль 18-де Озбекистаннынъ Фергъана виляетиндеки Къува шеэринде догъды. 1991 сенесинден итибарен Къырымда яшай. 1994-1996 сс. Къурман лицейинде окъуды. 2002 с. Къырым девлет муэн-дислик-педагогика университетининъ филология факультетини битирди. Ал-азырда «Янгы дюнъя» газетасында етекчи муаррир вазифесинде чалыша.

Муэллифининъ «Уч, къальбим» (Акъмесджит, 2003 с., «Доля»), «Сенинъ козьлерингъде йылдызлар корьдим — У твоих очах я зорі бачив» (Киев, 2003 с., «Гопак») ве «Джемден бир авуч» (Акъмесджит, 2007 с., «Доля») адлы шиирлер джыйынтыкълары чыкъты. Бир сыра китапларны къырымтатар тилине терджиме этти.

Къырымтатар Языджылары бирлигининъ азасы. М. Къашгъарлы адына ве Г. Скворода адына халкъара мукъяфатларнынъ лауреаты.

ПИАНИНО ЧАЛГЪАН КЪАРТИЙ (икяе)

Мен меркезден узакъта яшагъан бири оларакъ университетте окъумагъа башлагъанда чокъусы киби ятакъханеде дегиль де, янгыыз бир къартийнинъ квартирасында киралыкъ одада яшадым. Асылында бу къартий бундан эвель кимсеге оданы кирагъа бермеген экен. Мангъа да тесадуфен берди. Бир кере къомшулары озюнинъ бош бир одасыны кирагъа бермеге истегенлери акъкъында илянны университетнинъ янында аскъан эдилер. Иште, илянны корьгенимнен шу адреске кельдим. Лякин мангъа керек олгъан квартирада бош ода артыкъ кирагъа берильгени ичюн, мен, не бермеген Алла деп, янаша квартира къапысынынъ зилини чалдым. Бираздан кимдир къапы артында мени соргъугъа чекти — ким олам, нечюн бу ерге кельдим — таныш олмагъан

© Сейран Сулейман

кимсеге эр шейни олгъаны киби анълатмагъа меджбур олдым. Ниает, баягъы яшта олгъан чал сачлы къартий къапыны ачкъан сонъ, айретте къалдым: омюримде корьмеген бу къартийнинъ квартирасында къалмакъ ихтималы мени башта къоркъутты. Тенинде тен, джанында джан къалмагъан насылдыр худжур бир къартий эди. Юзю бурюш-чюрюш, къолларында мораргъан дамарлары корюне, ешилтим козьлери исе ичинъни тешип кече. Онъа бир кереден шубенен бакъмагъа башладым. Лякин бир мудеттен сонъ озюмни къолгъа алдым. Къарт адамдан къоркъаджаммы ёкъса? Олмайджакъ шей!

Къартий янъгъыз яшагъаны ве кимсеге оданы кирагъа бермегени, лякин манъа бермеге къаршы олмагъаныны ашханесинде чай ичкенимизде хабер этти. Бираз экиленген сонъ одасында къалмагъа разы олдым. Сессия башланды, бир ерде яшамакъ керек. Квартиранынъ кучюк амма темиз ве къынтавлы одасында ерлештим. Къысмет, иште.. Мени энъ баштан шусы шашырды ки, къартий не къадар орьселенген ве худжур корюнгенине бакъмадан, даима хош ве муляйим лаф эте эди. Базан окъувдан кейфиз къайткъанымда, о, анданмындан сёз ачып, илле кейфимни котере, мени насылдыр рухландырмагъа истей эди. О юрюш-турушынен кимнидир хатырлата эди, амма кимни — бу суальге башта джевап тапалмай эдим. Сонъра бир къач йыл эвельси Джон Патрикнинъ «Къыйметли Памела» спектаклини бакъкъанымны, баш къарамаман — ихтиярлашкъан, хорлангъан амма умюдини джоймагъан Памела Кронки тамам «меним» къартийимни анъдыргъаны фунтума урды.

Къартийнинъ эвинде эки килимден гъайры чокътан-чокъ китаплар, эски пластинкалар ве бир джарты пианино бар эди. Китаплар о къадар чокъ эди ки, олар о якъ бу якъта аякъ астында десте-десте яткъанына ачувлана эдим. Лякин базы китаплар манъа окъув девамында ярдымджы олдылар. Китапларны ачкъанда базы саифелернинъ четлери букюльгени, базы ерлерде къарандашнен къайдлар япылгъаны дикъкъатымны чекти.

Эр кунъ квартирагъа акъшам устю къайта эдим. Ве эр вакъыт ашханедеки кучюк софра мени сыджакъ шорба, отъмек, чай ве алма беклей эдилер. Киралангъан ода парасыны бериркен, базада ашы-сувы ичюн бираз зиядедже пара къошып бермеге истегенимде, о: «Сен яшсынъ, осьмек керексинъ, адамгъа аш бермек савап иштир, къасевет этме» — дер эди муляйим сесле. Бир кунъ исе, татильге кетмезден эвель, къартийге къаранфиллер алып кельдим. О бу къаранфиллерге бала киби къуванып, гульдестени чечек савутына ерлештирип, одасында тургъан пианинонынъ устюне, дюльбер бир ханымнынъ портрети янына къойды.

Эртеси куню чантамны азырлап, онынънен сагълыкълашмакъ ичюн янына кельдим. О исе: «Билесинъми, отуз йыл эвельси шеэримизнинъ энъ буюк залында Шопеннинъ вальсини сонъки кере чалгъанда мухлислеримден бири айны бойле къаранфиллер багъышлагъан эди. Шимди о кунни хатырладым. Санки тюневин олгъан шей. Амма отуз йыл артта къалды. Бугунъ о залнынъ эльчырпмаларыны, о адамларнынъ хош тебессюмлерини сагъынам» — деди. Шу анъ юзюнде биринджи кере эфкъар ве къайгъы корюндим. Оны эфкъарлы тюшюнджелерден узакълаштырмакъ, юрегини котермек ичюн пианино чалмасыны риджа эттим. «Мен... мен чокътан берли пианино чалмадым, энди эр шейни унуткъаным» — деди о. Мен пианинонынъ янына келип, устю

йылтырагъаныны, демек о эр кунь темизленгенини анъладым. «Пианино сизни сагъынды» — дедим онъа.

Къартий яваштан турып, пианино башына кечип отурды. О, козьлерини къапатып, бурюшик пармакъларынен квалишлерге баскъан сонъ оданынъ ичини насылдыр муджизевий аэнклер къаплап алды. Талгъын-талгъын чалынгъан иляхий музыкагъа айран къалдым ве агъыз ачып динъледим. Мени биринджи куню озюнинъ тыш корюнишинен къоркъуткъан бу аджайип къадын омюримде корьген энъ истидатлы ве меаретли пианоджы олгъандыр. Аэнклер сускъан сонъ оны эльчырпмаларнен алгъышладым. Козьлеринден кедер пердеси артыкъ чекильгенини корьдим.

Биз къартийнен сагълыкълаштыкъ ве мен озь эвиме къайттым. Бир къач айдан сонъ узун татиллер де битти. Татиль биткенинен шеэрге келип, кене къартийнинъ квартирасына ашыкътым. Таныш къапынынъ зилини чалдым. Кимсе джевап бермеген сонъ къапыны пармагъымнен баягъы къакътым. Бираздан къомшу квартирадан бир деликъанлы чыкъып: «Къапыны къакъмангъыз. Анда кимсе ёкъ. О ерде яшагъан къартий эки ай эвельси вефат этти» — деди. Бу сувукъ хаберден таш кесильдим, юрегим парча-парча олды.

Арадан чокъ йыллар кечти. Къартийнинъ хош тебессюмини, меним ичюн чалгъан шахане нагъмелерини сыкъ-сыкъ хатырлайым. О, омюримде тесадуфен расткельмеген олса керек.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Сергей Богачёв , г. Москва	
Судьба (Из книги «Донецкие повести»)	3
Сергей Прохоров , п. Нижний Ингаш Красноярского края	
Прерванный полёт. Рассказ.....	14
Ирина Щербина , г. Москва – г. Щёлкино, Крым	
Большие и сладкие. Рассказ	19
Сергей Хоршев-Ольховский , г. Лондон, Великобритания	
Про кашне и растворимый кофе. (Из цикла «Британские рассказы»).....	22
Наталья Мелёхина , г. Вологда	
По заявкам сельчан. Рассказ	26
Александр Пономарёв , г. Липецк	
Петер и Клаус. Рассказ	34
Ленора Сеит-Османова , г. Симферополь, Республика Крым	
Одуванчик. Рассказ.....	39
Александр Селивёрстов , г. Красноярск	
Бракованные люди. Рассказ	42
Марина Шамсутдинова , г. Щёлкино, Крым	
Сказка про ёжиков. Рассказ.....	46
Татьяна Окоменюк , г. Франкфурт-на-Майне, Германия	
Берлин – Орловка – Берлин (Окончание). Ответ из Орловки в Берлин коту Мартыну. Рассказ.....	48
Валентина Яровая , г. Щёлкино, Крым	
Неожиданное знакомство (Отрывок из романа «Зов»).....	52
Татьяна Андреева , г. Вологда	
Люсино счастье. Рассказ	56
Андрей Дмитрук , г. Киев, Украина	
Ангедония. Рассказ-видение	62

ПОЭЗИЯ

Равиль Валеев , г. Алушта, Крым	
Стихи	72
Владимир Миронов-Крымский , г. Ялта, Крым	
Стихи	78
Нина Плаксина , г. Щёлкино, Крым	
Венок сонетов	87
Алексей Лавронов	
Стихи	95
Ирина Сазонова , г. Ростов-на-Дону	
«Крымские этюды». Стихи	98
Давид Кудыков , г. Лондон, Великобритания	
Стихи	105
Виталий Шнайдер , г. Ганновер, Германия	
Стихи	108
Сергей Викман , г. Ганновер, Германия	
Стихи	112

Сергей Кривонос , г. Сватово Луганской области, Украина	
Стихи	116
Елена Попова-Люк , Россия – США	
Стихи	123
ПУБЛИЦИСТИКА	
Татьяна Лычагина , г. Минск, Республика Беларусь	
Блистательный черноморец из Дубровно.....	124
Галина Рудь , г. Москва	
Мне имя — Марина	132
Камиль Зиганшин , г. Уфа	
Коварный Аконкагуа.....	139
ДРАМАТУРГИЯ	
Владимир Попов , г. Химки Московской области	
Завидный жених. Романтическая комедия в двух действиях	156
ПЕРЕВОДЫ	
Станислав Ли , г. Алматы, Республика Казахстан	
Стихи.....	194
Лилия Ф. Попова , Норвегия – Крым, Россия	
Басни Мартина Лютера	198
АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ	
Ярослав Гончаров , г. Симферополь, Крым	
Мой старый капитан. Песня	209
Сергей Леонтьев , Московская обл.	
Крест и полумесяц. Песня	211
Валентина Магер , г. Щёлкино, Крым	
Лодочка. Песня.....	213
ГОСТИ ЖУРНАЛА	
Союз писателей Дагестана	215
Магомед Ахмедов г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия	
Стихи.....	217
Марина Ахмедова , г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия	
Стихи.....	223
Шейит-Ханум Алишева , Республика Дагестан, Россия	
Стихи.....	230
Сувайнат Кюребекова , Республика Дагестан, Россия	
Стихи.....	238
Гамзат Изудинов , г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия	
Стихи.....	246
Зульфикар Кафланов , г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия	
Стихи.....	252
Анастасия Дзали Ани , г. Дербент, Республика Дагестан, Россия	
Я вернусь! Рассказ.....	256

УКРАЇНОМОВНИЙ РОЗДІЛ

Фотя Вітрило, Україна

Асоціації. Оповідання 278

Микола Балицький, м. Сімферополь, Крим, Росія

Срібна ваза. З циклу «Не дитячі розповіді про дітей» 283

Віра Кириченко, м. Ялта, Крим, Росія

Муки сумління. Оповідання для дітей 287

Лідія Огурцова, м. Сімферополь, Крим, Росія

Вірші. 290

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ РАЗДЕЛ

Зейнеб Ибраимова

Назм 296

Сейран Сулейман

Пианино чалгъан къартий. Икяе 298

ISBN 978-5-9908730-8-7

Дизайн обложки — Александр Иванченко
Вёрстка — Наталья Кондакова

Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная 80^г/_м².
Печать офсетная. Усл. п. л. 26,60

Издатель Валерий Басыров

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Республике Крым и городу Севастополь:
серия ПИ № ТУ91-00126 от 24 марта 2015 г.

© Оригинал-макет и вёрстка подготовлены в ООО «Издательство “Доля”»:
295022 г. Симферополь, ул. Виноградная, 22. E-mail: vbasyrov@mail.ru